

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№1
2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 1/2022

Является сетевым СМИ
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:
Экономические: 5.2.1. Экономическая теория
Социологические: 5.4.2. Экономическая социология
Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Отв. секретарь А.И. Волынский

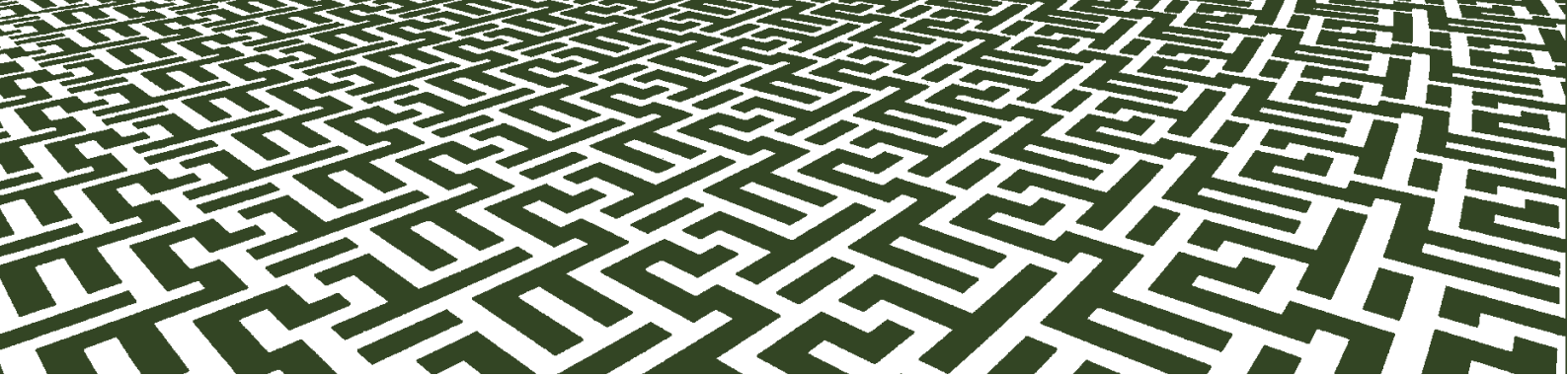
Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева
О.И. Ананьин	<i>зам. гл. редактора</i>
М.Р. Байсингер (США)	В.С. Мартьянов
А.Е. Варшавский	В.Ю. Музычук
М.И. Воейков	Р.М. Нуреев
<i>зам. гл. редактора</i>	А.Н. Олейник (Канада)
Г.Д. Гловели	Н.М. Плискевич
Р.С. Гринберг	<i>зам. гл. редактора</i>
В.Е. Дементьев	Л.И. Полищук
А.П. Заостровцев	В.М. Полтерович
<i>зам. гл. редактора</i>	Т.Ф. Ремингтон (США)
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова
	<i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com
© Вопросы теоретической экономики, 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **Methodology of economic science**
- **From theory to economic policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

Nº1
2022

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 1/2022

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	R.M. Nureyev
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	A.N. Oleinik (Canada)
G.D. Gloveli	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
R.S. Grinberg	L.I. Polishchuk
V.E. Dementiev	V.M. Polterovich
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	T.F. Remington (USA)
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com
© Voprosy teoreticheskoy ekonomiki, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- А.Е. Шаститко, А.А. Моросанова, О.А. Маркова**
Экономика внимания: вопросы применения 7
- А.А. Аузан, Я.Д. Лепетиков, Д.А. Ситкевич**
Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику
институциональных изменений 24

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

- В.М. Полтерович**
На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов ... 48

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

- К.Э. Яновский**
Пандемия COVID-19: Как правительства старых демократий принимали решения 58
- С.В. Жаворонков, В.В. Новиков, А.А. Прощенкова**
Тридцатилетие реформ: Опыт petrostate на постсоветском пространстве 74

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

- А.А. Курьшева**
Исследовательская традиция институциональной школы и прагматистский подход 89

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Н. Медушевский**
Демократические и олигархические тенденции в большевистской революции: генезис
советской рабочей бюрократии 102
- А.В. Оболонский**
Человеческий фактор в государственном управлении периода транзита
в свете концепций новой институциональной теории 126
- Т.А. Баженова**
Работа правоохранительных систем в социально-экономическом контексте: анализ
динамики результативности с помощью метода DEA 146

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- С.А. Братченко**
Качество государственного управления при Иване III и его преемниках (1462–1606 гг.) 163

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- А.П. Заостровцев**
В поисках «Оков для Левиафана» (О книге Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона
«Узкий коридор») 186

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

- A. Shastitko, A. Morosanova, O. Markova**
Applicability of Attention Economics 7
- A. Auzan, Ya. Lepetikov, D. Sitkevich**
Track and Pendulum: Impact of the Past Dependence Problem on the Dynamics
of Institutional Change 24

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

- V. Polterovich**
On the Way to a General Theory of Socio-Economic Development: Towards the Synthesis
of Two Canons 48

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

- K. Yanovskiy**
How Old Democracies' Governments' Decision Making Has Worked in Case of COVID-19
Responses' Choice 58
- S. Zhavoronkov, V. Novikov A. Proshenkova**
Thirty Years of Reforms: Petrostate Experience in the Post-Soviet States 74

HISTORY OF THOUGHT

- A. Kurysheva**
Institutional Economics: Adopting Pragmatist Approach 89

INTERDISCIPLINARY STUDIES

- A. Medushevsky**
Democratic and Oligarchic Trends in the Bolshevist Revolution: The Genesis of the Soviet
Labor Office 102
- A. V. Obolonsky**
Human Factor in Governance during Transit Times in a View of New Institutionalism
Concepts 126
- T. Bazhenova**
Cross-Country Comparisons of the Performance of Law Enforcement Systems
in a Socio-Economic Context: Analysis of Dynamics Using the DEA Method 146

ECONOMIC HISTORY

- S. Bratchenko**
Quality of State Governance under Ivan III and His Heirs (1462–1606) 163

SURVEYS & REVIEWS

- A. Zaoztrovtssev**
In Search of «Shackles for Leviathan» (About the Book by Daron Acemoglu
and James Robinson «Narrow Corridor») 186

А.Е. Шаститко

д.э.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

А.А. Моросанова

н.с., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, н.с., Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

О.А. Маркова

ассистент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, м.н.с., Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

ЭКОНОМИКА ВНИМАНИЯ: ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ¹

Аннотация. Целью данного исследования является определение возможностей использования инструментария экономики внимания для определения продуктовых границ рынков в целях применения антимонопольного законодательства. Для этого в статье раскрыты основные понятия экономики внимания, а также допустимые способы измерения внимания. Показано, что внимание можно определять скорее как ограниченный ресурс, нежели как деньги или товар. На примере рынков социальных медиа мы показываем, что применение инструментов экономики внимания для целей анализа рынков с платформами возможно, но не дает каких-либо существенно новых выводов; а объединение всех цифровых рынков в один связан с логической ошибкой, что в результате может приводить к ошибкам в правоприменении и не должно применяться в антимонопольных разбирательствах. Наиболее перспективным применением положений экономики внимания выступает их использование для анализа деятельности экосистем, в частности, с целью раскрытия логики принятия управленческих и инвестиционных решений.

Ключевые слова: границы рынка, социальные медиа, платформы, брокер внимания, экономика внимания, экосистемы.

JEL: D91, K21, L40.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_7_23.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

В XXI в. вопросы сбора, обмена и доступа к данным и информации стали неотъемлемой частью обсуждения вопросов конкуренции на многих рынках и отраслях, что стало подспорьем для развития экономики внимания (*economics of attention*)², поскольку в мире с большими массивами доступной информации ограниченным ресурсом оказывается человеческое внимание. Соответственно, обостряется конкуренция за внимание, поскольку за ним далее стоят деньги. Отдельно в экономике внимания обсуждаются так называемые «платформы внимания» (*attention platforms*) (или «брокеры внимания»). Среди таких платформ — относительно небольшие газеты, телевизионные каналы и журналы, и крупные международные интернет-гиганты (например, Google, Facebook и другие). Платформы внимания предоставляют своим пользователям разнообразный контент и получают в результате возможность привлечь внимание потребителей к показываемой рекламной информации, за размещение которой платят рекламодатели.

Хотя при обсуждении основ бизнеса крупных интернет-гигантов идея конкуренции за внимание лежит в основе объяснения появления платформ внимания и особенностей их функционирования, тем не менее, в современной теории отраслевых рынков и антимонопольной политике концепция внимания пока не стала рабочей. В данной статье рассматриваются возможности использования экономики внимания в составе инструментария теории отраслевых рынков и антимонопольного регулирования в части определения границ рынков. Для этого мы сначала определяем основные элементы экономики внимания (первый раздел), далее рассмотрим возможности использования концепции внимания при определении границ релевантных рынков (второй раздел). Далее остановимся на ранее неисследованном вопросе о возможности использования инструментария экономики внимания для определения границ рынков с платформами и рынков с экосистемами (третий раздел).

1. Экономика внимания. Основные подходы и определения

Первоначально внимание выступало предметом анализа исключительно в медицине и естественных науках (преимущественно в биологии). Согласно словарю методических терминов, «внимание — это форма психической деятельности, сосредоточенность субъекта в данный момент времени на каком-либо реальном или идеальном объекте (предмете, событии, образе, рассуждении и т. д.)». И лишь относительно недавно термин «внимание» начал использоваться в экономической науке. Первопроходцем в этом направлении можно назвать Герберта Саймона, который заметил, что ограниченная рациональность (*bounded rationality*) потребителей может быть связана с несовершенным вниманием потребителей (*limited attention*) [*Simon, 1947; Festre, Garrouste, 2015*].

В настоящее время концепцию внимания активно используют в исследованиях по поведенческой экономике, макроэкономике, финансах, экономике общественного сектора и теории отраслевых рынков [*Gabaix, 2019*]. Тем не менее, все эти исследования объединяет общая постановка исследовательского вопроса: исследователи используют предпосылку о наличии невнимательности и рассматривают последствия наличия данного феномена.

Между тем, например, в теории отраслевых рынков и антимонопольной политике само внимание на рынках и в отраслях потенциально может выступать объектом исследования. Однако для этого требуется разобраться, к какой экономической категории можно отнести внимание. Для этого рассмотрим сначала, как именно внимание появляется в транзакциях с участием экономических агентов.

² Здесь и далее под «экономикой внимания» мы понимаем набор представлений об ограниченном внимании, а также о его влиянии на решения экономических агентов.

Транзакции между экономическими агентами с участием внимания

В экономике внимания определение рынков начинается с потребителей (или зрителей), которые уделяют свое время и внимание «в обмен на контент, который их развлекает или информирует» [Evans, 2020]. Эта сторона рынка не является транзакционной: по факту зрители не участвуют в наблюдаемых платформой целевых транзакциях. С другой стороны, имеется другая группа — «ищущие внимания» (например, рекламодатели), которые «покупают» внимание, что позволяет им «доставлять информацию, которая увеличит их продажи и прибыль» [Evans, 2020].

Между двумя сторонами имеются «посредники внимания» [Newman, 2019], или «брокеры внимания» [Wu, 2017] — платформы. Платформы продают зрителям, как правило, бесплатный развлекательный или информационный контент, чтобы привлечь их внимание и время. С другой стороны, платформа «перепродаёт его за деньги» рекламодателям [Wu, 2017]. Конечные потребители внимания — это рекламодатели. Эванс [Evans, 2020] описывает рынки внимания через время: он предполагает, что внимание потребителей одинаково ценится рекламодателями. При этом наличие убывающей отдачи от производства контента у посредников внимания и «продажа рекламы ограничивает размер платформ». Таким образом внимание фигурирует во взаимоотношениях платформы с разными сторонами: между рекламодателями и зрителями с одной стороны, и платформой — с другой, а также между авторами контента и рекламодателями. Рассмотрим транзакции на рынках с участием внимания.

Во взаимоотношениях между платформой и рекламодателем предлагаемые возможности трансляции потенциальным потребителям фирмы-рекламодателя информационного сообщения выступают предметом договора. Эта услуга обменивается на деньги. Для решений рекламодателей важно количество времени, проведенное на ресурсе, где демонстрируется их реклама (или общее/частное время просмотра самой рекламы), а также трансформация просмотра рекламы в продажи товаров и услуг — эти составляющие напрямую связаны со вниманием, которое пользователи уделяют платформе.

При этом для рекламодателей имеет значение качество внимания потребителей: только активное внимание к (1) просматриваемому контенту и (2) к самой встроенной рекламе может привести к цели рекламодателя — заинтересованности в покупке предлагаемого товара или услуги. Для этого информация в рекламном сообщении должна пройти «три фильтра» [Кобринский, Майминас, Смирнов, 1982; Шаститко, 2007]: синтаксический (информация может быть «прочитана» пользователем), семантический (зритель может понять информацию) и прагматический (информация должна быть оценена зрителем на предмет ее полезности).

При размещении рекламы на любой из платформ ни одна из сторон не может точно оценить, как именно просмотр рекламы и в какой мере скажется на продажах компании, поэтому в договорах между рекламодателями и платформами используются универсальные параметры, которые могут быть связаны с эффективностью рекламы. Вот почему одним из таких параметров является время, проведенное пользователями на этой платформе. В этом случае показатель времени выступает в роли инструмента, параметра, определяющего контрактную основу на рынке рекламы.

Внимание, по сути, неоднородно, оно может принимать две противоположные формы: целенаправленное внимание (произвольное, активное) и внимание, управляемое скорее рефлексом, но не намерениями (непроизвольное, пассивное) [Corbetta, Kincade, Ollinger, McAvoy, Shulman, 2000]. Сферы, которые рассматривают внимание как некоторый ресурс (медиа), «финансово зависят от того, удастся ли им захватить не просто внимание, а нужные объемы внимания» [Почепцов, 2017], а также будет ли это внимание активным. Подобный подход формирует условия денежных отношений/контрактов между рекламодателями и платформой или владельцами контента, так как от популярности контента/

платформы зависит и объем просмотренной рекламы, а также то, какое именно внимание (активное или пассивное) будет уделено такой рекламе.

Наиболее широко отношения между рекламодателями и платформами раскрыты в работах популяризатора положений экономики внимания и одновременно одного из лидеров «хипстерского антитраста» в США Тима Ву (Tim Wu). Он рассматривает экономику внимания неотделимо от отрасли связи, СМИ и любой рекламной деятельности. Его исследования, главным образом, сосредоточены на проблеме образования крупных или монопольных компаний в отрасли связи/СМИ/Интернета. Тим Ву раскрывает опасности такого положения, так как крупные компании могут воспользоваться вниманием пользователей: «Кража внимания происходит тогда, когда ваше время и внимание забирают без вашего согласия» [Wu, 2017b].

В отношениях между зрителями (потребителями) внимание образуется на стороне зрителей, и они в обмен на возможность потреблять контент смотрят рекламу, а также, в большинстве случаев, предоставляют платформе доступ к персональным данным. Предметом договора между зрителем и платформой становится контент, который обменивается на внимание к рекламе. В результате внимание становится своеобразным средством оплаты, сходным с деньгами, а не с товаром, однако тоже не без оговорок.

Ещё одна из сторон, которая может привлекать внимание потребителей к информационным сообщениям рекламодателей, — создатели (авторы) контента. Эта сторона может быть вертикально интегрированной (тогда платформа самостоятельно производит контент) или закупать на рынке контент, но также может привлекать создателей контента за счет возможности монетизировать загрузку контента через включение рекламных сообщений. Кроме того, авторы контента могут проводить монетизацию через включение рекламных сообщений напрямую в контент — в обход платформы. В таком случае зрители передают внимание авторам контента через платформу, но покупка внимания (через показ рекламы) происходит в сделке между автором контента и рекламодателем. При этом рекламодатели выбирают авторов контента на основе оценки их аудитории и ее пересечения с группами потенциальных потребителей. Вот почему рекламодателям также оказывается важным, кто именно смотрит их рекламные сообщения. Внимание может быть связано с типом контента, что может определять решения разных сторон на платформе.

Внимание как экономическая категория

В вопросе о том, что именно представляет собой внимание в транзакциях, возникают разногласия: внимание рассматривается и как фиктивный товар, и как деньги или ресурс.

С товарами внимание объединяет то, что платформы внимания обменивают полученное у пользователей внимание на деньги. Тем не менее, утверждать, что внимание в полной мере является товаром, нельзя. Во-первых, оно не создаётся для продажи и уж тем более не относится к категории объектов гражданских прав (что важно в свете определения товара в статье 4 российского закона «О защите конкуренции»). Немаловажно, что внимание не может быть произведено, а может лишь быть привлечено, что также указывает на то, что внимание не является товаром.

Потребители «обменивают» свое активное внимание к информационным сообщениям на тот продукт, который они хотели бы потребить (например, на просмотр видео или чтение статьи). В таком случае взаимодействия между экономическими агентами в части привлечения и использования внимания можно было бы сопоставлять с финансовым сектором, где внимание будет выполнять роль денег, а СМИ или социальные сетевые медиа — роль биржи и брокеров. В частности, Георг Франк (Georg Franck) утверждал, что «в экономике внимания функции медиа точно те же, что у банков и бирж в денежной экономике» [Franck, 2019]. В его другой работе указано, что «внимание становится валютой, когда оно является, подобно деньгам, сопоставимой системой эквивалентности, поддающейся количественной оценке

и измерению, например, в форме показателей тиража, рейтингов аудитории, показателей продаж, числа просмотров, лайков, загрузок, подписчиков и т. д.» [Franck, 2005; Милкова, 2020].

Хотя внимание и обладает схожими с валютами характеристиками, оно не обладает функцией накопления. «Внимание нельзя потратить позже во времени» [Wu, 2017a], или отложить. Отсюда вытекает и еще одно немаловажное свойство — внимание потребителя тратится постоянно (естественно, учитываются только время «в сознании»), он не может остановить этот процесс. Поэтому в ситуации, если один из каналов привлечения внимания (например, цифровая платформа) исчезнет, индивид обязательно потратит свое внимание на что-нибудь еще, и необязательно на другую цифровую платформу.

Еще один подход к определению внимания — через рассмотрение его как ресурса предложил Майкл Голдхабер [Goldhaber, 1997], который рассматривал гипотетическую ситуацию, при которой экономика полностью освобождается от производственных издержек, поэтому внимание остаётся главным, и единственным значимым ресурсом). В таком случае экономика внимания полностью противопоставляется экономике информации, а современный этап Майкл Голдхабер характеризует как переходный («временная экономика внимания»). Тем не менее его концепция, является скорее некоторым мысленным экспериментом, который требует достаточно нереалистичных предпосылок: «У внимания есть свое собственное поведение, своя динамика. Экономика, построенная на нем, будет отличаться от обычной экономики, построенной на материальных объектах» [Goldhaber, 1997].

Тем не менее, предложенный Майклом Голдхабером подход к рассмотрению внимания как ограниченного ресурса оказывается более релевантным по сравнению с соотношением внимания с деньгами или товарами. Так, при избытке информации и её источников в цифровом мире, вероятность уделить внимание какой-то конкретной её части становится все меньше — что свидетельствует об ограниченности внимания. Сосредоточившись на каком-то одном информационном сообщении, мы начинаем уделять наше внимание этой информации, и не можем «потратить» его на что-то еще. Также пользователь может тратить внимание преднамеренно или непреднамеренно. В итоге в мире, где информации производится больше, чем человек когда-либо может потребить, возникает дефицит внимания, который нарастает с увеличением объемов доступной информации [Goldhaber, 1997].

Дробный [Drobny, 2019] выделил основные характеристики, которые определяют внимание как дефицитный ресурс:

- 1) внимание всегда направлено «на что-то или на кого-то»;
- 2) внимание имеет физические и временные ограничения, связанные с работой мозга;
- 3) внимание «отбирает информацию», используя сознательно или неосознанно принимаемые решения [Wu, 2017a];
- 4) внимание «влияет на решения и поведение людей в контексте рыночного обмена» [Goldhaber, 1997].

Всё это позволяет говорить о том, что внимание может быть рассмотрено как ограниченный ресурс, который потребитель не может не тратить на преднамеренные или непреднамеренные объекты интереса, однако он может обменивать его часть на те услуги, которые ему требуются. Более того, внимание стало «одним из самых важных ресурсов» [Sunstein, 2018].

С появлением на рынке крупных цифровых платформ, которые в том числе продают рекламодателям возможность привлечь внимание потребителей транслируемым рекламным сообщением, начала рассматриваться идея анализа границ товарных рынков через внимание пользователей. Мы рассмотрим подробнее, в каких случаях инструментарий экономики внимания может быть использован для целей определения границ релевантных рынков, а в каких могут появляться ложные выводы относительно продуктовых границ.

2. Использование инструментария экономики внимания при определении продуктовых границ рынков

Несмотря на то, что внимание является составной частью сделок между сторонами, практическое применение эта концепция в отношении определения границ рынков не нашла, что может быть связано с несколькими особенностями.

- ▶ У исследователей возникает сложность с измерением внимания, что необходимо, если всерьез рассматривать анализ границ релевантных рынков через концепцию ограниченного внимания.
- ▶ В экономике внимания упускается процесс создания контента и особенности его потребления зрителями, однако именно потребительский выбор лежит в основе определения взаимозаменяемости для потребителей продукта, который предлагает платформа.

Рассмотрим подробнее данные особенности.

Измерение внимания

Для целей анализа продуктовых границ товарных рынков требуется понять, как внимание может быть измерено: это необходимо как при опросе потребителей при выделении групп взаимозаменяемых продуктов, так и при исследовании условий договоров между сторонами на рынках, где функционируют платформы внимания. Можно выделить ряд различных показателей, которыми прямо или косвенно можно измерить внимание аудитории к тому или иному явлению, платформе.

Одним из наиболее явных показателей внимания является показатель времени, проведённого на том или ином ресурсе/сайте/СМИ и т. д., так как благосостояние потребителей может напрямую зависеть от того, сколько времени они провели на платформе (чем выше количество проведённого времени, тем выше потребительское благосостояние) (см. например, [Evans, 2019]). Тем не менее, кроме качества и количества (разнообразия) контента, пользователям также важна скорость, с которой они могут найти информацию: это подтверждает то, что платформы стараются изменять алгоритмы поиска паросочетаний (мэтчинга) и рейтингования результатов поисковой выдачи для ускорения получения пользователями искомой информации или контента. Это верно в первую очередь для поисковых платформ, однако похожими алгоритмами поиска пользуются также видеохостинговые и другие платформы. В результате, с одной стороны, платформы хотят привлечь внимание пользователей на долгое время, а с другой — они оптимизируют алгоритмы поиска, чтобы уменьшить время, затрачиваемое зрителями, которые ищут информацию [Lenard, 2019].

Другой подход к измерению внимания на примере сферы научных исследований предложил Георг Франк — через индексы цитирования. Так как число цитирований определяет значимость исследователя в научной сфере, то цитирование и становится той самой платой за использование знаний и информации других исследователей. Для платформ внимания аналогом этого показателя могут быть репосты и лайки пользователей. Тем не менее, у данного показателя есть недостаток — пользователь после потребления контента (и уделив ему активное внимание) может не совершить никаких дополнительных действий с этим контентом, так как дополнительные действия могут требовать усилий. В результате подобный прокси показатель внимания будет недооценивать внимание пользователей.

Альтернативный подход к оценке внимания можно заимствовать из маркетинга в социальных сетях (SMM) или приложений, где используется широкий арсенал показателей для оценки популярности того или иного ресурса, которые включают в себя и косвенную оценку внимания. Например, такими показателями являются:

- ▶ Activation — доля пользователей, которые совершили некоторое целевое действие (указывающее на вовлечение в продукт/ресурс);
- ▶ Retention — доля пользователей, возвратившихся на ресурс/приложение (и на какой период времени приходится это возвращение после первого захода);
- ▶ также не стоит исключать из целей исследования экономики внимания такие «общие» показатели, как количество посещений/просмотров/визитов; количество уникальных посетителей; количество подписчиков; количество лайков/реакций/комментариев и т. д. Эти показатели могут служить весами для коррекции временных показателей внимания. Также они могут выступать в качестве единиц измерения внимания сами по себе, примерами могут служить следующие типы исследований: «анализ дискурса в социальных сетях и моделирование семантических связей, анализ новостных сообщений, анализ научных публикаций, патентный анализ, анализ биометрических данных и др.» [Милкова, 2020].

Тем не менее, отсутствие единого подхода и наличие в этих подходах смещений (в виде переоценки и недооценки) в оценке внимания может затруднять использование инструментария экономики внимания при определении продуктовых границ релевантных рынков.

Создание контента на платформе

Согласно экономике внимания, центральным при возникновении сделок с участием внимания является т. н. «мёд» — это услуга или контент, который привлекает пользователей. Платформа находится между «денежным рынком, с одной стороны, и рынком внимания — с другой» [Wu, 2017a]. Роль платформы в данном случае заключается в привлечении пользователей за счет создания или привлечения контента и назначения цены на «мёд» [Drobny, 2019]. Чтобы охват был максимальным, устанавливается нулевая цена. Для того, чтобы привлечь больше потребителей (зрителей), платформа стремится создать контент, который будет ценен потребителям (или привлекает тех, кто этот контент создаст). Если все платформы назначают нулевые цены для потребителей (зрителей), контент («мёд») становится ключевым аспектом конкуренции между платформами. Поэтому платформе так важно предоставлять разнообразный и качественный контент.

Эванс [Evans, 2020], как и почти все исследователи экономики внимания, делит рынок на сторону покупателя (платформы приобретают время у потребителей) и сторону продавцов (платформы продают время пользователей рекламодателям). На рис. 1 схематически изображено видение взаимодействия YouTube с разными группами пользователей, в которых сама платформа выступает в качестве «брокера внимания», через призму экономики внимания. Важно отметить, что в таком случае из фокуса внимания выпадают владельцы контента и соответствующие вопросы появления контента на платформе.

Необходимо учитывать, что на платформе есть два типа зрителей: с платным и бесплатным аккаунтом, и только последние платят своим вниманием при просмотре рекламы за пользование платформой. Внимание к рекламе на платформе изначально будет пассивным, вынужденным вниманием для потребителей. Но если по какой-то причине сама реклама заинтересует зрителя, внимание станет активным, и именно активное внимание чаще всего трансформируется в покупку.

Внимание пользователя с контента переходит на рекламу, размещенную на платформе. Таким образом, внимание обменивается, а не извлекается.

Кроме того, так как «рынки внимания» по определению понимаются как двусторонние (потребители, рекламодатели, а между ними платформа) [Evans, 2020], получается, что они имеют место только там, где есть реклама и рекламодатели (или иные деятели, заинтересованные в продаже «своих идей», например, политики). Между тем «спрос на размещение рекламных сообщений и предложение контента взаимозависимы» [Evans, 2019]. Более

того, схема монетизации деятельности платформы через предоставление доступа рекламодателям для размещения рекламы в контенте не является универсальной в интернете, кроме того, некоторые компании совмещают несколько форм оплаты (предлагают пользователям меню контрактов). Если понимать это определение достаточно буквально, то получается, что экономика внимания не рассматривает платформы, которые сами производят контент и «не пускают» сторонних рекламодателей на площадку (например, Netflix). С этой же точки зрения, например, нельзя рассматривать рынок почтовых сервисов (Gmail, Яндекс) в отрыве от прочих сервисов, входящих в экосистемы, так как в самом почтовом клиенте, как правило, не содержится рекламы.

Рис. 1. Поток внимания и денежные потоки между сторонами на платформе YouTube с точки зрения экономики внимания
 Источник: составлено авторами.

Кроме того, говорить о том, что контент производится «сам по себе» — неверно, на создание качественного наполнения платформы уходят большие издержки как в денежном выражении, так и во временном. В случае брокеров внимания решение платформ заключается в выборе, создавать контент самостоятельно или привлекать еще одну сторону — владельцев контента. Например, применительно к видеохостинговым платформам, таким как YouTube, несправедливо объединять саму платформу и производителей контента. Безусловно, сама платформа YouTube производит собственный контент, но он составляет мизерный объем от всего объема видео, предоставленного владельцами каналов. Именно с владельцами контента платформа может иметь денежные отношения: за счет показов рекламы в их контенте платформа и получает свой доход.

Другая интерпретация отношений на видеохостинговой платформе с точки зрения экономики внимания возможна, если объединять в одну категорию владельцев контента и его потребителей (зрителей). Однако это тоже не является оправданным шагом для целей анализа структуры и границ релевантных рынков, так как в этом случае, во-первых, будут наблюдаться «потоки внимания» внутри этой группы (зрители, прежде всего, обращают

внимание на сам контент); во-вторых, имеются отдельные денежные отношения между владельцами контента и платформой.

Контент может оказывать влияние на решение пользователей о присоединении к платформе, а также частоте и продолжительности нахождения на ней, что важно с точки зрения анализа границ рынков и их структуры. Однако экономика внимания не рассматривает вопрос о появлении контента на платформах, что позволяет использовать эту теорию лишь в ограниченных аспектах.

Как следствие возникает вопрос, если контент потенциально может влиять на решения потребителей платформ социальных медиа, то можно ли сказать, является ли их продукт субститутом или комплементом продуктам других платформ.

Особенности потребления контента пользователями на примере социальных медиа

Большинство исследований сходится в том, что если социальное медиа является крупным игроком на рынке, значит оно чем-то выделяется из других, и предлагаемый им контент является дополняющим к контенту других медиа, а не субститутом. Например, [Wang, Zheng, 2020] обнаружили, что социальные приложения и ресурсы, которые удовлетворяют различные «психологические потребности» людей, в большинстве случаев дополняют друг друга. Более того, выяснилось, что даже если социальные сетевые медиа удовлетворяют схожие «психологические потребности» индивидов, то всё равно они также будут скорее дополнять, а не заменять друг друга. В результате приложения могут различаться по своим конкретным возможностям и функциям, а также по ориентации продукта и позиционированию на рынке, но, несмотря на это, необходимо исследовать взаимозависимость мобильных социальных приложений в более узких подкатегориях.

Учитывая, что всё больше приложений включают социальные функции и возникают множество типов социальных сетевых медиа, то анализ использования мобильных социальных приложений в подкатегориях становится обязательным. Более того, внедрение нового мобильного приложения медиакомпанией (схожего по наполнению с мобильной версией сайта) не только не снижает спрос на мобильную версию сайта, но даже наоборот, повышает число заходов [Xu, Forman, Kim, Ittersum, 2014]. То есть даже разные формы представления контента с единым содержанием могут дополнять друг друга, а не конкурировать между собой.

Платформы социальных медиа имеют различные технические требования к формату контента, а также обладают различной структурой аудитории (по полу, возрасту и иным социальным характеристикам). В частности, аудитория социальных сетей по полу имеет отличия в гендерном составе в России (Рис. 2) и возрасту³. Вот почему следует ожидать различий в интересах и внимании к определённым постам на тех или иных платформах.

Контент, который будет привлекать внимание целевой аудитории, будет отличаться на различных платформах не только технически, но и содержательно. В исследовании [Smith, Fischer, Yongjian, 2012] показано, как различается контент одних и тех же брендов в зависимости от площадки размещения контента. Например, на площадке YouTube бренды могут демонстрировать товар или услугу напрямую, но как правило, «это скорее вспомогательная, чем центральная роль». Кардинально отличается Twitter, где пользователи охотнее делятся прямыми ссылками на товары или услуги, а также могут комментировать их качество.

Аудитория различных площадок отличается по своим предпочтениям и ожиданиям относительно формата и содержания контента на платформе, что необходимо учитывать владельцам контента и платформе при их публикации.

³ <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021>.

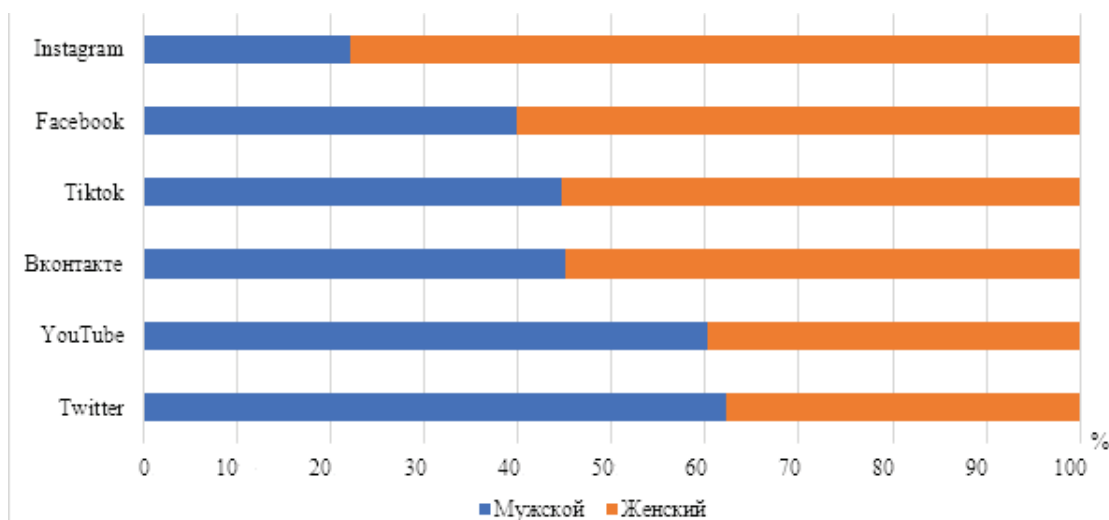

Рис. 2. Сравнение социальных сетей по полу авторов

Источник: Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021.

<https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021>.

Подходы к выделению рынков с использованием инструментария экономики внимания

Несмотря на ограничения, которые инструментарий экономики внимания накладывает на исследователей, ее положения легли в основу рассуждений некоторых исследователей о границах товарных рынков. Эти исследователи предполагают, что если центральным в отношениях между сторонами является внимание, то границы товарных рынков необходимо определять как границы рынков внимания — сферы, которая является отдельной областью экономики для анализа, как и финансовый сектор.

Такого подхода придерживается в своих ранних работах Эванс [Evans, 2013]. Он рассматривает подход, при котором конкурентами за внимание являются все, кто могут его получить. Согласно этому широкому подходу, все социальные сетевые медиа являются взаимозаменяемыми со стороны потребителей, и тот факт, что потребителям требуются разные типы контента, лежит в основе конкуренции между платформами. У платформ есть определенный стимул к укрупнению из-за экономии на масштабе при создании или привлечении контента. Из-за наличия косвенных сетевых внешних эффектов⁴ рекламодатели будут готовы платить больше за рекламное место на крупных платформах. Конкуренция за пользователей вынуждает платформы применять схожие, ставшие популярными новшества на других платформах функции к своему сервису. Это можно заметить и на рынках социального сетевого видеохостинга на примере интеграции вертикальных коротких видео [Шаститко, Маркова, Моросанова, Казарян, Магоня, 2021].

В концепции Web 2.0 уже заложен принцип обязательного социального взаимодействия, что означает, что фактически любой сайт/ресурс/платформа должны предоставлять возможность общения для пользователей и/или наполнения пользовательским контентом. Определять границы рынков социально-сетевых медиа на основании того, что они предоставляют возможность социального общения и взаимодействия ошибочно, так как в большинстве популярных интернет-ресурсов есть такая возможность. Активное внимание пользователей приковывает ресурс, который имеет определённый «вектор», направ-

⁴ Косвенные сетевые внешние эффекты (indirect network externalities) — зависимость полезности одного субъекта, потребляющего благо, от количества потребителей данного блага из другой функционально разнородной группы («до такой степени, что они вполне могли бы действовать как покупатели на отдельных и, на первый взгляд, не связанных товарных рынках») [Шаститко, Маркова, 2020].

ленность и функционал, отличающий, выделяющий платформу/платформы среди других социальных сетевых медиа. Более того, само по себе возникновение схожих с другими сервисами дополнительных функций не означает смену главной специализации ресурса. В противном случае мы наблюдали бы унификацию всех схожих сервисов.

Между тем, сервисы, которые теряют свою уникальность, уходят с рынка. Примером может послужить Vine — сервис для создания коротких видео, который был популярен с 2012–2016 гг. На выход сервиса Vine с рынка повлияло развитие сервисов со схожим функционалом — когда съёмка и показ коротких видео появились и в других сервисах (например, Instagram), Vine закрылся. Для того, чтобы платформа могла конкурировать с другими платформами в цифровом поле и представлять из себя значимого игрока, она должна иметь определённую, отличную от других спецификацию. При этом, как было показано выше, в таком случае потребление контента на такой платформе дополняется потреблением контента на других платформах.

Более подходящим в целях определения продуктовых границ рынков в сфере видеохостинга является подход, предложенный Спенсом [Spence, 2020], который предполагает, что подход Эванса слишком широк, так как, например, Facebook, YouTube и Google не являются заменителями в глазах потребителя. Более того, Ньюман [Newman, 2019] также утверждает, что на рынках, где платформы стараются привлечь внимание (а к ним относят не только цифровые рынки, но также телевидение и газеты) именно контент является центральным в транзакциях с потребителями. Более того, Ньюман предупреждает, что подход, согласно которому все рынки объединяются в один большой рынок внимания, вызван логической ошибкой, связанной с незнанием принципов антимонопольного законодательства. В частности, для того, чтобы включить товары в границы товарного рынка, важны условия, при которых потребители будут согласны на переключение. Включение большого числа фирм как борющихся за внимание потребителей в один рынок может приводить к искусственному занижению рыночных долей отдельных фирм [Franck, 2019], что позволит скрыть неконкурентные действия от внимания антимонопольного органа (источник ошибки второго рода в правоприменении).

Таким образом, использование инструментария экономики внимания при определении границ товарных рынков может быть связано с несколькими сложностями, вызванными различиями в понятийном аппарате. Во-первых, рассматривать внимание как товар в корне неверно. Во-вторых, отсутствие точной метрики внимания затрудняет исследование его роли при определении границ рынков. Например, время, которое пользователь провёл на платформе (как количественная характеристика внимания), может использоваться при оценке эффективности рекламы на рынке рекламы, но само по себе товаром не выступает. Тем не менее, использование времени как характеристики потраченного внимания в данном случае может выступать в качестве универсального и качественного показателя популярности ресурса и быть полезным при оценке положения компании на уже определенном товарном рынке. В результате для целей антимонопольного правоприменения и анализа продуктовых границ товарных рынков, где функционируют потребители контента и его авторы, инструментарий экономики внимания требует значительной доработки.

3. Адаптация инструментария экономики внимания для определения продуктовых границ рынков в целях применения антимонопольного законодательства

Несмотря на недостатки экономики внимания при использовании её для целей определения границ релевантных рынков, её объединение с наработками теории отраслевых рынков в части исследования рынков с платформами потенциально может позволить

использовать данную концепцию в целях применения антимонопольного законодательства. В частности, данная концепция может потенциально быть использована при определении границ релевантных рынков с платформами и экосистемами.

Роль концепции внимания при определении границ рынков с платформами

Инструментарий экономики внимания можно расширить для анализа продуктовых границ рынков при рассмотрении платформ-брокеров внимания для трех сторон, выделив дополнительно сторону владельцев контента.

Выделение стороны владельцев контента обусловлено в том числе следующими факторами:

- ▶ сторона владельцев контента может иметь особые договорные отношения с платформой, включающих монетизацию,
- ▶ на платформе для владельцев контента имеется особый функционал (например, Творческая студия на платформе YouTube), который позволяет работать с контентом прямо на платформе.

Например, в отчете Ofcom сторона владельцев (создателей контента) определяется как «те, кто регулярно публикует и загружает свой собственный контент на социальные платформы видео и получает от этого доход» [Ofcom, 2021].

Владельцы контента также конкурируют между собой за активное внимание зрителей, и именно в этом заключается основной стимул к созданию качественного контента. Контент, в свою очередь, притягивает зрителей, а они — рекламодателей.

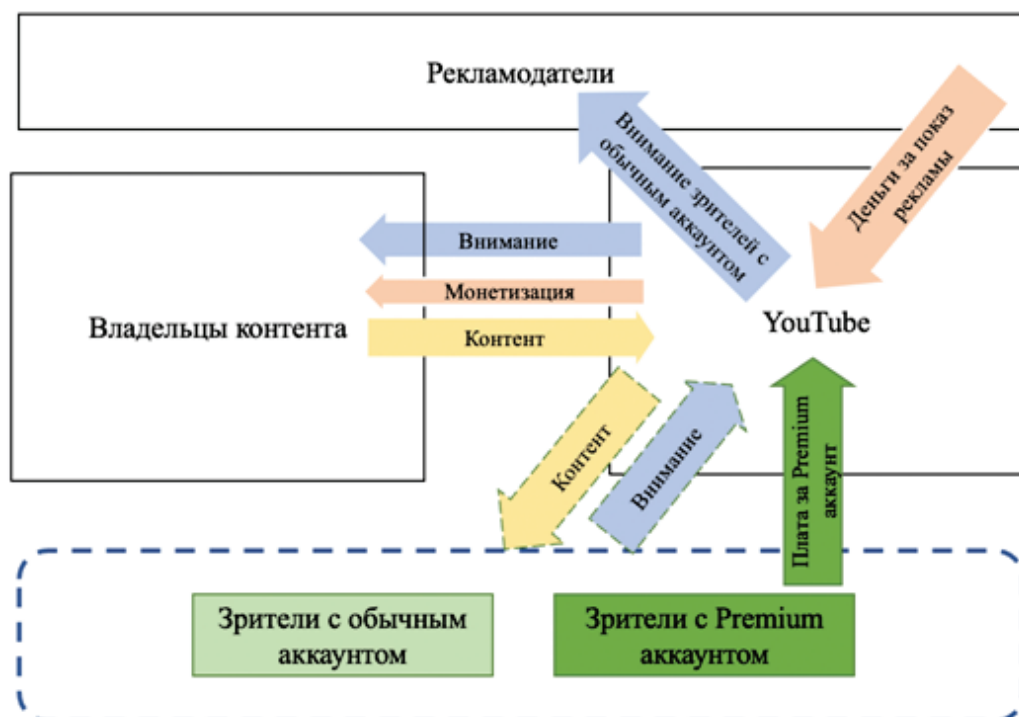

Рис. 3. Поток внимания и денежные потоки между сторонами на платформе YouTube с точки зрения экономики внимания: адаптация для трех сторон на платформе

Источник: составлено авторами.

На схеме видно (рис. 3), как денежные потоки и потоки внимания идут параллельно друг другу, очерчивая отдельные группы пользователей: зрителей с Premium аккаунтом и без, владельцев контента, включавших монетизацию и допустивших рекламу в свой контент и нет. Важно отметить, что использование экономики внимания в составлении схемы, представленной выше, не даёт никаких дополнительных содержательных выводов

относительно определения типа платформы и границ релевантных рынков. Так, можно сделать вывод о том, что рынки внимания могут быть двусторонними или многосторонними, а также брокеры внимания могут действовать на смежных рынках.

Роль концепции внимания при определении границ рынков с экосистемами

Менее исследованным, но тем не менее интересным с точки зрения возможностей применения инструментария экономики внимания для определения границ релевантных рынков выступает вопрос границ рынков при конкуренции между экосистемами. Экосистемы постоянно конкурируют друг с другом за привлечение потребителей к некоторым услугам или их внимание в определенные временные промежутки. Также действительно наблюдается стремление экосистем к поглощению смежных сервисов и выходы на новые цифровые рынки в попытке получить большую долю лояльных пользователей.

Однако, говоря о конкуренции между экосистемами за внимание, нельзя упускать из виду еще один момент. На этом понятийном уровне «конкуренция» идет не только за то внимание и время, которые пользователи уже «привыкли» тратить на сервисы экосистем, а еще за время, которое пользователь тратит на другие занятия: время, которое люди проводят со своими друзьями, семьей, за хобби. Эта конкурентная стратегия называется «стратегией с нуля» (Greenfield strategy). Эта логика может объяснить почему Google инвестирует в дополнительные, побочные виды бизнеса, такие как автомобили с автономным управлением. Беспилотные автомобили смогут позволить людям иметь больше времени, и благодаря этому экосистемы смогут привлечь больше внимания пользователей. Эти обстоятельства подталкивают экосистемы к постоянному обновлению своих предложений, используя «новые каналы сбыта, новые продукты, новые методы и т. д.» [Drobny, 2019] для привлечения и удержания внимания. Более того, экосистемы создают продукты и услуги, потребность в которых до этого не возникала у потребителей [Webster, 2014].

События последних лет, пандемия новой коронавирусной инфекции и связанный с ней всеобщий переход на пользование цифровыми платформами упростили задачу цифровых экосистем по удержанию внимания пользователей. Пользователи все больше вынуждены тратить время на цифровые продукты и сервисы за неимением альтернатив, что сказывается на деятельности самих экосистем, целью которых является привязка и удержание пользователей именно на своих ресурсах. Прямое следствие из этого — расширение спектра деятельности экосистем путем поглощений существующих площадок или разработки собственных ресурсов (особенно в части тех ресурсов, которые могут быть использованы для удаленной работы).

Получается, что, определяя границы рынка с помощью инструментария экономики внимания, нельзя остановиться на включении только деятельности схожих платформ. Платформы «конкурируют за внимание» пользователей не только с другими платформами, но и со всем временем, которое есть у индивида, с любыми иными занятиями. Таким образом, вопросы переключения между экосистемами должны быть сформулированы так, чтобы учитывать взаимозаменяемость наборов цифровых сервисов также по фактически суммарному привлеченному вниманию. Тем не менее, на данном этапе развития экономической науки, антимонопольного правоприменения и технологий невозможно точно определить место экосистем при проведении анализа границ товарных рынков.

Заключение

Внимание возникает во взаимоотношениях на платформах внимания (или брокерах внимания) между зрителями (или читателями/слушателями), платформой, рекламодателями и авторами контента (если они также подключены к платформе). При этом в транзакциях с платформой внимание представляет собой скорее ограниченный ресурс, а не деньги

или, тем более, товар. Несмотря на то, что некоторые исследователи проводили аналогии внимания с денежно-финансовым сектором, подобное сравнение не является точным и также не позволяет на этом основании определять границы релевантных рынков.

Более того, отсутствие точной метрики внимания затрудняет использования концепции в целях определения границ рынков, однако все рассмотренные в работе показатели могут быть использованы при оценке положения компании на уже определенном товарном рынке. Социальные сетевые медиа в большинстве случаев дополняют друг друга. Взаимодополняемость таких сервисов может быть связана с их функционалом, ориентацией продукта и позиционированием на рынке вплоть до того, что даже разная форма представления контента с единым содержанием может быть взаимодополняемой, а не заменять друг друга.

Подход, согласно которому товарные рынки объединяются в один большой рынок внимания, вызван логической ошибкой, и не может применяться в антимонопольных разбирательствах. Для целей анализа границ релевантных рынков требуется доработка инструментария экономики внимания. Адаптация инструментария экономики внимания для анализа границ рынков с платформами не дает никаких дополнительных содержательных выводов относительно определения границ релевантных рынков с платформами. Тем не менее, использование инструментария экономики внимания в целях анализа конкуренции между экосистемами позволяет более точно определить механизмы конкуренции, а также измерить объемы рынка и доли участников.

В связи с новизной исследования экономики внимания в целях определения границ рынков с экосистемами важно продолжить анализ применимости данной концепции. Для продолжения исследования данной темы, по нашему мнению, можно выделить следующие ключевые направления:

- 1) исследование взаимозаменяемости набора функций экосистем для потребителей в части уделяемого экосистеме внимания;
- 2) анализ взаимосвязи между дополнительным функционалом экосистемы и параметрами уделяемого ей внимания.

Подобные исследования призваны помочь раскрыть мотивы деятельности экосистем, в частности, логику принятия управленческих и инвестиционных решений, что может быть полезным и с целью антимонопольного анализа, так как на данном этапе развития экономической науки невозможно точно определить место экосистем при проведении анализа границ товарных рынков.

ЛИТЕРАТУРА

- Кобринский Н. Е., Майминас Е. З., Смирнов А. Д. (1982). Экономическая кибернетика. — М.: Экономика.
- Милкова М. А. (2020). Феномен внимания в информационной среде: Экономика внимания // Цифровая экономика. №3. С. 73–87.
- Почепцов Г. Г. (2017). Это не информационная экономика, а экономика внимания // Геополитика. №14. С.14-17.
- Шаститко А. Е. (2007). Экономическая теория организаций: Учебное пособие. — М: ИНФРА-М.
- Шаститко А. Е., Маркова О. А. (2020). Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства // Вопросы экономики. № 6. С. 37–55.
- Шаститко А. Е., Маркова О. А., Моросанова А. А., Казарян С. В., Магоня Д. В. (2021). Подходы к оценке состояния конкуренции на рынках сервисов с функциями видеохостинга в свете требований российского антимонопольного законодательства. — Москва: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Corbetta M., Kincade M., Ollinger J., McAvoy M., Shulman G. (2000). Voluntary Orienting Is Dissociated from Target Detection in Human Posterior Parietal Cortex // Nature Neuroscience Vol. 3. No. 3. Pp. 292–297.
- Drobny P. (2019). The Attention Markets as a Challenge for Competition Policy // Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego We Wrocławiu. Vol. 63. No. 5. Pp. 29–42.
- Evans D. (2019). Attention Platforms, the Value of Content, and Public Policy // Review of Industrial Organization. Vol. 54. No. 4. Pp. 775–792.

- Evans D.* (2013). Attention Rivalry among Online Platforms // *Journal of Competition Law and Economics*. Vol. 9. No. 2. Pp. 313–357.
- Evans D.* (2020). The Economics of Attention Markets // Available at SSRN 3044858. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3044858>.
- Festre A., Garrouste P.* (2015). The ‘Economics of Attention’: A History of Economic Thought Perspective // *Oeconomia, History, Methodology, Philosophy*. Vol. 5. No. 1. Pp. 3–36.
- Franck G.* (2019). The Economy of Attention // *Journal of Sociology*. Vol. 55. No. 1. Pp. 8–19.
- Franck G.* (2005). *Mental Capitalism*. — Basel, Boston & Berlin: Birkhäuser. http://dx.doi.org/10.1007/3-7643-7673-2_8
- Gabaix X.* (2019). Behavioral Inattention // *Handbook of Behavioral Economics: Applications and Foundations*. No. 2. Pp. 261–343
- Goldhaber M.* (1997). The Attention Economy and the Net // *First Monday*. Vol. 2. No. 4. <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/download/519/440>
- Lenard T.* (2019). Introduction to the RIO Special Issue on Antitrust and the Platform Economy // *Review of Industrial Organization*. Vol. 54. No. 4. Pp. 617–626.
- Newman J.* (2019). *Regulating Attention Markets*. Miami: University of Miami Legal Studies Research Paper.
- Ofcom.* (2021). *Online Nation (Report)*. [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1643126500&tld=ru&lang=en&name=online-nation-2021-report.pdf&text=Ofcom.%20\(2021\).%20Online%20Nation%20\(Report\).&url=https%3A%2F%2Fwww.ofcom.org.uk%2F_data%2Fassets%2Fpdf_file%2F0013%2F220414%2Fonline-nation-2021-](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1643126500&tld=ru&lang=en&name=online-nation-2021-report.pdf&text=Ofcom.%20(2021).%20Online%20Nation%20(Report).&url=https%3A%2F%2Fwww.ofcom.org.uk%2F_data%2Fassets%2Fpdf_file%2F0013%2F220414%2Fonline-nation-2021-) (дата обращения 24 января 2022 г.).
- Simon H.* (1947). *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations*. — Chicago: Macmillan.
- Smith A., Fischer E., Yongjian C.* (2012). How Does Brand-Related User-Generated Content Differ across YouTube, Facebook, and Twitter? // *Journal of Interactive Marketing*. Vol. 26. No. 2. Pp. 102–113.
- Spence W.* (2020). Facebook, the Attention Economy and EU Competition Law: Established Standards Reconsidered? // *European Business Law Review*. Vol. 31. No. 4. Pp. 693 — 724
- Sunstein C.* (2018). *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. — Princeton (New Jersey): Princeton university press.
- Wang C., Zheng S.* (2020). Complement or Substitute? Investigating the Interdependence Effects among Mobile Social Apps. *Information and Management*. <https://doi.org/10.1016/j.im.2020.103362>.
- Webster J.* (2014). *The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age*. — Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Wu T.* (2017a). Blind Spot: The Attention Economy and the Law // *Antitrust Law Journal*. Vol. 82. No. 3. Pp. 771–807.
- Wu T.* (2017b). The Crisis of Attention Theft—Ads That Steal Your Time for Nothing in Return. *Wired*. <https://www.wired.com/2017/04/forcing-ads-captive-audience-attention-theft-crime/>
- Xu J., Forman C., Kim J., Van Ittersum K.* (2014). News Media Channels: Complements or Substitutes? Evidence from Mobile Phone Usage // *Journal of Marketing*. Vol. 78. No. 4. Pp. 97–112.

Шаститко Андрей Евгеньевич

aes99@yandex.ru

Andrey Shastitko

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Faculty of Economics, Moscow State University; Director of the Center for Research on Competition and Economic Regulation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

aes99@yandex.ru

Моросанова Анастасия Андреевна

aamorosanova@gmail.com

Anastasia Morosanova

Researcher of Lomonosov Moscow State University; Researcher of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow) aamorosanova@gmail.com

Маркова Ольга Анатольевна

markovaoa@outlook.com

Olga Markova

Teaching assistant of Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

markovaoa@outlook.com

APPLICABILITY OF ATTENTION ECONOMICS

Abstract. This study aims at determining the possibilities of using economics of attention to define a market. We discuss the basics of the economy of attention, as well as possible measures of attention. We show that attention is rather a limited resource, then money or a good. Using as an example social media markets we reveal that it is possible to apply the concept of attention economics to markets with platforms, but that does not provide any new insight to market definition procedure. If one integrates all the sides of a digital multisided market into one group while defining a market, she can face a logical fallacy, which may lead to enforcement errors, that is why this approach is not applicable in the antitrust law enforcement. Apart from these, we come to the conclusion that the most promising application of the attention economics is to use it while studying ecosystems, especially their management and investment decisions.

Keywords: market definition, social media, platforms, attention broker, economics of attention, ecosystems.

JEL: D91, K21, L40.

REFERENCE

- Corbetta M., Kincade M., Ollinger J., McAvoy M., Shulman G. (2000). Voluntary Orienting Is Dissociated from Target Detection in Human Posterior Parietal Cortex // *Nature Neuroscience*. Vol. 3. No. 3. Pp. 292–297.
- Drobny P. (2019). The Attention Markets as a Challenge for Competition Policy// *Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego We Wrocławiu*. Vol. 63. No. 5. Pp. 29–42.
- Evans D. (2019). Attention Platforms, the Value of Content, and Public Policy // *Review of Industrial Organization*. Vol. 54. No. 4. Pp. 775–792.
- Evans D. (2013). Attention Rivalry among Online Platforms // *Journal of Competition Law and Economics*. Vol. 9. No. 2. Pp. 313–357.
- Evans D. (2020). *The Economics of Attention Markets*. Available at SSRN 3044858. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3044858>
- Festre A., Garrouste P. (2015). The ‘Economics of Attention’: A History of Economic Thought Perspective // *Oeconomia, History, Methodology, Philosophy*. Vol. 5. No. 1. Pp. 3–36.
- Franck G. (2019). The Economy of Attention // *Journal of Sociology*. Vol. 55. No. 1. Pp. 8–19.
- Franck G. (2005). *Mental Capitalism*. — Basel, Boston & Berlin: Birkhäuser. http://dx.doi.org/10.1007/3-7643-7673-2_8
- Gabaix X. (2019). Behavioral Inattention // *Handbook of Behavioral Economics: Applications and Foundations*. No. 2. Pp. 261–343.
- Goldhaber M. (1997). The Attention Economy and the Net // *First Monday*. Vol. 2. No. 4. <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/download/519/440>

- Kobrinskij N. E., Majminas E. Z., Smirnov A. D. (1982). *Ekonomicheskaja kibernetika* [Economic cybernetics]. — М.: Economics. (In Russ).
- Lenard T. (2019). Introduction to the RIO Special Issue on Antitrust and the Platform Economy // *Review of Industrial Organization*. Vol. 54. No. 4. Pp. 617–26.
- Milkova M. A. (2020). Fenomen vnimanija v informacionnoj srede: Jekonomika vnimanija [The phenomenon of attention in the information environment: Economics of attention]. // *Cifrovaja ekonomika*. No3. Pp. 73–87. (In Russ).
- Newman J. (2019). *Regulating Attention Markets*. Miami: University of Miami Legal Studies Research Paper.
- Ofcom. (2021). *Online Nation (Report)*. [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1643126500&tld=ru&lang=en&name=online-nation-2021-report.pdf&text=Ofcom.%20\(2021\).%20Online%20Nation%20\(Report\).&url=https%3A%2F%2Fwww.ofcom.org.uk%2F__data%2Fassets%2Fpdf_file%2F0013%2F220414%2Fonline-nation-2021-](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1643126500&tld=ru&lang=en&name=online-nation-2021-report.pdf&text=Ofcom.%20(2021).%20Online%20Nation%20(Report).&url=https%3A%2F%2Fwww.ofcom.org.uk%2F__data%2Fassets%2Fpdf_file%2F0013%2F220414%2Fonline-nation-2021-) (дата обращения 24 января 2022 г.).
- Pocheptsov G. G. (2017). Eto ne informacionnaja ekonomika, a ekonomika vnimanija. [This is not an information economy, but an attention economy] // *Geopolitica*. No. 14. Pp. 14-17. (In Russ).
- Shastitko A. Y. (2007). *Ekonomicheskaja teorija organizacij: Uchebnoe posobie* [Economics of Organizations: Study Guide]. — М: INFRA-M. (In Russ).
- Shastitko A.Y., Markova O.A. (2020). Staryj drug luchshe novyh dvuh? Podhody k issledovaniju rynkov v uslovijah cifrovoj transformacii dlja primenenija antimonopol'nogo zakonodatel'stva [An old friend is better than two new ones? Approaches to market research in the context of digital transformation for the antitrust laws enforcement] // *Voprosy ekonomiki*. No. 6. Pp. 37–55. (In Russ).
- Shastitko A. Y., Markova O. A., Morosanova A. A., Kazaryan S. V., Magonia D. V. (2021). *Podhody k ocenke sostojanija konkurencii na rynkah servisov s funkcijami videohostinga v svete trebovanij rossijskogo antimonopol'nogo zakonodatel'stva* [Approaches to assessing competition in the markets for videohosting services conserving Russian antimonopoly legislation] — Moscow: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova. 104p. (In Russ).
- Simon H. (1947). *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations*. — Chicago: Macmillan.
- Smith A., Fischer E., Yongjian C. (2012). How Does Brand-Related User-Generated Content Differ across YouTube, Facebook, and Twitter? // *Journal of Interactive Marketing*. Vol. 26. No. 2. Pp. 102–113.
- Spence W. (2020). Facebook, the Attention Economy and EU Competition Law: Established Standards Reconsidered? // *European Business Law Review*. Vol. 31. No. 4. Pp. 693–724.
- Sunstein C. (2018). *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. — Princeton (New Jersey): Princeton university press.
- Wang C., Zheng S. (2020). Complement or Substitute? Investigating the Interdependence Effects among Mobile Social Apps // *Information and Management*. <https://doi.org/10.1016/j.im.2020.103362>.
- Webster J. (2014). *The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age*. — Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Wu T. (2017a). Blind Spot: The Attention Economy and the Law // *Antitrust Law Journal*. Vol. 82. No. 3. Pp. 771–807.
- Wu T. (2017b). *The Crisis of Attention Theft—Ads That Steal Your Time for Nothing in Return*. Wired. <https://www.wired.com/2017/04/forcing-ads-captive-audience-attention-theft-crime/>
- Xu J., Forman C., Kim J., Van Ittersum K. (2014). News Media Channels: Complements or Substitutes? Evidence from Mobile Phone Usage // *Journal of Marketing*. Vol. 78. No. 4. Pp. 97–112.

А.А. Аузан

*д.э.н., профессор, декан Экономического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Я.Д. Лепетиков

*аспирант Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва)*

Д.А. Ситкевич

научный сотрудник Института национальных проектов (Москва)

КОЛЕЯ И МАЯТНИК: ВЛИЯНИЕ ЛОВУШКИ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ НА ДИНАМИКУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. Данная работа посвящена способности ловушки предшествующего развития («эффект колеи») оказывать влияние на динамику институциональных изменений. За последние десятилетия концепция «эффекта колеи» получила широкое распространение в экономической литературе. Однако то, как и почему институты могут, не сходя с колеи, претерпевать изменения, остается вопросом, на который пока нет ответа. В статье предлагается теоретическая модель, объясняющая, почему исторически сложившаяся институциональная среда даже в случае своей неэффективности способна самовоспроизводиться, а попытки её изменений принимают маятниковую форму. Связано это с тем, что институты, ограничивающие доступ на экономический и политический рынок, могут использоваться для извлечения элитами ренты, тогда как экономически более эффективные институты открытого доступа могут снижать её доходы или увеличивать риск потери власти. В то же самое время снижение барьера для независимых от элит экономических и политических организаций приводит к более высоким темпам экономического роста и меньшим расходам на аппарат насилия. Из-за этого возникает «эффект маятника» — в период более высоких барьеров для независимых организаций возникают предпосылки для их смягчения (экономический спад, чрезмерные государственные расходы) и наоборот. Полный же выход из колеи возможен в тех случаях, когда граждане предъявляют больше спроса на институты открытого доступа (так как это увеличивает расходы на организацию насилия) и когда у элит появляются стимулы для заключения внутриэлитного соглашения об ограничении использования аппарата насилия. В качестве примера работы «эффекта маятника» в статье приводится последний век существования Российской империи, в которой длительные периоды реформ (к примеру, начало царствования Александра II) увеличивали риски потери власти, из-за чего правительству приходилось ужесточать политический режим, а долгие периоды контрреформ (к примеру, царствование Николая I) — к экономическому и технологическому отставанию и росту издержек на подавление недовольных, из-за чего правительству приходилось смягчать объем репрессий и барьеров для независимых организаций.

Ключевые слова: ловушка предшествующего развития, эффект колеи, эффект маятника, институциональная трансформация, порядок ограниченного доступа, порядок открытого доступа, спрос на институты.

JEL: E02, N13, O43.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_24_47.

Введение

За более чем 35 лет с того момента, как П. Дэвид сформулировал понятие «ловушки предшествующего развития» [David, 1985] (в русскоязычной литературе для его обозначения часто используется выражение «эффект колеи» [Аузан, 2007]), анализ описываемого явления вошел в активный обиход исследователей в сфере социальных наук, а также публицистов и экспертов. Концепт ловушки предшествующего развития, объясняющий влияние событий, произошедших в прошлом, на ситуацию, имеющую место в настоящее время, используется при изучении многих экономических закономерностей — от того, почему отдельные фирмы сохраняют устоявшиеся, но неэффективные практики, до причин специализации определенных регионов на конкретных отраслях экономики [Schreyögg, Sydow, 2009].

Впрочем, в российском академическом дискурсе о «колее» более всего принято рассуждать в отношении институциональной среды. Об этом свидетельствует значительное число работ представителей разных отечественных научных школ (см., например, [Marichev, 2020; Корнейчук, 2016; Нуреев, 2010; Олейник, 2011]). Связано это с тем, что эффект колеи является одним из объяснений низкого качества институтов в России — многие из появившихся в прошлом неэффективных норм остаются без изменений из-за мощной институциональной инерции и стремления групп интересов сохранить наиболее выгодные для себя правила. Так, сформировавшиеся ещё в эпоху Московского княжества институты самодержавия и крепостничества оказались настолько устойчивыми, что их аналоги и подобию воспроизводятся в нашей стране до сих пор [Аузан, 2007].

Однако внимательное изучение динамики институциональных изменений в России не позволяет говорить о том, что существующий набор норм и правил полностью предопределен прошлым. Во-первых, те институты, что воспроизводятся в институциональной среде из поколения в поколение, при сохранении своей внутренней логики всё же мутируют и претерпевают изменения. Так, хотя трудовые отношения в моногородах и с трудовыми мигрантами основаны во многом на тех же принципах, что и отношения между помещиком и крестьянами, массового закрепощения рабочей силы на определенной территории в современной России нет. Во-вторых, история показывает, что лицам, принимающим решения, зачастую удается преодолеть инерцию и совершить институциональные изменения. При этом в России попытки изменений принимают маятниковую форму [Аузан, 2007] — либерализация политической и экономической системы («оттепель») сменяется ужесточением («заморозками»), сопровождаемым попыткой «авторитарной модернизации»¹ и наоборот. Хотя многие из проводимых реформ позже откатываются назад, некоторым из них удается интегрироваться в существующую институциональную среду и даже стать частью «колеи».

Из вышесказанного следует, что институциональная динамика содержит в себе два разнонаправленных процесса. С одной стороны, в ходе реформ возможна трансформация институциональной среды, с другой — эти реформы зачастую оказываются слабее существующей институциональной инерции, из-за чего исторически сложившиеся нормы продолжают свое существование, отторгая (пусть порой и не сразу) правовые новеллы. Однако, чем именно объясняются эти процессы, почему даже вопреки совершенным реформам исторически возникшие институты способны воспроизводиться, и есть ли выход из колеи? Именно этим вопросам и посвящена данная статья.

Далее работа структурируется следующим образом. В первой части речь пойдет о существующих в научных работах подходах к изучению ловушки предшествующего раз-

¹ Под «авторитарной модернизацией» подразумевается политика государства, направленная на форсирование экономического роста за счёт государственных инвестиций при ограничении экономических свобод.

вития, к объяснениям причин устойчивости «колеи» и факторов, способствующих «схождению» с неё. Во второй части нами будет представлена модель, объясняющая «эффект колеи» на макроинституциональном уровне. В третьей части на основе свидетельств из российской истории будет показано, как именно работает описанная выше модель в реальности, после чего следует заключение.

«Эффект колеи»: история концепции и современные трактовки

Как уже отмечалось во введении, впервые в экономической литературе влияние предшествующего развития на настоящее отметил П. Дэвид [David, 1985] на примере технологических стандартов. Хотя многие технологические решения не являются оптимальными (например, QWERTY-раскладки клавиатуры вместо раскладки Дворака), они продолжают применяться большинством пользователей. Связано это с издержками переключения на новые стандарты — та выгода, которую может дать использование наиболее эффективной технологии, оказывается ниже, чем затраты, связанные с переучиванием пользователей и заменой оборудования. Данное явление, как известно, Дэвид назвал QWERTY-эффектом.

Вскоре обнаружилось, что история имеет значение не только в сфере технологий. Так, данная концепция достаточно скоро стала использоваться экономическими географами и исследователями кластеров для объяснения того, почему определенные отрасли экономики исторически концентрируются в определенных странах и регионах [Martin, Sunley, 2010]. Однако наибольшее распространение идея важности предшествующего развития получила в новой институциональной экономической теории. Связано это с двумя причинами. Во-первых, как показал Д. Норт, ныне существующие институты серьезно зависят от того, как они складывались в прошлом, ибо институциональная инерция препятствует изменению как формальных, так и (особенно) неформальных норм и правил [North, 1990]. Во-вторых, как позже обнаружил сам Дэвид [David, 1994], именно институциональная инерция является первопричиной QWERTY-эффекта. Связано это с тем, что институты выполняют координационную функцию, и люди при неизменности институциональной среды из предложенной им альтернативы скорее выберут привычный им вариант.

Важное изменение, которое привнесли неоинституционалисты в изучение влияния предшествующего развития, — это описание QWERTY-эффекта как проблемы и ловушки. Если первые исследователи лишь фиксировали влияние прошлого на настоящие, не давая ему оценок, то, начиная с Норта, экономисты стали использовать данную концепцию в первую очередь для описания неэффективных равновесий [Vergne, Durand, 2010]. Тогда же о влиянии прошлых событий на текущий выбор альтернатив стали говорить в логике «ловушки предшествующего развития», для которой характерно нахождение в субоптимальном равновесии и невозможность его покинуть из-за «эффекта блокировки», создающего чрезмерно высокие издержки изменений [Liebowitz, Margolis, 1995].

Именно эффект блокировки был основой первых теоретических моделей ловушки предшествующего развития, которые Г. Шрёвоггом и Й. Сыдовым были описаны как «модели Дэвида-Артура» [Schreyögg, Sydow, 2010]. Согласно этим моделям, колея развития образовывается тогда, когда определенное историческое событие подталкивает акторов к выбору определенного пути развития. Чем дольше этот путь остаётся устойчивым, тем меньшее количество альтернативных путей может быть выбрано, так как издержки переключения становятся всё выше и выше. Наконец, в критической точке срабатывает эффект блокировки — и после неё переход на любой другой путь развития оказывается невозможным. Впрочем, ранние модели ловушки предшествующего развития, как отмечают Р. Мартин и П. Санлей, имеют некоторые методологические упрощения. Так, в них подразумевается наличие определенного неизменного равновесия, хотя в реальности мы

можем наблюдать «динамичный открытый исторический процесс, посредством которого технологии, отрасли и институты развиваются по складывающимся траекториям» [Martin, Sunley, 2010. P. 18]. Поэтому для описания «эффекта колеи» на уровне институциональной среды лучше подходит разработанная Мартином и Санлеем эволюционная модель ловушки предшествующего развития.

Ключевое отличие эволюционной модели от её предшественников заключается в том, как в ней описывается эффект блокировки. Если для ранних модификаций модели эффект блокировки выступал некоторым капканом, из которого невозможно совершить движение без сильного внешнего шока, то в эволюционной модели попадание в ловушку предшествующего развития не означает консервацию институциональной среды. Исторически сложившиеся нормы, согласно Мартину и Санлею, могут претерпевать изменения в результате действия акторов, однако масштаб этих потенциальных изменений достаточно ограничен, что связано с эффектом блокировки в трактовке эволюционной модели — любые институциональные изменения создают издержки, которые тем выше, чем серьёзнее реформы. Именно из-за этого предшествующее институциональное развитие имеет значение — оно оказывает влияние на меню существующих институциональных альтернатив и создаёт стимулы выбрать те из них, которые будут наиболее похожи на существующие нормы.

Более наглядно принцип работы эволюционной модели ловушки предшествующего развития представлен на рис. 1. Как видно на рисунке, попав в «колею развития», институт, тем не менее, подвергается регулярным мутациям, связанным с попыткой достичь оптимального состояния. Эти мутации, впрочем, не обязательно должны осуществляться в направлении, ещё более отдаляющем институт от отвергнутых в прошлом вариантов развития. Возможен также процесс «ригидизации» — постепенной мутации института к тому состоянию, в котором он был до возникновения «колеи». При этом ригидизация из-за эффекта блокировки, так же, как и остальные мутации, происходит крайне медленно и по непредсказуемой траектории. Более того, данный процесс по мере эволюционного развития может смениться укреплением сложившейся колеи развития.

Рис. 1. Эволюционная модель ловушки предшествующего развития

Источник: [Martin, Sunley, 2010, с. 19].

Впрочем, нельзя сказать, что эволюционная модель ловушки предшествующего развития даёт ответы на все вопросы. Так, согласно модели институциональные мутации носят случайный характер. Однако в отличие от генетических процессов изменения норм и правил происходят не по принципу естественного отбора, при котором сохраняются наиболее эффективные комбинации, а по воле лиц, принимающих решения, и их мотивации стоит учитывать при описывании ловушки предшествующего развития. Более того, как отмечалось выше, для институциональной среды характерна «маятниковость» изменений

при сохранении четко выявляемой колеи развития, хотя в базовом виде эволюционная модель не даёт объяснения данному феномену. Именно поэтому далее нами будет предложена новая модель ловушки предшествующего развития, в которой будут объяснены причины и направления институциональных мутаций.

Для построения новой версии модели стоит понять причины, по которым возникает эффект блокировки и благодаря которым он может быть преодолен. Что касается первого вопроса, то устойчивость колеи, как отмечает Норт [North, 1990], во многом связана с высокими транзакционными издержками, возникающими при попытке совершить институциональные изменения. Это, согласно Дж. Махонею и К. Теллен [Mahoney, Thelen, 2009], приводит к тому, что если трансформация институтов и происходит, то «внутри колеи»: при изменении интерпретации и отдельных аспектов правил их основные положения остаются неизменными. В качестве примера этого Г. Морган и И. Кубо приводят британскую Палату Лордов [Morgan, Kubo, 2005]: хотя за несколько веков её существования отдельные принципы её формирования претерпели изменения, данный орган власти при всём анахронизме по-прежнему остаётся частью политической системы Соединенного Королевства. Связывают они это с тем, что частичная трансформация института гораздо менее затратна с точки зрения трансформационных издержек, чем его полная ликвидация и замена новым.

Другая важная причина — интересы акторов. Институты играют не только координационную, но и перераспределительную роль. Из-за этого могут возникать группы интересов, заинтересованные в сохранении неэффективных для общества в целом норм и правил, позволяющих извлекать ренту [Vergne, Durand, 2010]. Более того, политические акторы, по мнению В. Гельмана и его коллег [Gel'man, Travin, Marganiya, 2014], склонны воспроизводить институты прошлого (особенно те, которые они сами застали в молодости) для укрепления легитимности своей власти. Примером служат описанные М. Олсоном [Олсон, 2012] явления «институционального склероза» в Великобритании и в России 1990-х гг.: старые элиты сдерживают необходимые для развития изменения, если они способны создавать риски их благосостоянию.

Устойчивости колеи способствуют и поведенческие, и культурные факторы. Упомянутые выше акторы могут быть нерациональными и выбирать эвристики, которые упрощают им выбор альтернатив и основаны на том, как они действовали ранее, если их полученный результат устраивал. Это подтверждают и поведенческие эксперименты. Те группы испытуемых, которые в начале эксперимента сталкивались с правилами, предполагающими эффективность коллективных действий, к его концу склонялись к кооперации [Bednar, Jones-Rooy, Page, 2015]. Что касается культурных установок, то они влияют на то, как индивиды реагируют на стимулы, создаваемые формальными институтами. Культура как модель поведения и ожидания того, как будут вести себя другие, генерируется в ответ на существующие институты и, в свою очередь, влияет на реакцию на новые институты [Bednar, Page, 2018]. Наиболее известным примером подобной трансмиссии является работа Р. Патнема, Р. Леонарди и Р. Нонетти [Putnam, Leonardi, Nonetti, 1994] о гражданской культуре на севере и юге Италии, которая сложилась в результате различий в политической системе двух регионов в Средневековье и по-прежнему способствует воспроизводству исторических различий в качестве государственного управления между итальянскими провинциями.

Тем не менее наличие эффекта блокировки не означает, что выход из колеи невозможен. Более того, хотя в научной литературе и есть уклон в сторону описания того, как исторические обстоятельства влияют на настоящее, на самом деле движение по определенной колее всё равно сопровождается институциональными изменениями [Abad, Maurer, 2021], что должно также учитываться при построении модели. Тем не менее далеко не каждое изменение способно привести к формированию эффективных институтов и выходу

из ловушки предшествующего развития. В. Полтерович [Полтерович, 2004] отмечает, что для этого должно выполниться хотя бы одно из трех условий: увеличение трансакционных издержек действующей неэффективной нормы, снижение трансакционных издержек альтернативной эффективной нормы или снижение трансформационных издержек перехода к альтернативной норме. Можно выделить три типа обстоятельств, способствующих трансформации исторически сложившихся институтов на практике:

1. Сильный внешний шок, который изменяет соотношение выгод и издержек институциональных изменений. Пример такого шока — эпидемия чумы в XIV в., которая, как доказывают Р. Джедwab, Н. Джонсон и М. Койяма [Jedwab, Johnson, Koyama, 2020], привела к эволюции многовекового института крепостничества в связи с высокой смертностью и снижением предложения на рынке труда. В странах Восточной Европы, где армия собиралась за счёт дворянства, государство не допустило раскрепощения крестьян и ужесточило меры по их привязке к земле. А на Западе Европы у монархов были иные источники доходов (в виде налогов и пошлин с торговцев, а также займов у банкиров), дворяне же занимались переманиванием крепостных у своих соседей с помощью обещаний более высоких доходов. Это в итоге привело к «малому расхождению» — если страны Западной Европы вышли из колеи и отказались от крепостного права, то в странах Восточной Европы из-за шока на рынке труда, наоборот, ловушка предшествующего развития стала ещё более устойчивой. Это позволяет говорить о том, что внешний шок не гарантирует выход из колеи, но создает условия, при которых он становится возможен.

2. Изменения в структуре выгод и издержек акторов. Схождение с колеи может быть вызвано тем, что существующие правила перестают быть выгодными для групп интересов, способных влиять на институциональную среду, в том числе из-за внешнего шока или достижения доступных пределов внутреннего развития. Если среди элит возникает широкая коалиция перемен, по мнению Дж. Махонея и К. Телен [Mahoney, Thelen, 2009], то возможно преодоление институциональной инерции. Примером этого может служить развитие немецкой финансовой системы после Второй мировой войны [Deeg, 2001]. Исторически в Германии сложилась система, в которой крупные банки вмешиваются в жизнь крупных компаний, причем с помощью лоббизма крупнейшие финансовые организации продвигали правовые нормы, сохраняющие status quo. Но в итоге из-за того, что данная долгосрочная стратегия перестала работать, у банков появились стимулы поменять правила игры. Появление единого европейского рынка и изменение регулирования на фондовом рынке в Великобритании подтолкнуло банки к началу кампании за реформирование немецкого фондового рынка и появления в Германии полноценных инвестиционных банков. Впрочем, из-за ограниченной рациональности далеко не всегда группы интересов осознают возможную выгоду от изменения правил. Этим Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст [North, Wallis, Weingast, 2009] объясняют устойчивость порядков ограниченного доступа — хотя зачастую в долгосрочной перспективе элитам выгоднее расширить доступ для политических и экономических организаций, но из-за опасений потерять ренту они этого не делают.

3. Изменения спроса на институты. По мнению К. Вейланда [Weyland, 2008], институциональные трансформации часто происходят из-за изменения предпочтений граждан. Они, в свою очередь, могут быть вызваны дискуссиями в гражданском обществе или реформами в соседних странах. Более того, без спроса гражданского общества на перемены, по его мнению, изменения произойти не могут. Это подтверждает и работа В. Полтеровича, который отмечает важную роль гражданского общества при выходе из институциональных ловушек [Полтерович, 2004]. Свидетельством влияния предпочтений общества на выход из ловушки предшествующего развития является работа Р. Фогеля и С. Энгермана [Fogel, Engerman, 1974], из которой следует, что освобождение рабов в США произошло не из-за экономических причин, а из-за появления массовых групп, выступающих против института рабства.

Таким образом, имеющаяся литература дает разрозненные объяснения того, по каким причинам неэффективные институты остаются устойчивыми и при каких условиях они могут претерпевать изменения. Для того чтобы объединить их в единую строгую теорию, далее мы предложим динамическую модель ловушки предшествующего развития на уровне институциональной среды.

Модель макроинституционального эффекта колеи

Наша модель основана на двух теоретических концептах. Во-первых, это описанная выше эволюционная модель ловушки предшествующего развития, которая была выбрана нами из-за того, что она учитывает возможность институциональных изменений при сохранении эффекта блокировки и влияния истории на меню институциональных альтернатив.

Во-вторых, это концепт социальных порядков, описанный Д. Норт, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом [*North, Wallis, Weingast, 2009*], с помощью которого в данной статье мы будем описывать устройство институциональной среды. Социальные порядки, как отмечают эти авторы, «структурируют отношения людей и их организаций, <...> одновременно дают отдельным лицам контроль над ресурсами и социальными функциями» [*North, Wallis, Weingast, 2009. P. 32*]. В современном мире можно выделить два типа социальных порядков — порядок открытого доступа и порядок ограниченного доступа. Для порядка ограниченного доступа характерна институциональная среда, заточенная под извлечение элитами ренты с помощью аппарата насилия. В странах с порядком открытого доступа деятельность экономических и политических организаций ограничена лишь обезличенными правилами, а аппарат насилия подконтролен государству, руководство которого избирается обществом на конкурентных выборах.

При явных различиях между двумя типами социальных порядков, они сами по себе не однородны. Так, Норт и его соавторами выделяются три подтипа порядков ограниченного доступа:

- ▶ «хрупкий», при котором государство не способно контролировать монополию на насилие, и каждая группировка, обладающая потенциалом насилия, устанавливает свои барьеры для политических и экономических организаций;
- ▶ «базовый», при котором насилие полностью контролируется госструктурами, которые, тем не менее, конкурируют друг с другом; все экономические организации так или иначе связаны с государством (кроме международных), большинство политических организаций — тоже;
- ▶ «зрелый», при котором существует большое количество частных фирм и оппозиция, однако компании, не имеющие политических связей, сталкиваются с серьезными барьерами входа на рынок, а независимые политические партии — с тем, что они *de facto* не могут претендовать на власть.

Переход от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа возможен в том случае, если элиты, контролирующие власть, будут снижать барьеры для формирования независимых экономических и политических организаций². При этом полное снижение барьеров для организаций возможно только при достижении «пороговых условий»: наличие верховенства права для элит, бессрочно существующих организаций в общественных и частных сферах, а также консолидированного контроля за силовым

² В книге Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста отмечается, что барьеры для политических и экономических организаций могут различаться, однако в долгосрочной перспективе они синхронизируются. Поэтому далее мы будем говорить о едином уровне барьеров для всех организаций.

аппаратом. Учитывая, что в странах с базовым и зрелым порядком ограниченного доступа государству принадлежит монополия на насилие, а значит, оно способно проводить реформы, то дальше в качестве инструмента оценки состояния институциональной среды мы будем описывать установленный властями уровень барьеров для организаций. Высокий уровень барьеров говорит о том, что элита не допускает в стране существование независимых организаций и стремится к максимальному извлечению ренты; низкий уровень барьеров говорит о возможности появления независимых организаций и большей свободы предпринимательства. Высокие барьеры делают элиту более влиятельной — однако лишь низкие барьеры способны запустить экономический рост. Об этом свидетельствует сопоставление исследований Д. Норта с данными А. Мэддисона [Maddison, 2008] — именно страны, в которых ещё в XVIII–XIX вв. сформировался порядок открытого доступа, наблюдается исторически более высокая траектория развития. Более того, за последние два века выйти на траекторию развития стран Запада смогли лишь те государства, которым удалось также и достичь порядка открытого доступа: Испания, «азиатские тигры» и Чили. Поэтому уровень барьеров влияет не только на доходы элит, но и на то, с каким темпом растет экономика страны.

Предлагаемая нами модель макроинституционального эффекта колеи устроена следующим образом. Представим себе общество с порядком ограниченного доступа. В этом обществе элиты — осёдлые бандиты (по М. Олсону) — заинтересованы в долгосрочном увеличении своих доходов. Доходы, в свою очередь, получаются в ходе извлечения ренты с помощью аппарата насилия. Те, кто находятся у власти, могут выбирать — насколько высокими будут барьеры (устанавливаемые с помощью аппарата насилия) для формирования независимых экономических и политических организаций. Пусть уровень барьеров будет равен B , $B \in [0; 1]$. Более высокие барьеры позволяют элите извлекать в качестве ренты более высокую долю валового продукта (назовем её «рентной ставкой» и обозначим как r , однако снижают стимулы к предпринимательству, из-за чего снижаются частные инвестиции, а значит — и объем ВВП в следующем периоде (обозначим частные инвестиции как I_{pr} , а ВВП — как GDP). Более низкие барьеры, напротив, снижают величину r , но зато увеличивают GDP .

Значение GDP также зависит от того, насколько элита активно предпринимает попытки «авторитарной модернизации», т.е. пытается реинвестировать полученную ренту в экономику. Обозначим объем этих инвестиций как I_{st} , уровень I_{st} , как и уровень B , определяется элитой. Для I_{st} характерна убывающая отдача от масштаба (каждая новая единица инвестиций приводит к меньшему GDP в следующем периоде). Кроме того, эффективность авторитарной модернизации связана с тем, насколько высокими были барьеры для организаций в прошлых периодах. Связано это с тем, что «авторитарная модернизация» (или, как её называет Е. Ясин, «модернизация сверху») «может быть успешной после длительного периода спокойной эволюции без вмешательства государства, причем видимый успех иногда достигается на сравнительно коротких отрезках времени. <...> Разрушение созидательных сил, развивающихся снизу — рынка, капитализма обусловило недолгую жизнь модернизаторского порыва и привело к истощению экономических и социальных сил общества» [Ясин, 2001. С. 166]. Иными словами, «авторитарная модернизация» может давать краткосрочные положительные эффекты, но в долгосрочном периоде не способна стимулировать экономический рост. Поэтому зависимость ВВП от частных и государственных инвестиций:

$$GDP_2 = F \left(I_{pr_1}^+ (r^-); \left(\sum_{j=1}^{\infty} \frac{1-B_j}{j} \right) * I_{st_1}^+ \right),$$

где $j = 1$ в прошлом по отношению к I_{st_1} периоду, $j = 2$ в позапрошлом и т.д.

Кроме того, величина барьеров B влияет на угрозы, с которыми сталкиваются элиты. Снижение барьеров для политических и экономических организаций приводит к появлению альтернативных политических структур, способных бросить вызов элите, тем самым вероятность потери ею доступа к ренте (пусть и частичной) растет (обозначим эту вероятность как p , $p(B^-)$). Увеличение барьеров, в свою очередь, хотя и создает высокие издержки на репрессии (обозначим их как C_{rep} , снижает вероятность потери имеющегося доступа к ренте.

Стоит отметить, что издержки на репрессии в нашей модели связаны не только с величиной барьеров, но и с тем, какой наблюдается спрос на институты. Пусть D_{inst} обозначает спрос на более качественные институты (то есть низкие барьеры для формирования организаций), который определяется на «культурных рынках», описанных Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном [Acemoglu, Robinson, 2021]; $D_{inst} \in [0; 1]$. В таком случае расходы на репрессии будут связаны с тем, насколько они нужны, то есть насколько велико народное недовольство существующим порядком — с разницей по модулю между D_{inst} и B :

$$C_{rep} = F(B^+, |1 - D_{inst} - B|^+),$$

где D_{inst} — желаемый обществом уровень барьеров.

Из этого следует, что в целом ужесточение системы снижает риск потери власти; либерализация системы, наоборот, этот риск повышает. Однако у ужесточения власти есть предел, который достигается тогда, когда издержки на репрессии становятся слишком большими. Из-за этого рост спроса на институты может повлечь за собой либерализацию, так как сохранение высоких барьеров для организаций становится затратным и невыгодным для элиты.

Вероятность потери доступа к ренте, в свою очередь, также связана не только с величиной барьеров для организаций, но и со спросом на качественные институты. Таким образом:

$$p = F(B^-, |1 - D_{inst} - B|^+).$$

В результате соотношение выгод и издержек элиты при социальном порядке ограниченного доступа в период t выглядит следующим образом:

$$(1 - p) * r(B^+) * GDP - C_{rep} - I_{st}$$

В каждый период элиты принимают два решения. Во-первых, они определяют уровень барьеров для политических и экономических организаций. Величина B зависит от того, какая проблема стоит перед властями острее всего и какие возможности у них есть. Если элиты страдают от сокращения экономики (считай — своей рентной базы) или если издержки на политические репрессии становятся слишком большими, то они пойдут на либерализацию и расширят объем политических и экономических свобод. Если же главное опасение элиты связано с риском потерять власть или если у государства появился новый источник ренты (например, обнаруженные природные ресурсы), благодаря которому влияние r на I_{pr} снизится, то тогда барьеры будут увеличиваться. Во-вторых, элиты выбирают оптимальный объем инвестиций I_{st} , при котором они могут достигнуть наибольшего уровня благосостояния. I_{st} будет скорее низким в случае низкой рентной ставки (так как у элит в таком случае ниже объем извлекаемой ренты) или тогда, когда в прошлые периоды наблюдался очень высокий уровень барьеров (так как в таком случае отдача от инвестиций становится очень низкой).

Как следует из соотношения выгод и издержек элиты, принятие решений элиты будет иметь маятниковую форму. Увеличение барьеров для организаций в итоге приве-

дет к сокращению объема получаемой ренты из-за снижения темпов роста ВВП, которое с определенного момента перестанет компенсироваться отдачей «авторитарной модернизации», а также к ощутимому росту издержек на удержание власти (особенно при нарастании спроса на качественные институты). На первых порах уровень барьеров остается стабильно высоким, так как у элит есть и силы, и ресурсы для извлечения ренты и подавления недовольства (подобный период можно назвать «периодом застоя»). Однако с определённого момента стагнирующая экономика, неизбежная при застое, перестанет обеспечивать возможность устанавливать высокие барьеры для независимых организаций, и властям придётся пойти на либерализацию. Однако и решение о либерализации создает для властей неприятности — снижение политического и экономического давления приводит к увеличению вероятности потери власти, а сокращение возможности пользоваться плодами экономического роста из-за снижения рентной ставки может привести к падению доходов самой элиты. Из-за этого у властей возникает стимул приостановить реформы, а если этого недостаточно — увеличить барьеры для оппозиции и частных фирм, увеличив тем самым возможность извлечения монопольной ренты и укрепив власть. Иными словами, «оттепель» создает предпосылки для того, чтобы элиты, столкнувшись с рисками, начали «заморозки» и наоборот.

Стоит при этом заметить, что принятие решений об изменении уровня барьеров, согласно ранним работам Нортона [North, 1990], связано со значительными транзакционными издержками (обозначим их как C_{tr}) — как проектирования новых правил, так и адаптации к ним. При этом издержки будут тем ниже, чем менее значительны изменения. Более того, издержки будут ниже, если реформаторы не устанавливают абсолютно новый уровень барьеров, но воспроизводят существовавшее ранее значение B , так как в таком случае элитам, имевшим опыт жизни с данными правилами, будет проще к ним адаптироваться. Поэтому функцию транзакционных издержек можно задать следующим образом:

$$C_{tr} = F \left(\sum_{j=1}^{\infty} \left| \frac{B_j - B_0}{j} \right| \right),$$

где $j = 0$ в текущем периоде, $j = 1$ в прошлом периоде, $j = 2$ в позапрошлом периоде и т.д.

Это вполне ложится в логику эффекта колеи — издержки переключения и невозвратные издержки, связанные с выстраиванием в прошлом социального порядка, будут сдерживать серьёзные изменения. Поэтому исторически выбранный на институциональных развилках путь станет оказывать влияние на существующий социальный порядок: чем дальше отход от сложившегося пути развития, тем выше будут издержки³. Именно высокий уровень B является источником застоя и причиной приостановки реформ — сохранение институтов прошлого периода оказывается оптимальной стратегией, когда потенциальная отдача от изменений незначительна.

В результате для того, чтобы произошло изменение институциональной среды, необходима не только заинтересованность акторов в увеличении выгод и снижении издержек, но и достаточный уровень улучшения благосостояния от смещения барьеров, который бы перекрывал расходы на реформы. То есть должно выполняться следующее неравенство:

³ Стоит отметить, что в нашей модели все институты характеризуются одним признаком (величиной B), однако выводы верны для ситуаций, когда этих признаков больше. В таком случае возможна ситуация, когда новый институт получается путем рекомбинации тех, что существовали в прошлом и существуют в настоящем: например, колхозная система эпохи сталинизма представляется собой классическое крепостное право, рекомбинированное с помощью популярных в начале советского периода идей сельскохозяйственной кооперации.

$$(1 - p_1) * r(B_1^+) * GDP_1 - C_{rep_1} - I_{st_1} - C_{tr} > (1 - p_0) * r(B_0^+) * GDP_0 - C_{rep_0} - I_{st_0},$$

где 1 обозначает исход, при котором реформы были совершены, а 0 — исход, при котором институциональная среда осталась неизменной.

Выделенные в обзоре литературы факторы устойчивости колеи вполне укладываются в предлагаемую нами модель. Действительно, институциональные изменения окажутся невозможны в том случае, если C_{tr} будут слишком большими. Именно поэтому, как указывает эволюционная модель эффекта колеи, трансформация устоявшихся институтов может быть только постепенной, путем цепочки незначительных мутаций — в противном случае издержки переключения становятся слишком высокими. Кроме того, изменения сдерживаются интересами акторов — любая реформа может произойти только в том случае, если она принесет выгоду элите. Игруют также роль и культурные факторы — если в стране под воздействием существующих культурных норм наблюдается устойчиво низкий спрос на качественные институты, то в таком случае и стимулов у элит проводить реформы и снижать уровень барьеров для организаций становится меньше.

Что касается причин, по которым общество может выйти из колеи, то выводы модели также совпадают с тем, что было представлено в обзоре литературы: необходимы либо изменения структуры выгод и издержек акторов, либо сильный внешний шок, либо изменение спроса на институты. Однако с помощью нашей модели можно выделить более конкретные сценарии, при которых возможны институциональные трансформации.

1. Маятниковые изменения. Как уже было отмечено выше, интересы элит устроены таким образом, что оттепель через определенный период времени подталкивает элиты к заморозкам, а заморозки — к оттепели. Из-за этого власть будет периодически проводить реформы, борясь то с падением экономики и ростом затрат на поддержание режима, то с риском потерять доступ к ренте. Эти изменения, впрочем, могут быть устойчивыми. Это достижимо тогда, когда обратное движение маятника будет сдерживаться высокими издержками либо институциональных изменений, либо репрессий. Примером действия первого барьера для маятника может служить отмена рабства в США. В истории американского Юга были периоды как снижения, так и увеличения барьеров для свободной деятельности афроамериканцев — и процесс Реконструкции сменился появлением в южных штатах «законов Джима Кроу», формализовавших дискриминационные практики. Однако возврат маятника в сторону более репрессивной политики не привел к восстановлению рабства, отмененного лишь пару десятилетий назад. Связано это с запредельным уровнем издержек подобных изменений — отмена рабства была закреплена в конституции США, из-за чего его восстановление (особенно с учетом возможного противодействия со стороны северных штатов) на тот момент было фактически невозможным. Что касается высоких издержек репрессий, то, как отмечают Норт и его соавторы [North, Wallis, Weingast, 2009], формирование порядка открытого доступа (которое в нашей модели синонимично выходу из колеи) не может произойти без появления договоренностей между существующими элитными группами. Эти соглашения касаются в первую очередь использования аппарата насилия — участники договариваются о неприменении друг к другу аппарата насилия при политической и экономической конкуренции. Иными словами, соглашения устанавливают запрет на установление высоких барьеров для независимых организаций. В результате издержки на «заморозки» становятся для элиты слишком высокими даже тогда, когда вероятность потери власти высока. Хотя в основном подобного рода соглашения являются неформальными (хотя и воплощаются в конституциях), есть примеры формально прописанных межэлитных пактов — к примеру, Великая хартия вольностей в Англии, пакт Монклоа в Испании или соглашение Круглого стола в Польше. Исторический опыт той же Испании и стран социалистического блока Центральной и Восточной Европы показывает, что подобные соглашения действительно способствуют демократическому транзиту и формированию порядка открытого доступа.

2. Изменения в экономической конъюнктуре. Вызванные внешним шоком перемены в экономической структуре приводят к изменению источников ренты, что влияет на зависимость темпов роста ВВП от объема собираемой ренты. Так, подобным изменением может стать обнаружение в стране большого запаса природных ресурсов. Наличие природной ренты позволяет увеличивать барьеры для организаций без опасения, что это приведёт к серьёзному падению экономики — спрос на природные ресурсы на внешних рынках никак не связан с внутренней ситуацией в стране. Впрочем, любые внешние шоки, затрагивающие национальную экономику, могут подтолкнуть институциональную среду к выходу из колеи. Так, ослабление регулирования рынка ценных бумаг в ряде стран сделали исторически сложившуюся финансовую систему ещё менее конкурентноспособной, чем она была ранее. Это побудило представителей банковских кругов добиваться изменений в финансовом законодательстве, устанавливавшем барьеры для их деятельности [Deeg, 2001].

3. Внешний шок, связанный с изменением риска потерять власть. Подобного рода шоком для государства может быть появление более экономически и технологически эффективного соседа, способного лишить элиту доступа к ренте путём интервенции. Реакция на эту угрозу зависит от того, какой именно способ ускорения экономического и военного развития способен дать наилучшие краткосрочные эффекты. Как следует из работы Р. Джеджаба и его коллег [Jedwab, Johnson, Koyama, 2020], посвященной «второму изданию» крепостничества, если государство способно финансировать армию полностью за счёт налогов, то оно готово пойти на ослабление экономических барьеров; если же единственно возможным источником денег на вооружения является собираемая элитами рента, то в таком случае барьеры будут скорее увеличены. Иными словами, внешние угрозы подталкивают одних к реформам для увеличения рентной базы (в результате которых возможен выход из колеи), а других — к увеличению рентой ставки. Отдельно стоит заметить, что выходу из колеи может поспособствовать внешний шок, приводящий к падению правящей элиты. Так, М. Олсон [Олсон, 2012] отмечает, что японскому и немецкому «экономическому чуду» и формированию в этих странах демократических систем поспособствовало разрушение в результате Второй мировой войны элитных группировок, извлекавших ренту. При этом распад старых межэлитных связей не означает автоматическое формирование порядка открытого доступа (о чём свидетельствует институциональная динамика в ФРГ и ГДР), но создает условия для возможного заключения межэлитного соглашения.

4. Изменения в спросе на институты. Трансформация институтов, как отмечают Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон [Acemoglu, Robinson, 2021], тесно связана с тем, что происходит на «культурных рынках». Действующие на них «культурные предприниматели» предлагают обществу свою интерпретацию существующих «культурных атрибутов», и те культуртрегеры, которые смогли выиграть эту конкуренцию, формируют у общества спрос на институты. Если на культурном рынке появляется новый победитель (к примеру, поддерживающий более низкий уровень барьеров для организаций), то это влияет как на риски потери власти, так и на издержки текущего уровня репрессий. Чтобы эти риски и издержки снизить, элиты в итоге будут готовы пойти на либерализацию. Классическим примером изменения спроса на институты можно считать отмену рабства в США — «культурные предприниматели»-аболиционисты смогли убедить общество в недопустимости нахождения людей в собственности, что в итоге повлияло на решение американского правительства об отмене рабства, несмотря на его экономическую эффективность [Fogel, Engerman, 1974].

Сам процесс выхода из ловушки предшествующего развития скорее окажется успешным, а результаты институциональной трансформации — устойчивыми в случае, если реформаторы смогут добиться как можно более низкого C_{tr} . Для этого есть два способа. Во-первых, снижение издержек, связанных с изменением уровня барьеров для организаций, с помощью рекомбинации существующих правил. Сделать это можно с помощью использования сохранившихся рудиментов не выбранных в прошлом институциональных

альтернатив [Schneiberg, 2007] или изменения интерпретации, или инфорсменты существующих норм [Ebbinghaus, 2009]. Именно таким образом удалось выбраться из ловушки предшествующего развития и выстроить порядок открытого доступа Чили — демократическая система в стране основана на конституции 1980 г., принятой А. Пиночетом для поддержания своего авторитарного режима и отредактированной в 1989 г. во время переговоров между хунтой и оппозицией [Navia, 2009]. Это, по мнению П. Навии, позволило добиться демократического транзита без сопротивления старых элит, так как сохранение старой конституции (из которой были убраны наиболее авторитарные параграфы) легитимизировало их роль в новой политической системе.

Во-вторых, институциональных изменений можно достичь с помощью компенсационных сделок, благодаря которым потенциальным проигравшим от изменения правил будут возмещены все их потери. Данный путь «выхода из колеи» снизит не только C_{it} , но и вероятность потери власти. Так, в Южной Корее (см. [You, 2012]) быстрая трансформация аграрно-феодалного общества в страну с порядком открытого доступа и развитой экономикой стала возможной благодаря аграрной реформе, в ходе которой крестьяне получили землю в собственность, а аристократия — компенсации. В результате данная реформа, с одной стороны, снижала популярность северокорейского режима, за счёт чего властям Южной Кореи удалось добиться монополии на насилие, а с другой — дала и фермерам, и аристократам первоначальный капитал, который они использовали для создания промышленности. Формирование открытой рыночной системы, в свою очередь, способствовало снижению барьеров и на политических рынках.

Ещё одним выводом из представленной нами модели является то, что хотя в краткосрочной и среднесрочной перспективе описываемое нами общество находится в ловушке предшествующего развития, в долгосрочной перспективе оно придёт к порядку открытого доступа. Связано это с тем, что устойчивость порядка ограниченного доступа вызвана спросом на институты, который, в свою очередь, связан с культурными нормами. Однако во всех обществах по мере своего развития, как отмечают Р. Инглхарт и У. Бейкер [Inglehart, Baker, 2000], происходит процесс формирования сначала материалистических, а потом и постматериалистических ценностей, которые подразумевают запрос на народовластие, равенство и подконтрольность элит. Более того, по мере роста экономики общества становятся более индивидуалистичными и феминными [Hofstede, Minkov, 2013], что создает запрос на большую защищенность бизнеса и меньший уровень использования аппарата насилия. Поэтому по мере общественной трансформации удерживать высокие барьеры для организаций становится всё более и более затратно, что будет подталкивать элиты к либерализации.

Хотя разработанная модель вполне соответствует имеющимся в новой институциональной экономической теории представлениям о ловушке предшествующего развития, полученные нами основные выводы о чередовании «оттепелей» и «заморозков», о факторах, способствующих преодолению ловушки, и оптимальных стратегиях выхода из колеи требуют дополнительных подтверждений. Именно поэтому в следующей части статьи мы сопоставим нашу модель с тем, как в реальности изменялась институциональная среда в России за последние столетия.

«Оттепели» и «заморозки»: свидетельства из российской истории

В качестве примера, иллюстрирующего работу выявленных с помощью теоретической модели закономерностей, посмотрим на то, как и по каким причинам менялась институциональная среда в России за XIX и XX вв. Данный период выбран нами по той причине, что, согласно Норту, Уоллису и Вайнгасту [North, Wallis, Weingast, 2009], именно в начале XIX в. в мире сформировались первые полноценные порядки открытого доступа.

Учитывая, что в долгосрочном периоде порядок открытого доступа выгоден для элит, можно было бы наивно предположить, что при появлении данной формы общественного устройства другие общества будут пусть и не сразу, но перенимать наиболее эффективные практики. Однако на деле, как показывает опыт и России, и подавляющего большинства стран мира, попытки снизить барьеры для независимых политических и экономических организаций сталкиваются с эффектом колеи.

Обращаясь к российской истории, стоит подметить существование на протяжении последних столетий периодов «оттепелей», когда элиты идут на реформы и стараются выйти из ловушки предшествующего развития, и «заморозков», когда элиты возвращаются к институтам самодержавия и крепостничества. На рис. 2 показаны основные тренды⁴ того, как претерпевали изменения барьеры для независимых организаций 1800–2000 гг. (в табл. 1 в Приложении даны пояснения к каждому историческому периоду).

Рис. 2. Изменения порядка ограниченного доступа в России, 1800–2000 гг. Чем выше линия, тем ниже уровень барьеров для независимых политических и экономических организаций

Источник: вычисления авторов.

На графике отчетливо видно, что периоды снижения барьеров (в годы правления Александра I и Александра II, в эпоху революции 1905 г., НЭПа, оттепели и перестройки) регулярно сменяются эпохой «заморозков» (правление Николая I, Александра III, И. Сталина, период застоя). Особняком стоит эпоха Гражданской войны — крушение государственности привело к тому, что на территории России не существовало монополии на насилие, из-за чего создать жизнеспособную организацию было возможно лишь с помощью доступа к насилию. Из графика также следует, что, не считая хрупкого порядка ограниченного доступа в 1917–1922 гг., в долгосрочном периоде институциональная среда демонстрировала развитие в сторону более зрелого порядка ограниченного доступа. Об этом говорит даже то, что каждый новый период «заморозков» был мягче предыдущего: уровень ограничения свобод в эпоху контрреформ Александра III или Л.Брежнев не достигал того объема репрессий, что наблюдался во времена «мрачного семилетия» или Большого террора, соответственно.

Однако чем именно вызваны данные маятниковые колебания? Для ответа на этот вопрос в данной статье мы кратко рассмотрим причины, вызвавшие институциональные изменения в эпоху правления четырех последних российских императоров, — эпоху, в которую в соседних странах происходило становление зрелых порядков ограниченного доступа или порядков открытого доступа.

⁴ Более подробный анализ динамики институциональной среды в каждую отдельную историческую эпоху требует дополнительного анализа, выходящего за рамки данного исследования.

Николай I

Правление Николая I считается одним из наиболее реакционных за всю российскую историю. Уже в самом начале царствования императором было основано Третье отделение императорской канцелярии — специализированный орган управления, контролирующий весь политический сыск в стране; был введен «чугунный» цензурный устав, из-за которого практически любые издания, затрагивающие политические темы, были под запретом. Причина этих действий проста: новый император в самом начале своего царствования столкнулся с восстанием декабристов, в котором приняло участие либерально настроенное офицерство. Рост угрозы потери власти подтолкнул Николая I к ужесточению борьбы с независимыми политическими организациями и сдерживанием распространения идей французского Просвещения. Однако ценой укрепления единоличной власти стал рост бюрократизма — современники отмечали, что при Николае I сложилось полноценное чиновничье сословие, неподконтрольное обществу, но влияющее на принятие широкого круга решений. Регуляторное давление и коррупция серьёзно сдерживали появление эффективных независимых экономических организаций. Более того, по мнению А. Гершенкрона [Gershenkron, 1970], Николай осознанно проводил политику, сдерживающую экономический рост, который в то время был связан в основном с распространением промышленного производства, и позволявшую существующей элите извлекать больше аграрной ренты. Так, император считал необходимым сохранение ведущей роли аграрного сектора, из-за чего в стране сравнительно медленно стала создаваться железнодорожная система, а из всех финансовых институтов наибольшую поддержку получал Государственный заемный банк, в котором помещики могли брать займы под залог крепостных или земли. Эти взгляды также удерживали Николая I от попыток запуска «авторитарной модернизации», он предпочитал довольствоваться *status quo*.

То, чем именно руководствовался Николай I при проведении своей политики, демонстрирует «мрачное семилетие» 1848–1855 г. Рост числа политических процессов и ужесточение (после некоторых смягчений в начале 1840-х гг.) цензуры стало реакцией на «весну народов» — серию революций, прокатившейся в 1848 г. по всей Европе. «Рыцарь самодержавия», опасаясь, что опыт многочисленных стран (от Франции до Венгрии) может создать спрос на более свободную политическую систему, для укрепления власти пошел не на уступки, а на ужесточение режима. То есть в данном случае под воздействием внешнего шока, который мог (с точки зрения власти) повлиять на спрос на институты, был взят курс на ужесточение институциональных барьеров.

Таким образом, правление Николая I наглядно показывает, что для элит, живущих в условиях порядка ограниченного доступа, оптимальной стратегией в случае роста рисков потери власти является увеличение барьеров для независимых организаций. При этом «заморозки» затрагивают не только политику, но и экономику: для сохранения ренты элиты готовы пожертвовать её размером.

Александр II

Как и правление Николая I, царствование его сына началось с серьёзных вызовов — но несколько иного рода. Проигранная в том числе из-за низкого уровня экономического и технологического развития страны Крымская война оставила Россию со значительным внешним долгом. Кроме того, вопреки усилиям предшественника, к началу правления Александра II на «культурном рынке» стали преобладать критические мнения о существующей в стране экономико-политической системе, в первую очередь — о крепостном праве. Разрыв между существующими барьерами и спросом на новые институты был велик.

Слабое состояние экономики и неудовлетворенность спроса на институты подтолкнули Александра II к реформам, ключевой из которых была крестьянская реформа

1861 г. Знаменитый Манифест 19 февраля обозначил лишь первый шаг в трудном процессе. На самом деле процедура перехода к рыночной сельскохозяйственной системе, как отмечает Б. Миронов [Миронов, 2003], заняла несколько десятилетий. Так, на протяжении 49 лет крестьянам приходилось платить оброк или барщину за право пользоваться землей, а помещик, чьи крестьяне были освобождены, получал из казны большую единовременную выплату (которую потом в течение многих десятилетий взыскивали с крестьян). Данные меры связаны с издержками имплементации реформ — класс землевладельцев мог бы не принять более радикальную процедуру освобождения крестьян. О том, что специфичный дизайн крестьянской реформы можно объяснить издержками её проведения, свидетельствует также тот факт, что после реформы крестьяне остались привязаны к сельской общине, так как подобная форма организации производства была и привычна крестьянству, и имела поддержку среди образованных слоев общества [Kimball, 1973].

Умеренность самой крестьянской реформы была не единственным способом снизить сопротивление раскрепощению крестьян. Так, земская реформа, в ходе которой в России возникли новые органы местного самоуправления, была проведена, как указывает В. Румянцев [Румянцев, 2014], не только из-за запроса нарождающейся буржуазии на представительство, но и в качестве компенсации дворянству за ликвидацию крепостного права. Фактически, перед нами пример компенсационной сделки — в обмен на ослабление доступа к аграрной ренте местному дворянству дали больше прав на принятие локальных политических решений, несколько перераспределив власть от центрального бюрократического аппарата.

Другие реформы Александра II также способствовали снижению барьеров для политических и экономических организаций. Финансовая реформа снизила административные барьеры и сделала более эффективной налоговую систему; реформа высшего образования либерализовала академическую сферу и позволила разночинцам накапливать человеческий капитал, необходимый для капиталистической экономики; судебная реформа привела к созданию независимой судебной системы, способной защищать заключенные контракты. Все эти меры поспособствовали капиталистическому развитию страны.

Эпоха великих реформ подтверждает выводы модели о том, что снижение темпов экономического роста и увеличение разрыва между институциональным спросом и предложением привели к тому, что элиты пошли на снижение уровня барьеров для независимых организаций. Однако эти действия дали серьёзный побочный эффект — на фоне либерализации в обществе стали появляться группы, требующие ещё больших изменений. Они стали создавать серьёзные риски для власти. Снижение уровня цензуры и репрессий против инакомыслия лишь способствовало распространению радикальных взглядов. Деятельность этих групп привела к покушению на Александра II в 1866 г., после которого темп реформ резко снизился, и убийству императора в 1881 г., на которое его сын, Александр III, ответил ужесточением политической системы. С началом стабильного капиталистического развития риски для элит возросли, и это изменение баланса выгод и издержек привело к обратной реакции.

Александр III

В начале своего царствования Александр III столкнулся во многом с теми же вызовами, что и его дед — правда, потерять власть он мог вследствие не военного переворота, а деятельности террористических группировок. Это заставило нового императора сразу же начать более репрессивную политику: полицейские власти, а также Третье отделение получили чрезвычайные полномочия и фактически имели право сколь угодно долго держать под арестом подозрительных лиц без решения суда. Многие реформы, начатые Александром II, были пересмотрены. Право на суд присяжных, введенное после судебной реформы, было ограничено, была урезана появившаяся при Александре II университетская

автономия, низшие сословия были ограничены в праве на образование («закон о кухаркиных детях»), а городские жители — в возможности влиять на решения земств. Кроме того, Александр III усилил поддержку дворянства, создав специализированный банк для помощи землевладельцам, а также ограничив процесс выхода крестьян из общины. Таким образом, к сокращению политических свобод добавилось торможение процесса раскрепощения, начатого предыдущим императором.

Характерно, что контрреформы Александра III не носили радикального характера. Это можно объяснить тем, что возвращение крепостного права или разгон местного самоуправления было чревато слишком высокими издержками и, учитывая предпочтения общества, могло бы только увеличить риск потери власти. Однако предпринятых мер было достаточно, чтобы усилить контроль элиты за политической системой и увеличить извлечение аграрной ренты (пусть и не до того уровня, что был при Николае I), не уничтожив экономический рост и позволяя элите извлекать ренту и из новых, промышленных, отраслей. Более того, после первых пяти лет царствования, в ходе которых были приняты основные репрессивные законы, серьёзного увеличения барьеров не наблюдалось, так как это могло бы вызвать значительные издержки. Фактически с середины 1880-х — 1905 гг. страна находилась в состоянии застоя.

Отдельно стоит отметить, что данный период заморозков и застоя сопровождался попыткой «авторитарной модернизации», пусть и не такой значительной, как при Петре I или Сталине. Как отмечает А. Гершенкрон [*Gershenkron*, 1970], индустриализация в Российской империи конца XIX в. произошла при большем государственном вмешательстве, чем во Франции и Германии. Причем это вмешательство не ограничивалось только крупными инфраструктурными проектами (такими, как, к примеру, Транссиб), но и выражалось в значительном объеме государственных закупок, а также в протекционизме. Хотя эти меры и оказали положительное влияние на темпы экономического роста, в долгосрочном периоде они создавали свои проблемы: монополизация несырьевых отраслей, возникшая за счёт высоких барьеров для независимых экономических организаций, была серьёзным препятствием для полноценной индустриализации [*Cheremukhin, Golosov, Guriev, Tsyvinski*, 2017].

Таким образом, правление Александра III показывает, что при росте угрозы потери власти элиты готовы пойти не только на ужесточение политического режима, но и на «авторитарную модернизацию», которая должна заменить собой частные инвестиции, потерянные из-за увеличения барьеров для экономических организаций. Такого рода меры способны дать в кратковременном периоде экономический рост, но имеют негативные долгосрочные последствия.

Николай II

В отличие от трёх своих предшественников, Николай II в начале своего царствования не сталкивался ни с серьёзным экономическим кризисом, ни с высоким риском потери власти, поэтому первые годы его правления также можно назвать скорее «застойными». Однако за 20 лет с момента «закручивания гаек» после убийства Александра II российское общество претерпело существенные изменения — именно на рубеж веков, по мнению Миронова [*Mironov*, 2015], пришёлся активный процесс урбанизации и модернизации ценностей, который хоть и не предопределил, но серьёзно поспособствовал возникновению революционных волнений. Рост спроса на политическое представительство (при незыблемости самодержавия, о котором заявил Николай II в самом начале царствования) привел к тому, что существующий уровень политических и экономических барьеров перестал устраивать общество, что вылилось в революцию 1905–1907 гг.

Первоначально действия властей вполне укладывались в логику поведения элит, желающих защитить свой доступ к ренте, — против протестующих использовался суще-

ствующий у государства аппарат насилия. Однако подавить все стачки не удалось, а проходившая в то же самое время русско-японская война ограничивала возможность использования армии для подавления протестов. Поэтому вместо заведомо высоких издержек на подавление революции властям пришлось пойти на уступки в виде Манифеста 17 октября. Гарантия основных гражданских свобод со стороны государства и созыв избранной на выборах Государственной думы удовлетворили значительную часть контрэлита.

При этом, как только Россия закончила войну с Японией, а насильственная фаза революции сошла на нет, власть стала частично отменять предложенные в 1905 г. реформы. Так, для получения более договороспособного состава Думы правительство во главе с П. Столыпиным изменило избирательное законодательство и (как Александр III в положениях о земствах за 20 лет до того) увеличило вес голосов дворянства, тем самым повысив барьеры политического участия для «третьего сословия». Вместе с системой военно-полевых судов в отношении политических дел данная мера позволила стабилизировать политическую систему Российской империи до начала Первой мировой войны. То есть история первой русской революции показывает, что элиты могут снижать барьеры для организаций в том случае, когда издержки сохранения этих барьеров становятся слишком высокими, однако если в будущем эти затраты снижаются, то власть может вернуть часть барьеров назад. Кроме того, пример 1905–1907 гг. наглядно показывает, как работает ловушка предшествующего развития. Соглашаясь на значительные институциональные изменения, власти позже могут трансформировать новые правила, основываясь на давно существующих в институциональной среде принципах — например, как в данном случае, на принципе сословности. В результате даже демократические реформы продолжают, пусть и в сильно видоизмененном виде, воспроизводить институты самодержавия и крепостничества.

Заключение

Подведём итоги. Развитие институциональной среды в большинстве государств мира сдерживается ловушкой предшествующего развития, в результате которой установившиеся в прошлом неэффективные институты продолжают воспроизводиться до сих пор. Связано это как с тем, что любые институциональные изменения создают издержки, которые ни власть, ни общество не готовы понести, так и с тем, что элиты, устанавливающие правила игры, могут быть бенефициарами данных институтов.

В данной работе мы предлагаем свой взгляд на то, как устроена «колея развития» в странах с социальным порядком ограниченного доступа. Предложенная нами модель показывает, что «оттепели», периодически возникающие в странах с низким качеством институциональной среды, являются естественной частью «колеи» и реакцией либо на негативные эффекты, создаваемые излишне рентоориентированным поведением элит, либо на невозможность удержать власть исключительно с помощью репрессивного аппарата. При этом либерализация приводит к росту риска потери ренты, поэтому вскоре после стабилизации экономики у элит появляются стимулы вернуть более высокие барьеры для независимых политических или экономических акторов.

Российская история является наглядным примером подобного «маятникового» развития. Так, в последний век существования Российской империи две волны либерализации были связаны либо с экономическим и технологическим отставанием от соседних стран, либо с невозможностью поддерживать былой уровень репрессий. При этом расширение гражданских и экономических свобод приводило к тому, что в обществе появлялось больше возможностей для образования организаций, готовых бросить вызов элите. Поэтому либерализация таит для элит угрозу потери власти. В том случае, когда эта угроза становится серьёзной, власти идут на ужесточение режима. Причём, наиболее простым с точки зрения

транзакционных издержек способом контрреформ оказывается воспроизводство в новой институциональной среде старых правил — например, сословного ценза в демократических земствах и думах или дворянского землевладения в пореформенном селе.

Есть ли выход из этой колее? Хотя все осуществлявшиеся в России попытки либерализации в итоге не привели к формированию порядка открытого доступа, это не значит, что подобные трансформации невозможны. Причин, по которым они могут произойти, несколько. Во-первых, в обществе может сложиться такой спрос на высококачественную институциональную среду, при котором элиты столкнутся с запредельными издержками, связанными с проведением репрессий. Наличие гражданского общества, сдерживающего власть, — условие попадания в «узкий коридор», в котором только и может сложиться демократическая политическая система [Acemoglu, Robinson, 2019]. Во-вторых, из-за сильного внешнего шока та рента, за счёт которой жила элита (к примеру, связанная с добычей природных ресурсов), может исчезнуть, что вынудит её менять экономическое устройство в сторону меньшего уровня ограничений. В-третьих, как указывают Д. Норт и его соавторы, порядок открытого доступа может возникнуть в результате пакта элит — то есть, исходя из нашей модели, тогда, когда элиты договариваются между собой о создании очень высоких издержек использования аппарата насилия в политической борьбе. Примеры возникновения стабильных демократических систем после заключения подобных пактов во многих странах (от Испании до Польши) показывают, что межэлитные договоренности позволяют преодолеть эффект блокировки. Однако данный сценарий реален только при достижении необходимых пороговых условий — то есть при уже достаточно низких барьерах для политических и экономических организаций.

Приложение

Таблица 1

Изменения барьеров для экономических и политических организаций в России за последние два века

Эпоха	Изменения барьеров для политических организаций	Изменения барьеров для экономических организаций
1801–1809	<i>Снижение:</i> формализация системы государственного управления	<i>Снижение:</i> реформа образования, Указ о вольных хлебопашцах, легальный статус акционерных обществ
1809–1825	<i>Без изменений</i>	
1825–1848	<i>Увеличение:</i> формирование Третьего отделения, отмена польской конституции, усиление цензуры	<i>Увеличение:</i> ограничение доступа крепостных к образованию, рост бюрократизма и уровня коррупции <i>Снижение:</i> рост прав государственных крестьян
1848–1855	<i>Увеличение:</i> «мрачное семилетие»	<i>Без изменений</i>
1855–1866	<i>Снижение:</i> Великие реформы Александра II	<i>Снижение:</i> Великие реформы Александра II
1866–1881	<i>Снижение:</i> городская реформа, в остальном приостановка реформ	<i>Без изменений</i>
1881–1905	<i>Увеличение:</i> контрреформы Александра III	<i>Увеличение:</i> контрреформы Александра III, рост протекционизма, алкогольная рента
1905–1907	<i>Снижение:</i> Манифест 17 октября	<i>Снижение:</i> Манифест 17 октября, земельная реформа
1907–1916	<i>Увеличение:</i> переворот 3 (16) июня 1907 г.	<i>Без изменений</i>
1917	<i>Снижение:</i> установление республики, отмена цензуры.	<i>Без изменений</i>
1918–1922	Распад государственности, формирование хрупкого порядка ограниченного доступа, в котором жизнеспособность организации связана с её потенциалом насилия.	
1922–1929	<i>Снижение:</i> возвращение монополии на насилие государству, внутрипартийные дискуссии, снижение темпов репрессии	<i>Снижение:</i> НЭП, концессии
1929–1953	<i>Увеличение:</i> установление единоличной власти Сталина, рост уровня репрессий	<i>Увеличение:</i> запрет частного предпринимательства, коллективизация
1953–1968	<i>Снижение:</i> оттепель, амнистия и частичная реабилитация репрессированных	<i>Снижение:</i> реформы А.Н. Косыгина
1968–1985	<i>Увеличение:</i> застой, репрессии против диссидентов	<i>Увеличение:</i> сворачивание реформ А.Н. Косыгина, появление нефтяной ренты
1985–1991	<i>Снижение:</i> перестройка, отмена цензуры, возвращение конкурентных выборов	<i>Снижение:</i> снижение запретов на частное предпринимательство
1991–1993	<i>Снижение:</i> всенародные выборы руководства, падение однопартийной системы	<i>Снижение:</i> реформы Е.Т. Гайдара
1993–2000	<i>Увеличение:</i> расстрел парламента, установление суперпрезидентской системы	<i>Увеличение:</i> формирование олигархических кланов и связей между властью и собственностью

Источник: собственные расчёты авторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А.А. (2007). «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 54–60.
- Корнейчук Б.В. (2016). «Эффект колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений // *Terra Economicus* Т. 14. № 1. С. 78–87.
- Миронов Б.Н. (2003). Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. СПб: Изд. Дмитрий Буланин.
- Нуреев Р.М. (2010). Россия после кризиса: эффект колеи // *Journal of Institutional Studies*. №2. С. 7–26.
- Олейник А.Н. (2011). Преемственность и изменчивость превалирующей модели власти: «эффект колеи» в российской истории // *Общественные науки и современность*. №1. С. 52–66.
- Олсон М. (2012). Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство.
- Полтерович В.М. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность*. №3. С. 5–16.
- Румянцев В.О. (2014). Борьба идей при подготовке земской реформы 1864 года // *Проблемы законности*. №127. С. 3–12.
- Ясин Е.Г. (2001). Модернизация российской экономики: что в повестке дня // *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 5. №2. С. 157–178.
- Abad L.A., Maurer N. (2021). History Never Really Says Goodbye: A Critical Review of the Persistence Literature // *Journal of Historical Political Economy*. Vol. 1. No. 1. Pp. 31–68.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2019). *The narrow corridor: states, societies, and the fate of liberty*. New York: Penguin Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2021). *Culture, Institutions and Social Equilibria: A Framework*: Working Paper No. 28832. May / NBER.
- Bednar J., Jones-Rooy A., Page S.E. (2015). Choosing a future based on the past: Institutions, behavior, and path dependence // *European Journal of Political Economy*. No. 40. Pp. 312–332.
- Bednar J., Page S.E. (2018). When Order Affects Performance: Culture, Behavioral Spillovers, and Institutional Path Dependence // *American Political Science Review*. No. 112. Pp. 82–98.
- Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. (2017). The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model // *The Review of Economic Studies*. Vol. 84. No. 2. Pp. 613–649.
- David P. A. (1985). Clio and the economics of qwerty // *American Economic Review*. Vol. 75. No. 2. Pp. 332–337.
- David P.A. (1994). Why are institutions the „carriers of history“?: Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions. // *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 5. No. 2. Pp. 205–220.
- Deeg R. (2001). Institutional change and the uses and limits of path dependency: the case of German finance // *MPIfG Discussion Paper*. No. 01/6.
- Ebbinghaus B. (2009). Can path dependence explain institutional change? Two approaches applied to welfare state reform. // *The Evolution of Path Dependence / L. Magnusson & J. Ottosson (eds.)*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. Pp. 191–218.
- Fogel R.W., Engerman S.L. (1974). *Time on the Cross*. New York: W.W. Norton & Company.
- Gel'man V., Travin D., Marganiya O. (2014). *Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985–2000: Generations, Ideas, and Changes*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Gerschenkron A. (1970). *Europe in the Russian mirror: four lectures in economic history*. London: Cambridge University Press.
- Hofstede G., Minkov M. (2013). *Cultures and organizations: software of the mind*. New York: McGraw-Hill.
- Inglehart R., Baker W.E. (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. Pp. 19–51.
- Jedwab R. C., Johnson N.D., Koyama M. (2020). The Economic Impact of the Black Death // *CEPR Discussion Papers*. No. 15132.
- Kimball A. (1973). The First International and the Russian Obshchina // *Slavic Review*. Vol. 32. No. 3. Pp. 491–514.
- Liebowitz S.J., Margolis S. (1995). Path dependence, lock-in, and history // *Journal of Law, Economics, & Organization*. Vol. 11. No. 1. Pp. 205–26.
- Maddison A. (2008). *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD*. URL: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls
- Mahoney J., Thelen K. (2009). A theory of gradual institutional change // *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. J. Mahoney, K.Thelen (eds). — Cambridge: Cambridge University Press. Pp.1-37.
- Marichev S. (2020). The problem of Russia`s socio-economic modernization and the «path dependence» effect // *Obshchestvo i ekonomika*. No. 6. Pp. 5–24.
- Martin R., Sunley P. (2010). The place of path dependence in an evolutionary perspective on the economic landscape // *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. Pp. 62–92.
- Mironov B.N. (2015). The Russian Revolution of 1917 as a By-Product of Modernization // *Russian Social Science Review*. Vol. 56. No. 1. Pp. 79–95.
- Morgan G., Kubo I. (2005). Beyond path dependency? Constructing new models for institutional change: the case of capital markets in Japan // *Socio-Economic Review*. No. 3. Pp. 55–82.

- Navia P. (2009). From limited access to open access order in Chile, take two // *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development*. New York: Cambridge University Press. Pp. 261–292.
- North D.C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nonetti R.Y. (1994). *Making Democracy Work*. Princeton (NJ): Princeton University Press.
- Schneiberg M. (2007). What's on the path? Path dependence, organizational diversity and the problem of institutional change in the US economy, 1900–1950 // *Socio-Economic Review* Vol. 5. No. 1. Pp. 47–80.
- Schreyögg G., Sydow J. (2009). *The Hidden Dynamics of Path Dependence*. London: Palgrave-Macmillan.
- Schreyögg G., Sydow J. (2010). Understanding Institutional and Organizational Path Dependencies // *The Hidden Dynamics of Path Dependence*. London: Palgrave-Macmillan. Pp. 3–12.
- Vergne J.P., Durand R. (2010). The missing link between the theory and empirics of path dependence: Conceptual clarification, testability issue, and methodological implications // *Journal of Management Studies*. Vol. 47. No. 4. Pp. 736–59.
- Weyland K. (2008). Toward a New Theory of Institutional Change // *World Politics*. Vol. 60. No. 2. Pp. 281–314.
- You J. (2012). Transition from a Limited Access Order to an Open Access Order: The Case of South Korea by Jong-sung You // APSA 2012 Annual Meeting Paper.

Аузан Александр Александрович

auzan@inp.ru

Alexander Auzan

PhD, professor, dean of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

auzan@inp.ru

Лепетиков Ярослав Дмитриевич

yardlep@mail.ru

Yaroslav Lepetikov

PhD student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

yardlep@mail.ru

Ситкевич Даниил Андреевич

Sitkevich@iep.ru

Daniil Sitkevich

Research Fellow, Institute of National Projects (Moscow)

Sitkevich@iep.ru

TRACK AND PENDULUM: IMPACT OF THE PAST DEPENDENCE PROBLEM ON THE DYNAMICS OF INSTITUTIONAL CHANGE

Abstract. This paper aims to explain how the path dependence problem can influence the dynamics of institutional change. Over the past decades, the concept of the path dependence problem has become widespread in the economic literature, but how and why institutions can change without leaving the historical path remains a mystery. The article proposes a theoretical model that explains why a historical institutional environment, even if inefficient, is able to reproduce itself, and all attempts to change it take a form of a pendulum. This is because the institutions that restrict access to the economic and political market can be used by elites to extract rent, whereas institutions with open access can either reduce their income or increase the risk of losing power. At the same time, reducing the barrier for economic and political organizations independent from the elites leads to higher economic growth rates and lower spending on the apparatus of violence, resulting in a “pendulum effect” — the incentives to soften restrictions on independent organizations arise when these restrictions are tighter (due to the economic downturn and excessive government spending associated with high barriers), and vice versa. A full breakout from path dependence is possible in cases where citizens place more demand on open-access institutions and elites have incentives to reach an agreement among the elites to limit the use of violence. As an example of the “pendulum effect”, the article cites the last century of Russian Empire’s existence, in which long periods of reform (e.g., the beginning of Alexander II’s reign) led authorities to tighten the political regime because of the risk of losing power, and long periods of counter-reform (for example, the reign of Nicholas I) — led to economic and technological backwardness, as well as increased costs of suppression of the disaffected, which could be eliminated only with the help of a freer economic system, which led his heir on the path of reforms.

Keywords: *path dependence, path dependence problem, pendulum effect institutional transformation, limited access order, open access order, demand on institutions.*

JEL: E02, N13, O43.

REFERENCES

- Abad L.A., Maurer N. (2021). History Never Really Says Goodbye: A Critical Review of the Persistence Literature // *Journal of Historical Political Economy*. Vol. 1. No. 1. Pp. 31–68.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2019). *The narrow corridor: states, societies, and the fate of liberty*. New York: Penguin Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2021). Culture, Institutions and Social Equilibria: A Framework: Working Paper No. 28832. May / NBER.
- Auzan A.A. (2007). «Koleja» rossijskoj modernizacii [The «Track» of Russian Modernization] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 6. Pp. 54–60. (In Russ.).
- Bednar J., Jones-Rooy A., Page S.E. (2015). Choosing a future based on the past: Institutions, behavior, and path dependence // *European Journal of Political Economy*. No. 40. Pp. 312–332.
- Bednar J., Page S.E. (2018). When Order Affects Performance: Culture, Behavioral Spillovers, and Institutional Path Dependence // *American Political Science Review*. No. 112. Pp. 82–98.
- Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. (2017). The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model // *The Review of Economic Studies*. Vol. 84. No. 2. Pp. 613–649.
- David P.A. (1985). Clio and the economics of qwerty // *American Economic Review*. Vol. 75. No. 2. Pp. 332–337.
- David P.A. (1994). Why are institutions the «carriers of history»? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions // *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 5. No. 2. Pp. 205–220.
- Deeg R. (2001). Institutional change and the uses and limits of path dependency: the case of German finance // *MPIfG Discussion Paper*. No. 01/6.
- Ebbinghaus B. (2009). Can path dependence explain institutional change? Two approaches applied to welfare state reform // *The Evolution of Path Dependence*. L. Magnusson & J. Ottosson (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing. Pp. 191–218.
- Fogel R.W., Engerman S.L. (1974). *Time on the Cross*. New York: W.W. Norton & Company.
- Gel'man V., Travin D., Marganiya O. (2014). *Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985–2000: Generations, Ideas, and Changes*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Gerschenkron A. (1970). *Europe in the Russian mirror: four lectures in economic history*. London: Cambridge University Press.
- Hofstede G., Minkov M. (2013). *Cultures and organizations: software of the mind*. New York: McGraw-Hill.
- Inglehart R., Baker W.E. (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. Pp. 19–51.
- Jasin E.G. (2001). Modernizacija rossijskoj jekonomiki: chto v povestke dnja [Modernizing the Russian Economy: What's on the Agenda] // *Jekonomicheskij zhurnal VShJe*. Vol. 5. No. 2. Pp. 157–178. (In Russ.).
- Jedwab R.C., Johnson N.D., Koyama M. (2020). The Economic Impact of the Black Death. *CEPR Discussion Papers*. No. 15132.
- Kimball A. (1973). The First International and the Russian Obshchina // *Slavic Review*. Vol. 32. No. 3. Pp. 491–514.
- Kornejchuk B.V. (2016). «Jeffekt kolei» v kontekste evoljucionnoj teorii jekonomicheskikh izmenenij. [Path Dependence in the Context of the Evolutionary Theory of Economic Change] // *Terra Economicus*. Vol. 14. No 1. Pp. 78–87. (In Russ.).
- Liebowitz S. J., Margolis S. (1995) Path dependence, lock-in, and history // *Journal of Law, Economics, & Organization*. Vol. 11. No. 1. Pp. 205–26.
- Maddison A. (2008). *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD*. http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls.
- Mahoney J., Thelen K. (2009). A theory of gradual institutional change // *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. J. Mahoney, K. Thelen (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 1–37.
- Marichev S. (2020). The problem of Russia's socio-economic modernization and the «path dependence» effect // *Obshchestvo i ekonomika*. No. 6. Pp. 5–24.
- Martin R., Sunley P. (2010). The place of path dependence in an evolutionary perspective on the economic landscape // *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. Pp. 62–92.
- Mironov B.N. (2015). The Russian Revolution of 1917 as a By-Product of Modernization // *Russian Social Science Review*. Vol. 56. No. 1. Pp. 79–95.
- Mironov B.N. (2003). *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.) v 2 t.* [Social History of Russia during the Empire Period (XVIIIth — early XXth century) in 2 vol.]. SPb: Izd. Dmitrij Bulanin. (In Russ.).
- Morgan G., Kubo I. (2005). Beyond path dependency? Constructing new models for institutional change: the case of capital markets in Japan // *Socio-Economic Review*. No. 3. Pp. 55–82. (In Russ.).
- Navia P. (2009). From limited access to open access order in Chile, take two // *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development*. New York: Cambridge University Press. Pp. 261–292.
- North D.C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nureev R.M. (2010). Rossiya posle krizisa: jeffekt kolei [Russia after the crisis: path dependence] // *Journal of Institutional Studies*. No. 2. Pp. 7–26. (In Russ.).
- Olejnuk A. N. (2011). Preemstvennost' i izmenchivost' prevalirujushhej modeli vlasti: «jeffekt kolei» v rossijskoj istorii [Continuity and variability of the prevailing model of power: the “path dependence problem” in Russian history]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. No.1. Pp. 52–66. (In Russ.).
- Olson M. (2012). *Vlast' i procvetanie. Pererastaja kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and prosperity. Outgrowing communist and capitalist dictatorships]. M.: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2004). Institucional'nye lovushki: est' li vyhod? [Institutional traps: is there a way out?] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 5–16. (In Russ.).
- Putnam R.D., Leonardi R., Nonetti R.Y. (1994). *Making Democracy Work*. Princeton (NJ): Princeton University Press.
- Rumjancev V.O. (2014). Bor'ba idej pri podgotovke zemskoj reformy 1864 goda [The struggle of ideas in the preparation of the Zemstvo reform of 1864] // *Problemy zakonnosti*. No. 127. Pp. 3–12. (In Russ.).
- Schneiberg M. (2007). What's on the path? Path dependence, organizational diversity and the problem of institutional change in the US economy, 1900–1950 // *Socio-Economic Review*. Vol. 5. No. 1. Pp. 47–80.
- Schreyögg G., Sydow J. (2009). *The Hidden Dynamics of Path Dependence*. London: Palgrave-Macmillan.
- Schreyögg G., Sydow J. (2010). Understanding Institutional and Organizational Path Dependencies // *The Hidden Dynamics of Path Dependence*. London: Palgrave-Macmillan. Pp. 3–12.
- Vergne J.P., Durand R. (2010). The missing link between the theory and empirics of path dependence: Conceptual clarification, testability issue, and methodological implications // *Journal of Management Studies*. Vol. 47. No. 4. Pp. 736–59.
- Weyland K. (2008). Toward a New Theory of Institutional Change // *World Politics*. Vol. 60. No. 2. Pp. 281–314.
- You J. (2012). Transition from a Limited Access Order to an Open Access Order: The Case of South Korea by Jong-sung You // *APSA 2012 Annual Meeting Paper*.

В.М. Полтерович

академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: К СИНТЕЗУ ДВУХ КАНОНОВ

Аннотация. В ряде работ автором было показано, что экономическая теория находится в перманентном кризисе, обусловленном фундаментальными причинами, и что возможным выходом из него является формирование общего социального анализа, основанного на синтезе разных общественных дисциплин. В настоящей статье сделана попытка выявить структурные особенности формирующейся синтетической теории, опираясь на концепцию двух канонов. В настоящее время первый канон реализуется в рамках равновесной, а второй — в рамках институционально-исторической школы. Показано, что различия между ними проявляются главным образом в попытках создать общую теорию социально-экономического развития. Преследуя общие цели, они опираются на разные методологические установки. Соединение двух канонов возможно; оно явится важным шагом в совершенствовании науки об обществе.

Ключевые слова: маржинализм, историческая школа, равновесие, экономическая политика, общий социальный анализ.

JEL: B10, B15, B25, N01.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57.

Введение

В работах [Полтерович, 1998; Полтерович, 2011] я попытался показать, что экономическая теория находится в перманентном кризисе, обусловленном фундаментальными причинами, и что возможный выход из него — формирование общего социального анализа, основанного на синтезе разных общественных дисциплин. Цель настоящей статьи — выявить некоторые структурные особенности синтетической теории. Непосредственным поводом к рассмотрению этого вопроса послужило появление новых теорий социально-экономического развития, претендующих на общность, но при этом не ссылающихся на многочисленные современные модельные исследования. Это обстоятельство побудило меня обратиться к концепции двух канонов, предложенной норвежским экономистом Э. Райнертом [Райнерт, 2011] и развитой в работах В.С. Автономова.

Согласно работам [Автономов, 2012; Автономов 2013; Автономов, Автономов, 2016], экономические исследования, выполненные по первому канону, отличаются строгостью получаемых выводов и при этом неизбежно абстрактны и не связаны с реальной экономической политикой. Второй канон требует практических рекомендаций, пусть и не основанных на строгих заключениях, но учитывающих совокупность конкретных обсто-

ятельств. Классическая политическая экономия и маржинализм принадлежат первому канону, а историческая школа — второму. При этом представители первого канона за редкими исключениями придерживаются либеральной идеологии, а сторонники второго являются государственниками. Отмечаются и попытки синтеза двух канонов, предпринятые А. Маршаллом и Й. Шумпетером.

При рассмотрении нынешней ситуации в сфере экономических исследований очевидна необходимость скорректировать эти тезисы в двух отношениях. Во-первых, современные прикладные исследования нередко опираются на «абстрактные» модели. Так, теория отраслевых рынков или теория банковской деятельности имеют явно выраженную прикладную направленность. Во-вторых, современные «государственники», например знаменитые Дж. Стиглиц или Д. Родрик, опираются на ту же самую технику, что и либералы, а широко читаемая студентам-экономистам дисциплина «Экономика общественного сектора» посвящена изучению всех видов государственной политики, включая налоговую, социальную, промышленную, и при этом опирается на математические модели. Ведь исследования, выполненные по второму канону, неизбежно содержали нечетко определённые абстрактные понятия и нечетко сформулированные гипотезы, что делало соответствующие практические выводы сомнительными и часто неверными. Известно также, что возможности получения обоснованных выводов на основе только эконометрических моделей весьма ограничены. Сегодня эмпирические статьи, публикуемые в журналах высокого уровня, обычно опираются на математические модели, а авторы теоретических конструкций стремятся убедить читателя в их адекватности путем эконометрических расчётов. Нелегко представить себе современного экономиста, который не считал бы выработку практических рекомендаций важной задачей, а их получение на строгих основаниях предпочтительным¹. Обвинения «мейнстрима» в том, что он будто бы не принимает во внимание иррациональность агентов, неполноту знания, негибкость цен и т. п., проистекают из недостаточной информированности критиков. При этом, оценивая достижения экономической науки, следует учитывать, что господствующая идеология и, соответственно, выбор экономической политики определяются отнюдь не только научными соображениями [Полтерович, 2017b].

Тем не менее различие между двумя канонами сохраняется, и проявляется оно главным образом в попытках создать общую теорию социально-экономического развития. Сторонники первого канона пытаются решать эту задачу, сохраняя стандарты научной строгости, и при этом сталкиваются с фундаментальными трудностями. Второй канон допускает возможность обойти эти трудности за счёт нечетко сформулированных гипотез и качественных рассуждений. Нецелесообразно отказываться ни от одного из стандартов, их синтез предполагает структуру знания, о которой пойдет речь ниже.

Две школы — два канона

Сегодня термин «маржинализм» кажется исторической случайностью. То направление в экономической науке, которое было инициировано Г.Г. Госсеном и О. Курно, продолжено У.С. Джевонсом, К. Менгером, Л. Вальрасом и окончательно оформилось в работах К. Эрроу, Ж. Дебре и Л. Маккензи, следовало бы назвать школой экономического равновесия. Под экономическим (или, точнее, социально-экономическим) равновесием системы взаимодействующих агентов понимают такое её состояние, в котором ни один из них, действуя независимо от других, не может улучшить свое положение. Понятие равно-

¹ Ещё в XIX в. подобной позиции придерживался А. Маршалл, а в первой половине XX в. — В. Ойкен (см. [Автономов, 2013; Автономов, Автономов, 2016]).

весия в различных, в том числе теоретико-игровых вариантах его формализации является центральным в современных учебниках по микро- и макроэкономике. Это касается и глав, посвященных «неравновесным» процессам: экономическому росту, функционированию экономики в условиях неполноты и асимметрии информации или негибкости цен. Сегодня и кейнсианство, и чикагская школа оказались включёнными в этот поток исследований — современный мейнстрим.

Заметим, что теория неравновесия — это раздел теории равновесия, где учитывается, что равновесие может достигаться за счёт неценовых параметров — натуральных ограничений, карточек, очередей и т. п. Отклонение от рациональности агентов может проявляться в различных вариантах, таких как неполнота информации, неточное предвидение, недоучет поведения других участников и т. п.

Со времени возникновения теории равновесия ей противостоит историческая школа. В работе [Рутер, Цвайнерт, 2007] авторы, характеризуя творчество одного из её основателей — Г. Шмоллера, в действительности указывают на две важнейшие отличительные черты исторического подхода. Во-первых, представители этой школы стремятся объяснить долговременную эволюцию системы экономических взаимодействий, опираясь на ту или иную концепцию стадий экономического развития или типов экономического строя. Во-вторых, они рассматривают экономические отношения в тесной взаимосвязи с культурными особенностями общества, с его социальной и политической организацией.

Оба принципа историко-экономического исследования отмечены Б. Селигменом. Он писал: «Первые представители исторической школы — Вильгельм Рошер (1817–1894), Бруно Гильденбранд (1812–1878) и Карл Книс (1821–1898) — подчёркивали, что необходимо исследовать вопрос о том, как возникали и развивались экономические институты... Конечной целью являлось развитие общей науки о культуре, в которую политическая экономия вносила бы свою лепту» [Селигмен, 1968. С. 26].

А вот его характеристика метода В. Зомбарта: «Хозяйственная деятельность... обусловлена различными факторами, которые находят воплощение в определённых институтах, а благодаря последним можно выделить определённые черты экономического строя. В этом и состоит основной метод, используемый Зомбартом» в книге «Современный капитализм» [Селигмен, 1968. С. 32]. Зомбарт различал стадии индивидуалистического, переходного и социального хозяйства, а институционалист Т. Веблен — стадии ранней и поздней дикости, хищного и полумирного варварства, ремесленную и промышленную [Селигмен, 1968. С. 33, 65].

Таким образом, два принципа, указанные выше, объединяют не только разные направления исторической школы, но и значительную группу институциональных исследований, так что можно говорить о существовании институционально-исторической школы.

Сегодня, как отмечалось во введении, различия в подходах школы общего равновесия и институционально-исторической школы носят методологический характер и проявляются главным образом в попытках создать теорию социально-экономического развития. Представители первого канона стремятся опереться на математические модели, описывающие взаимодействие типичных агентов (потребителей, работников, фирм, бюрократов, политиков и т. п.) и их сообществ. Сталкиваясь с трудностями, авторы вынуждены ограничиваться частными аспектами развития. Исследователи, следующие второму канону, оперируют агрегированными сущностями (стадия, класс, строй), привлекают большую совокупность факторов — культурных, социальных, политических, получая возможность пусть и на нестрогой основе создать гипотетическую картину эволюции.

Представители институционально-исторического направления нередко подчеркивали, что их усилия направлены на решение практически важных задач. Обнаруживается, однако, что у них нет инструментов для строгого обоснования и верификации своих

выводов. Соответствующие теории и рекомендации связаны с той или иной идеологией² и, значит, оказываются инструментами политической борьбы. При этом вопрос об их истинности отодвигается на второй план.

Через 20 лет после достижения зрелости теория экономического равновесия оказалась в кризисе. В 1973 г. было обнаружено, что функция избыточного спроса, получаемая из модели общего равновесия Эрроу–Дебре–Маккензи, может обладать практически любыми контринтуитивными свойствами (речь идет о теореме Зонненшайна; см. обсуждение и ссылки в [Полтерович, 1998]). Это означало, что для построения содержательной теории необходимо найти достаточно общие и в то же время реалистические условия на функции полезности и технологические множества — условия, которые обеспечивали бы устойчивость равновесия, сходимости «естественных» процессов регулирования цен и понятную реакцию равновесия на внешние шоки. Несмотря на многие сотни статей, посвящённые этим проблемам, найти такие условия не удалось. В результате в приложениях применяются крайне упрощенные варианты общей модели, обоснованность которых не вполне ясна. Например, в макроэкономике до сих пор используются двух-трёх-продуктовые модели, что существенно ограничивает возможности объяснения макроэкономических явлений.

Несовершенство теории особенно явно обнаруживается при наступлении экономических кризисов. Пожалуй, наиболее разочаровывающим в этом отношении был кризис 2007–2008 гг. [Полтерович, 2011]. Неоднозначность теоретических выводов способствует идеологизации исследований [Полтерович, 2017b] и усиливает ощущение беспомощности экономической науки в период резких социально-экономических сдвигов. Деглобализация, ставшая едва ли не генеральным направлением политики Д.Трампа и совпавшая с ней по времени пандемия, стали ярким подтверждением этого тезиса, окончательно разрушив миф об абсолютных преимуществах рынка над государственной политикой.

План построения экономики по образцу точных наук потерпел поражение. Это выражается прежде всего в том, что до сих пор не обнаружены фундаментальные эмпирические закономерности (типа закона Ньютона), позволяющие выделить фактические траектории развития из числа возможных. Более того, доказан целый ряд теорем о невозможности получить ответы на важнейшие вопросы в общей ситуации (см. [Arrow, 1950; Sonnenschein, 1973; Boldrin, Montrucchio, 1986] и т. п.). В результате теория распалась на множество «частных случаев». Выводы чувствительны к спецификации моделей, а описание областей их применимости отсутствует. Типичным примером является вопрос о супернейтральности денег, ответы на который различны в рамках базовых макроэкономических моделей — модели Рамсея и модели с перекрывающимися поколениями. При этом новые исследования часто не обобщают, а отрицают старые, как это было, например, с кривой Филлипса или теорией ресурсного проклятия. Более точно, как правило, некоторая преэминентность сохраняется, но условия, при которых закономерность действует, остаются размытыми.

В результате возникает ситуация, о которой с горечью пишет известный американский экономист Ариэль Рубинштейн: «За сорок лет моей профессиональной деятельности я не встретил ни одной модели, которая убедила бы меня в том, что экономическая теория может иметь прямое практическое применение» [Rubinstein, 2017. P. 167]. Это цитата из рецензии на книгу Д. Родрика [Rodrik, 2017]. В ней автор, предупреждая читателя, что экономическая наука — это всего лишь «коллекция моделей», тем не менее, на примерах старается убедить его в том, что на основе таких моделей можно получать практически важные результаты.

Неудачи стратегий вызваны не только несовершенством экономической науки, но и сложной системой их отбора и реализации, где сталкиваются интересы общества, политиков и самих экспертов. Решающим элементом этой системы является господствующая идеология в отношении социально-экономических преобразований.

² Так, Г. Шмоллер и В. Зомбарт известны как государственники.

В работе [Полтерович, 1998] я попытался выявить фундаментальные факторы, ответственные за кризис равновесной экономической теории. Приведу три заключения, возможно, наиболее важные. Во-первых, «экономическая действительность настолько многовариантна и подвижна, что скорость её изменения опережает темп её изучения». Во-вторых, «изменчивость экономических реалий отчасти коренится в обратном влиянии экономических теорий на экономическое поведение. Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием... экономических агентов и влияют на формирование их ожиданий» [Полтерович, 1998. С. 61]. В-третьих, для понимания экономических явлений необходим синтез целого спектра общественных наук и наук о человеке.

Эпоха синтеза

До конца XIX в. естественные науки развивались по пути дифференциации. Но затем началась эпоха синтеза, которая продолжается до сих пор. Химическая физика, биофизика, биохимия, нейробиология — лишь некоторые примеры синтетических наук, сложившихся в XX в. В конце XX в. процесс синтеза начался и в науках об обществе, причем экономика оказалась в центре этого процесса. Появились такие дисциплины, как поведенческая экономика (экономическая психология), нейроэкономика, эконофизика, экономическая биология, сочетающие методы экономического анализа и естественных наук. Новая политическая экономия и новая экономическая география существенно обогатили ранее сложившиеся синтетические направления. Демография и теория культуры стали обычными инструментами экономического анализа, новый облик приобрела экономическая история, которая сегодня использует и математическое моделирование, и эконометрику.

Ориентация на синтез требует совершенствования экономико-математического аппарата. Сегодня для анализа экономической политики на уровне стран и центральных банков применяются агенто-ориентированные модели и вычислимые модели общего равновесия. Все более мощным направлением экономической теории становится сетевой анализ (см., например, [Acemoglu, Azar, 2020; Acemoglu, Akcigit, Kerr, 2016]). В рамках этого подхода удастся получать интересные результаты по таким важнейшим темам, как распространение шоков, формирование связей между разнородными агентами в процессе принятия решений, образование коалиций. Среди новых применений методов точных наук следует отметить использование уравнений математической физики для описания шумпетерианской динамики (см. обзор в [Полтерович, 2017а]).

Тенденция к синтезу общественных дисциплин опирается на прочный фундамент. Его элементами являются:

- ▶ общий объект исследования: функционирование и развитие общественных институтов, поведение человеческих коллективов в рамках этих институтов;
- ▶ единая эмпирическая база (социально-экономические индикаторы) и единая методология её пополнения (опросы, «полевые» исследования, институциональные и «лабораторные» эксперименты);
- ▶ единый аналитический аппарат: эконометрика и теория игр.

Индикатором указанной тенденции до некоторой степени может служить доля ссылок на неэкономические статьи в экономических журналах. В период с 1950 — 2000 гг. эта доля держалась на приблизительно постоянном уровне — около 20%, а затем начала монотонно расти, составив около 33% в 2014 г.³

³ См. <https://www.nature.com/news/interdisciplinary-research-by-the-numbers-1.18349> (дата обращения: 11 января 2022 г.).

Есть основания полагать, что идет процесс формирования единой научной дисциплины — общего социального анализа [Полтерович, 2011]. Важнейшей задачей на этом пути является объединение институционально-исторической и равновесной школ.

Становление современной институционально-исторической школы: общие теории социально-экономического развития

Последние 25 лет можно считать периодом становления современного институционально-исторического направления. Речь идет в первую очередь о таких работах, как [Даймонд, 2010; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Аджемоглу, Робинсон, 2015; Вельцель, 2017], в которых предложены теории социально-экономического развития. Все они имеют странную особенность — сочетание монокаузальности и мультидисциплинарности. В самом деле, каждая из теорий провозглашает доминирующую роль какой-то одной группы факторов, настаивая на вторичности остальных. Так, Дж. Даймонд утверждает примат географии; и Д. Норт — Дж. Уоллис — Б. Вайнгаст, и Д. Аджемоглу — Дж. Робинсон ставят во главу угла институты, а К. Вельцель — гражданскую культуру⁴.

При этом Дж. Даймонд пишет: «Открытым остается вопрос, ... можно ли привлечь географию для объяснения широкого контекста исторического развития. Сегодня пришла пора взглянуть на эти вопросы свежим взглядом, опираясь на ... генетику, молекулярную биологию и биогеографию... плюс поведенческая экология; молекулярную биологию...; эпидемиологию...; генетику...; лингвистику; археологические исследования...; исследования в области истории техники, письменности и политической организации» [Даймонд, 2010. С. 21]. В работе Д. Норты и его коллег для обоснования важнейшего тезиса о снижении уровня насилия используются данные археологии, и все упомянутые авторы существенно опираются на историю экономических и политических институтов.

Каждая из четырех рассматриваемых работ является существенным вкладом в понимание общественного развития, они вызвали колоссальный интерес экономистов, социологов, историков, политологов. При этом авторы всех четырех теорий вынуждены были признать, что полноценную теорию социально-экономического развития им построить не удалось даже на уровне качественной аргументации. Строго говоря, Дж. Даймонд и не претендовал на создание динамической теории. Он добился значительных результатов в объяснении различий между обществами, сформировавшимися первоначально на разных континентах, но объяснить особенности эволюции разных цивилизаций на евразийском континенте на основе одних только географических факторов оказалось невозможным. Авторы остальных трех теорий столкнулись с трудностями в объяснении переходов между разными стадиями эволюции. В рамках монокаузальных подходов задача оказалась неразрешимой (см. более детальный анализ в [Полтерович, 2018а]).

Наличие тесной взаимосвязи между гражданской культурой и институтами подтверждается многочисленными исследованиями (см. обзор [Alesina, Giuliano, 2015]). Аджемоглу и Робинсон попытались учесть эту связь, дополнив свою теорию [Acemoglu, Robinson, 2016; Аджемоглу, Робинсон, 2021].

Цикл развития, лежащий в основе эволюционной теории, непременно должен включать взаимозависимость человеческих качеств и гражданской культуры, институтов, характеристик научно-технического прогресса и уровня благосостояния. Попытки одновременного учета этих факторов сделаны в ряде работ. К ним относится монография [Fukuyama, 2011], где, однако, не рассматривается Новейшее время. Хотелось бы подчеркнуть мультидисциплинарный характер данного исследования. Автор пишет: «Эта книга охватывает

⁴ См. анализ и сопоставление четырех упомянутых теорий в [Полтерович, 2018а].

большое количество обществ и исторических периодов; я также использую материал из дисциплин, не относящихся к моей собственной, включая антропологию, экономику и биологию». «Эти знания существуют в нескольких различных областях, включая приматологию, популяционную генетику, археологию, социальную антропологию и, конечно же, ... эволюционную биологию... Понимание человеческой природы современной биологией... чрезвычайно важно как основа для любой теории политического развития, потому что оно дает нам основные строительные блоки, с помощью которых мы можем понять последующую эволюцию человеческих институтов» [Fukuyama, 2011. Pp. 132–133, 28].

В статье [Полтерович, 2018b] я попытался представить цикл развития, включающий четыре перечисленные выше фактора, для объяснения эволюции трёх основных механизмов координации — конкуренции, власти и сотрудничества.

Вероятная структура общего социального анализа

Нет оснований сомневаться в том, что разработка общей теории социально-экономического развития в рамках институционально-исторического подхода будет продолжена. Однако подобные исследования неизбежно сталкиваются с упоминавшимся выше фундаментальным препятствием: отсутствием универсальных «количественных» законов эволюции. Классические оптимизационные модели механического движения предполагают минимизацию функционала действия, вид которого определяется законом Ньютона. Аналогичные формулировки используются и в других разделах физики. А в моделях экономической динамики потребитель максимизирует интеграл от функции полезности, конкретный вид которой неизвестен.

Не видно никаких путей преодолеть это препятствие. Поэтому задача построения единой модели эволюции общества, модели, которая могла бы служить универсальным источником конкретных рекомендаций, скорее всего, неразрешима. Теория должна строиться на основе синтеза двух канонов. Базовая концепция будет создаваться по канону институционально-исторической школы и неизбежно содержать недоказанные предположения и нестрогие аргументы. Но каждый элемент этой концепции может быть подвергнут дополнительному исследованию с учетом тех или иных конкретных условий по принципам первого канона — на основе эконометрических расчётов и математического моделирования. Так организованная синтетическая теория станет более надежным источником понимания социально-экономического развития и рекомендаций по проведению экономической политики.

Заключение

Мы находимся лишь в начале пути, ведущего к синтезу. Из четырёх упомянутых выше теорий лишь теория К. Вельцеля базируется на эконометрических расчётах. Ни одна из них не только не использует экономико-математический аппарат, но и не ссылается на результаты равновесной школы. Это тем более удивительно, что один из авторов, Д. Аджемоглу, в настоящее время входит в число её признанных лидеров. Уже упоминавшийся обзор [Alesina, Giuliano, 2015] или, скажем, статья [Stiglitz, 2017], представляющая собой обобщение многочисленных работ по изучению государства всеобщего благосостояния, не оставляют сомнений в том, что такие ссылки могли бы сделать предлагаемые концепции более убедительными.

Задача создания общей и в то же время полезной в прикладном отношении теории вряд ли может быть решена на основе единой математической модели. Использование подхода институционально-исторической школы, второго канона, здесь, видимо, неизбежно. И тем

не менее следует стремиться к тому, чтобы современная концепция социально-экономического развития, потребность в которой сегодня столь велика, была выстроена так, чтобы важнейшие её положения либо подкреплялись модельными исследованиями и эконометрическими расчётами, либо были четко сформулированы как гипотезы. Попытки построения такой теории выявят имеющиеся пробелы, которые должны будут постепенно заполняться.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2012). Два канона в истории экономической науки и экономической политики // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 4. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 327–334. <https://publications.hse.ru/chapters/67739085>.
- Автономов В.С. (2013). Абстракция — мать порядка? // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.
- Автономов В.С., Автономов Ю.В. (2016). Общая теория «споров о методах» в экономической науке // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–20.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. (2021). Узкий коридор. Государства, общества и цена свободы. — М.: АСТ.
- Вельцель К. (2017). Рождение свободы. М.: ВЦИОМ.
- Даймонд Дж.М. (2010). Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. — М.: АСТ.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. № 1. С. 46–66.
- Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. № 2. С. 101–111.
- Полтерович В.М. (2017а). Теория эндогенного экономического роста и уравнения математической физики // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 193–201.
- Полтерович В.М. (2017б). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs. идеология // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (35). С. 198–206.
- Полтерович В.М. (2018а). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. № 11. С. 5–26.
- Полтерович В.М. (2018б). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. №12. С. 77–102.
- Райнерт Э.С. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Риттер Х., Цвайнерт И. (2007). Густав Шмоллер и глобализация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 4. С. 81–102.
- Селигмен Б. (1968). Основные течения современной экономической мысли. — М.: Прогресс.
- Acemoglu D., Akcigit U., Kerr W. (2016). Networks and the macroeconomy: An empirical exploration // National Bureau of Economic Research Macroeconomics Annual / M. Eichenbaum, J. Parker (eds.). University of Chicago Press. Vol. 30. Pp. 276–335.
- Acemoglu D., Azar P.D. (2020). Endogenous production networks // Econometrica. Vol. 88. No. 1. Pp. 33–82.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2016). Paths to inclusive political institutions // Economic history of warfare and state formation / J. Eloranta, E. Golson, A. Markevich, N. Wolf (eds.). — London: Springer. Pp. 3–50.
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and institutions // Journal of Economic Literature. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944.
- Arrow K.J. (1950). A Difficulty in the Concept of Social Welfare // Journal of Political Economy. Vol. 58. No. 4. Pp. 328–346.
- Boldrin M., Montrucchio L. (1986). On the indeterminacy of Capital Accumulation Paths // Journal of Economic Theory. Vol. 40. Pp. 26–39.
- Fukuyama F. (2011). The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. — New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Paldam M. (2018). A model of the rational economist, as researcher and policy advisor // European Journal of Political Economy. Vol. 54(C). Pp. 5–15.
- Rodrik D. (2015). Economics rules. The rights and wrongs of the dismal science. — New York, London: W.W. Norton.
- Rubinstein A. (2017). Comments on economic models, economics, and economists: Remarks on Economics Rules by Dani Rodrik // Journal of Economic Literature. Vol. 55. No. 1. Pp. 162–172.
- Sonnenschein H. (1973). Do Walras' identity and continuity characterize the class of community excess demand functions? // Journal of Economic Theory. No. 6. Pp. 345–354.
- Stiglitz J.E. (2017). The Welfare State in the Twenty First Century. Working Paper. — New York: Roosevelt Institute.

Полтерович Виктор Меерович

polterov@cemi.rssi.ru

Victor Polterovich

Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Scientific Direction "Mathematical Economics",
CEMI RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics
polterov@cemi.rssi.ru

**ON THE WAY TO A GENERAL THEORY OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT:
TOWARDS THE SYNTHESIS OF TWO CANONS**

Abstract. In a number of works, the author has shown that economic theory is in a permanent crisis due to fundamental reasons, and that a possible way out of it is the formation of a general social analysis based on the synthesis of various social disciplines. Relying on the concept of two canons, this article attempts to reveal the structural features of the emerging synthetic theory. At present, the first canon is being implemented within the framework of the equilibrium school, and the second — within the framework of the institutional-historical school. It is shown that the differences between them are manifested mainly in attempts to create a general theory of socio-economic development. While pursuing common goals, they use different methodological guidelines. The synthesis of the two canons is possible; it will be an important step in the improvement of the science of society.

Keywords: *marginalism, historical school, equilibrium, economic policy, general social analysis.*

JEL: B10, B15, B25, N01.

REFERENCES

- Acemoglu D., Akcigit U., Kerr W. (2016). Networks and the macroeconomy: An empirical exploration // *National Bureau of Economic Research Macroeconomics Annual* / M. Eichenbaum, J. Parker (eds.). University of Chicago Press. Vol. 30. Pp. 276–335.
- Acemoglu D., Azar P.D. (2020). Endogenous production networks // *Econometrica*. Vol. 88. No. 1. Pp. 33–82.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2016). Paths to inclusive political institutions // *Economic history of warfare and state formation* / J. Eloranta, E. Golson, A. Markevich, N. Wolf (eds.). London: Springer. Pp. 3–50.
- Acemoglu D., Robinson D.A. (2015). *Pochemu odni strany bogatyie, a drugiye bednyie. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why Nations Fail: The Origin of Power, Prosperity and Poverty]. — M.: AST. (In Russ.).
- Acemoglu D., Robinson D.A. (2021). *Uzkiy koridor. Gosudarstva, obshchestva i tsena svobody* [The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty]. — M.: AST. (In Russ.).
- Avtonomov V.S. (2013). Abstraktsiya — mat' poryadka? [Is abstraction the mother of order?] // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 4–23. (In Russ.).
- Avtonomov V.S. (2012). Dva kanona v istorii ekonomicheskoy nauki i ekonomicheskoy politiki [Two canons in the history of economic science and economic policy] // *XIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Kn. 4.* [XIII International scientific conference on the problems of economic and social development. Book 4]. — M.: Izdatel'skiy dom HSE. Pp. 327–334. <https://publications.hse.ru/chapters/67739085>. (In Russ.).
- Avtonomov V.S., Avtonomov Yu.V. (2016). Obshchaya teoriya «sporov o metodakh» v ekonomicheskoy nauke [The general theory of "disputes about methods" in economic science] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 4. Pp. 5–20. (In Russ.).
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944.
- Arrow K.J. (1950). A Difficulty in the Concept of Social Welfare // *Journal of Political Economy*. Vol. 58. No. 4. Pp. 328–346.
- Boldrin M., Montrucchio L. (1986). On the indeterminacy of Capital Accumulation Paths // *Journal of Economic Theory*. Vol. 40. Pp. 26–39.
- Diamond J.M. (2010). *Ruzh'ya, mikroby i stal'. Istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. — M.: AST. (In Russ.).
- Fukuyama F. (2011). *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. — New York: Farrar, Straus and Giroux.
- North D., Wallis J.J., Weingast B. (2011). *Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. — M.: Izd-vo Instituta Gaydara. (In Russ.).
- Paldam M. (2018). A model of the rational economist, as researcher and policy advisor // *European Journal of Political Economy*. Vol. 54(C). Pp. 5–15.

- Polterovich V. M. (2018a). K obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Chast' 1. Geografiya, instituty ili kul'tura? [Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture?] // *Voprosy ekonomiki*. No. 11. Pp. 5–26. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2018b). K obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Chast' 2. Evolyutsiya mekhanizmov koordinatsii [Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms] // *Voprosy ekonomiki*. No. 12. Pp. 77–102. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (1998). Krizis ekonomicheskoy teorii [Crisis of economic theory] // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. No. 1. Pp. 46–66. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2017b). Razrabotka strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs. ideologiya [Designing Socio-Economic Development Strategies: Science vs. Ideology] // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 3 (35). Pp. 198–206. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2011). Stanovleniye obshchego sotsial'nogo analiza [The formation of general social analysis. Social sciences and modernity] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No.2. Pp. 101–111. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2017a). Teoriya endogenno ego ekonomicheskogo rosta i uravneniya matematicheskoy fiziki [Theory of endogenous economic growth and equations of mathematical physics] // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 2. Pp. 193–201. (In Russ.).
- Reinert E.S. (2011). *Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi* [How rich countries got rich and why poor countries remain poor]. M: Izdatel'skiy dom GU HSE. (In Russ.).
- Rieter H., Zweinert I. (2007). Gustav Shmoller i globalizatsiya [Gustav Schmoller and globalization] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 5. Is. 4. Pp. 81–102. (In Russ.).
- Seligman B. (1968). *Osnovnyye techeniya sovremennoy ekonomicheskoy mysli* [Main Currents of Modern Economics: Economic Thought Since]. — M.: Progress. (In Russ.).
- Rodrik D. (2015). *Economics rules. The rights and wrongs of the dismal science*. — New York, London: W.W. Norton.
- Rubinstein A. (2017). Comments on economic models, economics, and economists: Remarks on Economics Rules by Dani Rodrik // *Journal of Economic Literature*. Vol. 55. No. 1. Pp. 162–172.
- Sonnenschein H. (1973). Do Walras' identity and continuity characterize the class of community excess demand functions? // *Journal of Economic Theory*. No. 6. Pp. 345–354.
- Stiglitz J.E. (2017). *The Welfare State in the Twenty First Century. Working Paper*. — New York: Roosevelt Institute.
- Welzel C. (2017). *Rozhdeniye svobody* [The birth of freedom]. — M.: VTSIOM. (In Russ.).

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

К.Э. Яновский

к.э.н., Шомронский центр изучения экономической политики (Израиль)

ПАНДЕМИЯ COVID-19: КАК ПРАВИТЕЛЬСТВА СТАРЫХ ДЕМОКРАТИЙ ПРИНИМАЛИ РЕШЕНИЯ¹

Аннотация. Доверие граждан старых демократий политикам, бюрократам и экспертам сослужило им плохую службу в ходе пандемии COVID-19. Поверив, что принудительные карантин (локдауны) и принуждение к вакцинации, никогда ранее не доказывавшие своей успешности, выбраны как наименьшее зло, и они, и их дети будут долго оплачивать счета непродуманной политики. Речь не идёт о нерациональном принятии решений политиками и бюрократами. Они принимают решения, руководствуясь своими интересами, а не интересами общества, в той мере, в какой общество им это позволяет. Поскольку личные права, свободы и частная собственность стали первопричиной и современного экономического роста, и развития современной науки и медицины, призывы поступиться этими правами и свободами размывают основы некогда свободных, а потому богатых старых демократий. Да и моральная основа таких призывов вызывает большие сомнения.

Ключевые слова: *принятие решений, экспертиза, локдауны, принудительная вакцинация, здоровье и достаток, права и свободы, опыт «испанки».*

JEL: D72, D73, D78, H51, I15, I18.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_58_73.

Я покинул Вашингтон с двойственным чувством. В интеллектуальном плане наиболее полезным для меня этот опыт оказался с точки зрения возможности наблюдать в непосредственной близости, как принимаются политические решения на высшем уровне. Как и большинство историков, я верил в могущественные незримые силы, направляющие государственных деятелей. Как и большинство образованных людей, я полагал, что высокая политика была результатом всестороннего и взвешенного процесса, когда вся поступающая информация передается наверх, где подвергается рассудительному анализу, взвешиваются все «за» и «против», пока не будет найдено решение. Действительность оказалась совсем иной.

Ричард Пайнс

Введение

Может ли общество полагаться на экспертов при реагировании на тяжёлые вызовы? Означают ли требования экспертов к обществу заплатить очень высокую цену за решение проблемы сигналом для сомнения в пригодности или просто добросовестности экспертизы? Масштаб и тяжесть кризиса, связанного с пандемией COVID-19, не даёт возмож-

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

ности обществоведам, да и просто ответственным гражданам обойти эти вопросы или отложить ответ на них надолго.

«Война — слишком серьёзное дело чтобы доверять его военным» — утверждение, приписываемое разным французским политикам (Ж. Клемансо, А. Бриану и Ш.-М. Талейрану), имевшим опыт службы в военное время. В эпоху всеобщей избирательной привилегии и призывной армии политик, представляющий избирателей-солдат, имеет некоторые основания для такого утверждения. Но и военные не остались в долгу: «Политика — слишком серьёзное дело, чтобы оставлять его политикам», — ответил Ш. де Голль на замечание политика в свой адрес о том, что он-де хороший солдат, но плохой политик. Для баланса: как экономисты — современники и свидетели выступлений эстонского премьер-министра — реформатора М. Лаара отметим, что многие его утверждения можно резюмировать следующим образом: «Экономика — слишком серьёзное дело, чтобы доверять его экономистам».

Имели ли в виду перечисленные небезуспешные лидеры то, что решения надо принимать вообще без оглядки на специалистов? Разумеется, нет. Они сами многократно обращались к экспертам. Как правило, имеющим разные мнения. Но принятие решений оставляли за собой и брали за них полную ответственность.

Все авторы приведённых высказываний не имели в виду недостаточно высокий уровень экспертного сообщества. Речь идет о явлении, давно и хорошо изученном в экономике, в частности, на примере «сословия экспертов на государственной службе» — бюрократов [Tullock, 1965; Jاسay, 1998; Niskanen, 1971]. И эксперт, и политик не являются ни идеально запрограммированными роботами, ни ангелами небесными, совершенно компетентными и пекущимися исключительно об общественном благе. У них есть свои карьерные и иные личные интересы, о которых они нередко забывают сообщить обществу, избирателям. Как могут работать эти интересы, можно рассмотреть на примере кризиса, тем или иным образом связанного с пандемией COVID-19 2020–2021 гг., представленного решениями, принятыми в нескольких странах старых рыночных демократий.

Признаки добросовестной экспертизы

Попробую перечислить некоторые результаты, которые общество было бы вправе ожидать не от идеальных, а от реальных добросовестных, то есть руководствующихся интересами общества, экспертов.

Учёт издержек государственного вмешательства

Добросовестный эксперт, в первую очередь, должен был бы предостеречь общество и власти от масштабных активных действий без учёта издержек таких действий.

Любое государственное вмешательство (даже простое финансирование медицинских исследований или субсидирование лекарств) имеет свою цену [Keenly, 1994; Viscusi, 2000]. У общества забираются ресурсы, которые могли быть использованы людьми, в том числе и с пользой для своего здоровья. Кто-то в результате таких изъятий теряет возможность очередной раз обратиться к квалифицированному врачу или купить необходимые лекарства. Кто-то — купить новый, более надёжный автомобиль, обеспечивающий заметно меньшие риски тяжёлых последствий при аварии. Поэтому оценка государственных программ на эффективность по сравнению с иными доступными обществу альтернативами давно стала нормой.

Тем более нуждаются в проверке и учёте возможного урона, наносимого вмешательством, масштабные запреты, ограничения экономической деятельности подобные принудительным карантинам (lockdowns). Отказ учитывать такие последствия, с тем чтобы «лекарство не было опаснее самой болезни», однозначно дисквалифицирует эксперта.

К сожалению, многие коллеги, в частности в США, дисквалифицировали себя, стоило только президенту Д. Трампу высказать подобную мысль о лекарстве и болезни [Yanovskiy, 2021].

Даже не самый опытный экономист, демограф, социолог знает, что связь роста богатства (доходов) и улучшения состояния здоровья [Pritchett, Summers, 1996], связь потери богатства (источника доходов) с ухудшением такого состояния [Strully, 2009] давно и превосходно изучены. На эту тему существует богатейшая литература (смотри дополнительные источники в [Yanovskiy, Socol, 2021]). Массовое закрытие бизнесов и значимое снижение качества жизни многих миллионов означает проявление проблем со здоровьем у сотен тысяч и миллионов (в зависимости от населения страны). Некоторая часть заболевших умрет. Соответственно, реальный выбор — это не потери денег против потерь жизней, а жизни против жизней.

И все это, не говоря уже о том, что происходит с другими, зачастую более тяжёлыми больными во время эпидемии. В первые месяцы пандемии многие хронические больные (к примеру, онкологические) пропускали очередные обследования и курсы лечения из-за охватившей общество паники [Baum, Schwartz, 2020]. В дальнейшем стало ясно, что сама запись любого носителя инфекции в категорию «больной ковидом» снижает ответственность профильных отделений, занятых лечением сердечно-сосудистой системы, онкологических заболеваний, за состояние такого больного. Будучи зафиксирован в случае смерти как «умерший от ковида», он не портит статистику профильных отделений. От многих таких болезней старшее поколение страдает в среднем чаще, так что трудно сказать, насколько повышенное внимание государства к данному коронавирусу помогает пожилым.

Следует также напомнить, что старшее поколение платит и свою (возможно как раз самую высокую) цену за старательно углубляемый властями экономический кризис. При глубокой депрессии любой портфель активов обесценивается — наблюдаемое падение курса акций весьма впечатляет. Однако если курсы акций частных компаний могут со временем восстановиться, принятые правительствами развитых стран огромные дополнительные обязательства обесценивают средства, вложенные в государственные обязательства. Между тем даже частные пенсионные фонды, вырабатывая свою политику, учитывают правительственные регуляционные стимулы и держат большую часть средств в правительственных облигациях как бы во имя стабилизации. Но в условиях «ковидного кризиса» эти обязательства превращаются на наших глазах в фактор, дестабилизирующий портфель.

Некоторые эксперты утверждали, что принятие чрезвычайных и не слишком научно обоснованных мер может быть оправдано соображениями предосторожности (Precautionary Principle) и опасениями катастрофы (насколько они были обоснованы, будет рассмотрено ниже). Сомнительность правомочности и разумности снижения планки доказательств от страха может создать стимул у бюрократов и политиков запугивать общество с тем, чтобы оправдать любые меры. При этом даже учёные, принимающие «Precautionary Principle», выражают сомнения в том, что в случае реакций на пандемию были собраны доказательства даже по «пониженной норме» [Aronson, 2021a, Aronson, 2021b].

Последствия введения жёстких ограничений на экономическую активность и в целом на нормальную жизнь граждан бесспорны и значительны. При этом ни одно правительство, введившее и вводящее такие меры, не потрудились опубликовать серьёзно обоснованные расчёты, из которых следовало бы, что ожидаемые выигрыши в человеческих жизнях значимо превышают ожидаемые потери человеческих жизней.

Учёт опыта предыдущих пандемий

Трудно сомневаться в том, что добросовестные эксперты напомнили бы обществу опыт предыдущих пандемий, вызванных вирусами. Совершенно очевидно напрашиваются опыт «испанки» (Spanish Flu) 1918–1919 гг. и Азиатского гриппа (Asian Flu) 1957–1958 гг. «Испанка» убила от нескольких десятков до ста млн человек при населении планеты

1,9 млрд. Азиатский грипп, по-видимому, 1 млн при населении Земли менее 3 млрд человек². Оценки смертности были приблизительными и опирались и тогда, и для позднейших вирусов гриппа (таких, как свиной грипп, к примеру) просто по избыточной смертности [Johnson, Mueller, 2002; Linhart, Shohat, Bromberg, Mendelson, Dictia, Green, 2011].

Добросовестный эксперт напомнил бы о прекрасно документированной истории «испанки» в США. В ту эпоху федеральные расходы на здравоохранение были незначительны³. На уровне штатов — немногим большими. Основная ответственность за принятие решений по реагированию на эпидемию легла на муниципальные власти. Есть описания того, какие меры принимались в 1918–1919 гг. в 50 крупнейших городах страны⁴.

В начале пандемии появились публикации, утверждающие, что в США города, где в 1918 г. вводились жесткие ограничительные меры в связи с пандемией испанского гриппа, пострадали меньше городов, где жёсткие меры по карантину не вводились, — и в смысле людских потерь, и даже экономически [Correia, Luck, Verner, 2020]. Сравним выводы современных (и подверженных влиянию политической злобы дня) авторов с результатами исследователей истории той пандемии, писавшими в спокойной обстановке. Выясняется, что утверждения, обосновываемые в 2020 г., игнорируют реальный исторический опыт [Aimone, 2010].

Утверждается, например в [Correia, Luck, Verner, 2020], что в городах, где регулирование в 1918 г. было строже, последствия эпидемии были меньше. Среди «строгих» указаны Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Причём первый был «воротами» в США из Европы, которые было решено (на федеральном уровне, естественно) не закрывать, несмотря на угрозу заражения: продолжалась Первая мировая война. А потом, уже после спада эпидемии, и в Нью-Йорк, и через него во все концы страны с войны возвращались сотни тысяч американских солдат. В ходе плавания в скученных условиях вероятность заражения была намного выше, чем при перелёте в наши дни. Прибывавшие не пересаживались на *connected flight*, как сегодня, но выходили из порта в город (в центр Нью-Йорка), где ждали поездов на родину, посещали магазины, кафе и т.п.

Статья о реально принятых тогда мерах в Нью-Йорке [Aimone, 2010] показывает их едва ли не полную противоположность мерам 2020–2021 гг. В городе оставались открытыми культурные заведения (их использовали для информирования граждан об эпидемии и о мерах предосторожности), работали школы (оставлять детей из бедных семей вне школы означает, что они просто будут бродить по улицам, и это было признано худшей альтернативой) и бизнесы. Единственное введённое городскими властями регулирование бизнеса — разнесение времени начала рабочего дня, чтобы снизить скученность в метро и другом общественном транспорте.

Львиная доля усилий по борьбе с эпидемией в США сводилась к информированию граждан об опасности (в основном через прессу) и о том, как вести себя для снижения вероятности заражения. В Нью-Йорке кондукторы в автобусах следили за тем, чтобы пассажиры носили марлевые повязки. Карантин же на практике был полностью добровольным.

В куда менее подверженном внешнему заражению Лос-Анджелесе (напомню, именно Нью-Йорк был воротами в Европу) было проведено закрытие развлекательных бизнесов с 11 октября до 3 декабря, церквей и школ с 11 октября по 16 ноября.

² <https://ourworldindata.org/world-population-growth> (дата обращения: 27.12.2021).

³ Все федеральные расходы на здравоохранение в 1918 г. составили 18 млн долл. https://www.usgovernmentspending.com/fed_spending_1918USbn, в 1919 г. — 26 млн долл. https://www.usgovernmentspending.com/fed_spending_1919USbn. В современных долларах по индексу потребительских цен — примерно 740 млн долл. за два года. <https://www.measuringworth.com/calculators/uscompare> (дата обращения: 27.12.2021).

⁴ University of Michigan Center for the History of Medicine. Influenza Encyclopaedia. <https://www.influenzaarchive.org/cities> (дата обращения: 27.12.2021).

Отличия в смертности от эпидемии в Лос-Анджелесе и в Нью-Йорке (ещё раз, намного более подверженном угрозе эпидемии как главные ворота из Европы) незначительны: 494 смерти на 100 тыс. населения в Лос-Анджелесе, 535 на 100 тыс. в Нью-Йорке. Продолжительность и высота пика эпидемии тоже были сравнимы. Соответственно, эффективность закрытия школ и церквей неочевидна. Притом, что и эти ограничения не затрагивали большую часть бизнесов даже в Лос-Анджелесе. То есть утверждение о наличии исторических подтверждений успешности централизованных запретительных мер не имеет под собой оснований.

Некоторые современные авторы [Bootsma, Fergusson, 2007] утверждают: рекордная смертность в Питтсбурге во время «испанки» (807 на 100 тыс. жителей, [Кнох, 2016]) объясняется тем, что там не сразу закрыли школы. Напомню, в Нью-Йорке, куда более уязвимом для инфекции, школы вообще не закрывали. Реальной причиной высокой смертности в крупнейшем центре черной металлургии стала, по всей видимости, высокая загазованность воздуха и хронические проблемы высокой смертности от лёгочных заболеваний еще задолго до «испанки» [Кнох, 2008].

Во многих городах США (например, в Лос-Анджелесе и в Сиэтле) проводилась кампания более или менее массовой вакцинации от ко-инфекции — от бактерии, которая по многим мнениям [Morens, Taubenberger, Fauci, 2008], работая «в связке» с вирусом, убила больше людей, чем сам вирус. При этом идея мер по принуждению к вакцинации не только нигде не была реализована, но даже не обсуждалась. Нет никаких данных и о подобных мерах в Австралии, где также была реализована масштабная программа вакцинации от ко-инфекции. Необходимо отметить и огромный размах благотворительной и добровольческой активности в США во время «испанки» — от помощи соблюдающим добровольный карантин в доставке продуктов до развертывания добровольческих медсестринских служб⁵.

***Учёт опыта нынешней пандемии. Принудительные карантинны:
но мы с пути кривого ни разу не свернём***

При введении первых принудительных карантиннов (lockdowns, локдаунов) можно было надеяться на положительный эффект, хотя бы временный (сторонники локдаунов так и объясняли их необходимость — выиграть время на разработку вакцин и предотвратить перегрузку больниц). В 2021 г. появились работы со статистическим анализом связи смертности от ковида с жёсткостью и продолжительностью локдаунов. Рядом известных ученых было показано отсутствие такой значимой связи [Bjørnskov, 2021; Bendavid, Bhattacharya, Ioannidis, 2021]. Тем не менее в самые последние месяцы локдауны повторно вводились в Австрии, Нидерландах и обсуждаются в некоторых других странах. И это при том, что даже сторонники локдаунов признают последний штамм ковида («Омикрон») наименее смертоносным⁶. Игнорирование даже самого свежего опыта не есть признак добросовестности экспертизы, на которую опираются политики.

Говоря о добросовестности экспертизы, нельзя не упомянуть и важный незавершенный сюжет, связанный с репутацией главного американского эксперта по ковиду. Доктор Энтони Фауччи (Anthony Fauci) оказался безусловно причастным к экспериментам в Ухани по усилению коронавируса, встречающегося у летучих мышей. И дело не столько в том, что лаборатория в Ухани получила финансирование из США (сравнительно скромное),

⁵ <https://www.influenzaarchive.org/cities/city-stlouis.html> (дата обращения: 29.12.2021).

⁶ За неделю 18–25 декабря 2021 г. Омикрон стал доминирующим штаммом в США <https://covid.cdc.gov/covid-data-tracker/#variant-proportions>. При этом общее число заражений резко выросло, а смертность — снизилась. <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/us/>. Аналогичная ситуация наблюдается и в Великобритании — впечатляющий рост числа заражений при весьма умеренной смертности: <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/uk> (дата обращения: 27.12.2021).

сколько в том, что в ходе проекта китайский персонал приобрёл навыки и технологии для выполнения таких работ. National Institutes of Health, одним из руководителей которых является Фаучи, утверждает, что последний известный им вариант модифицированного вируса (2018 г.) существенно отличался от того варианта коронавируса, который начал распространяться в конце 2019 года⁷, но версия об искусственном происхождении пандемии уже не может быть отброшена. Отслеживать завершение этой примечательной истории автор будет, вероятно, вместе с читателями.

Свобода — не роскошь, а фундамент современной экономики и здравоохранения

Предпринимаемые меры нередко сопровождаются ссылками на общественную поддержку жёсткого карантина. Часто раздаются утверждения, что необычная реакция на эпидемию вызвана невероятно выросшей за последние десятилетия неготовностью общества мириться с повышенным уровнем смертности, особенно среди старшего поколения⁸. Но тут следует отметить, что «высокая цена человеческой жизни» на Западе очевидным и явным образом связана с институтами Нового времени. От формальных, писанных, до неписанных, но действующих институтов. Важно утвердившееся сочетание формальных и фактических гарантий неприкосновенности личности. То есть гарантий от произвольного ареста (не говоря уже о гарантиях от произвольного убийства во имя высших интересов общества). Связанные с этим гарантии неприкосновенности жилища: «...ветер может войти [в дом английского бедняка], дождь может войти... но король не может»⁹.

Когда стало ясно, что власть не может отнять заработанное «потому что слишком много заработал», не может унижить и растоптать, потому что оделся не по чину, люди стали много работать, копить, инвестировать [Де Фрис, 2016]. Стало осмысленным инвестировать в себя, в детей, которым можно оставить наследство, и которое у них не отберут. Вкладывать в образование и в здоровье. Так появляется беспрецедентный спрос на науку (большую часть финансирования НИОКР в ведущих научных державах по-прежнему даёт частный сектор). То есть современная наука — это дочь или даже внучка свободы. Без свободы были учёные, но взрыва благосостояния на основе научного прогресса не было.

Беспрецедентный экономический рост («современный экономический рост»), впервые в истории человечества выражающийся в устойчивом росте подушевых доходов, а не только в росте населения, вызвал колоссальные улучшения в качестве жилья, пищи, резкое улучшение санитарных условий [Pritchett, Summers, 1996; Cutler, Miller, 2005; Acemoglu, Johnson, Robinson, 2003]. Резкое ослабление всех основных факторов, вызывавших детскую и просто преждевременную смерть [Preston, 1975], создали мощные стимулы инвестировать в человеческий капитал [Becker, 1962; Costa, 2015]. Образованные и хорошо оплачиваемые люди наращивали спрос на услуги здравоохранения и в конечном итоге на медицинские исследования. Современная медицина ещё более увеличила продолжительность жизни,

⁷ <https://twitter.com/GOPoversight/status/1450934193177903105> (дата обращения: 27.12.2021).

⁸ <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774?from=center> — утверждение, сделанное бывшим ректором ГУ-ВШЭ Я. Кузьминовым (дата обращения: 27.12.2021).

⁹ <http://oll.libertyfund.org/quotes/502>, а также: <http://www.duhaime.org/LegalDictionary/D/DomusSuaCuiqueEstTutissimumRefugium.aspx> (дата обращения: 27.12.2021).

«The poorest man may in his cottage bid defiance to all the forces of the Crown. It may be frail, its roof may shake; the wind may blow through it; the storms may enter, the rain may enter, — but the King of England cannot enter; all his forces dare not cross the threshold of the ruined tenement». Цит. по: Jonathan L. Hafetz, «A Man's Home is His Castle?»: Reflections on the Home, the Family, and Privacy During the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries, 8 Wm. & Mary J. Women & L. 175 2002; <http://scholarship.law.wm.edu/wmjowl/vol8/iss2/2> (дата обращения: 27.01.2021).

а следовательно, и стимулы к инвестициям в свое образование и здоровье, выведя часть человечества в состояние «благодетельного цикла» [Costa, 2015]. В основе же современного экономического роста и всего «благодетельного цикла» лежат личные права и свободы, гарантии частной собственности и самого собственника, что подчёркивал еще Адам Смит [Смит, 2007. С. 580; Yanovskiy, Ginker 2017].

Эти гарантии связаны и обеспечены другими общеизвестными факторами. Справедливым и беспристрастным судом. Он справедлив и в отношении «неприятных», «ненормативных» личностей, склонных инако верить и инако мыслить, говорить неприятные и неприятные вещи («право Первой поправки»). Правом на самооборону («правом Второй поправки») и целым рядом других.

Утверждение, что перечисленные гарантии сегодня сильны, как никогда, было бы крайне затруднительно защитить (анализ некоторых таких изменений институтов в течение последних десятилетий см. в [Лисин, Яновский, Жаворонков, 2011; Яновский, Жаворонков, Затковецкий, Черный, 2018]). Атаки на личные права и на частную собственность резко усилились в самые последние годы со стороны левых радикалов, требующих поставить новый социалистический эксперимент. Нетрудно заметить, что локдауны и принудительные прививки — это пила, которой некоторые политики, бюрократы и эксперты пилят сук, на котором сидят и современная наука, и современная медицина.

Обоснование локдаунов и принудительной вакцинации с позиций морального превосходства

Для оценки моральной обоснованности претензий на защиту стариков рекомендуется взвесить реальную альтернативу для очень многих — смерть от коронавируса против смерти от онкологического заболевания, смерти при деменции (Альцгеймер и т.п.), а также поинтересоваться мнением самих «защищаемых» о предпочитаемом ими варианте и о жёстком карантине. То есть оставить за группами риска свободный информированный выбор.

Выбор, основанный на предпочтении властями жизни одних людей перед жизнями других при введении таких принудительных мер, морально весьма проблематичен. Даже если предположить, что локдауны действительно помогают снизить смертность, причём и с учетом смертности от последствий самого локдауна, а принудительная вакцинация не имеет альтернатив при лечении¹⁰. А также забыть о выявленных преимуществах естественного иммунитета от ковида перед «прививочным» [Gazit, Shlezinger, Perez, Lotan, Peretz, Bentov, Cohen, Muhsen, Chodick, Patalon, 2021].

Само ограничение выбора свободного гражданина также имеет важный и значимый моральный аспект. Приведу два примера из опыта современной Австралии. 5 сентября 2020 г. беременная женщина 28 лет Зое Бухлер (Zoe Buhler) была арестована ворвавшейся к ней домой группой полицейских (штат Виктория) на глазах двух её детей. Повод для ареста — пост в фейсбуке с призывом принять участие в мирных протестах против политики локдаунов¹¹. Правовая основа ареста была не просто весьма шаткой: она нарушала основополагающие принципы Конституции страны, как отметили некоторые австралийские юристы¹². Сцена ареста была снята и вывешена в сети, хотя полиция попыталась отнять у членов семьи все компьютерные приборы и смартфоны (при этом сама полиция вела

¹⁰ А такие альтернативы есть: <https://www.newsmax.com/us/texas-florida-regeneron-monoclonal/2021/08/30/id/1034291> (дата обращения 30.12.2021).

¹¹ <https://www.bbc.com/news/world-australia-54040278> <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-australia-arrest-idUSKBN25U1LK> (дата обращения 30.12.2021).

¹² <https://www.sydneycriminallawyers.com.au/blog/police-arrest-pregnant-woman-over-social-media-post>.

съёмку). Широко разошедшаяся в сети сцена ареста за пост в фейсбуке и реакция общества на арест не понравилась полиции штата Виктория. Женщину выпустили из-под ареста до суда после того, как она «принесла извинения» за свое поведение¹³. Та же полиция штата Виктория, управляемого лейбористами, совершенно индифферентно отнеслась к многочисленным протестам «Black Lives Matter», не самым актуальным для Австралии¹⁴.

Второй пример. Главный министр Северных территорий Австралии Майкл Ганнер (Michael Gunner Northern Territories Chief Minister) — лейборист потребовал запереть носителей ковида в специальных центрах¹⁵. Широкая огласка инициативы и отрицательные отзывы на неё не понравились политику. Он обвинил «иностранных конспирологов» в своих неприятностях¹⁶. В дальнейшем он уточнил определение своих врагов — это антиваксеры, а антиваксером является каждый, кто против принудительных прививок вне зависимости от того, привился он сам или нет¹⁷.

Так мы подходим к теме принудительной вакцинации. Неоднозначная сама по себе, она сводится в нынешней ситуации к принуждению населения к участию в научном эксперименте. Ведь даже у наиболее проверенной и первой получившей одобрение FDA вакцины Pfizer долгосрочные эффекты неизвестны специалистам¹⁸. Такое принуждение уязвимо не только с точки зрения морали, но даже с точки зрения международного права¹⁹.

Альтернативные гипотезы о механизме принятия решений

С самого начала марта 2020 г. бюрократы (министерства здравоохранения) и политики старых демократий сеяли панику, предупреждая о чудовищных жертвах накатывающейся на Запад пандемии [Bagus, Peña-Ramos, Sánchez-Bayón, 2021; Yanovskiy, Socol, 2021]. Не было ли это опасениями, основанными на доступной на тот момент информации?

В начале марта международные организации каждый день публиковали данные по количеству скончавшихся от нового вируса и по числу заразившихся (точнее по числу положительных результатов тестирования). Самым показательным примером мог считаться Китай — «родина» вируса (рис. 1).

Всего с 23 января (первый официально умерший) по 31 марта 2020 г. в Китае от COVID-19 официально умерло 3 305 чел. Это, несомненно, заниженное число (впоследствии немного скорректированное самими же властями Китая примерно на 1 200 чел.). При этом, если бы оно было занижено на 2–3 порядка, то информация о таком несоответствии просочилась бы вовне благодаря наблюдениям через спутники, фиксировавшими бы строительство временных госпиталей, подготовку новых кладбищ в нескольких, а в случае

¹³ <https://www.news24xx.com/2020/09/03/inviting-people-to-demonstrate-anti-lockdown-on-facebook-this-pregnant-woman-is-arrested> (дата обращения 30.12.2021).

¹⁴ <https://www.dailywire.com/news/pregnant-woman-arrested-in-australia-for-wanting-to-protest-covid-19-lockdown> (дата обращения 30.12.2021).

¹⁵ <https://thejewishvoice.com/2021/12/you-feel-like-youre-in-prison-aussie-recounts-ordeal-in-covid-camp> (дата обращения 30.12.2021).

¹⁶ <https://bit.ly/3EEVe28> (дата обращения 30.12.2021).

¹⁷ Your personal vaccination status is utterly irrelevant ... If you are anti-mandate, you are absolutely anti-vax” <https://www.abc.net.au/news/2021-11-22/nt-covid-vaccine-mandate-opponents-anti-vaxxers-michael-gunner/100640656> (дата обращения 27.12.2021).

¹⁸ Information is not yet available about potential long-term health outcomes. (Pfizer-BioNTech COVID-19 Vaccine) <https://www.fda.gov/news-events/press-announcements/fda-approves-first-covid-19-vaccine> (дата обращения 27.12.2021).

¹⁹ Добровольное согласие абсолютно необходимо... The voluntary consent of the human subject is absolutely essential. — из Нюрнбергского протокола. <https://history.nih.gov/download/attachments/1016866/nuremberg.pdf> (дата обращения 27.12.2021).

тысячекратного занижения числа жертв — во многих провинциях Китая. Такая информация, безусловно, была бы доступна президенту США Д. Трампу и другим мировым лидерам.

Динамика волны, по всей видимости, соответствовала действительности. Даже если принять реальное число жертв за 100 тыс. чел., это составило бы менее 10% от регулярной смертности в стране за два с небольшим месяца при еще меньшей избыточной смертности (умирали и умирают прежде всего старые и больные люди, в отличие от куда более свирепой «испанки») [Yanovski, Socol, 2021]. Тенденция к снижению смертности в Китае была очевидна еще в начале марта 2020 г.

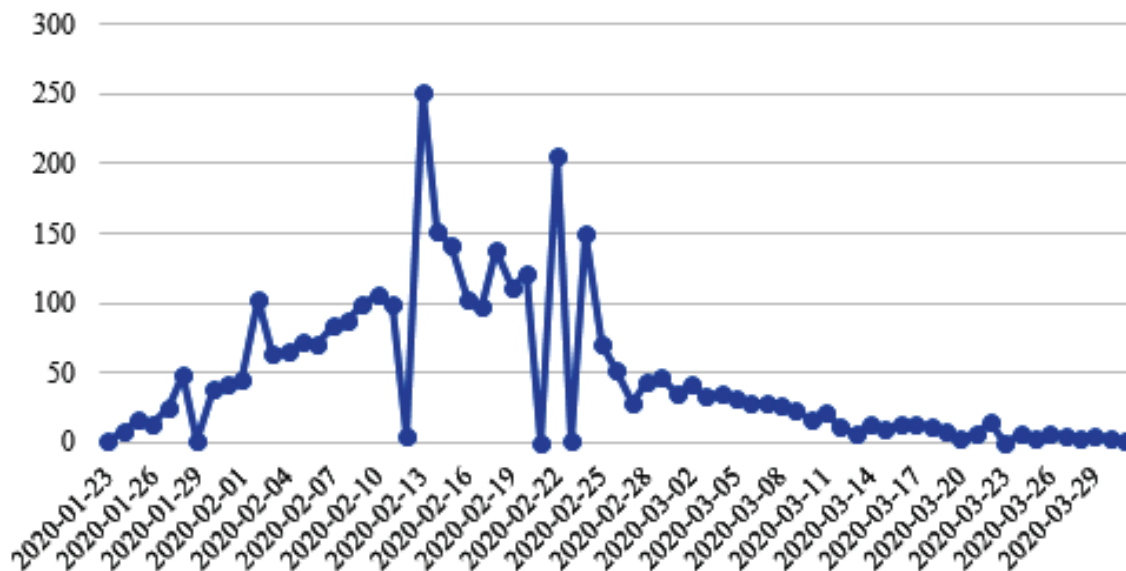

Рис. 1. Динамика смертности в КНР по официальным данным, начиная с 23 января (первая официально зарегистрированная смерть) по 31 марта 2020 г.

Источник: <https://ourworldindata.org/covid-deaths>; <https://www.ecdc.europa.eu/en/publications-data/download-todays-data-geographic-distribution-covid-19-cases-worldwide> (дата обращения 30.12.2021).

Примерно к тому же времени начала проявляться ситуация с круизным судном *Diamond Princess*, вышедшим в плавание с 3700 пассажирами и членами экипажа 20 января и вернувшегося в Йокогаму 3 февраля. Капитан получил сообщение из Гонконга, где сошёл на берег один из пассажиров, о выявлении у него нового вируса²⁰. Несмотря на «оптимальные» условия распространения вируса, на корабле умерло 14 пассажиров, т. е. менее 0,5% всех, находившихся на борту во время круиза²¹.

Интересы бюрократии

Классический набор интересов бюрократии включает максимизацию ресурсов под управлением бюрократической структуры [Tullock, 1965; Niskanen, 1971], а также максимизацию полномочий действовать по собственному усмотрению (дискреционно) [Jasay, 1998]. Сами по себе большие ресурсы являются основанием для расширения персонала ведомства, а значит, могут создавать дополнительные карьерные возможности. Расширение же финансирования проще пролоббировать, если ведомство заранее сумело получить дополнительные полномочия (например, по контролю и надзору за бизнесом). Это не значит,

²⁰ <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7156812> (дата обращения 27.12.2021).

²¹ *Diamond Princess* — 712 случаев заражения (положительных тестов тех у кого были симптомы), 13 (14 с учетом высаженного пассажира) смертей, 699 выздоровевших среди 3 700 пассажиров и членов команды корабля. <https://www.bu.edu/bhr/2020/07/08/the-case-of-the-diamond-princess-stranded-at-sea-in-a-pandemic> (дата обращения 30.12.2021).

что все бюрократы злонамеренны и не интересуются ничем, кроме денег и власти. Однако игнорировать их объективные интересы было бы ошибкой.

Интересы политиков

Политик (выборный) в демократической стране заинтересован прежде всего в продлении своего мандата на всё новых и новых выборах. В эпоху всеобщего избирательного права и мощной социальной бюрократии даже политики — сторонники ограничения полномочий и ресурсов в руках у государства не могут не считаться с бюрократией, от которой зависит значительное число избирателей. Хотя изредка встречаются политики, готовые игнорировать внешнее давление при принятии решений, им всё труднее возобновлять поддержку избирателей на выборах [Жаворонков, Яновский, 2013].

Ниже рассмотрим ситуацию при принятии решений в трёх странах. В Италии, первой из западных стран запершей своих граждан по домам. В Швеции, которая столь долго колебалась, что так и не ввела локдауны (хотя успела принять закон, дающий правительству такие полномочия в январе 2021 г.), но в стране с тех пор так и не наблюдалось роста смертности от ковида²², а закон использован пока не был. Третья страна — передовик вакцинации — Израиль.

Италия

Мотивы выбора, сделанного властями Италии, важно понять, поскольку он быстро стал образцом для подражания во всей Европе.

Правительство в феврале 2020 г. было обвинено лидером оппозиции М. Сальвини (партия Lega — Лига) в нерешительности и бездействии перед лицом нарастающего кризиса. Сальвини неудачно пытался связать угрозу заражения с фактическим содействием властей притоку нелегальных иммигрантов из Северной Африки. Проблемы, связанные с этими иммигрантами, действительно тяжелы, но на тот момент не имели никакого отношения к пандемии.

Губернатор Ломбардии А. Фонтана (Attilio Fontana) из той же партии Lega, что и Сальвини, атаковал центральные власти куда более обоснованно. Он напоминал, что его предложения тестировать китайских рабочих, возвращавшихся в Италию после празднования китайского нового года, были отвергнуты в издевательской форме²³. Сальвини, однако, не пытался развить эту линию обвинений. Видимо потому, что восприятие итальянцами трудолюбивых китайцев несравнимо с восприятием иммигрантов из Северной Африки. Сальвини продолжал обвинять правительство в бездействии, чем, видимо, и подал мысль отказаться от заблаговременно подготовленного на случай вирусной пандемии плана, скопировать китайский опыт жёстких карантинных мер, но распространить его на всю страну. Так Италия стала первой страной на Западе, которая ввела общенациональный принудительный карантин (локдаун).

Причем еще 24 февраля — в самом начале введения локдаунов (тогда ещё местных) — глава правительства Дж. Конти (Giuseppe Conte) выражал готовность обсудить действия властей с Сальвини и заметил, что если бы Сальвини ответил на его звонок, он бы «объяснил ему, почему жёсткие меры не были применены раньше»²⁴. Принятие беспрецедентных мер и высокая смертность на Севере Италии сняли с повестки дня и подготовленный план действий, и, в значительной мере, претензии, связанные с халатностью властей

²² По данным видно, что быстрый спад смертности начался в Швеции как раз в январе 2021 г. <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/sweden> (дата обращения 30.12.2021).

²³ Статья на английском: <https://bit.ly/3vKAMbO> Оригинал сообщения на итальянском: https://milano.repubblica.it/cronaca/2020/03/31/news/coronavirus_1_attacco_di_fontana_al_governo_a_febbraio_disse_nessuna_emergenza_-252787853 (дата обращения 30.12.2021).

²⁴ <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/24/salvini-attacks-italy-pm-over-coronavirus-and-links-to-rescue-ship> (дата обращения 30.12.2021).

при возвращении китайских рабочих из Китая. Наибольшее их число вернулось как раз в Ломбардию, тяжелее других областей пострадавшую от коронавируса²⁵.

Особенно важно подчеркнуть, что у правительства Италии, равно как и у всех правительств Запада, на март 2020 г. уже была информация об успешном опыте противостояния вирусу без принудительных карантинных мер. Это опыт Южной Кореи и Тайваня — стран с институтами, куда более близкими к западным, чем Китай.

Швеция

Правительство страны, которое столкнулось с вызовом эпидемии, — далеко не первое правительство меньшинства во главе с социал-демократами (СДП), опирающееся на внешнюю поддержку. В истории было несколько таких правительств с опорой на фракцию Левая партия — коммунисты Швеции (сегодня — просто «Левая партия»). Однако никогда ранее не было столь слабого меньшинства с опорой на 116 депутатов из 349 (100 социал-демократов и 16 зеленых), как на момент начала пандемии.

Весьма шаткую внешнюю поддержку и лишь при утверждении правительства обеспечили три малые партии — Левые (27 мандатов), Либералы (19) и партия Центра (31 мандат). Последние две партии традиционно входили в несоциалистическую оппозицию, либо в коалицию во главе с правоцентристской партией Умеренных (Модератов). Они обеспечили поддержку социал-демократам из опасений, что правительство во главе с Модератами будет искать внешней поддержки у партии Шведских демократов, которых мейнстримные партии обвиняют в расизме из-за требований последней ограничить иммиграцию из отсталых стран и обеспечить универсальное исполнение закона в отношении всех групп населения страны.

Легко заметить, что поддержка или хотя бы благожелательный нейтралитет каждой из партий играет для шведского правительства критическую роль. Даже без голосов самой маленькой из «внешних» партнеров — Либеральной — правительство теряет лояльность Риксдага. В оппозиции остаются мейнстримные консерваторы — Модераты (70 мандатов), их союзники — христианские демократы (22 мандата) и уже упомянутые Шведские демократы (62 мандата).

В отличие от Италии шведская оппозиция не обвиняла правительство в бездействии. То есть она даже в отрицательной форме не дала поддержки ограничительным мерам. Таким образом, страх стал несомненным фактором выбора правительства (отказа от резких, решительных действий). Было опасно в такой ситуации брать на себя ответственность за меры, которые даже если бы и привели к смягчению последствий эпидемии, заставили бы правящих социал-демократов взять на себя к выборам 2022 г. ответственность также и за массовую безработицу.

Израиль

В течение марта 2020 г. премьер-министр Б.Нетаньяху запугивал общество чудовищно смертоносной пандемией. Он неоднократно сравнивал ее с «испанкой», а потом договорился и до сравнения с «чёрной чумой» (21 марта). Сравнение с «испанкой» было сомнительным уже в начале марта. Оно стало еще проблематичнее к 19 марта, не говоря уже о заявлении 21 марта. Итак, премьер-министр Б. Нетаньяху, делая свои заявления, обладал всей необходимой информацией. Он не мог не понимать, что сеет панику без серьёзных на то оснований (см. [Yanovskiy, Socol, 2021]). Как бывший боевой офицер с большим опытом, он не мог не понимать опасности паники.

Однако сделанное нами выше предположение о том, что политики и бюрократы движимы вовсе не обязательно соображениями общественного блага, помогает понять, что

²⁵ <https://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri/repubblica-popolare-cinese> (дата обращения 30.12.2021).

произошло. Решение премьера, как и в Италии, отказаться от заранее составленного плана (2007 г.), предусматривавшего в случае пандемии передачу контроля военным медикам и местным властям, не могло не обрадовать медицинских бюрократов (см. [Yanovskiy, Socol, 2021]).

Обстановка «сверхчрезвычайной» ситуации была на руку бюрократам из министерства здравоохранения и другим социальным бюрократам. Первые получили чрезвычайные полномочия, за которые цепко держатся по сей день. Остальные получили освобождение от ответственности, зачастую даже от обычной рутинной работы. Министерство здравоохранения было избавлено от обязанности уступить большую часть полномочий военным. Поддержка действий премьера социальной бюрократией расколола фронт его врагов, в который кроме социальных бюрократов, тяготеющих к левым партиям, входят «юристы» (судебная система, прокуратура, верхушка полиции). В результате политическое давление на премьера со стороны прокуратуры, открывшей против него серию уголовных дел (которые с тех пор сходят на нет за отсутствием доказательств), ослабело.

Запугивание общества облегчило премьеру привлечение в правительство левой партии «Кахоль-Лаван» во главе с Б. Ганцем²⁶. Запуганное общество перестало контролировать власть и само стало удобным объектом управления.

Дальнейшие действия Нетаньяху по борьбе с пандемией свелись к привлечению компании Pfizer щедрыми предложениями, но главное — к сокрытию информации о последствиях прививок, доступ к которой остается только у фирмы и некоторых чиновников министерства здравоохранения²⁷. Pfizer поставил Израилю вакцину в приоритетном порядке. Однако высокий процент вакцинированных не предотвратил следующих волн коронавируса в стране.

Долгосрочные экономические последствия локдаунов

Марек Домбровский — один из тех, кто успешно провёл «шоковую терапию» в Польше на рубеже 1980–1990-х гг., сократив дефицит бюджета и подавив инфляцию, опубликовал в ноябре 2021 г. почти алармистскую записку [Dabrowski, 2021] о росте государственного долга развитых стран по итогам двух лет локдаунов и «стимулирования» экономики денежной эмиссией. Мы ранее делали обзор эпизодов резкого наращивания государственных обязательств [Yanovskiy, Zhavoronkov, Rodionov, 2017]. За несколько десятилетий, охватываемых этим обзором эпизодов (случаев), резкого наращивания правительственных обязательств оказалось меньше, чем за последние два года.

По данным, собранным М. Домбровским, хорошо заметны два основных фактора, связанных с наращиванием государственного долга во время пандемии (скорее всего, определяющие это увеличение и уж точно коррелирующие с ним). Первый — это способность правительства держать размер государственного долга под контролем до 2020 г. Второй — длительность и жёсткость локдаунов — карантин.

Так, Швеция, Южная Корея и Тайвань (имевшие государственный долг ниже 50% ВВП в 2019 г. и отсутствие локдаунов) ожидают увеличения отношения государственного долга к ВВП менее чем на 4%, 9,2%; —5,5%, соответственно (сокращение государственного долга Тайваня ожидается в 2021 г.). Австралия, Новая Зеландия и Чехия (государственный долг в 2019 г. ниже 50% ВВП и свирепые локдауны) по всей видимости нарастят соотно-

²⁶ Состав 35-го правительства Израиля с участием Б.Ганца: <https://main.knesset.gov.il/mk/government/pages/governments.aspx?govId=35> (дата обращения 30.12.2021).

²⁷ Текст соглашения властей Израиля с фирмой Pfizer. Несмотря на многочисленные купюры, основной смысл понятен из разделов 5 — Конфиденциальность, 8 — Собственность (на данные о результатах применения вакцины) и 9 — публикации: <https://govextra.gov.il/media/30806/11221-moh-pfizer-collaboration-agreement-redacted.pdf> (дата обращения 30.12.2021).

шение государственного долга к ВВП на 15,5, 20 и 15%, соответственно. Италия, Канада, Франция, Бельгия (государственный долг в 2019 г. уже превышал 80% ВВП, применяли локдауны) нарастят долговую нагрузку государства на ВВП на 20,2% (Италия), 23,1% (Канада), 18,2% (Франция), 15,3% (Бельгия).

Следует для корректности оговориться. Страна могучих групп интересов — Япония — умудрилась изрядно нарастить свой и без того чудовищный госдолг в 235% ВВП (2019 г.) еще на 21% безо всякого локдауна. Но при этом пример Японии не противоречит предложенной простенькой модели, так как эта страна давно уже является рекордсменом долговой безответственности.

Выводы

При принятии решений о том, как реагировать на пандемию, правительства старых демократий не просчитывали последствия альтернативных вариантов действий. Гипотеза о том, что решения принимались добросовестно на основе всей имеющейся информации, может быть смело отброшена. Куда больше может объяснить, как и почему принимались наблюдаемые решения, теория общественного выбора, требующая учитывать интересы политиков и бюрократов. И эти интересы отклоняют решения от оптимальных намного сильнее, чем те, мотивы, которые имел в виду Р. Пайпс.

Для стран, которые будут обдумывать планы реакций на будущие пандемии, куда разумнее ориентироваться на опыт 1918–1919 гг., чем на опыт пандемии COVID-19. При этом не следует забывать о том, что произошло с тщательно подготовленными планами в Италии и в Израиле.

Гражданам следует привыкнуть к неприятной мысли, что если они оставят принятие решений политикам и экспертам, то скорее всего будут воспроизводиться худшие практики. Все издержки политики бюрократы и их эксперты возложат на доверчивых граждан. Выход видится только в заинтересованном контроле общества и недоверии к любым экспертам, требующим от граждан брать на себя все новые и новые издержки. К таким предложениям стоит относиться с большой осторожностью, не обращая внимание на обычно сопровождаемые ими бездоказательные рассуждения о солидарности или заботе о слабых.

ЛИТЕРАТУРА

- Де Фрис Я. (2016). Революция трудолюбия. Потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. — М.: Дело.
- Жаворонков С.В., Яновский К.Э. (2013). Плоды социального либерализма и некоторые причины устойчивости выбора неэффективных стратегий // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 61–74.
- Лисин В., Яновский К., Жаворонков и др. (2011). Институциональные ограничения современного экономического роста. — М.: Дело.
- Смит А. (2007) Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо.
- Яновский К., Жаворонков С., Затковецкий И., Черный Д. (2018). Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира. — М.: Дело.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2003). Disease and Development in Historical Perspective // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 1. No. 2–3. Pp. 397–405.
- Aimone F. (2010). The 1918 influenza epidemic in New York City: a review of the public health response // *Public Health Reports*. Vol. 125 Supplemental 3. Pp. 71–79. doi:10.1177/00333549101250S310.
- Aronson J. (2021a). When i use a word... The Precautionary Principle: a brief history // *British Medical Journal*. Vol. 375. No. 3059. <http://dx.doi.org/10.1136/bmj.n3059> (дата обращения 27.12.2021).
- Aronson J. (2021b). When I use a word... No jab, no job? A benefit : harm balance analysis // *British Medical Journal*. Vol. 375. No. 2934. <http://dx.doi.org/10.1136/bmj.n2934>. (дата обращения 27.12.2021).
- Bagus P., Peña-Ramos J.A., Sánchez-Bayón, A. (2021). COVID-19 and the Political Economy of Mass Hysteria // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No.1376. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041376> (дата обращения 27.12.2021).

- Baum A., Schwartz M.D.* (2020). Admissions to Veterans Affairs Hospitals for Emergency Conditions During the COVID-19 Pandemic. *JAMA*; 324 (1): pp. 96–99. <https://doi.org/10.1001/jama.2020.9972> (дата обращения 27.12.2021).
- Becker G.S.* (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Part 2: Investment in Human Beings. Pp. 9–49.
- Bendavid E., Oh C., Bhattacharya J., Ioannidis J.P.A.* (2021). Assessing mandatory stay-at-home and business closure effects on the spread of COVID-19 // *European Journal of Clinical Investigations*. Vol.51. E13484. <https://doi.org/10.1111/eci.13484> (дата обращения 27.12.2021).
- Bjørnskov C.* (2021). Did Lockdown Work? An Economist's Cross-Country Comparison // *CESifo Economic Studies*, ifab003, <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifab003>.
- Bootsma M.J., Ferguson N.M.* (2007). The Effect of Public Health Measures on the 1918 Influenza Pandemic in U.S. Cities // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 104. Pp. 7588–7593.
- Costa D.L.* (2015). Health and the Economy in the United States from 1750 to the Present // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 3. Pp. 503–570.
- Correia S., Luck S., Verner E.* (2020). Pandemics Depress the Economy, Public Health Interventions Do Not: Evidence from the 1918 Flu (March 30, 2020). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3561560> (дата обращения 27.12.2021).
- Cutler D.M., Miller G.* (2005). The Role of Public Health Improvements in Health Advances: The 20th Century United States // *Demography*. Vol. 42. Issue 1. Pp. 1–22.
- Dabrowski M.* (2021). 'Fiscal arithmetic and risk of sovereign insolvency' // *Bruegel Blog*, 18 November <https://www.bruegel.org/2021/11/fiscal-arithmetic-and-risk-of-sovereign-insolvency> (дата обращения 27.12.2021).
- Gazit S., Shlezinger R., Perez G., Lotan R., Peretz A., Ben-Tov A., Cohen D., Muhsen K., Chodick G., Patalon T.* (2021). Comparing SARS-CoV-2 natural immunity to vaccine-induced immunity: reinfections versus breakthrough infections. medRxiv preprint <https://doi.org/10.1101/2021.08.24.21262415> (дата обращения 27.12.2021).
- Jasay A.* (1998). *The State*. Indianapolis: Liberty Fund.
- Johnson N., Mueller J.* (2002). Updating the Accounts: Global Mortality of the 1918-1920 "Spanish" Influenza Pandemic // *Bulletin of the History of Medicine*, Spring. Vol. 76, No. 1. Pp. 105–115.
- Keeney R.L.* (1994). Mortality Risks Induced by the Costs of Regulations // *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 8. No. 1. Special Issue: Risk-Risk Analysis Symposium. Pp. 95–110.
- Knox E.G.* (2008). Atmospheric Pollutants and Mortalities in English Local Authority Areas // *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 62. Pp. 442–447.
- Knox E.G.* (2016). Pittsburgh, Pennsylvania and the 1918–1919 Influenza Epidemic // *The American Influenza Epidemic of 1918: A Digital Encyclopaedia*. University of Michigan Center for the History of Medicine. <https://www.influenzaarchive.org/cities/city-pittsburgh.html> (дата обращения 29.12.2021).
- Linhart Y., Shohat T., Bromberg M., Mendelson E., Dictiar R., Green M.S.* (2011). Excess mortality from seasonal influenza is negligible below the age of 50 in Israel: implications for vaccine policy // *Infection*. Vol. 39. Pp. 399–404.
- Markel H., Lipman H., Navarro J.A., Sloan A., Michalsen J.R., Stern A.M., Cetron M.S.* (2007). Nonpharmaceutical Interventions Implemented by US Cities during the 1918–1919 Influenza Pandemic // *Journal of the American Medical Association*. Vol. 298. No. 5. Pp. 644–654.
- Morens D.M., Taubenberger J.K., Fauci A.S.* (2008) Predominant role of bacterial pneumonia as a cause of death in pandemic influenza: Implications for pandemic influenza preparedness // *The Journal of Infectious Diseases* Vol. 198. Issue 7. 1 October. Pp. 962–970.
- Niskanen W.A.* (1971). *Bureaucracy and representative government*. — N.Y.: Routledge.
- Preston S.H.* (1975). The Changing Relation between Mortality and Level of Economic Development // *Population Studies*, Vol. 29. No. 2. Pp. 231–248.
- Pritchett L., Summers L.H.* (1996). Wealthier is Healthier // *The Journal of Human Resources*. Vol. 31. No. 4. Pp. 841–868.
- Strully K.W.* (2009). Job Loss and Health in the U.S. Labor Market // *Demography*. Vol. 46. No. 2. Pp. 221–246.
- Tullock G.* (1965). *The Politics of Bureaucracy*. — Washington: Public Affairs Press.
- Viscusi W.K.* (2000). The Value of Life in Legal Contexts: Survey and Critique // *American Law and Economics Review*. Vol. 2. No. 1. Pp. 195–222.
- Yanovskiy K.* (2021). Who Teaches the Fact-Checkers or Why Trump Must Be Wrong? <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3771015> (дата обращения 27.12.2021).
- Yanovskiy K., Ginker T.* (2017). A Proposal for a More Objective Measure of De Facto Constitutional Constraints // *Journal of Constitutional Political Economy*. Vol. 28. Issue 4. Pp. 311–320. DOI: 10.1007/s10602-017-9242-1 (дата обращения 27.12.2021).
- Yanovskiy M., Socol Y.* (2021). COVID-19 Library. Filling the Gaps. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3784709> (дата обращения 27.12.2021).
- Yanovskiy M., Zhavoronkov S., Rodionov K.* (2017). Political Factors Behind Cuts and Surges in Government Spending: The Effects on Old Market Democracies and Post-Communist Countries // *Problems of economic Transition*. Vol. 59. No. 4. Pp. 294–320. <https://doi.org/10.1080/10611991.2017.1321418> (дата обращения 27.12.2021).

Яновский Константин Эдуардович

moshey@instecontransit.org

Konstantin Yanovskiy

PhD, head of Shomron Center for Economic Policy Research (Israel)

moshey@instecontransit.org

HOW OLD DEMOCRACIES' GOVERNMENTS' DECISION MAKING HAS WORKED IN CASE OF COVID-19 RESPONSES' CHOICE

Abstract. The trust of citizens of old established democracies in politicians, bureaucrats and experts has done them a disservice during the COVID-19 pandemic. Citizen's belief that lockdowns and compulsory vaccinations, which have never been proven successful, were chosen by their leaders as the least evil, makes them and their children will pay the bills of ill-conceived policies for a long time. Here is not a story about irrational decision-making by politicians and bureaucrats. They make decisions guided by their own interests, and not by the interests of society to the extent that society allows them. Since personal rights, freedoms and private property have become the principal cause of both modern economic growth and the development of modern science and medicine, calls to sacrifice these rights and freedoms erode the foundations of the once free and therefore rich old democracies. The moral ground of these calls is also highly questionable.

Keywords: *Decision Making, expertise, lockdowns, compulsory vaccination, health and wealth, rights and liberties, "Spanish Flu" experience.*

JEL: D72, D73, D78, H51, I15, I18.

REFERENCES

- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2003). Disease and Development in Historical Perspective // Journal of the European Economic Association. Vol. 1. No. 2–3. Pp. 397–405.*
- Aimone F. (2010). The 1918 influenza epidemic in New York City: a review of the public health response // Public Health Reports. Vol. 125 Supplemental 3. Pp. 71–79. doi:10.1177/00333549101250S310.*
- Aronson J. (2021a). When I use a word... The Precautionary Principle: a brief history // British Medical Journal. Vol. 375. No. 3059. <http://dx.doi.org/10.1136/bmj.n3059> (access date 27.12.2021).*
- Aronson J. (2021b). When I use a word ... No jab, no job? A benefit: harm balance analysis // British Medical Journal. Vol. 375. No. 2934ю <http://dx.doi.org/10.1136/bmj.n2934> (access date 27.12.2021).*
- Bagus, P., Peña-Ramos, J.A., Sánchez-Bayón A. (2021). COVID-19 and the Political Economy of Mass Hysteria // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 18. No. 1376. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041376> (access date 27.12.2021).*
- Baum A., Schwartz M.D. (2020). Admissions to Veterans Affairs Hospitals for Emergency Conditions During the COVID-19 Pandemic. JAMA; 324 (1): pp. 96–99. <https://doi.org/10.1001/jama.2020.9972> (access date 27.12.2021).*
- Becker G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. Vol. 70. No. 5. Part 2: Investment in Human Beings. Pp. 9–49. Access date 27.12.2021.*
- Bendavid E., Oh C., Bhattacharya J., Ioannidis J.P.A. (2021). Assessing mandatory stay-at-home and business closure effects on the spread of COVID-19 // European Journal of Clinical investigations. Vol. 51. E. 13484. <https://doi.org/10.1111/eci.13484> (access date 27.12.2021).*
- Bjørnskov C. (2021). Did Lockdown Work? An Economist's Cross-Country Comparison // CESifo Economic Studies, ifab003, <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifab003> (access date 27.12.2021).*
- Bootsma M.J., Ferguson N.M., (2007). The Effect of Public Health Measures on the 1918 Influenza Pandemic in U.S. Cities // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 104. Pp. 75880–7593.*
- Costa D.L. (2015). Health and the Economy in the United States from 1750 to the Present // Journal of Economic Literature. Vol. 53. No. 3. Pp. 503–570.*
- Correia S., Luck S., Verner E. (2020). Pandemics Depress the Economy, Public Health Interventions Do Not: Evidence from the 1918 Flu (March 30, 2020). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3561560> (access date 27.12.2021).*
- Cutler D.M., Miller G. (2005). The Role of Public Health Improvements in Health Advances: The 20th Century United States // Demography. Vol. 42. Issue 1. Pp. 1–22.*
- Dabrowski M. (2021). Fiscal arithmetic and risk of sovereign insolvency // Bruegel Blog, 18 November <https://www.bruegel.org/2021/11/fiscal-arithmetic-and-risk-of-sovereign-insolvency/> (access date 27.12.2021).*
- De Vries J. (2016). Revolucia trudolubia. Potrebiteľskoe povedenie i ekonomika domohozyaystv s 1650 do nashih dney [The Industrious Revolution. Consumer Behavior and the Household Economy 1650 to present]. — M.: Delo. (In Russ.).*
- Gazit S., Shlezinger R. Perez G., Lotan R., Peretz A., Ben-Tov A., Cohen D., Muhsen K., Chodick G., Patalon T. (2021). Comparing SARS-CoV-2 natural immunity to vaccine-induced immunity: reinfections versus breakthrough infections. medRxiv preprint <https://doi.org/10.1101/2021.08.24.21262415> (access date 27.12.2021).*

- Jasay A. (1998). *The State*. — Indianapolis: Liberty Fund.
- Johnson N., Mueller J. (2002). Updating the Accounts: Global Mortality of the 1918-1920 “Spanish” Influenza Pandemic // *Bulletin of the History of Medicine*. Spring. Vol. 76. No. 1. Pp. 105–115.
- Keeney R.L. (1994). Mortality Risks Induced by the Costs of Regulations // *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 8. No. 1. Special Issue: Risk-Risk Analysis Symposium. Pp. 95–110.
- Knox E.G. (2008). Atmospheric Pollutants and Mortalities in English Local Authority Areas // *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 62. Pp. 442–447.
- Knox E.G. (2016). *Pittsburgh, Pennsylvania and the 1918–1919 Influenza Epidemic / The American Influenza Epidemic of 1918: A Digital Encyclopaedia*. University of Michigan Center for the History of Medicine. <https://www.influenzaarchive.org/cities/city-pittsburgh.html> (access date 29.12.2021).
- Linhart Y., Shohat T., Bromberg M., Mendelson E., Dictiar R., Green M.S. (2011). Excess mortality from seasonal influenza is negligible below the age of 50 in Israel: implications for vaccine policy // *Infection*. Vol. 39. Pp. 399–404.
- Lisin V., Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Shulgin S. et al (2011). *Institucionalnye ogranicheniya sovremenogo ekonomicheskogo rosta* [Institutional Constraints on Modern Economic Growth]. M.: Delo. (In Russ.).
- Markel H., Lipman H., Navarro J.A., Sloan A., Michalsen J.R., Stern A.M., Cetron M.S. (2007). Nonpharmaceutical Interventions Implemented by US Cities during the 1918–1919 Influenza Pandemic // *Journal of the American Medical Association*. Vol. 298. No. 5. Pp. 644–654.
- Morens D.M., Taubenberger J.K., Fauci A.S. (2008). Predominant role of bacterial pneumonia as a cause of death in pandemic influenza: Implications for pandemic influenza preparedness // *The Journal of Infectious Diseases*. Vol. 198. Issue 7. 1 October. Pp. 962–970.
- Niskanen W.A. (1971). *Bureaucracy and representative government*. N.Y.: Routledge.
- Preston S.H. (1975). The Changing Relation between Mortality and Level of Economic Development // *Population Studies*. Vol. 29. No. 2. Pp. 231–248.
- Pritchett L., Summers L.H. (1996). Wealthier is Healthier // *The Journal of Human Resources*. Vol. 31. No. 4. Pp. 841–868.
- Smith A. (2007). *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. [Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. — M.: Eksmo. (In Russ.).
- Strully K.W. (2009). Job Loss and Health in the U.S. Labor Market // *Demography*. Vol. 46. No. 2. Pp. 221–246.
- Tullock G. (1965). *The Politics of Bureaucracy*. — Washington: Public Affairs Press.
- Viscusi W.K. (2000). The Value of Life in Legal Contexts: Survey and Critique // *American Law and Economics Review*, Vol. 2. No. 1. Pp. 195–222.
- Yanovskiy K. (2021). *Who Teaches the Fact-Checkers or Why Trump Must Be Wrong?* <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3771015> (access date 27.12.2021).
- Yanovskiy K., Ginker T. (2017). A Proposal for a More Objective Measure of De Facto Constitutional Constraints // *Journal of Constitutional Political Economy*. Vol. 28. Issue 4. Pp. 311–320. DOI: 10.1007/s10602-017-9242-1 (access date 27.12.2021).
- Yanovskiy M., Socol Y. (2021). *COVID-19 Library. Filling the Gaps*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3784709> (access date 27.12.2021).
- Yanovskiy M., Zhavoronkov S., Rodionov K. (2017). Political Factors Behind Cuts and Surges in Government Spending: The Effects on Old Market Democracies and Post-Communist Countries // *Problems of economic Transition*. Vol. 59. No. 4. Pp. 294–320. <https://doi.org/10.1080/10611991.2017.1321418> (access date 27.12.2021).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Zatskovetsky I., Cherny D. (2018). *Strategiya dolgosrochnogo procvetania: v poiskah rastayavshogo orientira* [Long-Term Prosperity Strategy: In Search of a Melted Landmark]. — M.: Delo. (In Russ.).
- Zhavoronkov S., Yanovskiy K. (2013). Plody socialnogo liberalizma i nekotorye prichiny ustoychivosty vybora neeffektivnykh strategiy [Fruits of the Social Liberalism and some reasons of inefficient choices’ stability] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. No. 6. Pp. 61–74. (In Russ.).

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С.В. Жаворонков

к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара (Москва)

В.В. Новиков

старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

А.А. Прощенкова

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ РЕФОРМ: ОПЫТ RETROSTATE НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Аннотация. В статье обсуждаются итоги тридцатилетия постсоветских реформ на примере сопоставления двух сырьевых стран — России и Казахстана. Россия обладала значительно лучшими стартовыми условиями, но в настоящее время показатели ВВП на душу населения двух рассматриваемых стран фактически сравнялись, а в сфере привлечения иностранных инвестиций на душу населения Казахстан лидирует. Рассматриваются три основных аспекта экономической политики — финансовая стабилизация, приватизация и привлечение инвестиций. В сфере финансовой стабилизации страны шли похожими курсами и осуществили её в достаточно растянутый период — около четырех лет. Приватизация же проводилась одинаково только на первом, чековом, этапе. Россия пошла по пути передачи крупной собственности отечественному бизнесу на инсайдерских условиях, а Казахстан — по пути привлечения крупных международных инвесторов на условиях индивидуальных соглашений. В сфере поощрения инвестиций Россия предпочла путь создания территорий с льготным налоговым режимом («Сколково», ТОРы, ОЭЗ), Казахстан — путь создания МФЦА «Астана», который, кроме налоговых льгот, обладает собственным признаваемым государством судом на основе английского права, представленным авторитетными иностранными судьями.

Ключевые слова: *финансовая стабилизация, приватизация, привлечение инвестиций, судебная защита прав собственности.*

JEL: E31, N54, N55, O13, O43.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_74_88.

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Общие итоги рыночных реформ на постсоветском пространстве

На постсоветском пространстве различные государства пошли по разным путям в ключевых областях реформ: финансовой, а затем и бюджетной стабилизации, приватизации, управления остающейся государственной собственностью, привлечения иностранных и внутренних инвестиций, развития социальной сферы, образования, здравоохранения, пенсионной системы. Собственно, именно об этом в сравнительном анализе достижений разных государств и стоит поговорить. Тридцатилетний срок с момента распада СССР — вполне достаточное время, чтобы подводить итоги. И тут интересно сравнить Россию и Казахстан как государства со сходной во многом экономикой ресурсных стран, имеющих сходные достоинства и недостатки.

Стартовые условия в России были заметно лучше. Так, согласно последнему ежегодному справочнику Госкомстата СССР, вышедшему в 1991 г., товарооборот на душу населения в Казахстане был на четверть ниже, чем в РСФСР. Собственное производство товаров народного потребления в 1990 г. на душу населения в Казахстане составило 881 руб., в РСФСР — 1664 руб. И это при том, что даже российский товарооборот и производство были категорически недостаточны. Казахстан не имеет выхода к морю, открывающему путь к прямому сообщению со странами мира. Он не обладал и никакими особыми навыками управления и сбыта продукции крупных предприятий, все они относились, как тогда говорились, к «союзному подчинению».

Однако сейчас Казахстан в каких-то отношениях сравнялся с Россией, а в каких-то заметно её обошел. Так, душевой ВВП в текущих ценах двух рассматриваемых стран практически одинаков: в 1995 г. 11 075 долл. в Казахстане. и 11 786 долл. в России². В Казахстане он вырос в три раза, а в России — только в два, если мы будем сравнивать 1995 и 2019 г. (1995 г. берется за точку отсчёта потому, что только к этому времени статистика постсоветских государств перешла с советских на мировые стандарты.) Еще внушительнее будут результаты роста душевого ВВП, рассчитываемого по ППС: в Казахстане он увеличился в два раза, а в России — только на 25%. По уровню душевого ВВП, рассчитываемого по ППС (25 022 долл., данные МВФ)³, Казахстан вошел в группу стран со средним уровнем доходов и даже опередил Россию по этому показателю в допандемийном 2019 г. Следующий по уровню душевого ВВП Туркменистан отстает почти вдвое.

К слову, если говорить о странах бывшего СССР (и даже если исключить государства Балтии, получившие крупный грант от Европейского союза на выравнивание уровня жизни), надо отметить, что по итогам тридцатилетия уровень жизни вырос повсюду, что опровергает мифы о каких-то якобы разоривших страны рыночных реформах. Душевой ВВП вырос в Российской Федерации и Кыргызстане в 2 раза, в Украине — в 1,6, в Беларуси — в 3,3, в Казахстане — в 3, в Узбекистане — в 2,8, в Таджикистане и Туркменистане — в 3,8, в Молдове — в 2,2, в Грузии — в 4,6, в Армении — в 4,5, в Азербайджане — в 4,7 раза. Здесь стоит учесть, однако, что страны, пережившие полноценные гражданские войны в начале 1990-х гг. (Грузия, Армения, Азербайджан, Таджикистан), росли с очень низкого уровня, а Беларусь получала значительный грант от Российской Федерации, позволявшей ей реэкспортировать нефть и произведенные из этой нефти нефтепродукты без уплаты экспортных пошлин. Для сравнения, мировой рост душевого ВВП за то же время составил 1,5 раза, в развитых странах OECD — 1,4 раза, т. е. рост душевого ВВП на постсоветском пространстве значительно опережал мировой. Даже в самой «неудачной» стране, Украине, он вырос более чем в полтора раза. То есть модернизация всё же происходит, просто раз-

² <https://www.imf.org/external/datamapper//export/excel.php?indicator=NGDPDPC> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

³ <https://bit.ly/3JsPTyD> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

ными темпами. По абсолютному же уровню лидируют Россия (11 786 долл. на душу населения) и Казахстан (11075 долл.), за ними со значительным отрывом следуют остальные, третья страна — Беларусь (6 839 долл.) отстает уже значительно. Однако Россия находилась в очевидно более благоприятных стартовых условиях.

Причины того, что страна не с самыми благоприятными стартовыми условиями оказалась на втором месте по душевому ВВП, стоит во многом видеть в том, что Казахстан находится на первом месте по прямым иностранным инвестициям на душу населения: 8 063 долл. На втором месте Туркмения с 6 520 долл., на третьем Грузия с 4 663 долл., на четвертом — Азербайджан с 3 234 долл. и лишь на пятом — Россия с 3 061 долл.⁴

Основные страны-инвесторы в Казахстан — Нидерланды, США и Швейцария (в сумме свыше половины), в России к половине приближается доля Кипра — в прошлом офшорная, сейчас полуофшорная юрисдикция, популярная именно в России, т.е. речь идет в первом случае о скорее международных инвестициях, а в России — о реинвестировании вывезенных из страны капиталов.

Финансовая стабилизация: уроки скудных лет

Исторически первым вызовом в большинстве постсоциалистических стран стала высокая инфляция после отпуска цен. Она блокировала экономический рост. В ситуации, когда ценники в магазинах менялись каждую неделю, никакой коммерческий проект, требующий инвестиций с окупаемостью даже в несколько месяцев (не говоря уже о годах), не мог серьёзно обдумываться предпринимателем.

В области борьбы с инфляцией страны были весьма похожи. Макрофинансовая стабилизация (падение инфляции ниже 50% годовых) случилась и в России, и в Казахстане в 1996 г. (21,8 и 28,6%), соответственно. Причем фактически можно сказать, что в Казахстане она была достигнута раньше, так как национальную валюту — тенге — ввели только в ноябре 1993 г., а до этого Казахстан находился в рублевой зоне. Сутью финансовой политики была классическая стратегия: ограничение денежной эмиссии. Бюджетная же политика в Казахстане была намного жёстче: доходы и расходы примерно сводились. В результате Казахстан оказался одной из немногих постсоветских стран, который миновал так называемый «азиатский финансовый кризис» и где не произошло дефолта или серьезной девальвации (инфляция по итогам 1998 г. в России составила 84,5%, а в Казахстане 1,9%) [Dabrowski, 2003].

В 2000-е гг. инфляция снижалась параллельно почти во всех странах региона. Если исключить Беларусь, то с 2001 г. все бывшие республики СССР имели инфляцию ниже 40%, с 2002 г. — ниже 30%, с 2003 г. — ниже 20% и с 2004 г. — ниже 15%. Однако дальнейшего существенного снижения инфляции не произошло: все страны региона, кроме Армении, имели инфляцию не ниже 4–5%. Впрочем, этой задачи и не ставилось. Была теоретическая установка, что для стран среднего уровня развития оптимальный уровень инфляции 5–10%, а не 2–3%, как для развитых стран.

После 2009 г. инфляция ниже 10% становится обычным явлением и нормой для всех стран региона, кроме Беларуси и Узбекистана (а также России и Украины после событий 2014–2015 гг.)⁵.

Россия провела переход к режиму инфляционного таргетирования в ноябре 2014 г., а Казахстан — в августе 2015 г. Этот режим более-менее соблюдается.

⁴ https://unctad.org/system/files/non-official-document/WIR2021_tab03.xlsx (дата обращения: 28 декабря 2021 г.)

⁵ World Economic Outlook database, October 2021 <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

Уроки «азиатского» финансового кризиса 1998 г. подтолкнули Казахстан и Россию на накопление резервов в годы высоких доходов при удачной конъюнктуре цен на экспортируемые ими энергоносители (Фонд национального благосостояния в России, Национальный Фонд Республики в Казахстане). Казахстан создал Национальный Фонд в 2001 г., и первым взносом в него послужила продажа 5% акций «Тенгизшеврола» за 600 млн долл. (на тот момент это всего 2,7% ВВП). Было определено, что в Национальный фонд поступают средства как от приватизации, так и от налогов предприятий сырьевого сектора, превышающих определённый, установленный проектом бюджета лимит, и от доли Казахстана в СРП. В период высоких нефтяных цен к 2009 г. удалось накопить 27,9 млрд долл. (24,1% ВВП), затем после вызванного мировым кризисом спада цен на нефть последовало падение, сменившееся, однако, новым ростом. К августу 2014 г., началу очередного падения цен на нефть, Фонд достиг капитала в 77,2 млрд долл. (34% ВВП), что позволило без сложностей пережить очередное, на этот раз еще более длительное, падение цен на нефть⁶. В РФ Стабилизационный фонд (поначалу разделенный на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния; первый предполагался для бюджетной балансировки, второй — для финансирования долгосрочных проектов) был создан позднее — в 2004 г. и финансировался только из налоговых поступлений сырьевых компаний при ценах на нефть, превышающий определённый уровень. Его размеры были более скромными — к августу 2008 г. объём накоплений составлял 7,3% ВВП, к августу 2014 г. — всего 4,7% ВВП. Но и это позволило относительно безболезненно преодолеть период снижения цен на энергоносители⁷.

Влияние приватизации на некоторые отрасли

Существует массовое восприятие приватизации как особенно коррупционного процесса. Оно основано на крайне слабой доказательной базе и подогревается некоторыми учёными [Dabrowski, 2003], что признают даже те, кто сами считают приватизацию коррумпированной (см. например, [Kaufmann, Siegelbaum, 1997]). К сожалению, многие коллеги так и не оставили попыток изобретения вечного двигателя централизованно-принудительной экономической системы. Некоторые разочарованы тем, что приватизация повсеместно прошла мимо их советов и рекомендаций. В силу завышенных ожиданий населения (быстрого поступления значительных сумм в наличных) любые заявления экономистов или журналистов о коррумпированной приватизации воспринимались многими с сочувствием.

Между тем подозрения и недоверие к итогам приватизации характерны не только для постсоветского пространства, куда западный инвестор не хотел приходить, опасаясь рисков и не видя надёжной защиты в виде уважаемого суда, эффективной и неподкупной полиции. Они полностью воспроизвелись и в новых землях Германии. Там приватизация проходила на уровне, непредставимом в Восточной Европе. Значительная часть имущества вернулась к прежним хозяевам. Использовались конкурсные продажи готовых к работе имущественных комплексов целиком. На реструктуризацию предприятий и очистку их от долгов [Cassel, 1996. P. 26] западногерманский налогоплательщик потратил свыше 100 млрд евро, но ожидания восточногерманской публики, а также сторонников социализма из западных земель всё равно не были оправданы, что вызвало вал критики⁸, хотя её острей было направлено отнюдь не на сомнительные стороны механизма приватизации, такие как

⁶ <https://www.sk.kz/investors/financial-performance/?lang=ru> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

⁷ <https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

⁸ <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/treuhand-chefin-birgit-breuel-im-interview-16294586.html>; <https://www.welt.de/politik/deutschland/article197203557/Treuhand-Chefin-Breuel-Westdeutsche-haetten-das-nicht-durchgehalten.html> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

безответственность чиновников при огромных полномочиях приватизационного ведомства — *Treuhandanstalt* [Cassel, 1996]⁹. Претензии сводились к тому, что люди недополучили того, что ожидали, а учёные не увидели свои планы, воплощёнными в жизнь.

Частным, но важным для Казахстана случаем является приобретение предприятия иностранным инвестором. В этой ситуации зачастую требуется заметное время для адаптации работников к новым требованиям, а собственника и менеджеров — к работе в совершенно незнакомой культурной и правовой среде. В результате ожидания быстрого и резкого роста производства, зарплат, выплаты налогов зачастую не оправдываются [Uhlenbruck, De Castro, 2000], а подозрения по отношению к иностранным собственникам усиливаются.

Некоторые исследователи истории приватизации отмечают ключевое значение замены менеджеров для успеха приватизации [Dyck, 1997]. Приватизация в целом эффективна, когда собственность по её итогам сконцентрирована, а не размазана (что подтверждают исследования, в том числе ссылающиеся на информацию из Казахстана и других стран СНГ, собранную Всемирным банком в 1997 г. [Megginson, Netter, 2001]).

Приватизация предприятий, выходящих на рынок товаров, продаваемых непосредственно потребителю и в России, и в Казахстане, зачастую сталкивалась с дополнительными трудностями. Для защиты потребителя и ограничения темпов инфляции власти либерализовали импорт. Импорт, конкурируя с не имеющими опыта работы в рыночных условиях приватизированными предприятиями, сдерживал их развитие [Djankov, Murrell, 2002. P. 783]. Это происходило до тех пор, пока к управлению не приходил предприимчивый собственник, ориентированный на рынок и имеющий опыт работы на нём.

Сравнительно быстрая адаптация была возможна только в странах с типом культуры, максимально близким к культуре стран новых собственников, да ещё и в сочетании с решительностью и политической волей властей в привлечении в том числе и иностранных собственников. Это уже к концу 1990-х гг. сыграло заметную положительную роль в Эстонии, но не в Словении, с её более осторожной и растянутой во времени политикой приватизации [Damijan, Knell, 2005]. Очевидна невыполнимость и недостижимость таких требований и условий в других постсоветских странах.

Следует подчеркнуть, что бóльшую часть этих кажущихся сегодня очевидными уроков приватизации в начале 1990-х гг. выучить было негде. Чем обширнее был опыт приватизации (например, в Англии при правительстве М. Тэтчер), тем менее применимым он был в постсоциалистических странах. В отличие от Англии 1980-х гг. массового непрерывного опыта своего и предков в постсоветских странах не было. Далекое не все избиратели (зачастую даже не большинство), равно как и далеко не все политики в принципе принимали идею приватизации. В результате новым государствам предстояло наступать на собственные грабли. Судить об успешности или провале приватизации следует, помня о тех политических ограничениях, в которых она проходила, и задавая каждый раз простой вопрос — существовал ли лучший способ решения проблем и привела ли приватизация в конечном итоге к значимому улучшению ситуации или нет?

Политика в сфере приватизации государственной собственности уже с 1990-х гг. стала серьёзно отличаться в двух рассматриваемых странах. В России огромную проблему при проведении законодательства о приватизации представлял политический фактор. На критике приватизации как таковой, её недостаточной «щедрости» или «справедливости» зарабатывали политический капитал разные группы и партии, от оппозиционных до лоялистских. В Казахстане политические баталии вокруг приватизации играли заметно меньшую роль, хотя обвинения в «разбазаривании собственности» со стороны коммунистов звучали и там. Важно и то, что Н. Назарбаев неизменно сохранял большин-

⁹ Подробнее см. русское издание: Кассель М. Как правительства проводят приватизацию. Политика дивестирования в Соединенных Штатах и Германии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — Прим. ред.

ство в парламенте, в то время как ни в Верховном совете РФ, ни в первых двух созывах Государственной думы — то есть на протяжении всех 1990-х гг. — Б. Ельцин его не имел.

Первыми шагами по-настоящему массовой приватизации стала приватизация предприятий торговли, общественного питания и обслуживания. Большинство из них не преобразилось мгновенно, но именно эта приватизация открыла дорогу и к нормализации ситуации на рынке, и к росту небольшого числа успешных бизнесов. И в России, и в Казахстане этот процесс пришелся в основном на 1991–1993 гг. В этом контексте не следует забывать и про совсем «малую» приватизацию — квартир, небольших земельных участков. Она дала небольшое количество людей, видевших перспективу в бизнесе и готовых рисковать. Эти люди использовали своё имущество в качестве залога на старте ведения бизнеса, и для некоторых из них это было стартом впечатляющей карьеры.

Наиболее массовой и спорной процедурой приватизации крупных промышленных объектов, очевидно, была чековая (в Казахстане — купонная) приватизация [*Постсоветская и мировая модернизация...*, 2021. С. 119–123]. Этот способ, по воспоминаниям Е. Гайдара, А. Чубайса и других членов «правительства реформ», был, по сути, навязан им принятым задолго до формирования правительства законом о приватизации. Правительству удалось лишь смягчить несовершенство этой нормы, заменив именные приватизационные счета на свободно обращающиеся приватизационные чеки [*Гайдар*, 1996; *Приватизация...*, 1999].

В результате любой желающий быстро получить наличные в обмен на призрачные будущие права на часть «общенародной собственности» мог это сделать за 30–40 долл. Можно спорить о том, насколько значительным был краткосрочный выигрыш и насколько велик долгосрочный проигрыш, но очевидно, что отказ от подобной схемы массовой приватизации либо выбор чешского варианта, частично обесценивающего продаваемый по более сложной процедуре актив, привели бы к существенно худшей политической ситуации. Долгосрочный же проигрыш связан не столько с пороками чековой приватизации как таковой, сколько с затянувшейся постреволюционной рецессией, связанной как с недостаточно жёстким курсом на финансовую стабилизацию, так и с политической нестабильностью.

Постепенно многие крупные предприятия оказались либо в распоряжении старого директората (некоторые, как, например, Магнитогорский металлургический комбинат, — до сих пор), либо попали в руки «скупщиков ваучеров». Считавшийся тогда крупнейшим «Газпром» сохранил контрольный пакет в руках государства, а акции миноритарных акционеров — физических лиц постепенно переходили в руки финансово-промышленных групп (ФПГ).

Отдельной историей стали «залоговые аукционы», объявленные в 1995 г. В эту группу попал ряд крупных объектов, прямая приватизация которых законодательно была заблокирована Государственной думой. Формально была использована схема, по которой ФПГ дают правительству кредиты под залог акций. Но эти кредиты никто в правительстве не собирался возвращать, и в результате собственность доставалась кредиторам. Отдельной проблемой было фактическое назначение победителя залогового аукциона (реальной конкуренции не было) и запрет участия в нём иностранцев, которые, несомненно, могли рискнуть и выиграть. В итоге среди крупной собственности практически не было иностранных акционеров — разве что, в металлургической компании «Мечел». В 1997–2002 гг. настал недолгий период аукционной приватизации (25% «Связьинвеста», «Восточная нефтяная компания», «Славнефть»), сменившейся линией на национализацию в 2003 г. Она осуществлялась или насильственно (ЮКОС, «Башнефть», «Русиа петролеум»), либо путем полупринудительного выкупа акций государством (тот же «Связьинвест», «Сибнефть», ТНК-ВР, «Нортгаз», «Сахалин-2», «Харьятинское месторождение», многие банки с частным капиталом и др.). Эффективность государственных компаний и частных легко сравнить на примере «Газпрома» и частного «Новатэка» — крупнейшей независимой газодобывающей

компании. Добыча «Газпрома» стагнирует на протяжении уже 12 лет — если в 2008 г. он добывал 549,7 млрд м³, то в 2020 г. — 477,6 млрд м³.¹⁰ В то время как «Новатэк» добывал в 2008 г. 30,9 млрд м³, а в 2020 г. — уже 77,3 млрд м³.¹¹

Приватизацию в Казахстане планировалось провести в три этапа. На первом, в 1992 г., осуществлялась приватизация 50% малых и средних предприятий в промышленности и сельском хозяйстве, приватизация объектов торговли и сферы услуг. На втором этапе (1993–1996 гг.) предполагалось сосредоточиться на приватизации средних и крупных предприятий. На третьем этапе, к 2000 г., приватизация заканчивалась [Ермакович, Козаржевский, Панькув, 1996]¹². Однако практически приватизация прошла быстрее. Она осуществлялась тремя основными способами: в пользу трудового коллектива, на аукционах или на тендерах. Трудовой коллектив мог выкупить 20% акций предприятия, остальные выкупались с рассрочкой до 10 лет. Фактически это было близко к практически бесплатной передаче этих акций, потому как этот период был периодом высокой инфляции.

Совсем другая схема предусматривалась для крупных предприятий: трудовому коллективу передавался небольшой пакет акций, основной пакет предназначался к продаже за деньги или к распределению в рамках «купонной приватизации», также государство могло сохранять за собой определенную долю. Однако в 1992–1993 гг. оказалось, что большая часть акций так и осталась у государства, потому что акции планировалось продавать мелкими пакетами, а не одному инвестору в одни руки. В итоге вместо запланированной приватизации половины малых предприятий были приватизированы порядка 35%, а затем процесс затянулся и проходил параллельно с приватизацией средних и крупных предприятий. Проблемой этого, купонного этапа, стала предельная дробность продаваемых акций [Зарецкая, 2003].

В отличие от России, граждане Казахстана не могли продавать купоны друг другу, а должны были вкладывать в инвестиционные фонды. В итоге значительная часть предприятий оказалась передана в оригинальную форму собственности — «доверительное управление», причем таким управлением мог заниматься как казахский, так и иностранный инвестор. Так были приватизированы Павлодарский алюминиевый завод, Тургайский и Краснооктябрьский бокситовые заводы, Соколово-Саргайский и Донской ГОК, Карагандинский металлургический комбинат. Управляющий был обязан осуществить определённые инвестиции, после которых завод переходил в его собственность.

Особняком стояла приватизация нефтяного сектора, обеспечивающего доходы бюджета, но вместе с тем нуждающегося в крупных инвестициях, которых казахстанские инвесторы и население предоставить не могли. По сути, речь шла об индивидуальном привлечении крупного инвестора, переговоры об этом вел Президент Казахстана Н. Назарбаев. В результате 6 апреля 1993 г. была создана совместная компания «Тенгиз-шевройл» (Tengizchevroil) — крупнейшее нефтедобывающее предприятие, срок функционирования которого был определен в 40 лет. 50% в этом СП получил Chevron, 25 — ExxonMobile, 5 — «Лукойл» и 20 — казахская государственная компания «Казмунайгаз». По схожей схеме были приватизированы вторая и третья по величине добычи компании — Кашаганское месторождение (акционеры AgipCaspian Sea, KMG Kashagan, Total, ExxonMobil, Shell, CNPC, Inpex) и Караганчакское (Royal Dutch Shell, Eni, Chevron, «Лукойл» и «Казмунайгаз»). В 1997 г. казахстанские инвесторы приобрели 50% в четвёртой по величине компании «Мангистаумунайгаз»¹³. Такая схема, привлёкшая различных инвесторов на длительный

¹⁰ <https://www.gazprom.ru/investors/disclosure/reports/2020/> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹¹ https://www.novatek.ru/ru/investors/disclosure/annual_reports/ (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹² http://www.case-research.eu/upload/publikacja_plik/4886209_085r.pdf (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹³ <https://psa.kz/press-tsentr/20-let-so-dnya-podpisaniya-soglasheniya-o-razdele-produktsii/> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

срок, причем по схеме «соглашений о разделе продукции» (СРП), создающих для инвесторов гарантии неухудшения налогового климата, оказалась довольно эффективной для развития отрасли.

Российская Федерация пошла по пути индивидуального привлечения инвесторов в нефтяную отрасль и заключения СРП чуть позже. Соответствующий закон был принят в конце 1995 г., а СРП заключены в 1996–1997 гг. Всего их было заключено три: «Сахалин-1» (оператор Exxon с долей в 30%, японская Sodeco также с 30%, «Роснефть» и индийская ONGC — по 20%), «Сахалин-2» (оператор Shell — 55%, Mitsui — 25% и Mitsubishi — 20%) и «Харьяга» в Ненецком автономном округе (оператор Total — 40%, Statoil — 30%, «Зарубежнефть» — 20% и Ненецкая нефтяная компания — 10%). Результаты вполне впечатляют: Ненецкий автономный округ сейчас является самой богатой территорией России по доходам на душу населения, Сахалинская область — на четвертом месте (для сравнения, Москва — на шестом)¹⁴.

В 2011 г. в Казахстане была объявлена программа «народных IPO». Речь шла о продаже населению на бирже акций государственных компаний, что увеличило бы их прозрачность и ответственность¹⁵. Удалось вывести на биржу «КазТрансОйл» и KEGOC (оператор энергетических сетей), эти компании показывают стабильный рост капитализации (от 1,5 до 3 раз) и прибыль. Однако надо учитывать, что, по сути, это компании-монополисты, прибыль которых зависит от государственных тарифов. С остальными компаниями оказалось не так просто. Обсуждался вывод на биржу «Казмунайгаза», Air Astana, «Казпочты», «Казактелекома», однако из-за рыночных условий их приватизация была отложена. В 2021 г. объявлено о возобновлении программы «Народное IPO».

В России же, например, опыт «народного IPO» оказался куда менее удачным. Если размещение «Роснефти», прошедшее в период резкого роста цен на нефть в 2006 г., можно считать успехом, то «народное IPO» банка ВТБ в 2007 г. обернулось проблемой и для 130 тыс. его новых акционеров, и для государства после того, как капитализация банка рухнула вдвое в результате кризиса 2008–2009 гг. И накануне президентских выборов 2012 г. власти постановили выкупить эти акции по начальной цене.

Сравнение впечатляет: добыча нефти в Казахстане, снижавшаяся в первые постсоветские годы, выросла с нижней точки в 1994 г.: от 20 млн т в 4,6 раз — до 92 млн т в 2019 г. В то время как в России с нижнего пика в 1997 г. от 304 млн т лишь 1,7 раза — до 512 млн т в 2019 г.¹⁶

Факторы инвестиционной привлекательности

Говоря об инвестиционной привлекательности или, если угодно, инвестиционной конкуренции между Россией и Казахстаном, стоит рассмотреть несколько факторов. Во-первых, никуда не делся фактор налогов. В Казахстане — низкие налоги (по методологии Paying Taxes, налоговая нагрузка составляет всего 28,4% от прибыли стандартной компании, что ниже, чем у всех постсоветских республик, кроме Грузии и Армении; в России — 46%). Особенно в ряду налогов выделяется низкий НДС (12%; в России — 20%), невелик также плоский подоходный налог (10%, в России — общий 13% и 15% для доходов свыше 5 млн руб. в год), социальные отчисления (23%, в России — 30%)¹⁷.

¹⁴ <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-vyyavila-sistemnye-problemy-v-oblasti-realizacii-srp-20368> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹⁵ https://forbes.kz//finances/investment/na_arene_vse_te_je_1619624302/? (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹⁶ <https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statistics.html> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹⁷ <https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/publications/paying-taxes-2020/overall-ranking-and-data-tables.html> (дата обращения 28 декабря 2021 г.).

Во-вторых, это низкие административные барьеры. Согласно последнему (2020 г.) рейтингу Doing Business (рейтинг далее выпускаться не будет), Казахстан находится на 25-м месте в мире по лёгкости ведения бизнеса, Россия — на 29-м месте¹⁸. Индекс экономической свободы от Heritage foundation ставит Казахстан на 34-е место, Россию на 92-е¹⁹. Связь между прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) и Индексом экономической свободы в представленных данных присутствует. Так, среднее место в Индексе экономической свободы для первых шести стран по привлечению ПИИ — 62-е, а для последних шести стран — 104-е. Этот результат — не простое совпадение. Исследователи (например, [Kapuria-Foreman, 2007]) отмечают связь индекса экономической свободы, особенно некоторых его компонентов, с уровнем ПИИ. Наиболее высоки показатели Казахстана в данном Индексе в сферах, связанных с бюджетной политикой (в интерпретации авторов Индекса — с «размерами государства») и по показателям фискального здоровья.

Отдельно стоит упомянуть уникальный на постсоветском пространстве институт Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), который кроме налоговых льгот (таких примеров немало) предусматривает разрешение споров между его участниками специальным судом из авторитетных зарубежных юристов по английскому праву. Возможно обращение в суд и для иных юридических лиц, не являющихся участниками МФЦА, если это предусмотрено в их контрактных соглашениях. Решение о создании МФЦА было принято в 2015 г., и уже в 2018 г. он стартовал, приняв первых резидентов. В 2021 г. их число превысило тысячу, за год почти удвоившись. В МФЦА существует и своя биржа, требования для эмитентов которой аналогичны требованиям Лондонской биржи. При этом для среднего бизнеса — так называемого «регионального рынка акций» (REMS) — действуют упрощенные требования [Дауленов, Абилова, 2016]²⁰. Фактически это уникальное предложение на пространстве СНГ.

В России возникали аналогичные идеи еще раньше, в 2008 г. В 2010 г. вышел указ Президента РФ о создании «Рабочей группы по созданию международного финансового центра в Российской Федерации при Совете при Президенте РФ по развитию финансового рынка» во главе с бывшим главой администрации Президента А. Волошиным²¹. Однако, насколько известно, ключевая идея о применении элементов экстерриториальности (собственных нормативных актов, собственного суда и т. п.) натолкнулась на отрицательную реакцию в правительстве. В итоге МФЦ в России остался не более чем некоммерческой организацией и фактически всеми забыт.

Вторая попытка — инновационный центр «Сколково». Законодательство 2010 г. предусматривает для резидентов особый правовой режим (некоторые нормативные правовые акты на территории «Сколково» не действуют), налоговые льготы, а также послабления в визовом режиме для привлекаемых специалистов²². Привлечённые инвестиции в 2016–2019 гг. составляли от 19 до 33 млрд руб./год²³, в 2020 г. упали до 18,8 млрд. Главной проблемой «Сколково» стал факт, что этот институт привлекает не новый бизнес, ранее отсутствующий в России, а уже существующий — ради налоговых льгот. То же касается существующих 89 «территорий опережающего развития» в моногородах и «особых экономических зон»²⁴. Режим ТОР более продвинутый, в отличие от ОЭЗ он позволяет вести разработку месторождений (с нулевым налогом на прибыль в течение четырех лет) и производить подакцизные товары, платить низкие социальные платежи (7,6%). Однако проблема

¹⁸ <https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹⁹ <https://www.heritage.org/index/ranking> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²⁰ https://pravo.ru/opinion/207546/?mob_search= (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²¹ <https://mfc-moscow.com/index.php?id=76> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²² <https://docs.cntd.ru/document/902237250> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²³ <https://erdc.ru/about-tor> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²⁴ <https://erdc.ru/about-tor> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

в том, что особых месторождений в ТОП нет, а филиалы вне ТОП запрещены. Ключевой проблемой российских особых зон является то, что власти не готовы предоставить им тот или иной уровень экстерриториальности, в то время как коррумпированность и зависимость судебной системы от властей — одна из ключевых проблем.

Наконец, стоит упомянуть и о тех обстоятельствах, которые принято называть «геополитическими». Казахстан проводит многовекторную политику, сохраняя хорошие отношения и со странами СНГ, прежде всего крупнейшим по ёмкости в СНГ рынком — Россией, и с европейскими странами — основными покупателями природных ресурсов и инвесторами, и с Китаем — также крупным рынком и серьезным инвестором. Казахстан не имеет никаких территориальных претензий к соседям, и, в свою очередь, соседи не имеют претензий к нему. Против Казахстана не действуют международные санкции, тем более с тенденцией к их расширению. Потому токсичность Казахстана как страны относительно молодой и малоизвестной в мире значительно ниже, чем токсичность России.

Опыт реформ постсоветских стран подтвердил основанные на выстраданном ранее опыте десятков стран положения, описанные в классической работе Д. Уильямсона²⁵. Неконтролируемые расходы при низких и нестабильных доходах, зарегулированная государством частная экономическая инициатива, тяжёлое налоговое и таможенное бремя надёжно и надолго блокируют экономический рост. Уильямсон писал про Латинскую Америку, но оказалось, что это подходит и для постсоветского пространства.

Необходима налоговая и бюджетная реформа, сводящая дефицит бюджета близко к минимуму, делающая число налогов небольшим, их ставки — необременительными, технику администрирования — простой. Выучив эти уроки на собственном опыте, Казахстан и Россия вслед за странами, прошедшими по сценарию радикальных рыночных реформ, сумели стабилизировать национальные валюты и приняли некоторые очевидные меры по смягчению будущих экономических шоков.

Бюджеты и процесс их принятия стал куда более упорядоченным и прозрачным, чем на старте реформ. Приняты некоторые меры по предотвращению расточительных трат бюджетных ресурсов. Наконец, в годы удачной внешнеторговой конъюнктуры при высоких экспортных ценах были сделаны накопления для амортизации будущих шоков. Приватизация медленнее, чем хотелось бы, но привлекла значительные частные инвестиции в экономику, разгрузив государственные бюджеты. Субсидирование убыточных предприятий, бывшее значимой статьёй расходов на старте реформ, значительно снизилось. Однако для выхода на траекторию долгосрочного, здорового экономического роста предстоит решить немало тяжёлых проблем.

Самый сильный стимул к развитию всех видов экономической деятельности

Нам приходилось много и подробно писать о том, насколько важно для обеспечения прав собственника и собственности, а значит для долгосрочного экономического роста утверждение и поддержание власти закона [Лисин, Яновский, Жаворонков и др., 2011; Яновский, Жаворонков, Затковецкий, Черный, 2018]. Недостаточно принять продуманные законы (такие как, к примеру, статья 77 Конституции Казахстана). Необходимо, чтобы на страже закона стояла полиция, которой общество доверяет и которая борется с преступностью, а не конкурирует с нею. Необходима прокуратура, которая стоит на страже приме-

²⁵ <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/what-washington-means-policy-reform> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

нения закона самим государством, а не является простым придатком карательных органов, наконец, и главное — независимый и беспристрастный суд.

Некоторые принятые в Казахстане меры (суд МФЦА) подробно описаны выше. Однако долгосрочный успех зависит от того, будут ли эти меры расширены так, чтобы суд подобного качества (хотя бы апелляционной инстанции) защищал права всех граждан, а не только крупных инвесторов в столице и в больших городах.

Необходимо дать судье гарантии несменяемости и независимости. Обычно они даются путем прозрачной для общества и сложной процедуры назначения на высшем политическом уровне (статья 82 Конституции Казахстана, к примеру, открывает возможности эти принципы относительно просто реализовать). И намного более сложной и также прозрачной должна быть процедура отрешения от должности (импичмента — по образцу американского). Именно уверенность судьи в том, что он фактически несменяем (отрешение от должности крайне затруднено) даёт ему уверенность в себе при принятии решений и ослабляет давление на него как бюрократов, так и улицы (общественного мнения)²⁶.

При этом защита от давления политического не должна освобождать судью от давления морального. Открытость для общества судебного процесса за редкими специальными исключениями нужна именно для того, чтобы судья оставался «под судом общественной морали»²⁷. Потребуется время, чтобы при самых разумных и выверенных законах укомплектовать судебную систему людьми, для которых новые законы уже не новы и являются воплощением очевидных и общепринятых принципов и норм.

Длительность и сложность даже самой успешной реформы окупается со временем. Так, реформа Александра II дала свои плоды через десятилетия после принятия необходимых решений. Тогда суд превратился в почитаемую инстанцию, способную (в том числе благодаря институту присяжных заседателей) говорить «нет» даже самодержавной власти. Тогда же, после царя Александра II — реформатора, профессия адвоката превратилась в весьма уважаемую, а речи ведущих юристов стали излюбленным чтением просвещенной публики. И в Российской империи конца XIX в., как и ранее в Нидерландах, Великобритании, в США уважаемый суд, защищающий права (и плоды труда, вдохновения и успеха) каждого, привели к беспрецедентным темпам экономического роста на самой надежной и здоровой основе.

Долгий путь к процветанию

Соотношение растущих по мере старения населения социальных обязательств бюджета с объемом и качеством социальных услуг ухудшается во всех развитых странах. Постсоветским странам, не дожидаясь худшего, необходимо придать гибкость социальным гарантиям и резко повысить эффективность расходов на образование, здравоохранение, надёжно гарантировать сбережения на старость. Необходимо резко усилить стимулы для ответственного поведения самих граждан, для их инвестиций в (собственный и своих детей) человеческий капитал.

²⁶ Выбранное в России и в Казахстане направление (Закон «О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан» Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года № 436-V ЗРК.) представляется недостаточно радикальным и полным. Внимание общества к обсуждению вопросов об отстранении судьи в процессе работы специализированных органов, будь то судебная система как в России, так и в Казахстане, несравнимо меньше, чем, например, к деятельности национального парламента.

²⁷ Упомянутый выше орган при Верховном суде и Этический кодекс судей смогут работать только в том случае, если у общества появятся механизмы контроля над работой суда через максимальную открытость последнего и через определенные законом возможности фиксации действий судьи для придания им гласности.

Для этого придётся постепенно возвращать ответственность за принятие решений и часть ныне изымаемых через налоги ресурсов семье, структурам гражданского общества. Ваучеры или опыт бывшего «церковного налога» в Испании могут стать полезной школой личной ответственности и личного выбора и подготовить граждан, семьи и общество к самостоятельному решению большинства социальных проблем.

Для долгосрочного успеха стране с ещё вчера переходной экономикой необходимо дать уверенность инвесторам. Важно гарантировать не только неприкосновенность вкладов и инвестиций, но и самого инвестора. Для этого потребуется то, о чем писал Адам Смит: независимый, беспристрастный, а потому уважаемый суд, защищающий права как «высших, так и низших» и тем самым дающий самый сильный стимул к развитию всех видов экономической деятельности [Смит, 2007]. Потому что гарантии собственности нужны не только иностранному инвестору в столичных городах. Надёжная судебная защита нужна и фермеру, и владельцу малой пекарни или кафе, и владельцу и водителю грузовика в любой точке страны. Пока же товары «made in Kazakhstan» не бросаются в глаза в каждом супермаркете Европы или хотя бы стран СНГ. А это — сигнал того, что ещё очень многое предстоит сделать для расширения и углубления положительного опыта.

Особое значение имеет осторожность при принятии решений. Особенно, при копировании западного «передового опыта», тех западных институтов, про которые М. Фридман писал мексиканским коллегам в 1994 г. «мы можем позволить себе ... все эти глупости... вы — нет».

Тут можно порекомендовать использовать критерий ста лет успеха. Если, и только если, институты — правила и поддерживающие их структуры дают пример несомненного успеха в течение ста лет в разных странах, можно начать обсуждение пользы их заимствования. В частности, большая осторожность целесообразна в отношении неапробированных с успехом в ходе многолетней практики социальных, экологических обязательств государства, включая международные.

Тогда оправдывается условный прогноз А. Смита: «Не так много требуется для того, чтобы привести государство к высшей степени процветания с низшей ступени варварства: мир, необременительные налоги и приличное правосудие. Всё остальное достигается естественным ходом вещей»²⁸.

* * *

Недавние события января 2022 г. в Казахстане (как ранее в 2011, 2019 и 2021 гг. в России) с очевидностью ставят вопрос не только об экономических институтах, подробно разобранных в данной статье, но и об институтах политических. Невозможно быть современной страной, если в ней экономические агенты не уверены в завтрашнем дне, власть бесконечно самопереназначается и привычны репрессии против недовольных. Неправовые политические практики невозможно изолировать от экономических, они неизбежно будут разрастаться, нанося ущерб не только в стабильном состоянии страны, но и в неизбежной в определенный момент ситуации необходимости силовой коррекции существующего правительства («снизу» или «сверху», в междоусобной борьбе).

Такой момент оказывается очень сложно прогнозировать. Никакой общий рост экономических показателей не гарантирует правительство от падения. К примеру, революционные события на Украине в 2004 г. случились в год самого высокого экономического роста (в 12%), которого не было ни до, ни после, а события 2014 г. произошли после нулевого роста (но не спада!) в 2013 г. Транспарентные правила нужны не только в экономике,

²⁸ «Little else is requisite to carry a state to the highest degree of opulence from the lowest barbarism, but peace, easy taxes, and a tolerable administration of justice: all the rest being brought about by the natural course of things» (цит. по [Stewart, 1793]; <https://oll.libertyfund.org/quotes/436> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

но и в политике. Тогда возможная смена власти не будет чревата потрясениями. Известный политолог А. Пшеворский ввел термин «two turn-off» (два переключения), означающие две мирные передачи власти подряд как критерий стабильной демократии. Этот критерий вполне подтверждается современной историей. К сожалению, большинство постсоветских стран этого пока не достигли. Но это остаётся им пожелать.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдар Е.Т. (1996). Дни поражений и побед. — М.: Вагриус.
- Дауленов М.М., Абилова М.Н. (2016). Английское право на страже прав инвесторов в международном финансовом центре «Астана» // Право и государство. № 3. С. 29–36.
- Ермакович В., Козаржевский П., Панькув Ю. (1996). Приватизация в Республике Казахстан. — Варшава: CASE.
- Зарецкая С.Л. (2003). Приватизация в Казахстане: основные направления и итоги // Приватизация в России и других странах СНГ / В.А. Виноградов (ред). — М.: ИНИОН РАН. С. 149–188.
- Лисин В., Яновский К., Жаворонков С. и др. (2011). Институциональные ограничения современного экономического роста. — М.: Дело.
- Постсоветская и мировая модернизация: итоги тридцати лет. (2021). М.: ИНП РАН.
- Приватизация по-русски (1999). — М.: Вагриус.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо.
- Яновский К., Жаворонков С., Затковецкий И., Черный Д. (2018). Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира. — М.: Дело.
- Cassell M. K. (1996). The Treuhandanstalt, Privatization and the Role of the Courts. Discussion Paper FS I 96–316, 1996. <https://www.academia.edu/56032085>.
- Dabrowski M. (2003). Disinflation strategies and their effectiveness in transition economies // Disinflation in transition economies. Dabrowski M. (ed.). Budapest, New York: Central European University Press. Pp. 1–36.
- Damijan J. & Knell M. (2005). How Important Is Trade and Foreign Ownership in Closing the Technology Gap? Evidence from Estonia and Slovenia // Review of World Economics, Springer, Kiel Institute for the World Economy. Vol. 141. No. 2. Pp. 271–295.
- Djankov S., Murrell P. (2002). Enterprise Restructuring in Transition: A Quantitative Survey // Journal of Economic Literature. Vol. 40. No. 3. Pp. 739–792.
- Dyck I.J.A. (1997). Privatization in Eastern Germany: Management Selection and Economic Transition. // The American Economic Review. Vol. 87. No. 4. Pp. 565–597.
- Kapuria-Foreman V. (2007). Economic freedom and foreign direct investment in developing countries. // The Journal of Developing Areas Vol. 41. No. 1. Pp. 143–154.
- Kaufmann D., Siegelbaum P. (1997). Privatization and Corruption in Transition Economies. // Journal of International Affairs. Vol. 50. No. 2. Privatization: Political and Economic Challenges. Pp. 419–458.
- Meggison W., Netter J. (2001). From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization // Journal of economic literature. Vol. 39. No. 2. Pp. 321–389.
- Stewart D. (1755). Notes of lectures Adam Smith gave in 1755. Presentation to the Royal Society of Edinburgh in 1793. <https://oll.libertyfund.org/quote/adam-smith-on-the-need-for-peace-easy-taxes-and-a-tolerable-administration-of-justice-1755>.
- Uhlenbruck K., De Castro J.O. (2000). Foreign Acquisitions in Central and Eastern Europe: Outcomes of Privatization in Transitional Economies. // The Academy of Management Journal. Vol. 43. No. 3. Pp. 381–402.

Жаворонков Сергей Владимирович

javoronkov@iep.ru

Sergei Zhavoronkov

Senior research fellow, Gaidar Institute (Moscow)

javoronkov@iep.ru

Новиков Вадим Витальевич

vadim.v.novikov@gmail.com

Vadim Novikov

Senior research fellow, Russian presidential academy of national economy and public administration (Moscow)

vadim.v.novikov@gmail.com

Прощенкова Анастасия Анатольевна

stacy_forgain@mail.ru

Anastasia Proshchenkova

Student, Russian presidential academy of national economy and public administration (Moscow)

stacy_forgain@mail.ru

THIRTY YEARS OF REFORMS: PETROSTATE EXPERIENCE IN THE POST-SOVIET STATES

Abstract. The article reviews outcomes of 30 years of reforms in two oil and gas exporting countries — Russia and Kazakhstan. While Russia had clear advantages at the start, current GDP per capita in two countries now are almost the same and Kazakhstan leads in attraction of Direct foreign investments per capita. Three main aspects of economic policy are considered — financial stabilization, privatization and investment attraction. History and scenario of financial stabilization was similar in two countries and succeeded to suppress inflation in a rather extended period — about 4 years. Privatization was carried out in the same way only at the first stage. Russia took the path of transferring large property to domestic business on insider conditions, Kazakhstan — along the path of attracting large international investors on the basis of individual agreements. In the area of investment promotion, Russia followed the path of creating territories with preferential tax treatment (Skolkovo, Advanced development territories, Special Economic Zones), Kazakhstan — along the path of creating Astana AIFC, which, in addition to tax benefits, has its own state-recognized court based on English law with justices' positions filled by reputable foreign judges.

Keywords: *financial stabilization, privatization, investment attraction, property rights judicial protection.*

JEL: E31, N54, N55, O13, O43.

REFERENCES

- Cassell M.K. (1996). *The Treuhandanstalt, Privatization and the Role of the Courts*. Discussion Paper FS I 96–316, 1996. <https://www.academia.edu/56032085> (access date: 28.12.2021).
- Dabrowski M. (2003). Disinflation strategies and their effectiveness in transition economies // *Disinflation in transition economies*. M. Dabrowski (ed.). Budapest and New York: Central European University Press Pp. 1–36.
- Damijan J., Knell M. (2005). How Important Is Trade and Foreign Ownership in Closing the Technology Gap? Evidence from Estonia and Slovenia // *Review of World Economics, Springer, Kiel Institute for the World Economy*. Vol. 141. No. 2. Pp. 271–295.
- Daulenov M.M., Abilova M.N. (2016). Ungliyskoe parvo na straje prav investorov v mezhdunarodnom finansovom tsentre “Astana” // *Pravo i gosudarstvo*. No. 3. Pp. 29–36. (In Russ.)
- Djankov S., Murrell P. (2002). Enterprise Restructuring in Transition: A Quantitative Survey // *Journal of Economic Literature*. Vol. 40. No. 3. Pp. 739–792.
- Dyck I.J.A. (1997). Privatization in Eastern Germany: Management Selection and Economic Transition // *The American Economic Review*. Vol. 87. No. 4. Pp. 565–597.
- Ermakovich V., Kozarzhovsky P., Pankov U. (1996). *Privatizatsiya v resoublike Kazakhstan*. — Варшава : CASE, 1996. (In Russ.)
- Gaidar E.T. (1996). *Dni Porajeniy i pobed*. [The days of victories and the days of defeats]. — Moscow: Vagrius, 1996. (In Russ.)
- Kapuria-Foreman V. (2007). Economic freedom and foreign direct investment in developing countries // *The Journal of Developing Areas*. Vol. 41. No. 1. Pp. 143–154.

- Kaufmann D., Siegelbaum P. (1997). Privatization and Corruption in Transition Economies. // *Journal of International Affairs*. Vol. 50. No. 2. Privatization: Political and Economic Challenges. Pp. 419–458.
- Lisin V., Yanovskiy K., Zhavoronkov S. et al. *Institutsionalniye ogranichenia sovremennovo ekonomicheskogo rosta*. [Institutional Constraints on Modern Economic Growth]. — M.: Delo. (In Russ.).
- Meggison W., Netter J. (2001). From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization // *Journal of economic literature*. Vol. 39. No. 2. Pp. 321–389.
- Postsovetskaya i mirovaya modernizatsiya: itogi tridzati let* (2021). [Post-soviet Modernization: results of three years]. M.: Institute of Economic Forecasting, RAS. (In Russ.).
- Privatizatsiya po-rossiyski*. [Privatization in-Russian]. — M.: Vagrius. (In Russ.).
- Smith A. (2007). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [The Wealth of Nations: An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations]. — M.: Eksmo. (In Russ.).
- Stewart D. (1755). *Notes of lectures Adam Smith gave in 1755. Presentation to the Royal Society of Edinburgh in 1793*. <https://oll.libertyfund.org/quote/adam-smith-on-the-need-for-peace-easy-taxes-and-a-tolerable-administration-of-justice-1755> (access date: 28.12.2021).
- Uhlenbruck K., De Castro J.O. (2000). Foreign Acquisitions in Central and Eastern Europe: Outcomes of Privatization in Transitional Economies. // *The Academy of Management Journal*. Vol. 43. No. 3. Pp. 381–402.
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Zatskovetsky I., Cherny D. (2018). *Strategiya dolgosrochnogo procvetaniya: v poiskah rastayavshogo orientira* [Long-Term Prosperity Strategy: In Search of a Melted Landmark]. — M.: Delo. (In Russ.).
- Zaretskaya S.L. (2003). Privatizatsiya v Kazakhstane: osnovniye napravleniya i itogi. Pp. 149–188 // *Privatizatsiya v Rossii i drugih stranah SNG* V.A. Vinogradov (ed.). — M.: Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), 2003. (In Russ.)

А.А. Курышева

к.э.н., старший научный сотрудник, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ И ПРАГМАТИСТСКИЙ ПОДХОД¹

Аннотация. Институциональная экономическая теория в значительной степени опирается на идеи и концепты, возникшие в философии прагматизма Ч. Пирса и Дж. Дьюи. В статье раскрыта специфика исследовательского подхода институциональной школы через призму соответствующих ему понятий: приведены ключевые для институциональной экономической теории определения институции, института, сообщества; обозначена связь социально конструируемой природы институций с дискурсивным подходом; выявлена роль научных понятий и концепций как инструментов мышления; обоснована ориентация институциональной школы на решение практических социальных проблем. С точки зрения одного из основоположников институциональной школы Дж. Коммонса, наиболее важной характеристикой человеческого поведения для учёных-обществоведов выступает его свойство принимать форму привычного действия. Объединяет участников экономических взаимодействий не столько личный интерес, сколько заведённый институциональный порядок. Возникновение институциональной школы означало появление новой онтологической области в экономической дисциплине. Институции представляют собой источник закономерностей во взаимодействиях между людьми, включёнными в те или иные сообщества. Обнаружение и объяснение институций составляет содержание социально-экономических исследований. Применение как качественных, так и количественных методов предполагает дискурсивный подход и интерпретативный анализ фактического материала. Опираясь на философию практического опыта, институционалисты рассматривают понятия и концепции, используемые людьми, как инструменты, которые позволяют решать определённые задачи. Той же цели, а именно, разрешению социально-экономических проблем, служат прикладные исследования.

Ключевые слова: *институциональная экономическая теория, прагматизм, прикладное исследование, дискурсивный подход, институция, институт.*

JEL: A11, A20, B52.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_89_101.

Введение

Почти сто лет прошло с тех пор, как Дж. Коммонс задавался вопросом о предметной области институциональной экономики. «Сложность определения предметной области так называемой “институциональной экономики” обусловлена расплывчатостью термина “институт”. Иногда представляется, что институт обозначает систему законов или естественных прав, в рамках которых индивиды действуют. В других случаях кажется, что под институтом понимается поведение самих этих индивидов. Подчас эпитетом “институцио-

¹ Автор выражает благодарность В.В. Вольчику, В.М. Ефимову, участникам VII Международной научной конференции “Институциональная трансформация экономики: человек и социум” (ТГУ, Томск), а также анонимному рецензенту за предложения по улучшению текста.

нальный” характеризуется нечто, что либо дополняет классическую или гедонистическую экономическую теорию, либо противоречит ей. Иной раз всё, что относится к “экономическому поведению”, трактуется как институциональное. Наконец, когда нечто трактуется с точки зрения “динамики” в противоположность “статике”; “процесса” в противоположность “товару”; деятельности в противоположность чувствам; массового действия в противоположность индивидуальному действию; управления в противоположность равновесию; контроля вместо принципа *laissez faire*, — такой подход объявляется институциональным» [Коммонс, 2012. С. 69–70; *Commons*, 1931. P. 648].

Проблематика, которую затрагивает эта цитата, сегодня по-прежнему значима [Hodgson, 2000; Hodgson, 2019]. Прояснить поставленные Дж. Коммонсом вопросы помогает история институциональной школы, которая возникла как адаптация и развитие идей прагматистов Ч. Пирса и Дж. Дьюи применительно к экономической науке [Hodgson, 2004; Johnson, *Onwuegbuzie*, 2004]. В отечественном академическом сообществе экономистов не принято акцентировать внимание на этом важном факте. Философия прагматистов обсуждается в основном в рамках гуманитарных дисциплин (см., например, [Вольф, Косарев, 2018]), а публикации экономистов на эту тему редки (см., например, [Олейник, 2021]).

История институциональной экономической мысли подробно освещена в зарубежной литературе, как в части как философских и методологических основ [Hodgson, 2004; Stanfield, 1999; Майровски, 2012; 2013а; 2013b], так и исследовательских практик [Резерфорд, 2012а; 2012b; *Institutional Economics...*, 2022]. В отечественной научной традиции вопросы о предмете, методе и возможностях институциональной экономики ставятся не первое десятилетие (см., например, [Вольчик, 2003]). Но даже те учёные, которые посвятили институционализму всю свою профессиональную деятельность, практически не затрагивают вопроса его философских основ, равно как и проводившихся институционалистами прикладных исследований, социальной значимости результатов этих исследований и их влияния на проводимую государственную политику. Как правило, отечественные учёные ограничиваются обсуждением определённого довольно узкого круга методологических предпосылок в специфическом контексте различий между «старой» и «новой» институциональной теорией, как, например, в работе [Вольчик, Оганесян, 2014]. В ходе этих обсуждений изначальный смысл понятия институции всё больше размывается. Некоторые авторы пытаются изобретать собственные «расширительные» трактовки институциональной теории [Frolov, 2021; Фролов, 2021].

Между тем институциональная экономика зародилась и развилась как острая негативная реакция на увлечённость умозрительными построениями в ущерб эмпирическим исследованиям. Руководствуясь принципами философии прагматизма, институционалисты адаптировали понимание неразрывной взаимосвязи между разумом и действием, что выразилось в отрицании некоторых распространённых противопоставлений, таких как дихотомия между теорией и практикой [Dewey, 1929; Gruchy, 1947]. Задача экономической науки, по Дж. Коммонсу, состоит в решении конкретных социально-экономических проблем. В отрыве от этих проблем и контекста реальных экономических процессов совершенно бессмысленно устраивать полемику, псевдофилософские споры о методах «вообще» и понятиях «вообще». Экономическая наука призвана быть не областью схоластического теоретизирования, а областью исследования проблемных ситуаций на основе фактов [Gruchy, 1947. Pp. 155–158].

В нашей статье мы пытались показать специфику исследовательского подхода институциональной школы через призму соответствующих ему понятий. В тексте приведена этимология ключевых для институциональной экономической теории определений (заведённого порядка, институции, института, сообщества); обозначена связь социально конструируемой природы институций с дискурсивным подходом; обоснована роль научных понятий и концепций как инструментов мышления; раскрыта ориентация институциональной школы на решение практических социальных проблем.

Понятие институции

Основоположник прагматизма Ч.Пирс обнаружил, что привычки, которые он обозначал как «правила действия» («*rules of action*»), основаны на убеждениях, сформированных в результате прошлых процессов — исторических и культурных [Пирс, 2000]. Согласно Дж. Коммонсу, родоначальнику институциональной экономики, наиболее важная характеристика человеческого поведения, которая призвана занимать учёных-обществоведов, — это его свойство принимать форму привычного действия. В этой связи актуализируется одно из центральных понятий Дж. Коммонса — «*going concern*»: в русской литературе закрепилась традиция переводить его как «действующее предприятие». Помимо такого понимания Коммонсом используется и другое. Этот термин обозначает процесс, в который вовлечены люди с их интересами. Каждый из нас уже с рождения включён в какой-то заведённый порядок, состоящий из множества регулярно воспроизводимых, повторяющихся взаимодействий, как и в определённую среду социально санкционированных обычаев и привычек. Именно эта включённость, с одной стороны, фокусирует деятельность и ограничивает её направление, а с другой стороны, позволяет обеспечить свободу, собственность, и сделать саму жизнь легче и безопаснее [Gruchy, 1947. P. 161]. Силой, объединяющей участников сообщества в экономическом смысле, выступает не столько личный интерес, сколько как раз заведённый институциональный порядок [Commons, 1934]. В этом смысле изучение экономики и не может быть никаким иным, кроме как ориентированным на динамику взаимодействий и тенденции их развития.

Вопрос источника закономерностей, изучаемых той или иной наукой, относится к области онтологии. Первые институциональные экономисты открыли, что для экономики, так же, как и для любой общественной науки, этим источником являются институции (*institutions*). Прагматистское понимание институции предполагает её трактовку как «социальной привычки», или опривыченной, взаимно типизированной участниками определённого сообщества социально-экономической практики, в основе которой — укоренённые ценности, убеждения и стереотипы. Преодоление традиционной для мейнстримной экономической теории дихотомии между разумом и телом позволяет интерпретировать институцию как распространённый образ мысли и действия [Veblen, 1922]. Таким образом, возникновение институциональной экономики означало зарождение новой онтологической области в экономической науке. Этот факт позволяет аргументировать избыточность споров по поводу изобретения дополнительных эпитетов к термину «институционализм», таких как «старый» или «оригинальный», для идентификации институциональной экономики как традиции экономической мысли; ведь появившееся позже неинституциональное, или новое институциональное, направление уже не имело отношения к историко-философским корням исходной школы. Того же мнения придерживаются историки, изучающие американскую институциональную мысль [Расков, 2019].

В естественных науках источники закономерностей — это физические законы, законы материального мира, и они одинаковы для всех людей на планете. А вот понятие институции приобретает смысл в контексте каких-то сообществ людей, потому что базируется на разделяемых этими людьми смыслах взаимодействий. Это было революционное положение для экономической науки того времени. Немецкая историческая школа Г. Шмоллера, или этическая школа, как они сами себя называли, пришла к тому же открытию, что и американские институционалисты, независимо от них [Ефимов, 2016]. Для того, чтобы это стало возможным, достаточно было отказаться от предпосылки дихотомии между разумом и телом, между теорией и практикой.

Итак, исследовательским фокусом для институциональной экономики стали эмпирически проявляемые опривыченные в рамках определённых сообществ правила взаимодействий между членами этих сообществ, иными словами — взаимно типизированные

поведенческие практики, которые по своей природе историчны и культурно-специфичны. В этой связи утрачивает смысл словосочетание «формальная институция». В то время как правила могут оставаться закреплёнными только на бумаге, т.е. формально, институция — это по определению то, что уже подверглось опривычиванию среди участников групп или сообществ, укоренилось в той или иной степени во взаимодействиях между ними. Предметом социально-экономических наук служат именно укоренённые привычки мышления, проявляющиеся в действии. А их освоение и взаимная типизация происходят в процессе общения, опосредуемого речью.

Между понятиями институции (*institution*) и института (*institute*) существует разница, которую Коммонс описал так: «Все экономические теории проводят различие между деятельностью и её результатами. Известный пример — “производство” и “продукт”. То же касается и институциональной экономики. Указанное разграничение отражается понятиями “институция” и “институт”. Институция представляет собой коллективное действие по контролю индивидуального действия. А институты — результаты этого контроля. То, что принято называть институциями, правильнее было бы обозначить как институты. Институты включают права, обязательства, свободы, даже ограничения, обусловленные свободами других людей, а также длинный перечень, включающий кредиты, долги, собственность, деловую репутацию, законное платёжное средство, корпорации и т.д.» [Commons, 1936. P. 247, ft. 14]

Перевод этой статьи Коммонса в одном из российских журналов был опубликован в 2007 г. [Коммонс, 2007]. Понятия институции и института в нём даны противоположно приведённым здесь определениям, т.е., по сути, переставлены местами. Произошло это потому, что в процессе перевода обнаружилось: Коммонс понимает под «*institution*» коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия [Commons, 1931; Коммонс, 2012]. К тому времени в русскоязычном научном дискурсе уже успел закрепиться термин «институт», английским эквивалентом которого по смыслу было бы, скорее, слово «*institute*» (оно тоже существует в английском языке и широко используется). И тогда переводчик и научный редактор перевода приняли решение последовать уже сложившейся в российском академическом сообществе конвенции и перевести коммонсовский термин «*institution*» так, «как принято», а именно — «институт», хотя точнее было бы перевести как «институция». Данная статья Коммонса оказалась достаточно востребованной: в базе РИНЦ она собрала 65 цитирований, в библиометрической базе Google Scholar — 134 цитирования. Однако неточность переводчика и научного редактора в определении института и институции осталась незамеченной русскоязычной читательской аудиторией. Среди отечественных учёных лишь О.В. Иншаков в серии своих публикаций уделил внимание разграничению понятий институции и института [Иншаков, 2007]; дальнейшего развития эта идея не получила. В англоязычной традиции в качестве общепринятого закрепился, наоборот, термин «*institution*», т.е. «институция». Происхождение обоих слов — латинское. Передать соотношения между указанными понятиями можно следующей таблицей.

Таблица

Этимология и соотношение понятий институции и института

Лат.	Англ.	Рус.	Этимологическое значение
Institutio	institution	институция	Образ мысли, опривыченный и укоренённый, отражаемый во взаимодействиях; «социализированная практика»
Institutum	institute	институт	Результат «социализированной практики»

Источник: составлено автором на основе [Veblen, 1922; Commons, 1936; Иншаков, 2007].

Отметим, что понимание института, близкое к прагматистскому, вопросы связи между «правилом» и «действием», формальными и неформальными институтами, ограниченности и внутренней противоречивости «неинституционального» определения института, многие годы остающееся общепринятым в среде экономистов, и даже призыв вернуться к исходной институциональной традиции — всё это характерно для дискуссий, в которых, помимо экономистов, участвуют социологи².

Дискурсивный подход

Специфика предмета всегда предполагает определённую эпистемологию и метод. Именно неразрывная связь понятия институции с понятием сообщества означает, что взаимодействия между людьми контекстно зависимы и исторически обусловлены. Понять и объяснить институции, просто наблюдая социально-экономические взаимодействия со стороны, мы не можем. Такое стороннее наблюдение может поставить нас в тупик. Типичной иллюстрацией служит упомянутое исследование Вебленом [Veblen, 1922] практик потребления современного ему «праздного» класса — почему покупки людей сопровождаются, казалось бы, растратой и слабо увязываются с представлениями о рациональности? Возникает необходимость истолкования наблюдаемых взаимодействий с учётом знания о стоящих за ними мотивах и ценностях, о смыслах, разделяемых самими их участниками. Иными словами, отталкиваясь от того, чья «рациональность» имеется в виду, и каков контекст поведения. В отличие от объектов неживой природы, люди могут говорить. Знание об институциях и стоящих за ними стереотипах, мотивах, ценностях, убеждениях выявляется и передаётся в дискурсах, которые как раз требуют интерпретативного анализа. В ходе разговора, задавания вопросов мы воздействуем на собеседника и пытаемся получить реакцию, которая в словесной, речевой форме отражает предмет нашего исследовательского интереса. Это тождественно прямому контакту исследователя с объектом исследования в естественных науках, только воздействие на материальные объекты осуществляется физическими, а не вербальными методами. Получаемые из разговоров с информантами сведения переводятся в тексты, подлежащие анализу. В качественных исследованиях, таким образом, текстовый материал служит аппроксимацией опыта [Guest Namey, Mitchell, 2013. P. 3].

Описанная схема исследования характерна для социально-экономических наук, но в действительности она воспроизводит и естественнонаучные практики. Задача учёного-естествоиспытателя состоит в обнаружении закономерностей физической природы, но не путём отстранённого наблюдения, а с помощью эксперимента, который предполагает активное воздействие на исследуемый объект. Именно такое воздействие даёт возможность получить представление о свойствах объекта. В социально-экономических науках учёный добывает знание об исследуемой реальности, используя включённое наблюдение, исследование действием, интервьюирование разной степени формализации, прочие методы качественных исследований, сосредоточенные на выявлении распространённых поведенческих практик. Главным при этом является то, что межличностные взаимодействия опосредуются речью. Исследователь в прямом смысле воздействует словами и получает реакцию, причём в естественном для изучаемых сообществ окружении («*in naturalistic settings*» [Johnson, Onwuegbuzie, 2004. P. 20]), а именно, в определённых исторических и культурных условиях. Это и выступает для прагматистов способом выявления искомых законо-

² См., например: *Понятное дело!.. 9 декабря в Вышке состоялась семинар “К новой аксиоматике социальных наук: что не так с понятием «института» в институциональной экономике”*. <https://www.hse.ru/news/science/5018144.html> (дата обращения 25.12.2021).

мерностей — институций, то есть аналогом эксперимента, осуществляемого с объектами неживой природы.

В последнее время в отечественном сообществе учёных-экономистов активизировались дискуссии о различиях понятий дискурсивного и нарративного анализа. На наш взгляд, эта оппозиция несколько надуманная и искусственная, если говорить именно о практике экономических исследований. Дискурс представляет собой речевой акт в привязке к говорящему и с учётом социокультурного контекста³. Нарратив тождествен повествованию и входит в состав дискурса [Обдалова, Левашкина, 2019]. Область исследований, изучающая влияние нарративов на экономику, была популяризирована Р. Шиллером и названа термином «*narrative economics*». Шиллер описывает её как изучение «распространения и динамики популярных нарративов, историй, в особенности связанных с интересами и эмоциями людей, их изменения во времени для понимания колебаний (*fluctuations*) в экономике» [Shiller, 2017. P. 967]. Для исследователей-экономистов не имеют значения тонкости строгих определений дискурса и нарратива. По этой причине в настоящем тексте не затрагиваются и вопросы различий между дискурсивным анализом и нарративным анализом как техниками обработки собранных исследователями данных. Ключевое для институционального исследования — понимание того, что фиксируемые тексты содержат распространённые убеждения, образующие основу институционализированных практик [Ефимов, 2016].

У статистических данных своя роль: они указывают на определённые социально-экономические проблемы. Количественные характеристики человеческих взаимодействий — это всегда результат прошлых событий, то, что уже сложилось к этому времени. Однако сами по себе цифры не дают нам понимания о причинах, о том, что стоит за этими взаимодействиями. Исследователь так или иначе вовлечён в исследовательский процесс, и это предполагает как интерпретацию данных количественного и качественного характера, так и морально-этическую позицию.

Показатели, рассчитываемые на основе статистики, не более объективны, чем данные, получаемые с помощью опросов, интервью, наблюдений и прочих качественных методов. Данные обоих типов требуют своей интерпретации. Количественные показатели всегда имеют свою методику расчёта, в зависимости от целей тех людей, которые составляют эти методики.

В свою очередь, статистические тенденции служат эмпирическим отражением укоренённых институций, и в этом смысле ценностные оценки — это, согласно другому основоположнику прагматизма, Джону Дьюи, эмпирически наблюдаемые поведенческие схемы, модели, образцы поведения. В таковом качестве они и могут изучаться. Иными словами, ценностные установки вовсе не являются ненаблюдаемыми; их можно наблюдать эмпирически, и предположения относительно них поддаются эмпирической проверке [Dewey, 1939. Pp. 51, 58].

В этом положении отражается дискурсивная природа социально-экономических взаимодействий, и этим определяется особенность метода: или, как ещё говорят, интерпретативной, или конструктивистской, исследовательской парадигмы. В литературе подчёркивается тесная взаимосвязь между исследовательскими традициями прагматизма и современного социального конструктивизма [Goldkuhl, 2012]: и та и другая традиции рассматривают институции фактически как источник закономерностей во взаимодействиях между людьми — участниками тех или иных сообществ. Содержание социально-экономических исследований составляет обнаружение и объяснение институций. Конструктивистская парадигма стала общепринятой в гуманитарных науках и социологии [Улановский, 2006],

³ Более привычным пониманием категории «дискурс» является всё же не отдельный «речевой акт», но совокупность таких актов и/или текстов, посвящённых одной и той же теме. — Прим. ред.

но оказалась вытеснена из экономической дисциплины. Фактически исследовательская программа исходного институционализма обосновывает равную степень важности как качественных, так и количественных методов исследования в зависимости от исследовательских целей и задач. Приоритетна при этом возможность вернуть действующие институты в сферу экономического анализа и проследить их эволюцию в процессе институциональных изменений. Экономические и прочие социальные системы с точки зрения исходного институционализма подлежат изучению как деятельность, как процесс — что позволяет дать детальное описание этой деятельности, понять её характер, ответить на вопрос, как она осуществляется и почему. Так получается «насыщенное описание» («*thick description*») исследуемой сферы с точки зрения укоренённых институций. В рамках исходного институционализма в традиции Дж. Коммонса использовались методы включенного наблюдения, глубинных интервью, анкетирования, исследования действием. Примерами выступают исследования Коммонсом со своими учениками рынка труда [Резерфорд, 2012а, Резерфорд, 2012b] и обувной промышленности [Whalen, 2022]. Аналитическая традиция «заземлённого теоретизирования» («*grounded theorizing*») или теоретизирования, основанного на фактах, сделала актуальными индукцию, а также абдуктивную логику при проведении полевых исследований. Эти методы широко применяются в области современных социально-экономических наук в самых разных дисциплинах, от социологии и политических наук до менеджмента и бизнес-исследований, однако по-прежнему остаются едва ли не чем-то маргинальным для экономического мейнстрима.

Инструментальное назначение научных понятий и концепций

Ч. Пирс, считающийся основателем семиотики, ввёл в науку риторическую проблематику и идею диалогичности мышления. На этой основе Т. Веблен построил свои наблюдения институционализированных практик показного расточительства и праздного досуга, получившие отражение в уже упомянутой работе «Теория праздного класса. Экономическое исследование институций». Другое произведение, «Экономическая теория женского платья», Ф. Майровски [2013b. Р. 78] назвал выражением силы (*tour de force*) пирсовской семиотики. Предметы воспринимаются нами как знаки, смыслы которых разделяются окружением, и которые позволяют самовыразиться за счёт обладания ими. Этим подчёркивается и роль разума как активного изобретателя смыслов.

Дж. Дьюи связывает процесс взаимодействия людей, то есть общение, с передачей «общего» («*common*»), а именно, накопленного опыта, и возникновением сообществ [Дьюи, 2000. С. 9]. Само слово «сообщество» («*community*») становится одним из ключевых понятий прагматистского подхода. Слово это однокоренное со словом «общение» («*communication*»). Общение обуславливает распространение и укоренение определённых разделяемых ими людьми убеждений, которые, подобно клею, объединяют участников сообществ и служат основой для формирования правил-привычек. Процессу общения Дьюи отводит настолько важную роль, что связывает становление личности и общественной морали с тем, в какой мере человек общается и ассоциирует себя с другими [Вольф, Косарев, 2018]. Форма общения может быть разной, люди даже могут не быть физически рядом, но разделяемые убеждения и интерпретация смыслов способны объединять их. Таким образом проясняется функциональная роль и значение речи как способа коммуникации.

Эпистемологические принципы исходного институционализма предполагают тесную взаимосвязь между названием явления, его смыслом и инструментальными характеристиками, с совокупностью практических эффектов, к которым оно ведёт или могло бы вести [Майровски, 2013а]. Также подразумевается, что оценка идей не может не учитывать их эмпирические и практические последствия [Johnson, Onwuegbuzie, 2004. Р. 17]. Понятия,

которыми мы пользуемся, служат инструментами, которые позволяют нам совершать определённые действия и решать проблемы, с которыми мы сталкиваемся. Наши мысли и разделяемые смыслы, которые создают контекст взаимодействий, связаны с разумным общественным поведением и с институционализированными сетями знаков, опосредующих такое поведение [Гаррета, 2015. Р. 11]. Одной из привычек сообщества учёных-экономистов, против которой возражали институционалисты в этом контексте, было «бесконечное жонглирование статичными понятиями» [Gruchy, 1947. Р. 161]. Интересно, что эта же привычка, но уже относительно самих представителей институционализма, обыгрывалась отечественными учёными издавна. Так, в своей статье 2003 г., в рамках научной дискуссии с В. Вольчиком, О. Мамедов иронически замечает: «... с позиций институционализма экономические процессы ... есть результат взаимодействия неких “структур” и неких “институтов” ... Отсюда в совсем ином, в непривычном виде предстаёт объект экономики: экономика — ... система структур и институтов» [Мамедов, 2003. С. 116–117].

В не меньшей степени проблематика терминологического очищения языка профессиональных экономистов важна и сегодня. Дж. Ходжсон подчёркивает решающее значение используемых исследователем терминов для институционального анализа и отмечает, что при отсутствии работающих (*workable*) определений наука далеко не уйдёт [Hodgson, 2019. С. 207]. Можно с уверенностью утверждать, что в равной степени нежелательно и чересчур расширительное использование того или иного термина, которое может нивелировать ценность соответствующей концепции как аналитического инструмента. Нередки случаи, когда концепции или термины, которые привлекают внимание, подхватываются научным сообществом как «красивые метафоры» и воспроизводятся по инерции без особой критической рефлексии [Верников, 2020].

Примером такого «некритически подхваченного» определения является обозначение Д. Норта институций как «правил игры», а организаций как «игроков». С лёгкой руки Норта эта метафора вошла и укоренилась в научном дискурсе, ею стали злоупотреблять, используя как расхожую дефиницию. Однако, как показывает Дж. Ходжсон, в личной переписке Норт указал на то, что обозначение организаций как «игроков» было использовано им лишь в качестве аналитической абстракции макроуровня [Hodgson, 2019], то есть его вовсе не следует понимать как строгое определение вместе с сопутствующими смысловыми коннотациями. Так, существуют определения онтологические, гносеологические, таксономические, а также определения как аналитические абстракции, и использование того или иного слова в каждом конкретном случае связано с рядом ассоциаций, требующих пояснений.

Можно указать, в частности, на распространённые эпитеты «оригинальный» и «старый», которые стали традиционными при упоминании исходной институциональной школы [Вольчик, Оганесян, 2014]. Смысловые коннотации как первого, так и второго прилагательного представляются неудачными. Первое слово представляет собой кальку английского «*original*» и призвано отражать «подлинность» этой школы, но на деле отсылает к её чужаковости или необычности. Второе намекает на нечто устаревшее, некоторую ретроградность, что уже само по себе вызывает определённую неосознанную реакцию, направленную на отстаивание права применять этот подход в настоящем, порождает сомнения в его современности. И действительно, вместо развития исследовательской традиции институциональной экономики учёные нередко занимают оборонительную позицию и едва ли не оправдываются за то, что следуют ей.

Важность чёткости текстов и чуткости к текстам, строгости научных понятий, преодоления засилья поверхностных мнений и фрагментарных суждений подчёркивал О. Иншаков [2007. С. 7]. В современной отечественной литературе по институциональной экономике — если говорить о сообществе профессиональных экономистов — проблематика «очищения терминов от последующих спекулятивных наслоений» [Верников, 2020. С. 4] пока не считается одной из центральных.

Области исследования

Институциональная школа изначально была ориентирована на решение социальных проблем. В зарубежной литературе, в том числе и современной, этот сюжет подробно раскрыт [Gruchy, 1947; Whalen, 2022]. Дж. Дьюи рассматривал философию как науку не спекулятивную, а инструментальную, то есть функционально полезную для решения практических проблем общества. Дж. Коммонс, опираясь на идеи Дьюи, развил онтологию конкретной предметной области — институциональной экономики — в полном соответствии с теми же принципами. Обеспечение основ для должного функционирования общества (*social provisioning*) происходит путём изменения определённых институтов (*institutional adjustment*), что происходит в результате разрешения тех или иных проблемных ситуаций. Фактически Коммонс настаивал на том, чтобы суждения об экономике основывались на получаемых опытным путём фактах, а в основе этого лежало его стремление перестраивания (*reconstruct*) капитализма таким образом, чтобы потребности масс удовлетворялись адекватнее [Gruchy, 1947. P. 157]. Другой представитель институциональной мысли, У. Митчелл, занимал схожую позицию, утверждая, что экономика, будучи функциональной наукой, имеет «социальную ценность», позволяющую человечеству легче решать различные экономические трудности. А оправданием для работы учёного служит мотивация улучшить, в конечном счёте, экономическую участь человечества [Mitchell, 1924].

Кредитному характеру современной ему экономики Дж. Коммонс отводит ключевую роль, причём настолько, что даже связывает с её широким распространением периодизацию экономической истории и возрастание роли институционального анализа [Gruchy, 1947]. Социально-экономические взаимодействия представляют собой трансакции, то есть отчуждение права собственности на объект со стороны одного участника и переход его к другому участнику. Трансакции описываются в терминах прав и обязанностей (*rights and liabilities*). В традиционной экономике момент отчуждения права совпадал по времени с моментом исполнения обязательств по нему, а вот по мере того, как кредитные отношения получали всё большее распространение, эти события оказались разграничены во времени. Между возникновением права (права требования, или актива) и соответствующего ему обязательства (долга, или пассива) возникает временной промежуток: все исполнение долгов как бы переносится в будущее. Именно это и создаёт риски разного рода ошибочных суждений и конфликта интересов между сторонами. Регулируют эти процессы те или иные институции. Как уже говорилось выше, Коммонс формулирует общеполитическое определение институции как коллективного действия по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия [Коммонс, 2012], а Ф. Майровски предложил описать её как «коллективную рациональность, направленную на достижение индивидуальной рациональности» [Майровски, 2013b. P. 85]. Ключевым в определении Коммонса является то, что институции не только ограничивают, контролируют, задают рамки тех или иных взаимодействий, но и, собственно, санкционируют (легитимизируют) взаимодействия, делают их возможными.

Банкиров Коммонс называл «специалистами по будущему» («*specialist in futurity*») [Gruchy, 1947. P. 228] и приписывал им ответственность за решения, принимаемые относительно выдачи кредита. Сами же деньги Коммонс рассматривал как институт фиксации долгов, возникающих в процессе трансакций, обращаемости этих долгов и освобождения от них. Причём создание, передача и погашение долгов представляет собой основное, первичное свойство денег [Commons, 1990].

А вот область данных и даже методологических принципов для институциональной экономики Джон Коммонс называл не область расчёта индивидуальной полезности, выгод и убытков и их дифференцирования (что служит стандартом для курсов микроэкономики), а область финансов, отражающую движение активов и пассивов взаимодействующих контрагентов, то есть динамику трансакций и перехода прав собственности.

Заключение

Основанные на философии прагматизма исследовательские практики, которых придерживались представители институциональной школы, были социально-ориентированными и направленными на решение прикладных задач общества. Количественные характеристики экономических взаимодействий служат важным индикатором изучаемых процессов, отражающим результаты этих процессов, указывающим на существование определённой исследовательской проблемы. Но одна лишь статистическая информация не может сформировать представления об источнике закономерностей, то есть институциях, породивших эту проблему. Выявление искомым институций осуществляется в ходе качественного исследования, обеспечивающего прямой контакт исследователя с изучаемыми процессами и подразумевающего интерпретативный анализ данных (включая выявление смыслов тех или иных правил, составляющих основу институциональных взаимодействий). Труды основоположников прагматизма стали предтечей конструктивистского подхода в гуманитарных науках и социологии, однако из экономической дисциплины исследовательские принципы и практики прагматистов оказались вытеснены.

Сегодня, как и во времена зарождения институциональной школы, учёные продолжают искать способы преодоления ограниченности магистральной экономической дисциплины, включая и попытки сочетания несочетаемых подходов и предпосылок (например, исходного и нового институционализма). Вместе с тем родоначальники институциональной школы как раз реализовывали настоящие междисциплинарные исследования, объединяя экономические, этнографические, правовые, социальные, культурные, исторические и этические стороны взаимодействий. Есть все основания полагать, что перенимание опыта институциональной школы способствует превращению экономической дисциплины в общественно полезную.

Понятие институции как укоренённой практики, состоящей из взаимодействий, взаимно типизированных их участниками, подчёркивание роли сообществ, означающее контекстную и историческую зависимость социально-экономических практик, может служить обоснованием полезности и функциональной роли региональных и местных исследований. Это особенно значимо для нашей страны, ввиду её огромного межрегионального и внутрирегионального разнообразия, а также на фоне повестки устойчивого развития (*sustainable development*), требующей достижения баланса в разных сферах жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Верников А.В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? // *Journal of Institutional Studies*. Т. 12. №2. С. 25–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037.
- Вольф М.Н., Косарев А.В. (2018). Риторический поворот основателей прагматизма // *Вестник Томского государственного университета*. №431. С. 47–53. DOI: 10.17223/15617793/431/6.
- Вольчик В.В. (2003). Институционализм: вторичность нового мифа? (Возможности и пределы институциональной экономики) // *Экономический вестник РГУ*. Т. 1. №1. С. 126–134. DOI: 10.24412/2073-6606-2003-1-126-134.
- Вольчик В.В., Оганесян А.А. (2014). Зачем нужна старая институциональная экономика, если есть неинституционализм? // *Terra Economica*. Т. 12. №4. С. 79–90. DOI: 10.24412/2073-6606-2014-4-79-90.
- Гаррета Г. (2015). Наука, этика и общество: Дьюи и прагматистское исследование-расследование // *Антиномии*. Т. 15. №3. С. 5–30.
- Дьюи Дж. (2000). *Демократия и образование*. — М.: Педагогика-Пресс.
- Ефимов В.М. (2016). *Экономическая наука под вопросом: иная методология, история и исследовательские практики*. — М.: Курс: ИНФРА-М.
- Иншаков О.В. (2007). Институты и институции в современной экономической теории // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 3: Экономика. Экология. №11. С. 6–21.

- Коммонс Дж. (2007). Институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. №4. С. 59–70. DOI: 10.24412/2073-6606-2007-4-59-70.
- Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // Terra Economica. Т. 10. №3. С. 69–76. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-3-69-76.
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // Terra Economica. Т. 10. №1. С. 100–116. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-1-100-116.
- Майровски Ф. (2013а). Философские основания институционалистской экономики. Часть 1 // Terra Economica. Т. 11. №2. С. 82–93. DOI: 10.24412/2073-6606-2013-2-82-93.
- Майровски Ф. (2013б). Философские основания институционалистской экономики. Часть 2 // Terra Economica. Т. 11. №3. С. 72–88. DOI: 10.24412/2073-6606-2013-3-72-88.
- Мамедов О.Ю. (2003). Институционализм — приоритет вторичности? // Экономический вестник РГУ. Т. 1. №1. С. 116–125.
- Обдалова О.А., Левашкина З.Н. (2019). Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. №48. С. 332–348.
- Олейник А.Н. (2021). О возможных методологических основаниях прагматической экономической теории: Т. Байес и Дж. Дьюи // Вопросы теоретической экономики. №3. С. 34–51. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_34_51.
- Пирс Ч.С. (2000). Избранные философские произведения. — М.: Логос.
- Расков Д. (2019). Риторика институционализма: ирония у Торстейна Веблена // Логос. Т. 29. №6. С. 253–274.
- Резерфорд М. (2012а). Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // Terra Economica. Т. 10. №2. С. 32–53. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-2-32-53.
- Резерфорд М. (2012б). Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // Terra Economica. Т. 10. №4. С. 91–106. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-4-91-106.
- Улановский А.М. (2006). Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Epistemology and Philosophy of Science. Т. 10. №4. С. 129–142.
- Фролов Д.П. (2021). Трансплантация экономических институтов: расширенная (постинституциональная) теория // Вопросы экономики. №9. С. 69–108.
- Commons J. (1931). Institutional Economics // The American Economic Review. Vol. 21. No. 4. Pp. 648–657.
- Commons J. (1934). Institutional Economics. — New York: The Macmillan Company.
- Commons J. (1936). Institutional Economics // The American Economic Review. Vol. 26. No. 1. Supplement, Papers and Proceedings of the Forty-eighth Annual Meeting of the American Economic Association. Pp. 237–249.
- Commons J. (1990). Institutional Economics. Its Place in Political Economy. — New Brunswick: Transaction Publishers.
- Dewey J. (1929). The Quest for Certainty, a Study of the Relation of Knowledge and Action. Gifford Lectures. — London: George Alien & Unwin Ltd.
- Dewey J. (1939). Theory of Valuation // International Encyclopedia of Unified Science. Vol. II. No. 4 / O. Neurath (ed.). — Chicago, Illinois: The University of Chicago Press.
- Frolov D. (2021). Blockchain and institutional complexity: An extended institutional approach // Journal of Institutional Economics. Vol. 17. No. 1. Pp. 21–36.
- Goldkuhl G. (2012). Pragmatism vs interpretivism in qualitative information systems research // European Journal of Information Systems. Vol. 21. No. 2. Pp. 135–146.
- Gruchy A. (1947). Modern Economic Thought. The American Contribution. — New York: Prentice-Hall, Inc.
- Guest G., Namey E., Mitchell M. (2013). Collecting Qualitative Data: A Field Manual for Applied Research. USA: SAGE Publications, Inc.
- Hodgson G. (2000). What is the essence of Institutional Economics? // Journal of Economic Issues. Vol. 34. No. 2. Pp. 317–329. DOI: 10.1080/00213624.2000.11506269.
- Hodgson G. (2004). Reclaiming habit for institutional economics // Journal of Economic Psychology. Issue 25. Pp. 651–660.
- Hodgson G. (2019). Taxonomic definitions in social science, with firms, markets and institutions as case studies // Journal of Institutional Economics. Vol. 15. No. 2. Pp. 207–233.
- Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World (2022). Ch. Whalen (ed.). — Routledge.
- Johnson R., Onwuegbuzie A. (2004). Mixed methods research: A research paradigm whose time has come // Educational Researcher. Vol. 33. No. 7. Pp. 14–26.
- Mitchell W. (1924). The prospects of economics / R. Tugwell (ed.) The Trend of Economics. New York: A.A. Knopf.
- Shiller R. (2017). Narrative Economics // American Economic Review. Vol. 107. No. 4. Pp. 967–1004.
- Stanfield J. (1999). The scope, method, and significance of Original Institutional Economics. Journal of Economic Issues. Vol. 33. No. 2. Pp. 231–255.
- Veblen T. (1922). The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. — New York: B.W. Huebsch.

Курышева Анна Александровна

vesta11@list.ru

Anna Kuryшева

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Southern Federal University Rostov-on-Don

vesta11@list.ru

INSTITUTIONAL ECONOMICS: ADOPTING PRAGMATIST APPROACH

Abstract. This paper highlights the issue of the pragmatist underpinnings of institutional economics. John Commons stated that from social scientists' perspective the most significant characteristic of human conduct is its tendency to take on the form of habitual action. Pragmatist ontological stance views rules of action (habits) and beliefs underlying them as a result of past processes, historically and culturally located. Key definitions of institution, institute, going concern and community are discussed. Institution can be treated as an embedded socio-economic practice, habitualized and mutually typified amongst the members of certain communities, with commonly shared underlying beliefs and values. What governs the development of economic society is institutionalized practices, rather than immutable "natural" laws. It is not an individual self-interest but a binding force of customary collective action which holds economic society together, Commons argued. Socio-economic research involves identifying institutions and explaining them properly. Applying both qualitative and quantitative methods implies the discourse approach and interpretive analysis of empirical evidence. Being a philosophy of practical experience, pragmatist institutional economics adapts a functional view of intellectual activity and treats economic concepts in an instrumentalist way, with their role as reducing the problematic character and uncertainty which is an intrinsic feature of any investigated situation. The issue of definitions as taxonomic categories and as analytical abstractions is considered. Through fact-gathering and experimental activity, institutionalists sought to make economics a functional science, stemming from interrelatedness of the mind and the external world.

Keywords: pragmatist institutional economics, investigated situation, discourse analysis, institution, institute.

JEL codes: A11, A20, B52.

REFERENCES

- Commons J. (1931). Institutional Economics // *The American Economic Review*. Vol. 21. No. 4. Pp. 648–657.
- Commons J. (1934). *Institutional Economics*. — New York: The Macmillan Company.
- Commons J. (1936). Institutional Economics // *The American Economic Review*. Vol. 26. No. 1. Supplement, Papers and Proceedings of the Forty-eighth Annual Meeting of the American Economic Association. Pp. 237–249.
- Commons J. (1990). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*. — New Brunswick: Transaction Publishers.
- Commons J. (2007). Institutsionalnaya ekonomika [Institutional economics]. // *Economic Herald of Rostov State University*. Vol. 5. No. 4. Pp. 59–70. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2007-4-59-70.
- Commons J. (2012). Institutsionalnaya ekonomika [Institutional economics]. // *Terra Economica*. Vol. 10. No. 3. Pp. 69–76. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2012-3-69-76.
- Dewey J. (1929). *The Quest for Certainty, a Study of the Relation of Knowledge and Action*. Gifford Lectures. London: George Alien & Unwin Ltd.
- Dewey J. (1939). Theory of Valuation // *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. II. No. 4 / O. Neurath (ed.). — Chicago, Illinois: The University of Chicago Press.
- Dewey J. (2000). *Demokratiya i obrazovaniye* [Democracy and Education]. — Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ.).
- Frolov D. (2021a). Transplantation of economic institutions: An extended (post-institutional) theory. // *Voprosy Ekonomiki*. No. 9. Pp. 69–108. (In Russ.).
- Frolov D. (2021b). Blockchain and institutional complexity: An extended institutional approach. // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 17. No. 1. Pp. 21–36.
- Garreta G. (2015). Nauka, etika i obshchestvo: Dewey i pragmatistskoye issledovaniye-rassledovaniye [Science, ethics and society: Dewey and pragmatist inquiry] // *Antinomies*. Vol. 15. No. 3. Pp. 5–30. (In Russ.).
- Goldkuhl G. (2012). Pragmatism vs interpretivism in qualitative information systems research. // *European Journal of Information Systems*. Vol. 21. No. 2. Pp. 135–146.
- Gruchy A. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. — New York: Prentice-Hall, Inc.
- Guest G., Namey E., Mitchell M. (2013). *Collecting Qualitative Data: A Field Manual for Applied Research*. — USA: SAGE Publications, Inc.
- Hodgson G. (2000). What is the essence of Institutional Economics? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 34. No. 2. Pp. 317–329. DOI: 10.1080/00213624.2000.11506269.
- Hodgson G. (2004). Reclaiming habit for institutional economics. // *Journal of Economic Psychology*. No. 25. Pp. 651–660.
- Hodgson G. (2019). Taxonomic definitions in social science, with firms, markets and institutions as case studies // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 15. No. 2. Pp. 207–233.

- Inshakov O. (2007). Instituty i institutsii v sovremennoy ekonomicheskoy teorii [Institutes and institutions in modern economic theory] // *Journal of Volgograd State University. Economics*. No. 11. Pp. 6–21. (In Russ.)
- Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (2022). Ch. Whalen (ed.). London: Routledge.
- Johnson R., Onwuegbuzie A. (2004). Mixed methods research: A research paradigm whose time has come // *Educational Researcher*. Vol. 33. No. 7. Pp. 14–26.
- Mamedov O. (2003). Institutsionalizm — prioritet vtorichnosti? [Institutionalism — A priority of secondariness?] // *Economic Herald of Rostov State University*. Vol. 1. No 1. Pp. 116–125. (In Russ.)
- Mirowski Ph. (2012). Fizika i “marzhinalistskaya revolyutsiya” [Physics and the “marginalist revolution”] // *Terra Economica*. Vol. 10. No. 1. Pp. 100–116. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2012-1-100-116.
- Mirowski Ph. (2013a). Filosofskiye osnovaniya institutsionalistskoy ekonomiki. Chast 1 [The philosophical bases of institutionalist economics. Part 1]. *Terra Economica*. Vol. 11. No. 2. Pp. 82–93. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2013-2-82-93.
- Mirowski Ph. (2013b). Filosofskiye osnovaniya institutsionalistskoy ekonomiki. Chast 2 [The philosophical bases of institutionalist economics. Part 2] // *Terra Economica*. Vol. 11. No. 3. Pp. 72–88. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2013-3-72-88.
- Mitchell W. (1924). The prospects of economics. In: R. Tugwell (ed.) *The Trend of Economics*. — New York: A.A. Knopf.
- Obdalova O., Levashkina Z. (2019). Ponyatiye “narrative” kak fenomen kultury i obyekt diskursivnoy deyatel'nosti [“Narrative” as a cultural phenomenon and an object of discursive activity] // *Language and Culture*. No. 48. Pp. 332–348. (In Russ.)
- Oleinik A. (2021). O vozmozhnykh metodologicheskikh osnovaniyakh pragmaticheskoy ekonomicheskoy teorii: T. Bayes i J. Dewey [On possible methodological foundations of Pragmatic Economic Theory: T. Bayes and J. Dewey] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 31–51. (In Russ.) DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_34_51.
- Peirce Ch. (2000). *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* [Collected Philosophical Works]. — Moscow: Logos Publ. (In Russ.)
- Raskov D. (2019). Ritorika institutsionalizma: ironiya u Torsteyna Veblena [The rhetoric of institutionalism: Thorstein Veblen's irony] // *Logos*. Vol. 29. No. 6. Pp. 253–274. (In Russ.)
- Rutherford M. (2012a). Viskonsinskiy institutsionalizm: John R. Commons i yego studenty [Wisconsin Institutionalism: John R. Commons and his students] // *Terra Economica*. Vol. 10. No. 2. Pp. 32–53. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2012-2-32-53.
- Rutherford M. (2012b). Polevyye, taynyye i vklyuchennyye nablyudateli v amerikanskoй ekonomike truda: 1900–1930 gody [Field, undercover, and participant observers in US labor economics, 1900–1930] // *Terra Economica*. Vol. 10. No. 4. Pp. 91–106. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2012-4-91-106.
- Shiller R. (2017). Narrative Economics // *American Economic Review*. Vol. 107. No. 4. Pp. 967–1004.
- Stanfield J. (1999). The scope, method, and significance of Original Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. Vol. 33. No. 2. Pp. 231–255.
- Ulanovsky A. (2006). Konstruktivistskaya paradigma v gumanitarnykh naukakh [The constructivist paradigm in the humanities] // *Epistemology and Philosophy of Science*. Vol. 10. No. 4. Pp. 129–142. (In Russ.)
- Veblen T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. — N.Y.: B.W. Huebsch.
- Vernikov A. (2020). How much substance is there behind the concept of ‘institutional trap’? // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 12. No. 2. Pp. 25–37. (In Russ.) DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037.
- Volchik V. (2003). Institutsionalizm: vtorichnost novogo mifa? (Vozmozhnosti i predely institutsionalnoy ekonomiki) [Institutionalism: The second time for new myth? (Consequences and boundaries of institutional economics)] // *Economic Herald of Rostov State University*. Vol. 1. No. 1. Pp. 126–134. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2003-1-126-134.
- Volchik V., Oganetsyan A. (2014). Zachem nuzhna staraya institutsionalnaya ekonomika, yesli yest neoinstitutsionalizm? [What is OIE needed for, if there is NIE?] // *Terra Economica*. Vol. 12. No. 4. Pp. 79–90. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2014-4-79-90.
- Volf M., Kosarev A. (2018). Ritoricheskiy povорот osnovateley pragmatizma [The rhetorical turn of Pragmatism's founders] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*. No. 431. Pp. 47–53. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/431/6.
- Yefimov V. (2016). *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inaya metodologiya, istoriya i issledovatel'skiye praktiki* [Economic Science under Question: Another Methodology, History and Research Practices]. — Moscow: INFRA-M Publ. (In Russ.)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

*д. филос. н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ И ОЛИГАРХИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ РАБОЧЕЙ БЮРОКРАТИИ

Аннотация. Современные левые критики «бюрократического государства» считают, что альтернативой ему может стать технологически новая форма прямой и непосредственной массовой демократии, основанной на принципах синдикализма. Одним из ее исторических воплощений предстает эксперимент «Рабочей демократии», осуществлявшийся в революционной России в самом начале преобразований и свернутый с установлением однопартийной диктатуры. Целесообразно выяснить, насколько этот тезис соответствует действительности. Методологическая стратегия этого исследования — социологическая теория формальных организаций — дает возможность реконструировать процесс институционализации профессиональных союзов под влиянием внутренних и внешних факторов. Имманентная внутренняя логика этой реконструкции приоритетна, если иметь в виду такие факторы, как: меняющиеся идеологические основания системы «рабочей демократии»; ее предполагаемая и реальная роль в процессе производства, распределения и управления национализированной собственностью; динамика организационных форм; их унификация и децентрализация союзов в соответствии с различными уровнями компетенции; каналы информационного взаимодействия; критерии членства и чисток; вариативность конфликтов и формирование новой иерархии. Внешними факторами воздействия выступают глубокая трансформация социальных функций профсоюзов в ситуации экономического коллапса, Гражданской войны, их роль в массовых протестах и мобилизации, противоречивые взаимоотношения с большевистскими партийными властями. Обсуждая эти факторы, автор стремится объяснить, как «аутентичная» модель Государства Рабочих проложила путь формированию эмбриона новой рабочей бюрократии.

Ключевые слова: *Русская революция, Рабочая демократия, синдикализм, равенство, формальные организации, профсоюзы, социальный протест, олигархические тенденции, лидерство, бюрократия.*

JEL: A10, J00, J50, N30.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_102_125.

В рамках распространенных представлений о русской революции 1917 г., культивируемых в современной левой политической мысли, ее историческое значение связывается с появлением нового демократического проекта — «Рабочей демократии» 1917–1918 гг., предположительно представлявшей собой спонтанный поиск новых исторических форм организации общества и управления на основах солидарности, коллективизма и синдикализма, противостоящих традиционным формам иерархического государства, — эксперимент, который в дальнейшем был свернут в СССР в результате установления однопартийной диктатуры и сталинского тоталитарного режима.

Актуальный интерес к данному Проекту (и некоторым его аналогам в истории других революций XX в.) связан, возможно, с растущей критикой левыми интеллектуалами современного «бюрократического государства» и поиском альтернативы ему в виде так называемой «делиберативной» или «электронной» демократии — ее новой технической формы, предположительно способной вернуть ключевые (и утраченные ныне) параметры классической Античной демократии. Таковыми, в противоположность современной представительной демократии, признаются: непосредственный характер народного волеизъявления, отрицание формализованной иерархии и делегирования административных полномочий; горизонтально организованный (сетевой) характер информационных коммуникаций; коллективное обсуждение и принятие решений; транспарентность голосований; аккумуляция в дискуссии различных социальных позиций, инициатив и различных групп активистов, включая их «дискурсивные практики», отражающие взгляды дискриминируемых меньшинств; способность акторов действовать в интерактивном режиме, исключая манипулирование и бюрократический контроль над волеизъявлением масс. Все это, в сущности, является требованиями стандартных социал-демократических и анархистских программ и манифестов начала XX в., выраженных в новой интеллектуальной оболочке современного антиглобализма и либертарианства. Целесообразно протестировать эти параметры на эмпирическом материале осуществления проекта «рабочей демократии» во времена самой начальной стадии его реализации.

Сам проект «рабочей демократии», его идеологические и теоретические истоки, содержание и направления осуществления рассмотрены мной в ряде специальных работ [Медушевский, 2017; Медушевский, 2019], основанных на обобщении первичных источников¹. В задачу данной статьи входит выяснение с позиций социологии формальных организаций происхождения олигархических тенденций в самопровозглашенных институтах рабочего самоуправления 1917–1919 гг. Вопросы, встающие в этой связи: действительно ли возникшие с распадом государства в 1917 г. спонтанные формы народной (профсоюзной) самоорганизации представляли структурную основу непосредственной демократии; какими факторами определялись их эволюция и крушение; каково соотношение внутренней логики развития и внешнего принуждения; как шло формирование социальных установок, коммуникаций и способов контроля за принятием решений, откуда появились новые принципы иерархии, власти и лидерства. Главный вопрос, на который предстоит дать ответ, — было ли появление новой рабочей бюрократии результатом, навязанным диктатурой, или, скорее, стало следствием логики имманентной эволюции формальных организаций советского типа. И в какой мере этот опыт может быть instructивен для современных дебатов о демократии?

---

¹ Важный компонент этой источниковой базы составляет обширный комплекс документов рабочих организаций — опубликованные и архивные материалы центральных и региональных профсоюзных организаций России 1917–1922 гг. Они были собраны и систематизированы в длительно составлявшейся исследовательской картотеке историка рабочего движения Ю.В. Цейтлина (1921–2003), переданной им мне в частном порядке и использованной при написании настоящей статьи. Ссылки на эти материалы затруднены как характером их оформления (это карточки с выписками из документов — стенограмм и протоколов съездов, конференций и профсоюзных собраний разного уровня), так и устареванием имеющихся указаний на местонахождения источников (нумерация архивных фондов и дел с тех пор неоднократно изменялась). Тем не менее данные материалы представляют репрезентативную совокупность источников по проблеме, позволяя, на мой взгляд, достоверно реконструировать динамику организационных форм в профдвижении рассматриваемого периода. Поэтому в тексте они цитируются в кавычках, но без особой ссылки на источник.

Структурные основы олигархизации «рабочей демократии» в революционной России

Проблема появления олигархических тенденций в рабочих организациях и партиях, декларировавших приверженность принципам равенства, не нова. Она была осознана в момент их формирования и наиболее четко выражена в «железном законе олигархии» Р.Михельса [*Michels*, 1989]. С позиций социологии формальных организаций выделяется ряд факторов, способствующих олигархизации профсоюзов: увеличение размеров организации (интеграция небольших профобъединений в один большой союз); иерархизация структуры управления под влиянием внутренних (усложнение контроля над производством) и внешних (участие руководства в корпоративных переговорах с внешними игроками или правительственными инстанциями) причин; создание особого корпоративного сознания (повышение «ответственности» путем введения коллективной поруки); делегирование полномочий от низовых организаций центру; подмена профессионализма лояльностью руководству, которое постепенно становится практически несменяемым (или сменяется недемократическим путем); общее усиление антидемократического вектора (борьба за «дисциплину»). Сходство современных профсоюзов с однопартийными государствами, на которое указал С.Липсет, также не случайно: «большинство рабочих профсоюзов гораздо больше похожи на однопартийные государства, чем на демократические организации с легитимной и организованной оппозицией и сменой руководства» [*Липсет* 2015, с. 424].

В ситуации постреволюционной России 1918 г. этот вывод, однако, не был очевиден. Противники большевизма отмечали присутствие в нем анархо-синдикалистских тенденций, проявившихся в идее установления «рабочего контроля» над предприятиями [*Милюков*, 1921; *Струве*, 1921; *Суханов*, 1923]. Но они считали его результатом не становление новых форм управления, а хозяйственную разруху как следствие захвата предприятий люмпенизированными элементами [*Далин*, 1922; *Прокопович*, 1923; *Рожков*, 1926]. Напротив, большевистские теоретики [*Осинский*, 1918; *Ломов*, 1918; *Лозовский*, 1918] усматривали в Рабочей демократии принципиально новую историческую форму ее организации, полагая, что профсоюзные объединения могут составить основу всей системы коммунистического самоуправления — от локальных территориальных коммун к российской и всемирной Коммунистической Федерации. При этом они расходились в понимании того, насколько значительны должна быть экономическая и политическая роль профсоюзов, степень их централизации, функции в осуществлении «рабочего контроля» и автономность в отношении советских и партийных структур [*Милютин*, 1918; *Ларин*, 1920; *Крицман* 1924].

Следует иметь в виду, что эти подходы существенно различались в разные периоды осуществления рабочего контроля — до и после введения военного коммунизма, с переходом к НЭПу и по результатам так называемой «дискуссии о профсоюзах», завершившей их огосударствление [*Игнатенко*, 1971; *Шарапов*, 1977]. Эти различия выражены в ретроспективных оценках идеи «рабочего контроля» в общих трудах о русской революции и рабочем движении [*Гимпельсон*, 1974; *Carr*, 1985; *Городецкий*, 1987] и особенно в оценках роли фабрично-заводских комитетов, которые получили диаметрально-противоположный характер в советской [*Панкратова*, 1954; *Виноградов*, 1983], эмигрантской [*Загорский*, 1925; *Гарви*, 1958] и иностранной [*Avrich*, 1963; *Brinton*, 1970] литературе.

В условиях вакуума власти и управления организационные структуры находились в состоянии хаоса и допускали возможность экспериментирования. Национальное изменение членства регулировалось общими идеологическими императивами. Конференции профсоюзов принимали резолюции об объединении рабочих всех национальностей в единых союзах. Обратной стороной этого решения стал запрет профсоюзов, построенных исключительно по национальному принципу: «В связи с возникновением тенденций, склоняющихся к созданию самостоятельных краевых национальных организаций

и усилением цеховых тенденций, — отмечается в документах, — проведение в жизнь идеи централизованного союза встречает огромные препятствия и является необходимым созданием особых переходных организационных форм объединения. Для территориальных объединений необходимо предоставить возможность организации областных союзов, для профобъединений — организацию профсоюзов (секций) во всероссийском масштабе». Наличие люмпенизированных слоев в социальной базе большевизма допускало проявления экстремизма внутри созданных ими профсоюзов (в том числе по линии национального шовинизма).

Обсуждение типологии и структуры профсоюзов позволяет выделить ряд вопросов, определивших стартовые позиции организаторов «рабочей демократии»: 1) полная централизация или областная; 2) синдикалистский лозунг федеративного объединения профсоюзов — характер реализации; 3) представительство малых профсоюзов — степень и формы; 4) допускать ли к организации ВИКЖЕЛ в ВЦСПС; 5) нужны ли областные объединения профсоюзов; нужны ли территориальные центры; 6) полная централизация или централизация по производствам; 7) принимать ли в ВЦСПС отдельные союзы. За основу, как и до революции, бралась немецкая организационная техника в профсоюзах. После Октября большевики не могли резко изменить организации союзов, главным образом потому, что союзы были признаны ими вполне автономными. Констатировалось поэтому несоответствие между организационными формами и методами работы, созданными в прошлый период, и теми задачами, которые теперь в полном объеме встают перед профсоюзами.

Одновременно решалась совокупность других вопросов: о размежевании компетенции между отдельными федеративными органами (в первую очередь высшими и низшими); порядок голосования и принятия решений; специфика статуса — не межсоюзный орган (территориальное объединение отраслевых профсоюзов), а федеративный. Один из аспектов — создание узловых СПС — возможно, один из наиболее важных, в первую очередь с политической точки зрения. Обсуждалась необходимость создания всероссийского союза союзов (государственных служащих). Производственный принцип как организационная основа требовал размежевания профсоюзов по списку профессий и специальностей, по концентрации союзов в одно производство. Но насильственно принуждая одни союзы к слиянию с другими, центральный союз (ЦС) этим самым подрывал принцип строительства союзов по производствам, так как «принуждение и механическое объединение союзов не укрепляет, а, наоборот, разлагает союзную организацию». В документах выражены опасения усиления цехового принципа в ущерб общим интересам.

В организационной динамике присутствовали как интеграционные, так и дезинтеграционные тенденции. Они представлены в дискуссиях об объединении профсоюзов и критериях его осуществления (производственный, ведомственный, функционально-отраслевой). Постановка этих теоретических (идеологических) проблем определяла конкретные пути организационной динамики: место новых профессиональных союзов в политической системе — по отношению к рабочему самоуправлению и власти; задачи межсоюзных органов; отношение к старым профсоюзам (ведомственные и фирменные профсоюзы); условия их создания и ликвидации; роль аппарата профсоюзов — его структура, членство, бюджет, принятие в профсоюзы, партийная принадлежность членов, принципы отчисления взносов — постоянных и единовременных. Этот круг вопросов был актуален прежде всего при организации всероссийских профобъединений по следующим параметрам: центральные и высшие исполнительные органы, вопрос о вхождении профсоюзов с антибольшевистским руководством в ВЦСПС, перестройка последнего с учетом вхождения в него профсоюзов, отношения президиума и ЦК, территориальная организация и представительство, устав ВЦСПС, избирательное право и выборные должности, порядок выборов в центральные органы, статус выборных работников, их полномочия, контроль высших профорганов над выборами в низовых органах, возрастной ценз.

Итоги организационной трансформации подведены позднее Пятой Всероссийской конференцией профсоюзов, принявшей устав ВЦСПС. Все профсоюзы были обязаны регистрироваться в межсоюзных органах, в противном случае — они не могут именоваться профсоюзами. Секции организуются по построению всех производственных союзов при ЦК. Их права определяются составом ЦК и утверждением ВЦСПС. В отдельных случаях в интересах мобилизации соответствующих категорий (инженеров) возможно отступление от производственного принципа построения (секция инженеров или врачей). Обсуждение вопроса о секциях выявило различие структурных концепций: для одних оно означало движение к цеховому принципу, для других — форму мобилизации недостаточно сознательных в классовом отношении рабочих. Результатом стали разные видения масштабов необходимой централизации — большей или меньшей организационной и структурной автономности секций и их права издавать свои документы и сноситься с местами.

В условиях национализации промышленности и создания чрезвычайных институтов «рабочего контроля» инструментами влияния власти на профсоюзы становились: *принципы построения* (производственный принцип и размежевание профсоюзов на его основе); *диверсификация структуры* профсоюзов по организационному принципу (федеративные и территориальные органы, финансирование деятельности, цеховые органы, профорганы фронтовиков; юнионизация *versus* бюрократизация); ряд профсоюзов, по-видимому, имел *смешанный* характер, объединяя цеховые организации и занятых на карликовых предприятиях (и то и другое обстоятельство — мотив для объединения); *унификация и контроль* институтов самоуправления (порядок созыва съездов и конференций, определение норм представительства, регламентация, партийные фракции — меньшевиков, эсеров, интернационалистов и проч.); *дискриминация при приеме новых членов* — по классовому признаку (отстранение предпринимателей и спецов) и по профессиональному признаку (ограничения приема ИТР, кустарей, пайщиков и членов их семей); *создание заградительных барьеров* по этим параметрам (требования политической лояльности, подтвержденной рекомендацией соответствующего профоргана; стажевый ценз, чистки); *селекция состава рядовых членов* (они набирались из пролетариев и классово близких элементов — безработных, военнопленных, временных и сезонных рабочих) и состава органов профсоюзного управления (вытеснение оппонентов ввиду «отказа» от работы в профорганах и на выборных должностях с заменой их «профкадрами», способными транслировать партийную волю); *введение регламентации* их особого положения, карьеры и привилегий (оплата, привилегии, срок полномочий, партийный состав, увольнение); наконец, *массированное воздействие пропаганды* на сознание (особая «профпропаганда»).

Наиболее интересный вопрос — классовое сектанство как ингибитор социальной интеграции. Все эти ограничения, вопреки устоявшимся представлениям, касались не столько предпринимателей (которые не состояли в профсоюзах), сколько кустарей и наемных рабочих, социальный профиль которых ассоциировался с понятием «нетрудовые, непролетарские» элементы. Эта категория была неопределенна и с ней в рассматриваемый период обращались достаточно вольно. Следует разграничить лиц: а) пользующихся наемным трудом; б) кустарей-одиночек; в) бывших предпринимателей. Жесткая дискриминация в отношении этих категорий стала нормой лишь в последующий период НЭПа. ВЦСПС разъяснил, что в отличие от периода Гражданской войны (когда кустарь сдавал свою продукцию госорганам и работал под контролем профсоюзов) в период НЭПа он не может быть членом профсоюза. Эти лица, как выяснилось, «по своим административным задаткам не являются пролетарскими» и поэтому могут «в решительный момент борьбы встать на сторону врагов пролетариата». «Мы, — заявляли активисты, — не можем входить в такие организации, куда входят лица с административной властью. Мы стоим на точке зрения международного принципа классовой борьбы и никаких отступлений с нашей стороны быть не может».

Объектом «ограничительных мер» в первую очередь становились мелкие предприниматели, желающие работать на государственном предприятии, «спецы», а возможно, и администраторы. Мотивы отказа в приеме и изгнания из профсоюза не всегда четко декларировались, но доминировали политические предпочтения. Вопрос о соотношении на предприятиях комитетов рабочих и служащих был решен в пользу их слияния. Объединение ФЗК и служащих было завершено уже к середине 1918 г. Политическая дифференциация часто (например, у железнодорожников) не совпадала со служебным положением — так, конторские служащие управления являлись, несомненно, представителями пролетарских низов, а между тем стояли на крайне правой стороне политического спектра.

Эволюция структурных основ советского синдикализма

В центре внимания уже в этот период оказалась проблема сохранения «профсоюзной демократии». Изначально (в 1917 — начале 1918 гг.), как показано ранее, имел место плюрализм организационных основ профсоюзов — по территориальному, производственному, ведомственному, национально-этническому критерию, даже создание отдельных организаций неквалифицированных рабочих. Организационная структура еще не стала монолитной, иерархичной и централизованной, как в последующее время. Для этого периода характерны: гласность заседаний профорганов, внимание к соотношению массы и «профкадров», порядку и процедурам голосования; активное участие в принятии решений делегатских собраний, делегатов, с учетом их мандата. В целом доминировало представление о «рабочей демократии» как о соблюдении принципа коллегиальности решений — непосредственном участии «трудящихся» в формировании институтов профсоюзной власти — съездов и конференций. Характерно обсуждение таких специальных процедурных вопросов, как избирательные права, императивный мандат, репрезентативность делегатов (например, обсуждение вопроса о «двойном членстве» одного делегата в разных профсоюзах). На данном этапе «критике снизу» (т.е. низовыми профобъединениями и их членами) подвергались тенденции к централизации и манипулированию профсоюзами — в виде широкой трактовки «демократического централизма», кооптации функционеров в избираемые руководящие органы, нелегитимных действий профорганов. Этот плюрализм был представлен прежде всего в межсекционных органах, что объясняется организационной структурой последних — неопределенностью функций, компетенции, соотношения высших и низших органов, взаимоотношениями с отраслевыми профсоюзами, наличием городских, районных, межсоюзных организаций, где влияние сохраняли оппозиционные большевикам партии меньшевиков, эсеров и анархистов.

Сворачивание внутривидовой демократии (в основном с осени 1918 г.) отражает структурный конфликт в системе. Его основными параметрами следует признать следующие: 1) разрыв преемственности организационных форм (укрупнение профсоюзов ведет к структурной перестройке и выстраиванию иерархии на новых основах); 2) экономические трудности, заставляющие отказаться от коллективных форм разрешения конфликтов (падение зарплат и исчерпание материальных способов стимулирования ведет к протестам, преодолеть которые становится невозможно без введения методов административного принуждения); 3) противоречия между профессиональными союзами различных форм (отраслевыми, территориальными, ведомственными) — межвидовая борьба между ними за контроль над ограниченными ресурсами; 4) апелляция к вышестоящим инстанциям как способ разрешения противоречий, ведущая к централизации и бюрократизации управления в профдвижении; 5) институционализация лидерства нового типа, власть и статус которого основаны уже не на механизмах внутривидовой демократии,

но на самой управленческой иерархии и способности поддержания собственного контроля над профобъединением.

Центральный профсоюз (ВЦСПС) не хочет выпускать из своих рук контроль над разрешением серьезных конфликтов. Подобные конфликты имели разную социальную природу и направленность. Один тип конфликтов связан со стремлением низовых профорганизаций захватить контроль над производством в уездном масштабе, чтобы обеспечить интересы своей фабрики, выражающий непонимание роли государственных органов, стоящих над местными интересами. Другой тип конфликтов возможен внутри политически однородной (по крайней мере формально) организации, хотя выражает различие установок рядовых членов и лидеров или отражает раскол среди последних по текущим вопросам хозяйственного выживания. Третий тип конфликтов — территориальные (национальные) конфликты внутри организации. Примером наиболее массового конфликта между массой и лидерами стали протесты по вопросам о тарифах и коллективных договорах, продолжительности рабочего дня, внеурочных работах и отмененных праздниках. Преодоление подобных конфликтов методами профдемократии оказывалось невозможно в условиях дефицита ресурсов, времени и неопределенных правил их распределения.

В этой перспективе заслуживает внимания постепенный пересмотр смысла ключевых теоретических постулатов синдикализма. Главным из них было устоявшееся в профдвижении представление о соотношении централизации (которая теоретически господствует при капитализме) и децентрализации (гипотетически призванной господствовать при социализме). На переходный период решение усматривалось в их синтезе — принципе «демократического централизма». Амбивалентность этой формулы допускала ее диаметрально противоположные трактовки — в пользу одного или другого компонента. До определенного момента (последовательного проведения начал «военного коммунизма») в профдвижении были представлены искренние попытки осуществления демократического централизма на производстве. Сводное рассмотрение этих попыток выявляет их импровизаторский характер — они различаются по степени осознанности, формализации, интенсивности проведения демократической составляющей (как правило, в организации конференций, собраний, требований к ответственности профлидеров в союзах разного типа). Затем (в основном вторая половина 1918 г.) усиливается централизаторский вектор — представлена все более гипертрофированная централизация, парализующая спонтанную демократию. Демократия признается «роскошью», поскольку увеличивает время, необходимое для принятия решений, а следовательно, сроки их исполнения. Максимальный темп возможен только в рамках милитаризованной диктатуры единоначалия.

Таким образом, процесс олигархизации профсоюзов имеет двойственную природу. Он идет как изнутри (выражая общие социологические принципы действия формальных организаций с переходом от межсекционных форм к более централизованным), так и извне (выражая стремление политической власти максимизировать контроль над профсоюзами и их членами в условиях дефицита ресурсов, кадров и времени).

Разложение «рабочей демократии»: девиантное поведение и формы социальной адаптации

Деградация «рабочей демократии» выражалась в трех факторах — неспособности профсоюзов наладить управление промышленностью (после ее национализации); их отстранении от экономического и политического участия (с передачей управленческих функций ФЗК); росте отчуждения между массой и руководством в профдвижении в условиях мобилизационной экономической программы «военного коммунизма».

Для Советской власти, опиравшейся преимущественно на солдатско-крестьянские массы, самостоятельные пролетарские союзы были опасны. Поэтому большевики попытались подчинить их себе — подменить их функцию защиты условий труда функцией организации производства, т.е., по словам современника, «превратить боевые пролетарские союзы в военно-государственно-технический аппарат». Поэтому конфликт между ФЗК и профсоюзами не случаен и имеет как хозяйственную, так и политическую составляющую [Фин, 1922; Цыперович, 1921; Венедиктов, 1957]. После захвата власти большевиками, при отсутствии развернутого госаппарата, ФЗК, наряду с контролем над производством и распределением продуктов, выполняли и политические задания — установление контроля большевиков над рабочей массой. Их подлинной хозяйственной функцией стал «захват предприятий» и перераспределение ресурсов, но одновременно они стали военно-административными институтами, где, по свидетельству современников, процветали грубость, насилие и карьеризм. Поэтому до образования СНК или СНХ ФЗК подчинялись госорганам — экономическим отделам советов или военно-революционным комитетам. Практическое руководство фабзавкомаами осуществляли все отделы и секции СНХ [Венедиктов, 1957; Виноградов, 1983; Brinton, 1970].

Делегатские собрания, решив заменить себя ФЗК, тем самым подписали себе «смертный приговор». Замена делегатских собраний конференциями ФЗК нарушала демократический принцип пропорциональности. В конечном счете, профсоюзы, передав власть комитетам, утратили функции защиты интересов «трудящихся» и стали органами производства, т.е. фактически государственными органами. Уже вскоре «рабочий контроль» был слит с госконтролем, на что профсоюзы изначально не были согласны. Профсоюзы утратили всякое влияние, и им стало не нужно участвовать в организации контроля. Это ставило проблему деградации профдвижения в целом, о чем писали как русские [Загорский, 1925; Гарви, 1958], так и иностранные [Dunn, 1928; Koch, 1932; Sorenson, 1969; Brüggmann, 1972] аналитики властных отношений в советских профсоюзах.

Типология конфликтов отражает специфику ситуации России 1918 г. Они представлены по следующим параметрам: 1) конфликты, связанные с решением общей проблемы безработицы в условиях экономического коллапса; 2) конфликт рабочих и солдат, вернувшихся по демобилизации, при трудоустройстве последних; 3) конфликты по гендерному признаку (связанные с дискриминацией женщин при трудоустройстве и увольнении); 4) конфликты внутри профсоюзов по вопросам тарифной политики и политики увольнений; 5) конфликты рабочих и администрации по вопросам социальной и жилищной политики, условий труда и выходного пособия; 6) конфликты рабочих и профбюрократии по линии мобилизационных акций; 7) самый главный конфликт — между профсоюзами и ФЗК, опиравшихся на поддержку всех партийно-советских и чрезвычайных органов власти. Решения проблемы управления производством, безработицы и стимулирования труда за пределами его принудительных форм в этот период предложено не было, что связано с закрытием бирж труда и переходом к централизованному перераспределению трудовых ресурсов [Рогачевская, 1973]. Результатом стало «отчуждение рабочих» от производства почти в марксистском понимании этого термина.

Постановления низовых профсоюзных комитетов рисуют общую картину деградации трудовой этики, понятную в условиях отсутствия мотивации к труду [Kaplan, 1968]. Констатируется, что «никто не обращает внимания на свои обязанности», широкое распространение получили «халатное отношение к своим обязанностям», случаи отказа от «общественной работы», и т.п. Протесты против принудительного труда имели место как в активных формах (стачки, забастовки, невыход на работу), так и в пассивных — снижение производительности труда, бегство в деревню, отказ от различных чрезвычайных мобилизационных акций [Венедиктов, 1957].

Рабочие протестовали против общей мобилизации, предлагая включить в нее сначала коммунистов, а уж потом всех остальных. Свидетельством провала мобилизационных кампаний в армию стали заявления ФЗК заводов о неспособности обеспечить даже 10% мобилизации рабочих для соответствующих частей: добровольцев не оказалось, в ход были пущены принудительные меры — насильственная мобилизация молодых рабочих. Для уклонения от трудовой мобилизации рабочими использовались всевозможные предлоги: старые — ссылались на возраст, молодые — требовали, чтобы брали всех без учета возраста, некоторые ссылались на условия труда (по старым меркам — недопустимые). Такова была, например, мотивация женщин, отказавшихся от мобилизации на работы в общественные прачечные. Некто Фогель, руководивший этой акцией, сообщал: что «будет опрашивать каждую (работницу) по списку, согласна ли идти работать в народную прачешную», но «все оказалось безрезультатно» — работницы заявили, что «там очень сыро и не дают обуви и хлеба». Принятое решение состояло в том, что отказавшиеся «будут всего лишены». Отказ от мобилизации мог затрагивать чувства справедливости: протест рабочих против решений завкомов, составлявших списки мобилизуемых с изъятием ряда преданных им категорий, необходимых им будто бы для основного производства, завершился беспорядками и задержанием завкомов мобилизованной молодежью. Результат — скрытые формы протеста, немотивированный отказ от работы: «Падение дисциплины, — констатирует один отчет, — то доходит до того, что были случаи, когда машинисты бросали поезда и паровозы на перегонах без всяких причин» (январь 1918 г.).

Критика неравенства — затрагивала завышенные и несоразмерно высокие зарплаты директоров и членов революционных комитетов, которые «все оказываются пайщиками и родственниками», неконтролируемый вывоз ими продукции со склада, определение ставок по зарплате профсобраниями и их произвольные изменения вне хозяйственной логики. Обращается внимание на деструктивное поведение рабочих (агрессия и выходки хулиганского характера), недовольство служащих рабочими и их своеволием; штрафы и вычеты из жалования у рабочих за самоуправство, порчу техники, отказ работать в праздники и дни, проведенные ими на забастовках и манифестациях. В провинции, где не было денег на выплату жалования и фиксировались случаи голодной смерти, отмечали протестующие работники, на содержание наркоматов и чиновников деньги находились, как и на идеологическую пропаганду в области просвещения.

Вопреки тезису о позднейшей деградации советских профсоюзов, документы позволяют заключить, что все ее элементы присутствуют уже в период «военного коммунизма», в 1918 г. Они включают политическую апатию и недоверие рабочих к «собственным» профделегатам. Уже в этот период «рабочие не знают, кто состоит в фкомитете», «многие из них забыли о существовании фк», часты случаи отказа от «общественной работы», «халатное отношение к своим обязанностям» и т.п. Абсентеизм приобрел угрожающие размеры. Профсоюзные собрания, по отчетам комитетов, не могли проводиться как за отсутствием рядовых членов (вполне осознававших бессмысленность данных акций), так и, что особенно интересно, даже избранных делегатов (отмечен случай, когда на важное собрание из 120 делегатов явилось только 60). Характерны упоминаемые в источниках патриархальные методы борьбы с абсентеизмом — от угрозы штрафов и увольнений, до «закрытия дверей во время собраний» — практики, типичные для всего советского периода.

Манипулятивные техники овладения рабочей массой

На деле большевики в 1918 г. разработали все те технологии манипулирования профсоюзными собраниями, которые в дальнейшем стали повсеместной основой принятия нужных решений и изгнания неудобных деятелей. В резолюциях разных профсобраний

констатируются следующие «бесчинства и насилия»: нарушение кворума (общее число явившихся и имеющих право голоса — не устанавливается); голосование с привлечением посторонней публики (не членскими билетами, а простым поднятием рук); в открытом голосовании «ни разу не было произведено подсчета голосов»; в закрытом — тайна голосования не соблюдалась (ранее она гарантировалась наблюдением избирательной комиссии, составленной из представителей граждан на паритетных началах): председатель профсообщения не избирался, а скорее «сам занимал председательское место»; ни одному протестующему слова не давалось, а о протестах, поступивших в письменной форме, «не доводилось до сведения собрания»; по вопросу о порядке выборов слова никому не давалось, а «пытавшиеся громко заявить с трибуны о таком насилии стаскивались окружавшей председательский стол хулиганской кучкой»; до сведения собрания вообще не доводилось «письменного требования о праве тайных выборов и о предварительных выборах избиркома»; председатель провозглашал прошедшим список большевиков без подсчета голосов (что, напротив, тщательно делалось по спискам эсеров и меньшевиков), причем даже в случаях, когда к моменту голосования в зале оставалось не более четверти делегатов; сроки созыва собрания смещались таким образом, что когда основная масса собиралась, решение уже бывало вынесено. В ряде случаев рабочим, пожелавшим устроить собрание, заявлялось, что необходимо предварительно получить разрешение от Советов. Определенное распространение получила практика введения субординации и «назначенчества», когда занятие ответственных постов в профсоюзах стало допускаться лишь по рекомендации фракции РКП(б); вводилось право досрочного отзыва выбранных профсоюзных работников; проводилась организационная унификация — единая система делопроизводства и статистики; профсоюзы стали рассматриваться как своего рода администрация по сбору взносов (как они дальше и действовали, что может подтвердить любой член советских профсоюзов).

В целом оппоненты большевиков уже в 1918 г. констатировали превращение профсоюзов «в послушные придатки правительственных учреждений» [Гарви, 1958, Загорский, 1925]. Они, однако, еще фиксировали факты произвола в отношении заводских профорганов: обложение совдепами местных фабрик налогами, не соответствующими доходности; арест местными ЧК членов союзов и ФЗК в случаях разногласий; практика проведения своих людей при выборах заводского управления. Характерны призывы к принятию постановлений, «разграничивающих сферу деятельности ФЗК, местные ячейки коммунистов и советы в отношении к предприятиям». Понятия «соглашательства», «саботаж» и, особенно, «полусаботаж» широко применялись для дискредитации недовольных.

В документах комитетов констатируется провал политической и культурно-просветительской работы профсоюзов: «масса впала в апатию, перестала проявлять интерес к знанию и вообще всяким просветительским начинаниям». Рабочие «слабо посещают лекции, неохотно идут на собрания, нет уже прежнего пыла и энтузиазма, чувствуется усталость, упадок энергии и полнейшая инертность». Активисты недоумевали: «опытом установлено, что среди рабочих нет большого желания просвещаться». «Странно! — размышлял шорник А. Розенфельд уже в 1918 г., — По мере «углубления революционных завоеваний» замечается все больше и больше удаление масс от рабочих организаций»; «наблюдается массовый уход от общественной работы и досаднее всего то, что, уходя от профорганизации, они уходят, к сожалению, и от политической жизни». Многие сознательные рабочие «вовсе уходят в сторону, а это есть не что иное, как показатель слабой степени сознательности рабочих».

Наиболее заметной формой социального эскапизма стала алкоголизация рабочей среды, документированная в постановлениях комитетов. Постоянно констатируются «нетрезвое поведение», «пьянство», «распитие спиртных напитков», осуждение тех, «которые будут замечены в пьянстве или манкировании службой»; тот знаменательный факт, что «сами старосты не могли выбрать время даже в правление своего союза прийти трезвыми».

Характерны объявления следующего типа: «Членам ФЗК являться и находиться в комитете в нетрезвом виде строго воспрещается, в противном случае каждый член будет арестован до вытрезвления». От рядовых членов не отставали активисты: им инкриминируется широкий спектр нарушений — от взяток и растрат заводского имущества в различных формах до катания на машинах и стрельбы по ночам пьяных пролетариев и членов профкома.

Объединения, где преобладала интеллигенция, напротив, отторгали прежде всего новые социальные стереотипы поведения, пытались закрыть свои профсоюзы от представителей чужеродной «пролетарской» среды и новой власти: представители учительского съезда 1918 г., профсоюзов работников просвещения и искусства, библиотечных работников заявляли, что они «служат делу, а не власти», и т.п. Их оппозиционность не вызывала ни малейших сомнений. Ее проявления отражены и в соответствующих доносах: «в день октябрьского переворота и следующие ближайшие дни петроградские театры и кинематограф были переполнены преисполненной политического равнодушия обывательской массой»; на спектакле «Лорензаччио» Мюссе оппозиционные настроения получили спонтанное проявление — когда в финале 1 акта, Лоренцо (Орленев) говорит Филиппу, мечтая о свободе: «Ничего не будет; придут немецкие солдаты и разгонят всю эту сволочь» — публика рукоплещет». В Большом театре на представлении оперы «Искатели жемчуга» в исполнении Собинова (16 и 18.02 1918 г.), когда публика неожиданно обнаружила в царской ложе представителей СРСД и стала настойчиво требовать их удаления, спектакль не удалось закончить, и порядок был восстановлен только с помощью вызова Красной гвардии, оцепившей театр. Позднее, в виде компромисса, «представители соввласти сидели в боковой ложе, отведенной для театрального кадра». Но эти протесты против большевизма как «апофеоза глупости и невежества» не шли дальше салонной оппозиционности профсоюзов интеллигенции.

Социальная дрессировка рабочей массы: протест, подавление и мобилизация

Различные формы протеста предполагали дифференциацию репрессивных ответов. Прямые акции гражданского неповиновения (вплоть до восстаний) могли быть объяснены происками классовых врагов, враждебной агитацией и деятельностью противников (меньшевиков и эсеров), требующих жесткого подавления. Организации профсоюзами стачек и забастовок с политическими требованиями, имевшие место сразу после Октябрьского переворота, стали ответом на аресты фабричных комитетов, присылку контролеров и эмиссаров правительства большевиков и выражали непризнание СНК. В ходе утверждения у власти большевики объявили стачки «реакционными», подорвав их финансовую и организационную основу. Во-первых, был осуществлен захват стачечных фондов. Профсоюзные фонды — стачечный, культурный, взаимопомощи, отчисления в фонды после выполнения финансовых обязательств перед вышестоящими органами — были важным ресурсом их независимой позиции. Расход средств стачечного фонда производился губотделом соответствующего союза по инструкции своего ЦК. Кассы фондов (особенно межсоюзных) стали первой мишенью большевистской профбюрократии. Во-вторых, была осуществлена централизация страхового фонда, его бронирование. В-третьих, как «продукт соглашения» были поставлены под контроль важнейшие институты посредничества между рабочими и администрацией (биржи труда, примирительные камеры и третейские суды).

Основные методы профсоюзной борьбы — стачки и забастовки — признавались неприемлемыми уже в условиях мировой войны (так как предприниматели ссылались на отсутствие ресурсов). Тем более это сохранилось в условиях советской диктатуры, поскольку предприятия уже «принадлежат пролетариату». Большевики, ранее заявлявшие

о неприемлемости профсоюзных (тред-юнионистских) методов борьбы и необходимости вырвать права рабочих у предпринимателей «браунингом и штыком», после захвата власти приняли идею чисто профсоюзного разрешения конфликтов, но одновременно свели сами профсоюзы до положения комнатного растения. Когда рабочие, восприняв новые лозунги за чистую монету (например, ознакомившись со статьей Ленина «Очередные задачи Советской власти»), переставали приходиться на работу, к ним применялись принудительные меры. Признавалось, что на переходный период (до полной национализации) в отношениях рабочих и нанимателей (в том числе государства) устанавливаются «партнерские отношения», а профсоюзы наблюдают за их соблюдением. В дальнейшем, согласно этой логике, все конфликты должны исчезнуть «сами собой». В этом контексте интерпретировались такие институты, как примирительные камеры и необходимость принудительного арбитража в случае возникновения споров. Рабочие, помня старые времена, отказывались подчиняться решениям «третейского суда», объявляя «дикую стачку» (например, против введения десятичасового рабочего дня). Но эти запоздалые протесты уже не могли переломить общий репрессивно-мобилизационный тренд.

До массового активного применения чисто репрессивных методов дело сначала не доходило (в силу опасения большевиков утратить собственную социальную базу в крупных городах). Время открытых репрессий наступило в 1918 г. А.З. Гольцман (сторонник Л.Д. Троцкого) заявлял, что реальная политика не останавливается перед «методами беспощадной палочной дисциплины по отношению к рабочим массам, которые нас тянут назад»; готовностью «по отношению к отсталому элементу применять беспощадный метод террора». «Мы, — подчеркивал он, — не будем останавливаться перед тем, чтобы применить тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые неспособны понять наши тенденции». Соответствующие циркулярные документы профсоюзов в 1918 г. вводят систему конкретных мер принуждения: введение СНХ контроля над нормой производства; разработку репрессивных мер за невыполнение нормы — неполная оплата труда, перевод в более низкую категорию или увольнение, запрещение забастовок против установленных тарифов оплаты; все прогулявшие более трех дней будут предаваться в распоряжение комиссии по мобилизации нетрудовых элементов. В случаях открытых проявлений несогласия или «угрозы бунта» использовался весь арсенал средств: в Петрограде, «чтобы дисциплинировать такую массу, приходилось закрывать весь завод». Крайней формой протеста стали восстания рабочих (например, Ижевско-Воткинское), требовавших, среди прочего, ликвидации большевистских советов и смены навязанного руководства собственных профсоюзов [Солженицын, Бернштам, 1981; Чураков, 2007].

Пассивные формы протеста предполагали апелляцию к «трудовому сознанию», коллективной «ответственности» и «дисциплине». Меры ВЦСПС 1918 г. по повышению трудовой дисциплины включали: создание бюро нормирования; усиление штата технического персонала; выделение инструкторов из наиболее квалифицированных рабочих; премирование повышенной производительности до определенного предела; выработку правил внутреннего распорядка. При поддержке «актива» было проведено введение системы санкций за прогулы и опоздания — от ареста на несколько часов или дней до передачи виновного в руки ЧК. В ход шли элементарный обман (например, мобилизация в армию под видом простой регистрации или обещания направить в резервные полки), шантаж (использование доносов партийцев против беспартийной части профсоюзных деятелей), экономические санкции — от лишения мелких привилегий до увольнения, моральный остракизм («рабочие, не подчиняющиеся дисциплине будут заноситься на черные доски»). Для проведения нужных решений, помимо общих призывов к большевистской бдительности, практиковалась фальсификация проведения собраний, недопущение на них «посторонних элементов», изъятие из рабочей среды лиц, занимавшихся «гнусной клеветой» на фабричное начальство.

Образец демагогической тактики советских профсоюзов — проведение ограничения прав рабочих руками самих рабочих. Первоначально важным мобилизационным инструментом служили так называемые «самосуды» — поощряемые большевистскими активистами акты террора — коллективного осуждения врагов, колеблющихся, отстающих и т.п., направленные отнюдь не только против «буржуазии». Суровость их решений (в особенности на местах) сопоставима лишь с их правовой противоречивостью. Сохраняются вопросы: была ли эта суровость справедлива (по меркам самих участников); если она диктовалась заботой о социализме, то была ли нелицеприятной; бывало, что следственные органы оправдали обвиняемых, но ФК и профсоюзы присваивали себе право кассации — действовала по меньшей мере юридическая безграмотность — превышение власти, но, во всяком случае, не добродетели.

Конечно, можно теоретически предположить виновность обвиняемых (в критериях революционного «правосознания»), законное недоверие к следственным органам, стихийно-революционную реакцию на их пристрастное решение (может быть пристрастное из политических соображений, тонкость которых была недоступна низовым профорганизациям). Но о пристрастии органов в протоколах информации нет. Другой вариант — пристрастие ФК и профсоюзов. Суровость их вердиктов вызвана старым конфликтом, вполне возможно, даже с большевистскими членами ФК. Сказывалось влияние общей атмосферы осени 1918 г. — тенденция к осуждению преобладала над тенденцией к оправданию. В ноябре на высшем уровне эту тенденцию начинают притормаживать, но низов это торможение еще не коснулось. Важная деталь: эти самосуды (в отличие, например, от практики Австрийской революции) организуются, как правило, не снизу, а сверху (например, в связи с покушением на Ленина), как минимум, на уровне ФЗК. Можно высказать предположение: большевики, учитывая озлобленность рабочих, сознательно шли на это ограничение (торможение карательных инициатив снизу), поскольку не хотели дать повод для спонтанных политических выступлений. В этом случае самосуды выступают, по-видимому, как реальная опасность целостности профсоюзов — способ их разложения изнутри.

Как заявляли чиновники ВЦСПС, формально зафиксированные нормы — слишком мягкие: «рабочие сами требовали применения более суровых наказаний». В этом контексте заслуживают специального внимания такие институты внесудебного контроля, как *третейские суды*. Обращение к их решениям рисует картину морального разложения профсоюзов (хищения и пьянство, нарушения дисциплины), произвол (дурное поведение «жертв революции», сутяжничество), различные формы хамства и хулиганского поведения администраторов, демагогию аргументов (например, апелляции алкоголиков к своей партийности и революционному прошлому), а также ограниченность воздействия (стандартная итоговая формула — «будут приняты меры»). Основным паллиативом выступает идея «повышения культуры масс» через систему профобразования, профсоюзной и партийной печати, лекторской деятельности. В дальнейшем, их дополняют и сменяют *дисциплинарные товарищеские суды*. Они были созданы декретом СНК (от 14 ноября 1919 г.) с обширной компетенцией (имели право направить осужденных в концентрационный лагерь). Затем (декрет СНК от 5 апреля 1921 г.) она была еще больше расширена (включив такие деяния, как хулиганство, грубость во время работы, самовольное оставление и отказ от работы, мелкое присвоение и мелкие злоупотребления).

Коллективное принуждение как механизм репрессивных практик

Ясно, что эффект репрессивных практик был неодинаков в профсоюзах различного профиля. Он был наиболее заметен в крупных столичных союзах — на национализированных предприятиях, непосредственно связанных с промышленным и военным производ-

ством. Менее выражен он был в географически отдаленных регионах (малых городах) или союзах, допускавших «творческую свободу» (служащих, инженеров, учителей, писателей, артистов, художников и вообще представителей богемы), а также сохранявшихся короткое время профсоюзов маргинальных групп (например, проституток или гостиничных швейцаров), где не существовало проблемы подвижных рабочих графиков (обязательное присутствие на рабочем месте, работа в ночное время или праздничные дни). В профсоюзах служащих (или «спецов») сохранялись возможности неформального общения и дискуссий за пределами профсоюза, а степень вовлеченности рядовых членов определялась не столько «дисциплиной», сколько стремлением к творческой самореализации. Поскольку в этой среде статус профессии был традиционно высок, еще сохранялась свобода обмена информацией, разрыв между членами профсоюза и руководством был не столь велик, а главным критерием доверия служило уважение коллег, а не приказ руководства — попытки административно навязанных стандартов поведения не имели успеха. Они были реализованы лишь в последующий период путем ликвидации данных профсоюзов, интеграции их членов в более общие союзные организации с распространением на них общего идеологического и партийно-бюрократического контроля государства.

В конечном счете официально была принята военно-мобилизационная концепция профсоюзов, смысл существования которых заключался в проведении партийных установок. В этом состоял смысл известной формулы о профсоюзах как «школе коммунизма» (термин, заимствованный большевиками у К. Маркса), в отличие от другой теории (А.К. Гастева), трактовавшей профсоюзы как простую разновидность государственных учреждений и не более того. Смысл существования профсоюзов в этой системе — внутренний контроль за самими рабочими внутри коллективов по следующим параметрам: обеспечение идеологической лояльности, нормы выработки и борьба с воровством. Для этого систематически организовывались обыски рабочих на выходе с предприятий и «суды» над ними. Данная интерпретация профсоюзов вытекает из всех публичных выступлений Ленина — о задачах Советской власти, учете и контроле, организации соревнований, рабочем контроле.

Профсоюзы уже в 1918 г. выступают, таким образом, как органы коллективного принуждения и мобилизации. Инструментами этой политики служили: *перераспределение ресурсов* с участием профсоюзов (реализация хлебной монополии, реквизиций и возрождение натурального обмена); *захват и передел жилищного фонда* (изъятие домов у владельцев и «уплотнение» квартир в пользу «трудового элемента»); осуществление всеобщей *трудовой повинности* (поддержание «труддисциплины»); *учет рабсилы* (введение трудовых книжек, контроль ответственных организаторов и секретарей коллективов); *милитаризация труда* (создание трудармий, прикрепление рабочих к предприятиям, территориальные перемещения рабочей силы); *мобилизация в армию* (проведение наборов, борьба с уклонистами и дезертирами). Инструментами воздействия служили: обход советского законодательства о труде, призывы отказаться от «социалистических» ограничений в условиях чрезвычайной обстановки, нарушения по факту, отсутствие судебного контроля и произвол в этих отношениях. Особое значение имеют методы «морального принуждения» к труду в таких формах, как общественные работы, соревнования, субботники, отмена религиозных праздников, борьба с опозданиями и прогулами и другие проявления стимулирования «коллективного энтузиазма». Результатом становилась *круговая порука*, ведущая к разобщению, когда, по словам современников, «каждый видит в другом врага или шпиона». Усиление контрольно-репрессивной функции профсоюзов связано с господством культуры коллективизма, ее направленным формированием и функциональным предназначением: недемократические выборы, отчетность перед вышестоящими органами, проведение их решений в отношении к массам. Все это вело к ослаблению и отмене традиционных защитных функций.

Принятие концепции мобилизационной экономики и введение системы Тейлора [Тейлор, 1925] предполагало пресечение всех форм отклоняющегося поведения, прежде всего внутри профсоюзов. *Шкала нарушений*, рассматривавшихся комитетами, включает широкий спектр деяний — от уголовных до административных нарушений (расхищение денег из кассы, приписки, неправильное распределение продуктов, невыполнение трудовых норм, самовольные отлучки с производства под разными предлогами; недобросовестное отношение к выполнению своих обязанностей, опоздания, прогулы общественных мероприятий и лекций, непосещение профсобраний, невыполнение общественных поручений, неявка на заседания без уважительных причин, присвоение членских взносов кассирами, бездеятельность). Соответственно, *шкала наказаний* выглядит не менее диверсифицированной — от внутренних дисциплинарных взысканий за пренебрежение к комитету (санкции за непосещение пленарных заседаний профкомитета, если выяснилось, что пролетарии «стали относиться холодно к общему рабочему делу») до ареста за растрату, передачи дела в ревтрибунал, ЧК, предания суду за саботаж. Акциями саботажа признавались такие деяния, как неявка на принудительные работы или военные занятия, отказ от работы или прогулы. Наиболее частыми на производстве были следующие *санкции*: выговор, штраф, замечание, увольнение за прогул, исключение из профсоюза или его совета, отстранение членов местного комитета по решению ревизионной комиссии вышестоящего органа с немедленными перевыборами, коллективное рассмотрение доносов одних членов коллектива на других. Все эти санкции варьировались с учетом состава деяния, классового происхождения и образования (или, точнее, «темноты») злоумышленника.

Контроль над профсоюзами через партийные ячейки стал естественным выходом из ситуации. Первоначально партийным ячейкам рекомендовалось не заниматься производственными, а ограничиваться только партийными делами — не вмешиваться в хозяйственную деятельность фабричных комитетов. Правда, отмечалось, что на некоторых заводах все дела (включая производственные) решались ячейкой, а это «в корне подрывает авторитет центра». Решения о введении на предприятиях «круговой поруки» и «троек» с диктаторскими правами принимались вполне осознанно не столько по идеологическим, сколько прагматическим причинам, для предотвращения расхищений и поднятия производительности труда.

Формирование иерархических принципов «рабочей демократии»: социальная мотивация, масса и активисты

Определяющее значение для концепции рабочего самоуправления имел конфликт сторонников немедленного перехода к коммунизму (уравнительного натурального распределения как организационной меры на пути к коммунистической ликвидации товарно-денежной системы) и так называемых «индустриалистов», отстаивавших приоритет промышленного развития, необходимость сотрудничества с ведущими западными государствами, привлечение кредитов, научной организации труда, сдельной оплаты. Если для первых основная функция профсоюзов — в обеспечении коммунистического принципа равенства, контроле и перераспределении, то для вторых — представительство высококвалифицированного труда. Борьба этих позиций определяла отношение к основным темам экономики — организации производства (тейлоризм), уравнительности и хозрасчетным механизмам стимулирования труда (сдельные формы оплаты труда), формам нормирования труда (тарифная политика), квалифицированному персоналу («спецы») и партийным привилегиям («партмаксимум»). Этот конфликт «идеологов» и «прагматиков» достиг кульминации в решении проблемы мотивации — революционной экзальтации, принуждения или экономических стимулов.

Вопрос о соотношении демократии и принуждения в профсоюзах требует отдельного обсуждения и уточнения. Если бы от масс требовалось принесение только таких жертв, на которые они были способны пойти добровольно, вопрос снимался бы сам собой. Размеры этой способности определяются: 1) революционной «жертвенной» традицией; 2) привычкой к определенному уровню жизни; 3) культурным уровнем. Масса, однако, не была однородной, ее следует дифференцировать. Значительный ее слой соглашался на требуемые жертвы, составив массовую базу будущей сталинской диктатуры. В рамках теории «рабочей демократии» это ставит ряд вопросов: 1) возможно ли было распространить право демократического контроля на этот слой? 2) стоила ли игра свеч? 3) какова альтернатива этому пути? Исторически до определенного момента активисты верили в необходимость и возможность эффективного демократического контроля над государственным аппаратом, рассматривали такое широкое участие масс в управлении государством, интерпретировали отчетность как противоядие бюрократизации. Введение системы жертв, на которые масса добровольно не пошла бы, влекло за собой обращение к методам принуждения, что означало сворачивание демократии на производстве.

Фактором ослабления «рабочей демократии» становится укрепление единой идеологии профсоюзов, ведущее, с одной стороны, к преодолению фракционности, с другой — к уменьшению влияния членов союза на его принципы. Рост пассивности рядовых членов профсоюза прямо коррелирует с усложнением структуры и бюрократизацией. Наглядное проявление отказа от плюрализма — затухание спонтанных дискуссий, придание им идеологизированного и «дисциплинированного» характера (под контролем руководства), регламентация их проведения (от определения выносимых на них вопросов до процедур голосования и подсчета голосов). В условиях «военного коммунизма» спонтанные дискуссии как способ «воспитания» масс были отвергнуты ввиду угрозы для лидеров потерять даже ту непрочную поддержку масс, которой они временно добились на волне захвата предприятий. Призывы к трудовому энтузиазму плохо работали в условиях растущей регламентации, контроля и принуждения к труду.

Оправданность диктата элиты над массой стала принятой программой действий, но это не решало вопроса о том, как совместить диктат с демократическим контролем над элитой, как предотвратить отчуждение элиты от интересов массы? Этот процесс сворачивания «рабочей демократии», фиксировавшийся разными группами внутрипартийной оппозиции (прежде всего, «рабочая оппозиция», «децисты» и «левые коммунисты»), носил постепенный характер, выглядел на практике как конкуренция «рабочих инициатив» различного типа. Вопрос о «бескорыстии» инициативы быстро уступал место выяснению корысти (в виде материальных интересов отдельных профсоюзов, их руководящих групп и лидеров). Уже в этот период корыстный интерес представлен как значимый фактор мотивации на всех уровнях («взятка» профадминистратору, приоритетное участие в разделе сырья, топлива или продуктов). Внешним выражением данной тенденции, зафиксированной источниками, стало формирование особого стиля жизни новой профсоюзной олигархии. Профактивист нового типа, по словам современников, «производит впечатление барина и сибарита», его характеризует «недостаточная выдержанность» и вообще «презрительное отношение к организации». Характерны «склоки внутри руководства профгруппами», «проклятия по адресу революционеров-большевиков со стороны рабочей аудитории», проявления показного энтузиазма, цинизма и грубости профлидеров. Осуждение профадминистрации рабочими получило вполне зримый характер: «на кой черт мы будем приглашать членов правления союза, — говорили рядовые члены, — когда там сидят саботажники и из-за них-то мы теперь и страдаем»; нам необходимы не «трехрублевые подачки, а нужна работа». И заявляли: «Вас, проклятых, надо расстреливать».

Стремление профсоюзной олигархии сохранить добытые позиции вынуждает ее прибегнуть к ответным мерам — разделить членов союза по степени лояльности, выделив

особую привилегированную группу активистов (даже клана, с использованием коррупции, родственных отношений и политического шантажа); создать механизмы обеспечения собственных перевыборов (т.е. ввести систему манипулирования профсобраниями); закрепить перманентное участие в политической системе профсоюза (добившись поддержки его руководящих инстанций или правящей партии). В этой системе наиболее востребованными качествами лидера становятся уже не «чувство долга» или профессиональная компетентность, но «изворотливость» и «мимикрия», т.е. способность гибкого реагирования на изменение внешних условий и возможность упреждающего выбора линии поведения в отношении поступающих противоречивых политических установок. Случаи добровольной отставки профсоюзных лидеров в силу их расхождения с линией партии в данный период еще имели место, но были скорее единичными.

Генезис советской профбюрократии

Тенденции к бюрократизации профсоюзов шли по двум направлениям — снизу–вверх (путем коллективного принятия ограничительных уставных требований, классовой селекции состава и дисциплинарных обязательств) и сверху–вниз — через объединение, установление иерархии, манипулирование, формирование аппарата и чистки. Введение организационного единообразия и унификации осуществлялось путем принятия новых уставов, выстраивания иерархической структуры съездов, конференций и делегатских собраний; жесткого разделения компетенции высших (отраслевых) органов и низших, поглощения областных профцентров (где были представлены позиции меньшевистско-эсеровской оппозиции). Направленные манипуляции профсоюзами в данное время только осваивали соответствующие технологии. Фракционные группы постепенно лишались представительства в центральных органах профсоюзов, для чего использовались такие инструменты, как право отзыва, отчетность высших организаций перед низшими, отчетность функционеров перед избирателями, вообще манипуляции представительными институтами.

В результате профбюрократия становится слоем, обособленным от остальных рядовых членов профсоюза, получает возможность направленного воздействия на выборы и определение политики профдвижения. Эти тенденции, раскрытые на материале профдвижения разных стран в XX в., стали основанием для вывода: «Чем более бюрократизирована организация, тем меньше возможности у ее членов влиять на ее политику» [Линсет 2015, с. 430]. Эти универсальные социологические закономерности наиболее четко проявились в организации советских профсоюзов — создании привилегированного и оплачиваемого государством слоя профсоюзной бюрократии, абсолютно лояльного партийному руководству. Однако этот вывод, вполне очевидный применительно к советским профсоюзам в целом, до сих пор оспаривается теми исследователями, которые склонны противопоставлять «демократический» период их деятельности и последующее бюрократическое «перерождение» (начиная с 20-х гг. XX в.) [Pirani, 2008].

Проведенное исследование позволяет переосмыслить этот тезис, указав на факторы, которые вели к бюрократизации профсоюзов в начальный период их формирования. Уже на этой стадии появляется институт «освобожденных профработников» — эмбриона советской профбюрократии. Возникновение данного института, конечно, облегчалось общими условиями формирования однопартийной диктатуры — установлением монополии на финансирование профсоюзной деятельности (определение формы финансирования); информацией (печатные органы, их редакции и порядок назначения их съездом); идеологический контроль — разделение профсоюзных активистов по партийной принадлежности на просоветских и иных (анархисты, интернационалисты, меньшевики, эсеры). Но его появление едва ли стало изобретением большевиков, а подчинялось, скорее общей логике формализации иерархии в профсоюзных структурах.

Первоначальная организационная аморфность сменяется централизацией, носителем которой становится аппарат, готовивший съезды и собрания, расширяя собственную компетенцию и усмотрение, связанное с использованием делегированных полномочий (секретариат, соотношение высших и низших органов, подбор кадров, делопроизводство, рутинная работа). В результате, констатировали современники уже в 1918 г., «коммунисты пассивны, дискуссий нет, инициатива исходит только сверху», получается «полная мертвечина». Качественным проявлением этой тенденции становится формирование особого слоя — *инструкторов*, сочетавшего традиционные функции профадминистратора с политическими. Вопрос, однако, состоит в том, до какой степени слой инструкторов (наемный, а не выборный аппарат) мог влиять на политику. Прямых сведений в источниках нет, но гипотетически селекция подбора их состава по политическим параметрам не исключала этой роли: если инструкторы и не делали политики, то теоретически могли делать. Во всяком случае, большевики понимали: удобнее иметь аппарат, которому политически доверяешь. И кроме того, зачем в условиях непреодоленного конфликта с оппозиционными партиями открывать своим политическим противникам лишний канал влияния на массы? Сегодня, считали они, данный деятель — инструктор, а завтра его выберут в правительство. С позиций традиционной профдемократии это недемократическое соображение, которое не озвучивалось на конференциях. У массы еще слишком сильны были демократические «предрассудки», убеждение, что аппарат должен подбираться в первую очередь по деловым качествам (а не по политической лояльности). Большевики осознавали, что на данном этапе не следовало шокировать демократические чувства массы чересчур лобовыми формами воздействия в свою поддержку. В дело вступал их тактический макиавеллизм.

Особенно четко эти механизмы представлены на уровне низовых профорганизаций. Секции «Всеросспрофа» ранее создавались при обкомах профсоюзов, включая интеграцию национальных элементов, низших служащих и других обособленных категорий. Структура и организация секций допускала межсекционные координирующие органы. Следствием становился сепаратизм низших профорганизаций по отношению к высшим. Это объясняет их слияние в государственных, кооперативных и частных предприятиях. Общие собрания, утратив связь с реальностью, характеризуются растущим абсентеизмом (о чем свидетельствуют постоянно упоминаемые меры борьбы с ним: принуждение, штрафы, исключение и проч.). Низшей ячейкой союза являются рабочие комитеты.

Регламентация затронула самый низкий уровень Райотдела профсоюза — его собрания (конференции), комитеты, порядки деятельности. Формами воздействия на него служили: направленное формирование состава (при помощи вышестоящих организаций); санкции большинства против меньшинства членов; ревизии (вскрывавшие растраты денег и другие злоупотребления, сопровождавшиеся различными «оргвыводами»); определение регламента собраний и круга решаемых вопросов, возможность слияния одних райотделов с другими; наконец, роспуск низовых профорганизаций вышестоящими. Пересмотр моделей профорганизаций вышестоящими организациями — важнейший механизм смены руководства, позволяющий отстранить неудобного (оппозиционного) лидера по формальной причине укрупнения или разукрупнения соответствующего союза.

Массы и лидеры

Масштабные проекты социального конструктивизма всегда ставят проблему соотношения инерции и динамики, массы и лидеров. В условиях хаотичной революционной «самоорганизации» общества теоретическая возможность инициативы масс (в целом инертных) уступает место инициативе лидеров. В профсоюзах (как любых выборных институтах) уровень этих инициатив различается в зависимости от сферы деятельности, от органа само-

управления, от времени выдвижения инициативы. Общая тенденция — смена абстрактных идеологических постулатов реальными интересами, доктринёров — практиками.

Социальный статус профсоюзных лидеров имеет двойную легитимность — выборы и поддержка вышестоящей организацией. В период революционного переворота данный статус определялся доверием рабочих, основанном на «социальной близости» лидера, презумпции его компетентности в разрешении производственных проблем и демагогических способностях. В условиях низкого образования или полной неграмотности основной массы рабочих критерием выбора служили элементарная грамотность и выраженная позиция. Этим объясняется привлечение лидеров как из рабочих, так и из нерабочих профессий, представлявших различные левые партии (как правило, это были меньшевики, эсеры и большевики). С укрупнением и иерархизацией профсоюзов возникает естественная тенденция к обособлению функционеров от основной массы членов профсоюзов. Этот процесс определяется логикой отделения управления от производства, умственного труда от физического, наделением функционеров более высоким статусом, исходя из масштаба и круга решаемых задач.

Природа данной тенденции — в растущем приоритете эффективности решений. Стремление к быстрому достижению результата (например, повышение производительности труда) вынуждает отказаться от институтов и процедур «рабочей демократии», несмотря на декларации о необходимости ее соблюдения и расширения. Именно в 1918 г. с началом Гражданской войны происходит радикальный пересмотр утопических представлений о соотношении коллектива и лидеров в профдвижении. Проведение национализации и введение рабочего контроля как чрезвычайного метода управления предприятиями ставят под сомнение способность самих рабочих принимать эффективные решения. Экспроприация предприятий рабочими профсоюзами выдвигала на первое место лидеров последних, руководителей фабричных комитетов, борющихся с предпринимателями за влияние на массы — дельцов, способных осуществить захват заводов, перераспределение ресурсов и поддержание контроля над производством. Формальное руководство профсоюзов сменяется властью ФЗК, а последних — реальным господством чрезвычайных органов («пятерок», «троек»), решения которых проводятся в рабочей среде с помощью «профактива» и «инструкторов».

Карательные меры также ведут к централизации управления массами. Этот вывод подтверждается в условиях любой гражданской войны: если уж решено карать, то не следует слушать каких-либо оправданий. Проведение карательных мер в отношении рабочей массы имеет как непосредственный (принуждение к труду, репрессивные меры администрации за невыполнение задания, угроза увольнения и т.д.), так и опосредованный характер (разработка санкций коллективного осуждения за девиантное поведение и проявления индивидуализма, в частности, различными судами «революционной совести» — самосуды, третейские суды, товарищеские суды).

Колебания масс очень симптоматичны: здесь влияет традиция, недостаток образования (если не отсутствие последнего), пережитки рабской психологии, «классовый эгоизм», т.е. жадное стремление получить краткосрочные выгоды от дележа собственности (захваченных квартир, хлеба, топлива) без анализа общих последствий. В центре этого процесса неизбежно оказывается фигура профсоюзного лидера-демагога, способного увлечь одну часть коллектива немедленными выгодами, другую — обещанием благ в будущем, третью — угрозами и репрессиями за отказ конформистски следовать за «волей большинства». Идеальным типом такого волевого лидера на низовом уровне является известный литературный персонаж М.А. Булгакова — Швондер, интуитивно осознающий границы возможного использования этих инструментов. Эта «воля» в значительной степени конструируется самими лидерами, легитимируется их ближайшим окружением и представляет концентрированное выражение их позиции в условиях конфликта со старой администрацией. Для масс это настоящий «урок опытом».

Проблема соотношения масс и лидеров усложняется в нестабильной системе: в ситуации неинституционализированной демократии (т.е. социального хаоса или охлократии)

вероятность обращения руководства к авторитарным методам возрастает. Какими ресурсами располагали лидеры профсоюзов для овладения массой, как соотносится в их действиях принуждение и поощрение рабочих к лояльному поведению? В начальный период обращение к прямому принуждению еще не существовало в тех масштабах, которые появились позднее. Воздействие угрозой не имеет смысла в ситуации борьбы за колеблющуюся массу: лидер не рассчитывает на активную поддержку, опираясь в лучшем случае на пассивность массы. В ситуации отсутствия безусловной поддержки укрепление власти лидера возможно лишь при нейтрализации оппонентов — сворачивании дискуссий по острым и неудобным темам. Использование «Плети» — сначала было единичным. Однако источники выявляют предпосылки для появления и распространения таких единичных случаев, применение которых вскоре превратилось из исключительной меры в широкую практику советских профсоюзов. Спротивление масс администрированию лидеров выразилось в оппонировании низов верхам — от общего собрания до ЦК профсоюза или даже ВЦСПС. Здесь состав и борьба оппозиционных органов действительно отражает «давление масс». Реакция лидеров на подобное давление зависела от предмета разногласия и имела различные формы — от общего убеждения вплоть до угрозы популярного лидера подать в отставку (реальной или мнимой).

Все эти факторы определяют смену «рабочей демократии» — новой формой авторитарного лидерства, коллективизма — принципом «демократического централизма», а последнего — выстраиванием новой профсоюзной бюрократии, связанной с «демократией» только внешними формами легитимации принимаемых решений. Это была такая эволюция форм «профдемократии», которая мало чем отличалась от логики традиционного западного тред-юнионизма, против которого выступали большевики, — идеологии, ограничивающей политическое участие профсоюзов, сводящей его к решению технических вопросов и легитимирующей олигархическое руководство. Отличие советских профсоюзов состояло лишь в том, что они довели эту логику до конца, превратив союзы в мобилизационные институты, действующие под контролем лидеров, навязанных новой властью.

Красные мечты и серые будни «рабочей демократии»

«Политическая индифферентность» существовала некоторое время по инерции — основывалась на традиционном представлении о профсоюзе как защитнике интересов рабочих (а не приводном ремне для повышения производительности труда). Демократические иллюзии порождали недооценку возможностей, которыми располагала правящая партия. В ходе разных съездов, в том числе чрезвычайных и экстренных, принятия новых уставов и унификации законодательства, бюрократия возобладала над профсоюзами. Одновременно профсоюзы с их разветвленной системой регистрации и слежки выполняли функции контроля, цензуры, идеологической обработки «трудового» населения. Они создавали атмосферу фальшивого энтузиазма, соревнования или даже некоторой конфликтности по вопросам, не затрагивавшим основы господства партии.

Поскольку профсоюзы были тесно связаны с партией, группировки в последней стремились повернуть их на свою сторону: поэтому в первые годы большевистского режима бывали ситуации, когда профсоюзы под воздействием оппозиционных «дезорганизаторских элементов» выражали недоверие вышестоящим организациям. В их деятельности усматривалось стремление повлиять на «несознательную часть пролетариата», используя дефекты и ошибки формирующегося коммунального социализма. Были ситуации ухода отдельных групп с профсоюзных конференций и собраний и даже случаи добровольного выхода из руководящих органов по идейным соображениям. Вся эта активность, однако, инициировалась не столько профсоюзами, сколько внешними силами — партийными

фракциями, и прекратилась с середины 1920-х гг. в связи с выстраиванием жесткой властной вертикали ВЦСПС. Постепенно приходит «упадок энергии и интереса к общественной сознательной жизни».

В дискуссиях данного периода представлена критика бюрократизации профсоюзов и отмечены ее основные параметры: вырождение демократии в централизм и милитаризованные формы работы; проявления бюрократизма, самодурства, казенщины и мелочной опеки над профсоюзами. Оппоненты большевиков (например, «рабочая оппозиция») выступают против централизации и ограничения автономии профсоюзов, их сторонники, напротив, говорят о недопустимости автономного существования местных союзов, что ведет к разнобою в тарифной политике и других хозяйственных делах, необходимости жестких мер, вплоть до расстрела «вредителей» и «саботажников». Но эта критика выдавала желаемый утопический идеал «рабочего самоуправления» за действительность, которая исключала спонтанное выражение интересов «трудящихся» поверх воли их лидеров.

Качественное обособление профбюрократии закрепляется особым местом в иерархии, статусом и властью — возможностью перераспределения ресурсов (это не только зарплата, но и фиксация трудовых обязательств, продуктов, жилья, дров и т.п. жизненно-важных благ между членами профсоюза). Решающим критерием статуса «освобожденного профработника» становятся не выборы, но поддержка иерархических институтов. Появилось и утвердилось представление, согласно которому «работа члена правления профсоюза направлена не только в сторону классовых интересов рабочих масс, но и, главное, в сторону государственного и социалистического строительства, должна быть оплачена из средств правительства, а не союза».

Выработался особый отвратительный слой профбюрократии, ведавшей распределением ресурсов, которые, при всей их убогости, были огромной привилегией в голодной стране (как кусок конины в осажденной крепости). Сюда относятся и особые магазины для членов профсоюза, которые не были прямым аналогом закрытых партийных распределителей, но, по сути, выполняли функцию подкорма профактива (особенно с учетом голода в стране). Сюда относятся и курортные услуги, право пользования которыми также теоретически было открыто для всех, но по факту реализовалось для лояльной части работников, в основном формирующейся советской рабочей аристократии — передовиков, активистов и прочих эмбриональных групп формирующейся низшей номенклатуры. С огосударствлением промышленности и проведением милитаризации производства слой функционеров приобретает особый круг задач по непосредственному контролю на производстве, что ведет к обособлению руководящего слоя, начавшего претендовать на монополизацию управленческих функций.

* * *

Вопреки распространенному представлению, большевики не инициировали процесс бюрократизации профсоюзов, но возглавили и использовали его естественное развитие, добившись превращения профсоюзов в послушное орудие своей политики. Логика этой эволюции (почти в биологическом смысле) коренится в природе профсоюзов как формальных организаций. Оригинальность большевистской трактовки профсоюзов (как «школы коммунизма») состоит лишь в осознанном стремлении сделать их орудием принуждения и подавления, мобилизации и несвободного труда. В этом решении заключалось все коварство большевизма — подмена подлинных целей профдвижения мнимыми (при сохранении привычных названий институтов). Эксперимент «рабочей демократии» в России 1918 г. наглядно продемонстрировал утопический характер анархо-синдикалистских представлений о возможности истинного народного самоуправления за пределами традиционного административного государства, настоящей гарантией от произвола бюрократии в котором может служить только его правовой характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Венедиктов А.В.* (1957). Организация государственной промышленности в СССР. Т. 1 (1917–1920). Л.: ЛГУ.
- Виноградов В.А.* (1983). Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. — М.: Наука.
- Гарви П.А.* (1958). Профсоюзы в России (1917–1921). — Нью-Йорк: Фонд по изданию литературного наследия П.А. Гарви.
- Гимпельсон Е.Г.* (1974). Советский рабочий класс 1918–1920 гг. Социально-политические измерения. — М.: Наука.
- Городецкий Е.Н.* (1987). Рождение советского государства 1917–1918. — М.: Наука.
- Далин Д.* (1922). После войн и революций. — Берлин: Обелиск.
- Загорский С.* (1925). Рабочий вопрос в Советской России. — Прага: Свободная Россия.
- Игнатенко Т.А.* (1971). Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР (1917–1967 гг.). — М.: Наука.
- Крицман Л.* (1924). Героический период Великой русской революции (опыт анализа так называемого «военного коммунизма»). — М.: Госиздат.
- Ларин Ю.* (1920). Очерки хозяйственного развития советской России. — М.: Госиздат.
- Липсет С.М.* (2015). Политические процессы в профсоюзах // С.М. Липсет. Политический человек. Социальные основания политики. — М.: Мысль. Гл. 12. С. 423–470.
- Лозовский А.* (С.А. Дридзо) (1918). Рабочий контроль. — Петроград.
- Ломов А.* (1918). Разложение капитализма и организация коммунизма. — М.: Редакционно-издательский отдел ВСНХ.
- Медушевский А.Н.* (2017). Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. — М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Медушевский А.Н.* (2019). Государство-Коммуна: Эксперимент рабочей демократии в России 1918 г. и причины его крушения // Мир России. № 2. С. 63–83.
- Милюков П.Н.* (1921). История второй русской революции. — София: Российско-болгарское книгоиздательство. Т. 1. Вып. 1–3.
- Милютин В.П.* (1918). Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914–1918). М.: Госиздат.
- Осинский Н.* (В.В. Оболенский). (1918). Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. — М.: Госиздат.
- Панкратова А.М.* (1954). История профсоюзного движения в СССР. — М.: Профиздат.
- Прокопович С.Н.* (1923). Очерки хозяйства Советской России. — Берлин: Обелиск.
- Рогачевская Л.С.* (1973). Ликвидация безработицы в СССР 1917–1930. — М.: Наука.
- Рожков Н.* (1926). Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). — М.-Л.: Книга. Т. 12.
- Солженицын А.И., Бернштам М.С.* (1981). Независимое рабочее движение в 1918 г.: Документы. — Париж: IMCA-PRESS.
- Струве П.* (1921). Размышления о русской революции. — София: Российско-болгарское книгоиздательство.
- Суханов Н.* (1923). Записки о революции. — Берлин-Петербург-Москва: Изд. 3. И. Гржебина.
- Тейлор Ф.У.* (1925). Научная организация труда. — М.: НКПС.
- Фин Я.* (1922). Фабрично-заводские комитеты в России. — М.: ВЦСПС.
- Цытерович Г.* (1921). Рабочий контроль и фабрично-заводские комитеты: Речи и резолюции 1-го Международного конгресса Профинтерна. — М.: Отдел печати Профинтерна.
- Чураков Д.О.* (2007). Бунтующие пролетарии: рабочий протест в советской России (1917–1930-е гг.). — М.: Вече.
- Шарапов Г.В.* (Изд.) (1977). История профсоюзов в СССР. — М.: Профиздат.
- Avrich P.H.* The Bolshevik Revolution and Worker's Control in Russian Industry // Slavic Review. No. 3. Pp. 48–60.
- Brinton M.* (1970). The Bolsheviks and Worker's Control 1917 to 1921. The State and Counter-revolution. — London: Black Rose.
- Brüggmann U.* (1972). Die russische Gewerkschaften in Revolution und Bürgerkrieg 1917–1919. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt.
- Carr E.H.* (1985). The Bolshevik Revolution, 1917–1923. — New York: W.W. Norton and Company. Vol. 2.
- Conquest R.* (1967). Industrial Workers in the USSR. — London: Bodley Head.
- Dunn R.W.* (1928). Soviet Trade Unions. — New York: Vanguard.
- Kaplan F.* (1968). Bolshevik Ideology and the Ethics of Soviet Labor, 1917–20. — N.Y.: Philosophical Library.
- Koch W.* (1932). Die bolschevistischen Gewerkschaften. Eine herrschaftssoziologische Studie. — Jena: Gustav Fischer.
- Michels R.* (1989). Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. — Stuttgart.
- Pirani S.* (2008). The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite. — London: Routledge.
- Sorenson J.B.* (1969). The Life and Death of Soviet Tradeunionism. 1917–1928. — N.Y.: Atherton Press.

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrey Medushevsky

Doctor of sciences (Philosophy), tenured professor at the National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow. amedushevsky@mail.ru

**DEMOCRATIC AND OLIGARCHIC TRENDS IN THE BOLSHEVIST REVOLUTION:
THE GENESIS OF THE SOVIET LABOR OFFICE**

Abstract. Contemporary left critics of the traditional “bureaucratic state” thinks that an alternative should be find in technologically new form of the direct, intermediate and interactive mass democracy, based on syndicalist principles. One of its historical implementation is the experiment of Labor Democracy, probably realized in the early period of Russian revolution and later stopped by the establishment of one-party dictatorship. It is worthy to know how this statement conciliate with historical reality. The methodological strategy of this study — the sociological theory of formal organizations — provides the possibility to reconstruct the process of trade union’s institution-alization under the influence of internal and external social impulses. The internal logic of this reconstruction involves a group of factors. Among them - ideological grounds of the Soviet Labor Democracy system; protracted and real role of unions in the production, distribution and administration of nationalized property; the dynamic of organization in process of unification and decentralization of unions; their interaction on different levels of competence; information channels; criteria of membership and cleanings, variety of conflicts; the formation of a new hierarchy. The external factors under consideration are : the deep transformation of Labor unions social functions in the situation of economic collapse, Civil War, their role in the mass protest and mobilization, contradictory communications with Bolshevik party authorities. Taking into consideration all these factors, the author tries to explain how the “authentic” model of Labor State paved the way to the formation of an embryo of a new worker’s bureaucracy.

Keywords: *Russian revolution, Labor Democracy, syndicalism, equality, hierarchy, formal organizations, trade-unions, social protest, oligarchic trends, leadership, bureaucracy.*

JEL: A10, J00, J50, N30.

REFERENCES

- Avrich P.H. (1963). The Bolshevik Revolution and Worker’s Control in Russian Industry // *Slavic Review*. No 3. Pp. 48–60.
- Brinton M. (1970). *The Bolsheviks and Worker’s Control 1917 to 1921. The State and Counter-revolution*. — London: Black Rose.
- Brüggemann U. (1972). *Die russische Gewerkschaften in Revolution und Bürgerkrieg 1917–1919*. — Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt.
- Carr E.H. (1985). *The Bolshevik Revolution, 1917–1923*. Vol. 2. New York: W.W. Norton and Company.
- Churakov D.O. (2007). *Buntujuschie proletarii: rabochii protest v sovetskoi Rossii (1917–1930)* [Rebellious Proletariat: The Worker’s Protest in Soviet Russia (1917–1930)]. — M.: Veche. (In Russ.).
- Conquest R. (1967). *Industrial Workers in the USSR*. — London: Bodley Head.
- Dalín D. (1922). *Posle vojn i revolutsii* [After Wars and Revolutions]. — Berlin: Obelisk. (In Russ.).
- Dunn R.W. (1928). *Soviet Trade Unions*. — New York: Vanguard.
- Fin Ya. (1922). *Fabrichno-zavodskie komitety v Rossii*. [The Worker’s Fabric Comities in Russia]. — Moscow: VCSPS. (In Russ.).
- Garvi P.A. (1958). *Profsoyuzy v Rossii (1917–1921)* [Thade Unions in Russia (1917–1921)]. — New-York: Fond po izdaniyu literaturnogo naslediya P.A. Garvi. (In Russ.).
- Gimpelson E.G. (1974). *Sovetskii rabochii klass, 1918–1920 zz. Socialno-politicheskie izmerenya* [The Soviet Working Class, 1918–1920. The Socio-political Dimensions]. — Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Gorodetskii E.Kh. (1987). *Rozhdenie sovetskogo gosydarstva, 1917–1918* [The Birth of the Soviet State]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Ignatenko T.A. (1971). *Sovetskaya istoriografiya rabocheho kontrolya I natsionalisatsii promyshlennosti v SSSR (1917–1967 zz.)* [The Soviet Historiography of the Worker’s Control and Nationalization of Industry in USSR, 1917–1967]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Kaplan F. (1968). *Bolshevik Ideology and the Ethics of Soviet Labor, 1917–20*. — New York: Philosophical Library.
- Koch W. (1932). *Die bolschevistischen Gewerkschaften. Eine herrschaftssoziologische Studie*. — Jena: Gustav Fischer.
- Kritsman L. (1924). *Geroicheskii period velikoi russkoi revolutsii (opyt analiza tak nazyvaemogo “voennogo kommunizma”)* [The Heroic Period of the Great Russian Revolution (an Experience in Investigation of the so-called “Military Communism”)]. — M.: Gosizdat. (In Russ.).

- Larin Yu. (1920). *Ocherki khozyaistvennogo razvitiya Sovetskoi Rossii* [The Survey of Soviet Economy Development]. — M.: Gosizdat. (In Russ.).
- Lipset S.M. (2015). *Politicheskie protsessy v profsoyusach* [Political processes in Trade Unions] // Lipset S.M. *Politicheskii chelovek. Sotsialnye osnovaniya politiki* [Political Man. Social Grounds of Politics]. — M.: Mysl. Pp. 423–470. (In Russ.).
- Lozovskiy A. (S.A. Dridzo) (1918). *Rabochiy Kontrol'* [The Worker's Control]. — Petrograd. (In Russ.).
- Lomov A. (1918). *Razlozhenie kapitalizma i organizatsia komunizma* [The Destruction of Capitalism and the Organization of Communism]. — Moscow: VSNH. (In Russ.).
- Medushevskii A. N. (2017). *Politicheskaya istoriya russkoi revoliutsii: normy, instituty, formy sotsialnoi mobilizatsii v XX veke* [Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutes, Forms of the Social Mobilization in XX Century]. — Moscow-Petersburg: Zentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russ.).
- Michels R. (1989). *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens.* — Stuttgart. (Deutsch).
- Miliutin V.P. (1918). *Sovremennoe ekonomicheskoe razvitie Rossii i diktatura proletariata (1914–1918)*. [The Contemporary Economic Development of Russia and the Dictatorship of Proletariat, 1914–1918]. — M.: Gosizdat. (In Russ.).
- Milyukov P.N. (1921). *Istoriya vtoroy russkoi revoliutsii*. T. 1. [The History of the Second Russian Revolution/ Vol. 1]. — Sofia: Russko-bolgarskoe knigoizdatelstvo. (In Russ.).
- Osinskii N. (V.V. Obolenskii) (1918). *Stroitel'stvo sotsializma. Obschie zadachi. Organizatsia proizvodstva* [The Building of Socialism. General Targets. Organization of Production]. — M.: Gosizdat. (In Russ.).
- Pankratova A.M. (1954). *Istoriya profsoyuznogo dvizheniya v SSSR* [The History of Trade Unions Movement in USSR]. — M.: Profizdat. (In Russ.).
- Pirani S. (2008). *The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite.* — London: Routledge.
- Prokopovich S.N. (1923). *Ocherki khozyaistva Sovetskoi Rossii* [The Survey of Soviet Economy System]. — Berlin: Obelisk. (In Russ.).
- Rogachevskaya L.S. (1973). *Likvidatsiya bezrabotitsy v SSSR 1917–1930* [The liquidation of Unemployment in USSR 1917–1930]. — Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Rozhkov N. (1926). *Russkaya istoria v sravnitel'no-istoricheskom izlozhenii (Osnovy socialoi dinamiki)*. T.12 [Russian History in Comparative-historical Explanation (The Grounds of the Social Dynamic) Vol. 12]. — Moscow-Leningrad: Kniga. (In Russ.).
- Sharapov G.V. (1977). *Istoriya profsoyuzov v SSSR* [The History of Trade Unions in USSR]. — Moscow: Profizdat. (In Russ.).
- Solzhenitsin A.I., Bernstam M.S. (1981). *Nezavisimoe rabochee dvizhenie v 1918 g. Dokumenty* [The Independent Worker's Movement in 1918. Documents]. — Paris: IMCA-PRESS. (In Russ.).
- Sorenson J.B. (1969). *The Life and Death of Soviet Tradeunionism. 1917–1928.* — New York: Atherton Press.
- Struve P. (1921). *Razmyshleniya o russkoi revoliutsii* [Reflections on Russian Revolution]. — Sofia: Russko-bolgarskoe knigoizdatelstvo. (In Russ.).
- Sukhanov N. (1923). *Zapiski o revoliutsii* [Notes on Revolution]. — Berlin-Petersburg-Moscow: Z.I. Grzebin. (In Russ.).
- Taylor F. (1925). *Nauchnaya organizatsiya truda* [The Scientific Organization of Labor]. — Moscow: NKPS. (In Russ.).
- Tsiperovich G. (1921). *Rabochii kontrol' I fabrichno-zavodskie komitety (rechi I rezoliuzii 1-go Mezhdunarodnogo kongressa Profintern)* [The Worker's Control and Fabric Comities (Speeches and Resolutions of the 1-st International Congress of Profintern)]. — Moscow: Profintern. (In Russ.).
- Venediktov A.V. (1957). *Organizatsia gosudarstvennoy promyshlennosti v SSSR T. 1 (1917–1920)* [The Organization of State Industry in the USSR V.1 (1917–1920)]. — Leningrad: LGU. (In Russ.).
- Vinogradov V.A. (1983). *Rabochii kontrol' nad proizvodstvom: teoriya, istoriya, sovremennost* [The Worker's Control over Production: Theory, History, Contemporary Situation]. — Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Zagorskii S. (1925). *Rabochiy vopros v Sovetskoi Rossii* [The Worker's Question in Soviet Russia]. — Praha: Svobodnaya Rossiya. (In Russ.).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Оболонский

*д.ю.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ПЕРИОДА ТРАНЗИТА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В статье подробно рассматривается значение субъективного, человеческого, фактора в управлении в переходный период на основе интегрирования нескольких исследовательских подходов. Отталкиваясь от классических текстов Аристотеля, А. Смита, Т. Гоббса, Л. фон Мизеса, автор проанализировал работы ряда ведущих современных экономистов и политологов — Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсона, Ч. Кукатаса, Д. Лала, Ф. Фукуямы и др. — с позиций значимости в их концепциях роли субъективных — ценностных и иных человеческих, внеинституциональных — аспектов управления и показал, что каждый из них считает её весьма существенной. Особое внимание уделено принадлежащей Д. Макклоски концепции гуманомики и её обоснованию на основе ценностных и других этических факторов, которые она называет «буржуазными добродетелями» и полагает их наличие необходимым условием экономического и социального прогресса. В целом проведённый аналитический обзор подтверждает ограниченность модели «экономического человека» с точки зрения современной либеральной парадигмы, а также признание важности, а иногда и определяющей роли, человеческих, внеинституциональных факторов самими институционалистами. С этих позиций далее в статье системно анализируются организационные, психологические и этические проблемы российской государственной службы в постсоветские годы, включая проблему несостоявшейся люстрации. В психологическом плане рассматриваются такие издержки периода транзита, как resentment, статусные утраты и различные, в том числе незаконные, способы их компенсации. Последняя часть статьи посвящена обсуждению ряда вопросов, связанных с этикой государственных служащих разного уровня, поскольку автор, как и другие авторитеты в данной области, считает этический фактор одним из ключевых для формирования новой, отвечающей реалиям и вызовам времени, модели государственной службы.

Ключевые слова: *новый институционализм, человеческий фактор, чиновничество, государственное управление, этика, психология.*

JEL: B10, B15, B25, B50, K42.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_126_145.

Главная тема настоящей работы — *субъективный, человеческий, фактор в политико-управленческой системе*, его роль и влияние на социальную реальность, характер и мотивы принимаемых решений в экономике и в расстановке кадров. А рассмотрим мы его сначала через призму ряда уже почти классических работ современных экономистов и политологов. И разумеется, как при любом разговоре о человеческом факторе, большое место займут вопросы ценностей и вообще морали, этической мотивации выбора поведения. В первой части статьи мы взглянем на проблему в общем плане глазами ведущих современных институционалистов. Вторая же её часть посвящена обсуждению более конкретных, но тесно связанных с первой кадровых проблем российского госаппарата, а также со спецификой психологии и этики государственных служащих в период транзита.

Несколько последних десятилетий стали новым «серебряным веком» для теоретиков-экономистов. Произошел подлинный бум, породивший целый ряд претендующих на глобализм социоэкономических концепций, каждая из которых стремится объяснить качественные причины различий в состоянии и характере отношений в тех или иных обществах, предлагая различные объяснения причин бедности и богатства различных народов и множества связанных с этим факторов.

С точки зрения динамики развития научного знания в каком-то смысле возродился универсалистский (междисциплинарный в современной терминологии) дух работ А. Смита и Д. Юма, соединявших соображения и критерии экономической выгоды с моральными принципами. Ведь не случайно первая, знаменитая, книга Смита даже называется «Теория нравственных чувств». И приоритет в ней отдавался не экономическим выкладкам, не финансовым вопросам, а мотивациям людей, т.е. человеческим, в том числе моральным, факторам, а сквозными идеями книги были «принцип симпатии» и концепция морального равенства всех людей. Д. Юм, называвший себя «анатомом морали» [Юм, 1966. С. 511–517], выделял три мотива, управляющих поступками людей: интересы, привязанности и принципы. Т. Гоббс, рассуждая в близком контексте, вместо принципов предпочитал говорить о совести, считая её даже более важной мотивацией, чем страх смерти, «так как под совестью всегда понимаются ценности, считающиеся более важными, чем просто жизнь» [Гоббс, 2001. С. 150]. Что, разумеется, отнюдь не исключает разного рода компромиссов и внутренних сделок с собой, не говоря уж о предельных, пограничных ситуациях, когда на кону оказывается жизнь человека. Но за рамками чрезвычайных обстоятельств желание человека «жить в ладу со своей совестью» представляет мощный фактор, влияющий на его решения и поступки. Да, человек весьма изобретателен на поиск самооправданий, психология описывает их в категориях защитных механизмов сознания (см., например, [Первин, Джон, 2000. С. 120; Кон, 1967. С. 66] и др.). Но как раз это парадоксальным образом и подтверждает значимость моральных мотиваций.

А уже в XX в. Л. фон Мизес, как бы пародируя памятную, наверное, всем гуманитариям с советским образованием ленинскую триаду о «трёх источниках и трёх составных частях марксизма», по-своему сформулировал три источника, определяющих человеческое поведение: идеи и ценности, общественные институты, технологии. При этом он подчеркнул, что «для наук о человеческой деятельности конечной данностью являются ценностные суждения... и идеи, их порождающие» (цит. по [Заостровцев, 2014. С. 177]). Следуя этой традиции, и нынешние экономисты выходят далеко за пределы экономических рассуждений в узком смысле слова. Разумеется, роль и характер государства и управления не остаются в стороне от их построений. Правда, трактуются они в основном в институциональном плане. Мне же в данном случае представляется необходимым уделить главное внимание другой стороне вопроса — *субъективному*, человеческому, аспекту, т.е. мотивам и действиям, поведению людей, в той или иной мере выступающих от лица государственной власти, а также тем, кто по своей воле или вынужденно вступают с ними во взаимодействие.

Я хочу предложить читателю посмотреть, как выглядят реалии и приоритеты деятельности государственного аппарата, прежде всего российского, через призму некоторых аспектов теорий ведущих современных экономистов и их коллег из других близких наук: Д. Макклоски, Д. Норта и его соавторов, Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсона, Ч. Кукатаса, Д. Лала, Л. Харрисона, Ф. Фукуямы, некоторых других, а также анализ их взглядов отечественным исследователем А.П. Заостровцевым. Оценить, насколько современная политико-управленческая конструкция и парадигма пригодны для хотя бы постепенного перехода к моделям современной эффективной экономики, в частности к норттовской модели порядков открытого доступа и к гуманомике по Макклоски. Но в рамках этой общей задачи есть и ряд других, непосредственно связанных с госаппаратом и порой с непростыми человеческими проблемами работающих в нем людей, с моралью и психологией чиновничества, с целесообразностью и перспективами его кадровой очистки и т.д. Подобное интегрирование различных подходов и аспектов представляется в данном случае особенно необходимым, ибо иное — взгляд на государственные институты и работающих в них людей через «очки» какой-то одной дисциплинарной парадигмы или концепции представляется заведомо неполным.

Наш современник Аристотель

А начну, казалось бы, совсем издали — с Аристотеля, пожалуй, первого, кто развернуто описал *тесную связь политики и управления с этикой*. Однако при чтении его работ порой возникает чувство, что имеющиеся там суждения основаны на наблюдениях из жизни словно не античных полисов, а сегодняшних государств. Так, взгляд на некоторые современные политуправленческие системы, включая отечественную, заставляет вспомнить аристотелевскую классику о вырождении правильных форм правления в неправильные с сопутствующей этому политической деградацией. Поражает, насколько многие его оценки и мысли на тысячелетия предвосхитили сходные, по сути, суждения людей, близких к нам по времени, и насколько они релевантны по отношению к современным реалиям. Так, спустя 24 века, уже в XX столетии, англичанин С. Паркинсон описал сходные тенденции к вырождению уже на уровне британских бюрократических учреждений. Низкая эффективность, а порой и контрпродуктивность бюрократических систем, наиболее ярко выявляются в чрезвычайных обстоятельствах. Что драматически проявилось во многих странах, включая Россию, в час «Х», во время поразившей нас вместе со всем миром пандемии коронавируса. И во всех них, наряду с институциональными моментами, немалую роль сыграл именно *этический фактор*, в конечном счете во многом определявший как характер принимавшихся решений, так и их исполнение на бюрократическом уровне.

Этические сочинения Аристотеля, прежде всего — «Большая этика» — остаются для нас очень важным и далеко не утратившим актуальность месседжем. Первая книга «Большой этики» прямо открывается утверждением, что «этическое — составная часть политики» [Аристотель, 1984а. С. 295]. И различные суждения, это подтверждающие, постоянно возникают и в текстах «Этики», и в его «Политике». Например, проходное замечание Платона, что правильным видом государственного устройства «является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших» [Аристотель, 1984б. С. 484], становится предметом аристотелевской критической рефлексии с точки зрения самой возможности достижения этого благонамеренного идеала из-за «низменной страсти корыстолюбия правителей», приводящей их к «нравственной порче» [Там же. С. 479]. И поэтому «самое главное при всяком общественном строе — это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [Там же. С. 547]. А когда Аристотель предостерегает от опасного «стремления сделать государство чрезмерно единым» [Там же.

С. 405], «государством-кораблем», по Платону, он звучит почти как современный институционалист или, минимум, как федералист Нового времени, и уж явно современной наших апологетов «единой правящей партии» и «вертикали власти».

Так что понимание опасности, имманентной порочности монополизации власти, возникло уже без малого две с половиной тысячи лет назад. Это отмечают, в частности, наши современники — Д. Норт и его коллеги, говоря, что «согласно Аристотелю, именно интерес одного, нескольких и многих есть то, что должно сохранять баланс» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 325]. Подробно рассматривая угрозы тирании и полагая её «наихудшим из видов государственного устройства» [Аристотель, 1984b. С. 489], греческий философ не делает при этом исключения и для «выборной тирании» [Там же. С. 475]. Более того, идеальным для Аристотеля является государство с сильным средним классом, который он описывает почти в современных терминах (см., например, [Там же. С. 508] и др.). А одна из основ его идеала — «свободный выбор», который присущ лишь человеку, чем и отличает его от животного [Аристотель, 1984а. С. 313]. Это связано с такими извечными человеческими этическими добродетелями, как чувство собственного достоинства, справедливость и правдивость [Там же. С. 322–324]. Просто поразительно, насколько современно, а для российского общества и государства — и как до сих пор не реализованная программа — это звучит!

Обзор экономического мейнстрима

Перейдём теперь уже в наши времена и обратимся к работам названных в начале текста экономистов и политологов. Нет нужды рассказывать сколько-нибудь ориентированному в этой литературе читателю, насколько каждая из их книг важна и значительна в современном научном дискурсе и, тем более, пересказывать их содержание. Поэтому предлагаемый вниманию читателя обзор намеренно жёстко ограничен общими концептуальными рамками данной статьи с целью показать, *как видит каждый из них роль человеческого фактора* и вещей, с ним непосредственно связанных.

Начнём с Д. Норты, тексты и взгляды которого представляют сегодня одну из отправных точек при любом серьёзном социоэкономическом анализе современных обществ. Разумеется, Норт и его соавторы — Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст — являются последовательными институционалистами. Соответственно, их концепция двух порядков — ограниченного доступа и открытого доступа — предполагает определяющую роль институтов. Однако при этом они отнюдь не склонны к недооценке субъективного, человеческого «измерения» процессов. Да, «институты — это правила игры, формы взаимодействия, которые управляют и сдерживают отношения индивидов» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 42]. Однако, подчёркивает Норт, поведение человека «гораздо сложнее, чем описывают экономисты, в своих моделях опирающиеся на функцию индивидуальной полезности. Альтруизм и самоограничение радикально влияют на результаты выбора... Очевидно, что такая модель человеческого поведения отличается от модели экономического человека» [Заостровцев, 2014. С. 21]. Конечно, субъективные — религиозные, политические, приземлённо материальные — моменты не являются в концепции Норты и его коллег определяющим атрибутом «порядка ограниченного доступа», поскольку определяющим элементом «порядка открытого доступа» является его «безличность» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 223]. Однако при этом они также уделяют большое внимание и правам человека, и такой категории, как доверие людей друг к другу и к властям, и человеческому качеству правящих элит, и иным нематериальным и внеинституциональным факторам. И даже в пресловутой, идущей еще от М. Вебера, монополии государства на насилие, которое они выводят на первый план и несколько избыточно, на мой взгляд, педалируют, тоже ведь именно личностные, субъективные, моменты играют очень важную, а порой и определяющую роль,

особенно на уровне его применения рядовыми исполнителями. Подтверждениями этого полны и история, и современная жизнь.

Так что даже последовательный институционализм сам по себе не предполагает пренебрежение человеческим фактором или его недооценку. Другое дело, что некоторые крайние институционалисты относятся к нему как к чему-то не слишком значимому. К числу таких относятся, например, Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсон (АиР). Как пишет Заостровцев, даже озаглавивший посвященную им главу своей книги: «Асемоглу и Робинсон: только институты имеют значение», что «если для Норта «институты имеют значение», то для АиР институты, в сущности, определяют всё. Они не принимают иных объяснений развития и отсталости» [Заостровцев, 2014. С. 75]. Действительно, в рамках их концепции инклюзивных и экстрактивных институтов человеку остается немного места для собственного выбора. Но даже они не совсем пренебрегают такими факторами, как ценности, уровень доверия, склонность людей к кооперации друг с другом, да и вообще влиянию культуры [Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 283].

А Д. Лал — один из мировых авторитетов в области экономического развития — вообще подразделяет все «представления людей на два типа: материальные (как зарабатывать на жизнь) и космологические (как жить). Первые относятся к способам обеспечить средства к существованию и являются представлениями о материальном мире — в частности, об экономике. Вторая же категория связана с нашим пониманием окружающего мира и местом, которое в нем занимает человек с его представлениями о цели и смысле собственной жизни и взаимоотношений с другими» [Заостровцев, 2014. С. 122]. Для нашей темы также представляется важным описание Лалом особенностей двух типов модернизации. Так, в западном типе он наряду с иными, много раз описанными другими авторами чертами модернизации, обращает специальное внимание на трансформацию в ней идущего еще от античности «греческого духа любознательности» в повседневную практику науки [Заостровцев, 2014. С. 134]. А анализируя другой, обычно называемый незападным, тип модернизации, Лал подчёркивает, что очень важное место в нем занимает присущая японской и вообще конфуцианской этике «культура стыда», которую он считает, ни много, ни мало, даже главным инструментом социализации в восточных культурах. Её смысл и пафос — стыдно получать незаработанное, незаслуженное. Правда, лично я не уверен в универсальности названного критерия для всего «не Запада», учитывая широко распространенную во многих азиатских и африканских странах «культуру попрошайничества», порой переходящего в вымогательство, либо разного рода навязывание товаров и услуг, но оставляю это «за скобками». Замечу лишь к слову, что наш великий соотечественник В. Вернадский еще в конце XIX в. назвал важность понимания «общественного стыда» едва ли не главным условием создания в России гражданского общества [Вернадский, 1991. С. 138]. Так что и для нашей культуры это отнюдь не чуждо.

Но наиболее яркий, последовательный и, с моей точки зрения, весьма убедительный современный оппонент экономического редукционизма — Д. Макклоски. При этом парадоксальным образом она сама является видным экономистом, выходцем из знаменитой чикагской экономической школы. В мировоззренческом отношении Макклоски — наследник фон Мизеса, чётко отдававшего приоритет идеям, ценностям, умонастроениям людей по отношению к институтам и экономическим факторам. При этом её критика направлена не только на явных представителей противоположных взглядов, что естественно, но также и на концептуально более близких ей ученых, в том числе из обсуждаемой нами когорты. Наиболее непримирима она по отношению к концепции Аджемоглу (Асемоглу) — Робинсона, для которых, напомним, существенное значение имеют лишь институты, т.е. формальные образования, артефакты. Но и Норт не избежал её критики за свой, по её мнению, ограниченный, суженный взгляд на человека лишь как на экономического агента. Согласно Макклоски, институты, т.е. «правила игры», как называет их Норт, хотя и с ого-

ворками, но всё же считающий их главным формирующим реальность фактором социальной и экономической жизни общества, сами по себе не определяют эффективности, не обеспечивают успеха. По её мнению, «институты работают успешно или неуспешно в соответствии с этикой, а не в соответствии с правилами игры» [Заостровцев, 2014. С. 215]. Её в каком-то смысле даже несколько снисходительный подход к «родной» чикагской экономической alma mater отражает, в частности, подзаголовок одной из её книг — «Почему экономисты не могут объяснить современный мир» [McCloskey, 2010].

Она критикует экономический рационализм за абсолютизацию такого человеческого качества, как расчётливость, полагая его хоть и важной, но лишь одной из человеческих добродетелей, к тому же присущей не только людям, но практически всем другим формам жизни как высшим, так и низшим, включая, например, крыс и вплоть до побегов травы и бактерий. При этом она перечисляет ряд качеств, присущих *исключительно* человеку и тесно связанных с *этикой*, таких как профессиональная идентичность и честность, умеренность, способность к выбору, доходя даже до любви, без которых расчётливость превращается, по её мнению, в банальную жадность. Таким образом, она отвергает саму концепцию «экономического человека, определяя свой подход как *гуманомистику*, т.е. «*экономику с человеческим лицом*», где успешность ведения бизнеса зависит от наличия целого набора моральных «буржуазных добродетелей», без которых капитализм (кстати, одно из её нелюбимых слов) неполноценен. А «страны, где правит воровство, а не деловые отношения, становятся бедными и остаются бедными». Деловой образ жизни лучше воровства (dealing is better than stealing). По Макклоски, главными условиями прогресса и процветания являются не материальные факторы, а приобретаемые людьми на определенном этапе чувства свободы и человеческого достоинства. В том же ряду стоит у неё и категория *доверия*, играющего важнейшую роль как в деловых, так и в личных отношениях, да и в целом существенно влияющего на качество жизни. Призываю читателя посмотреть через эти «очки» на российское общество с его рыночными и по видимости капиталистическими отношениями.

Макклоски вслед за фон Мизесом отмечает, по её выражению, «шелуху исторического материализма» и исходит из того, что именно идеи, мысли, убеждения, мечты и надежды людей — иными словами, не собственно экономические, *не институциональные и не технологические, а субъективные человеческие факторы — породили беспрецедентный в мировой истории прогресс* последних двух веков. (Она использует метафору хоккейной клюшки для графического описания истории человечества, где XIX–XX вв. — её короткая, «рабочая» часть, почти перпендикулярная длинной ручке, отражающей тысячелетия истории человечества.) И решающую роль, по её мнению, сыграла именно буржуазная этика с сопутствующими ей «бизнес-добродетелями». Макклоски подчёркивает, что общество и люди, которые им управляют, должны *восхищаться бизнесменами*, тогда как антикапиталистическая ментальность способна убить любой прогресс.

При этом её анализ достаточно тонок и отнюдь не сводится к примитивному морализму, к превознесению «хорошего», т.е. положительных моральных качеств, и осуждению «плохого», качеств отрицательных. Так, она проводит различие между содержанием идей и риторикой как способом их выражения. Роль и формы риторики важны и, по её мнению, могут даже повлиять на исход стоящих за произносимыми словами социальных процессов. Ведь перемена риторики, даже полярная, скажем с социалистической на ей противоположную (что произошло у нас в конце 1980-х — начале 1990-х гг.), может быть не более чем всего лишь конъюнктурным «переобуванием», отнюдь не обязательно предполагающим глубинные психологические, моральные, в более общем смысле — культурные — изменения. Подобная фразеологическая перемена лишь создает иллюзию и даже может бумерангом убить прогресс. Думается, нечто подобное, к несчастью, случилось и в постсоветской России. Представляется печальным и справедливым замечание Заостровцева, что «именно это восхищение добродетелями буржуазии отсутствует в России независимо

от того, управляется ли она боярами, царями, комиссарами или секретной полицией» [Заостровцев. 2014. С. 227] и что Россия, «пожалуй, одна-единственная из крупных стран, которая крайне плохо внимает рецептам процветания по Макклоски, а скорее наследует её представления о том, как организовать стагнацию» [Там же].

Подходы Макклоски во многом коррелируют со взглядами Ф. Фукуямы, которые почему-то часто несправедливо сводят к его давней и им самим признанной, как минимум, неадекватно понятой, идее «конца истории». В контексте обсуждаемой темы важным представляется его позиция, что «мы должны расширить понимание человеческой мотивации за пределы простой экономической модели» [Фукуяма, 2019. С. 34], поскольку «даже... изрядная часть так называемой экономической мотивации зиждется на стремлении к признанию и поэтому не может быть удовлетворена только экономическими средствами» [Там же. С. 23]. Поэтому не случайно для Фукуямы ключевой категорией является *человеческое достоинство*. Он уделяет самое серьёзное внимание такому феномену последних десятилетий, как *революция достоинства* и даже озаглавил одну из глав своей книги «Революции достоинства», связывая борьбу за достоинство с проблемой идентичности, ставшей в последние годы чрезвычайно популярной и обсуждаемой в самых разных аспектах и преломлениях.

Близка трактовка и Ч. Кукатаса. По его мнению, в ряду факторов, определяющих успех или неудачу экономических реформ и объяснений причин богатства или бедности разных стран, стоит и категория *совести*. Как он пишет, «время от времени *совесть* оказывается сильнее личных интересов» [Кукатас, 2011. С. 94] И хотя она отнюдь не всегда побеждает, ибо «личные интересы порой заставляют нас пожертвовать принципами точно так же, как принципы порой вынуждают нас поступать вопреки своим интересам, однако совесть не только руководит нашими поступками (преимущественно); помимо этого, мы и сами считаем, что она *должна* нами руководить. Именно эта мотивация в первую очередь и делает нас людьми» [Там же. С. 94–95]. В целом же в его концепции ключевое место занимает понятие *толерантности*, предполагающее мирное сосуществование «архипелага» разных идентичностей, что также коррелирует с рассматриваемыми нами внеэкономическими мотивами человеческого поведения.

Подводя итоги нашему обзору взглядов на человеческий фактор ряда ведущих зарубежных институционалистов — тех, кто во многом определяют современный «мейн-стрим», полагаю, что у читателя не должно оставаться сомнений относительно важности того места, которое занимает субъективный, человеческий фактор даже у радикальных институционалистов типа АиР. У авторов же с более сбалансированным подходом, как Макклоски, Норт и другие, человеческий фактор становится не просто важным, но во многом определяющим экономическую и в целом социальную эффективность тех или иных систем государственной власти и управления.

А памятные нам едва ли не со школьных времен одномерные объяснения мотивов экономического поведения, абсолютизовавшие материальные факторы, например сугубо финансовые мотивы выбора решений нанимателями и работниками в экономике труда, предстают, как минимум, неполными. Дополнительное тому подтверждение пришло недавно из Нобелевского комитета, присудившего премии по экономике за 2021 г. Д. Карду, Дж. Энкриту, Х. Имбенсу за работы, эмпирически показавшие «наивность», упрощающий характер таких моделей. Философию их исследований, охватывающих широкий спектр ситуаций, объединяет, на мой взгляд, предложенный двумя из них термин «революция достоверности» (*credibility revolution*).

Все названные авторы, не отвергая важную роль качества и характера институтов, солидарны в том, что в конечном счете очень многое зависит от людей, действующих в рамках, задаваемых этими институтами. Но рамки эти, как правило, в определённых, порой достаточно широких, пределах допускают разные варианты действий в конкретных обстоятельствах. И сам я разделяю такую позицию.

Институты и моральный выбор должностного лица

Складывается ощущение, что за нашими в основе своей справедливыми дискуссиями об институтах и беспокойстве об их несовершенствах, пороках и даже разрушении, мы как-то недооцениваем другую, не менее, на мой взгляд, важную сторону дела — *человека*, действующего в заданных институциональных рамках. Его мотивы, выбор линии поведения, конкретные поступки. Между тем от личных качеств «человека на должности», от его профессиональной совести и морального кодекса зависит очень немало. Ибо даже теоретически прекрасные институты и процедуры не гарантируют, что конкретный исполнитель примет правильное, отвечающее общественным и законным частным интересам, решение, т.е. будет действовать «по закону и по совести», как нас учат юридические учебники и нормы права, а не по приоритету своих личных удобств, выгод и карьерных перспектив. В нашей далеко не совершенной реальности эти вещи нередко вступают друг с другом в противоречие, но, к счастью, так происходит хоть и часто, но всё же не всегда, и одно не исключает другого.

И даже несовершенные институты не закрывают для чиновника возможности действовать, как минимум, по закону, а не прикрываясь им, совершая, по сути, действия, закону противоречащие, как, к несчастью, нередко происходит. Глядя реалистически, понятно, что вероятность упустить некую выгоду или даже «схлопотать» возможные неприятности вследствие совершения поступка, либо «неудобного» неким влиятельным персонам, либо просто невыгодного лично ему, повышается. Но цена эта повышается всё же не до неприемлемого уровня. И за поступок не по выгоде, а просто по закону и по совести, ни ГУЛАГ, ни смерть, за редкими исключениями, не грозят. Да, вполне может возникнуть «эффект упущенной выгоды», а порой даже проблемы с карьерой, с уровнем материального благополучия, ипотекой и т.п. Но для полноценного профессионала (это существенный момент) такая угроза не слишком уж судьбоносна, не требует какого-то исключительного героизма. Тут на первый план выходят личные качества, мораль человека. Так что оценки разнообразия мотивов человеческого поведения, предлагаемые современным поколением экономистов, многие из которых уже стали «живыми классиками», вполне применимы и к нашим пенатам.

Да и вообще представляется не очень продуктивным столь популярное сейчас расширительное, почти безбрежное толкование самого понятия «институт». На мой взгляд, это отчасти связано с неизжитостью марксистского сознания, с наследием всё того же присущего марксизму монистического взгляда на жизнь и его извечным соблазном найти единственную первооснову всего сущего, которая якобы подчиняет себе всё прочее, «вторичное». Такой подход игнорирует реальную многомерность жизни, наличие, как минимум, нескольких равноправных «осей», обуславливающих тот или иной вариант и характер развития событий и поведения людей. К тому же, как известно, широта используемого понятия обратно пропорциональна его объяснительной силе. Вспомним для примера такие безразмерные мантры классического марксизма, как производительные силы, производственные отношения, даже не помяная всуе бытие и сознание. Или, из совсем другой области, такие некогда чрезвычайно модные категории кибернетики, как информация и обратная связь. При всём их мнимом объяснительном универсализме, они, как знает любой серьёзный исследователь, для содержательного научного анализа мало что дают. Конечно, понятие институтов не столь глобально, но тоже довольно раздуто, употребляется чрезмерно широко и неопределённо и потому также содержит опасность «болезни одномерности».

Отечественные издержки экономического детерминизма

Теперь взглянем в контексте вышеизложенного на проблемы, возникшие у нас, на мой взгляд, вследствие увлечения устаревшей к моменту начала постсоциалистической

трансформации версией одномерного экономизма в его классическом марксистском варианте. В перекосе нашего раннего либерализма в эту сторону, видимо, сыграли роль и действительно аховая экономическая ситуация начала 1990-х гг., и задача перераспределения беспрецедентного по масштабам массива собственности, и личностный фактор. В сознании наших прекрасных, в высшей степени достойных не только по профессиональным, но и по своим гражданским и моральным качествам, либералов-экономистов, по-видимому, причудливо перемешались усвоенная со студенческой скамьи марксистская политэкономия, классика либерализма XIX в. и макроэкономические, во многом монетаристские, концепции чикагской экономической школы. И до какого-то момента представлялось, что выбранный путь, если и не оптимальный, то единственный в тех действительно чрезвычайных обстоятельствах. Возможно, с ситуативной точки зрения так оно и было, не берусь судить. Однако приоритет «невидимой руки рынка», на мой взгляд, всё же не обязательно предполагает пренебрежение жизненными интересами, а также пусть и субъективным, но очень важным внутренним миром людей, для которых, собственно, экономика и существует. А именно так во многом и произошло. **Человеческий фактор был сведён к фактору экономическому**, что, помимо жестоких для многих материальных проблем, нанесло **ущерб чувству личностного достоинства, породив морально-психологическую фрустрацию**. Миллионы людей, изначально психологически принявшие перемены, были готовы терпеть экономические нужды и неурядицы. Но до определённого предела, который был довольно быстро перейдён. К тому же оказалось, что в условиях и кризиса 1998 г. и наступившего после 2014 г. ползучего экономического упадка классические либералы «старого образца» могут предложить людям, по большому счету, не так много обнадёживающего.

Между тем современная версия «нового либерализма», как мы смогли убедиться в рамках проведённого обзора, исходит из того, что рациональный, исключительно материально ориентированный homo economicus — ограниченная и не вполне адекватная модель человека. Её «столпы» ушли далеко вперед от экономической одномерности в сторону социально-культурологических взглядов на историю и мотивы человеческого поведения.

Приходится признать, что те, кто формировали идеологию «путинского», в отличие от «ельцинского», времени, с самого начала поняли моральное значение символов. Оставив экономистам площадку для «скучных» и, прямо скажем, мало способных вдохновить массовое сознание рассуждений о процентных ставках, ВВП, волатильности валют и пр., они стали расчётливо, как бы подтверждая предостережения Макклоски об опасности манипулирования риторикой, апеллировать к моральным факторам. Расчёт был сделан на эмоциональное обыгрывание произошедшего в массовом сознании ценностного кризиса с элементами неизбежной ностальгии по ушедшим символам и временам. Хотя символы эти были в основном всего лишь новым изданием прежних советских идеологем и мифов, но в условиях моральной аномии они нашли отклик в массовом сознании. А либеральные экономисты уделили произошедшему перехвату моральной повестки мало внимания, во всяком случае по сравнению с его важностью. Их отчасти можно понять: в условиях финансового кризиса и его последствий, казалось, что не до того. Когда же процесс пошел дальше, дойдя до реабилитации в массовом сознании образа Сталина, до возрождения идеи об извечной злокозненности якобы имманентно враждебного России некоего мифологического «Запада», до «единого учебника истории» и угроз уголовным преследованием за отход от официальной версии Великой Отечественной войны, до перехода от игнорирования политических протестов к их подавлению и далее по списку, было уже поздно.

Политическая площадка, на которой формировались идеологемы «нового курса», была монополизирована другими силами. Наступило время «единственно верных» трактовок, конъюнктурных исторических реконструкций, ложного понимания патриотизма и других форм массового оглушения. И, как показывают социологические замеры, это, к сожалению, срабатывало. Часто люди склонны, особо не задумываясь, списывать

и личные, и тем более общие беды и несчастья на внешние факторы, на всевозможных «злоумышленников» и «врагов России». Тем более, что официальная пропаганда в них услужливо это разогревает. Также не следует сбрасывать со счета и негативное влияние всевозможных придворных «лейб-учёных», хотя, конечно, есть немало и других честных исследователей и аналитиков. Однако не в их руках камертон, задающий строй общественной жизни и пропаганды.

Кадровые проблемы постсоветской России как морально-этическая коллизия. Дилемма люстрации

При взгляде на наше недалёкое прошлое, к тому же плавно перешедшее в настоящее, проблема кадров государственных служащих в стране в постсоветский период представляется болезненно острой. Ибо полное отсутствие в 1990-е гг. сколько-нибудь последовательной кадровой политики повлекло последствия не просто тяжёлые, а, на мой взгляд, близкие к катастрофическим, поскольку это повлияло самым негативным образом и на итоги реформ 1990-х гг., и на их восприятие населением, и на последующий кадровый отбор и самоотбор управленческого государственного персонала. То, что в первые годы реформ в государственном аппарате численно доминировали чиновники с советским образованием, управленческими навыками и подходами, по-видимому, в определенной мере было неизбежным. Других попросту неоткуда было взять. К тому же унаследованные постсоветской Россией чиновники в большинстве были людьми честными и воспитанными в традициях добросовестного отношения к своей работе. Однако они, за небольшим исключением, просто не обладали профессиональной компетенцией для работы в рыночных условиях. К тому же в их среде произошли и ухудшающие персональные перемены: более или менее успешно адаптировавшиеся к новым условиям работники со стажем от шести до пятнадцати лет покинули государственную службу, перейдя в возникшие коммерческие и полугосударственные структуры, предоставлявшие неизмеримо большие возможности для заработка. А остались более инертные — те, кого туда либо не взяли, либо кто сам побоялся столь радикальных карьерных жизненных перемен. Иными словами, произошло *вымывание* более динамичных и в каком-то смысле *лучших*. Явно увеличился процент «ветеранов». В середине 1990-х гг. в правительственных структурах было 75%, а в бизнесе — 61% членов бывшей советской номенклатуры [Крыштановская, 1995]. Причём больше половины из них были кадрами еще «брежневских» времен.

Правда, происходило и некоторое пополнение за счет молодого поколения. Но возникновение новых, более привлекательных вариантов трудоустройства привело к специфическому и во многом отрицательному отбору и среди этой категории. Многие, более «гибкие» в прагматическом карьерном плане, её представители, даже поступив на государственную службу, затем там не задерживались, а, приобретя некоторые профессиональные навыки и обзаведясь неформальными связями, тоже устремлялись в обещающие более высокие дивиденды бизнес-организации. Эмпирически это подтверждает наблюдавшийся в 2000-е гг. практически по всем федеральным министерствам фоновый провал числа работников со стажем 10–15 лет.

Всё это привело к тому, что постсоветская Россия, унаследовавшая в массе своей административный персонал советских времен, возложила на него функции, прямо противоположные всему его жизненному и профессиональному опыту, а во многих случаях — и убеждениям. С одним печальным исключением: более динамичные в квалификационном и морально-психологическом отношениях люди, лучше сориентировавшиеся в новых обстоятельствах, использовали свои аппаратные связи и доступную информацию о деталях конкретных приватизационных и финансовых операций в личных корыстных

целях. Затем они часто перетекали в новообразованные коммерческие и прочие структуры. При этом не обходилось и без злоупотреблений, в частности, в форме торговли конфиденциальной информацией и внутриаппаратными контактами. А на госслужбе во многом остались «худшие», т.е. более инертные и не сумевшие приспособиться. А среди оставшихся на госслужбе, пусть не численно, но по сумме нанесенного ущерба, немалую роль сыграла категория тех, кто использовал свои возможности пребывания на ней для прямой наживы посредством различных финансовых и иных манипуляций. Об этом свидетельствует взрывной рост коррупции в госаппарате. Правда, следует признать, что сложившаяся тогда «ситуация Клондайка» к этому почти приглашала. Слишком велики, по сравнению с риском, оказались для многих искушения мгновенно «озолотиться в мутной воде». Хотя следует оговориться, что это, на мой взгляд, не свидетельствует о какой-то особой «национальной испорченности» наших соотечественников, получивших доступ к беспрецедентному по масштабам перераспределению «общенародной (государственной) собственности», как она именовалась в Конституции СССР. Вспомним хотя бы так называемый «позолоченный век» (gilded age), как Марк Твен охарактеризовал названием романа ситуацию в США середины XIX в.

В данной связи нельзя не затронуть проблему *люстрации* управленческих кадров. Это важный аспект кадровой политики госаппарата, особенно в периоды транзита. Он многое определяет, а иногда имеет и решающее значение для хода и исхода производимых реформ. Однако по причинам внеучного характера ему уделяется явно недостаточное внимание. Действительно, проблема сильно нагружена политически, психологически, эмоционально. Общественное мнение относится к ней неоднозначно. И она на самом деле имеет как плюсы, так и минусы. Но это не основание закрывать на неё глаза. В числе серьёзных исследований на эту тему можно порекомендовать работы Е.В. Лезиной, Н.А. Бобринского, Н. Эппле, а также высказанные в разных СМИ концептуальные соображения А.Б. Зубова и А.П. Подрабиника. Я тоже опубликовал в этом журнале во многом обобщающую статью о сравнительном опыте, плюсах и минусах люстрации. [Оболонский, 2018; Оболонский, 2020]). Что позволяет мне в данном случае опустить правовые, политические и организационные аспекты, а ограничиться в основном одним — непосредственно связанным с темой статьи — *моральным фактором*. К тому же не хотелось бы подпадать под ныне модную «регуляторную гильотину» системы «Антиплагиат», механически относящую к «автоплагиату» любое повторное изложение однажды уже высказанных, но не утративших ни важности, ни актуальности, соображений.

Напомню лишь, что после краха социалистической системы люстрация в различных формах прошла практически во всех странах Восточной Европы, а также в бывших советских прибалтийских республиках, в Грузии, позднее Украине. Её общая идея — временный запрет на занятие определённых должностей. И люстрация — не кара, а отчасти даже обратное — амнистия, прощение прошлых грехов, в ряде случаев связанное с временными карьерными ограничениями. Одно из центральных в люстрации — *понятие «защищённой должности»*. А её общая идея — защита радикально изменившегося, причем не только в политическом, но также и в ценностном плане, государства и его граждан от опасности реванша, исходящей от лиц, запятнавших себя сотрудничеством с прежним репрессивным режимом. Это касается ключевых позиций, определяющих функционирование госаппарата, а также должностей, могущих по своему характеру представлять угрозу правам граждан. Имеются в виду, прежде всего, службы безопасности, а также ряд должностей в правоприменительной системе государственной службы. Люстрацию ещё называют *правосудием периода транзита*.

Важный моральный момент связан с проблемой так называемой «ранней» и «поздней» люстрации и изменением к ней отношения. Поясню на примере Чехии и Польши. На первом этапе, во время «бархатных революций», в отношении к люстрации явно пре-

обладал позитивный настрой, даже с оттенками очистительного романтизма. Президент В. Гавел, по моральным соображениям изначально сдержанно относившийся к проблеме, но всё же в итоге подписавший соответствующий Закон о люстрации, тем не менее расценивал его как акт, хотя и нужный в исключительных обстоятельствах того времени, но весьма проблематичный с точки зрения прав человека. В своей речи, посвящённой пятой годовщине «бархатной революции», он объяснял сложившуюся тогда ситуацию, помимо политических обстоятельств времени, волной идеализма и надежд, охватившей тогда людей: «В атмосфере всеобщего братания и энтузиазма, типичной для времен ноябрьской революции, многие из нас питали надежду... что наступит какое-то значимое изменение в самом способе нашего человеческого сосуществования, что люди скоро вылезут из эгоистических скорлуп, в которые их вогнал коммунистический режим, и что вся общественная жизнь вдруг обретет значительно более человеческие черты... Представлялось, что такие ценности, как солидарность, духовные измерения жизни, любовь к ближнему, терпимость, воля к взаимному согласию или обыкновенная тактичность, внезапно переживут какой-то ренессанс» (цит. по [Смоляр, 2012. С. 139]).

Но позднее, когда к люстрации примешались своекорыстные, далёкие от целей морального очищения общества и государства мотивы — желание сделать карьеру «на костях» предшественников, сведение личных счётов, да и просто психология ненависти, к сожалению, характерная для периодов транзита с присущим им распадом ценностей, anomией и даже ценностным вакуумом и связанной с ним фрустрацией, — Гавел с горечью признавал свои тогдашние ощущения и надежды излишне оптимистичными. И А. Михник, тоже бывший в начале польских преобразований горячим сторонником люстрации, впоследствии выступил против так называемой поздней люстрации и связанных с ней политиканских «игр». Он подчёркивал, что главную ответственность должны нести люди, принадлежавшие к верхним слоям системы, т.е. те, кто десятилетиями уничтожали правовое государство и правовую культуру, а не «мелкие сошки». [Михник, 2013].

С моей точки зрения, тут неизбежно возникают этически осложняющие проблему морально психологические нюансы. С одной стороны, если человек воспринимает связанную с люстрацией дискриминацию как меру по отношению к нему несправедливую, оправдываясь тем, что он, мол, всего лишь «действовал, как все», по законам и стандартам поведения того времени, это порождает у него фрустрацию со всеми её негативными последствиями. Но, с другой стороны, отсутствие какой-либо ответственности за совершенные в прошлом дурно пахнущие дела, порой сломавшие жизни неповинных людей, порождает чувство безнаказанности, которое к тому же передаётся «по эстафете» и следующим поколениям. Вообще проблема *люстрации* – вопрос крайне серьёзный, тонкий и морально неоднозначный. Не случайно А.И. Солженицын столь детально и даже в определенной мере самокритично обсуждал его в своем «Архипелаге», подчёркивая, что многое зависит как от твёрдости нравственных норм у того или иного человека, так и от конкретных обстоятельств его жизни. Ибо, «колеблется человек всю жизнь между злом и добром, оскользается, срывается, карабкается, раскаивается, снова затемняется, но пока не переступлен порог злодейства — в его возможностях возврат» [Солженицын, 1987. С. 73]. А граница между добром и злом проходит, как он писал, по сердцу каждого человека.

Возвращаясь же к нашим более приземлённым сюжетам, выскажу свое субъективное мнение. Учитывая возможные издержки и даже злоупотребления люстрационными процессами, всё же считаю, что и нам следовало бы провести в те годы, если и не люстрацию в полном смысле слова, то хотя бы серьёзное обновление персонала государственных органов. Видя все его сложности и издержки, я, тем не менее, полагаю, что и в нашем случае определённые кадровые изменения, будучи проведёнными в должное время и должным образом, могли бы существенно улучшить многое. Однако тогдашнее политическое

руководство России фактически проигнорировало сложившуюся абсурдную ситуацию. Радикальное отличие России в этом от посткоммунистических трансформаций в странах Восточной Европы, с моей точки зрения, отчасти объясняет и особый драматизм наших 1990-х гг., и последующее развитие событий, а также нынешнюю ситуацию и атмосферу «полуреставрации» советского режима. Помимо прочего, не совершив этот шаг, мы получили явно *избыточную персональную преэминентность* старых кадров чиновников в аппарате управления, что представляется одной из важных причин и тогдашних, и более близких по времени сложностей.

Некоторые психологические проблемы постсоветского чиновничества

Российскую кадровую ситуацию тех лет, во многих отношениях и без того непростую, усугубил ещё и психологический момент. Социально-психологическая драма нашего чиновничества тех времён — статусная утрата и связанный с этим ущерб чувству профессионального и просто человеческого достоинства. Государственные служащие утратили былое самосознание своего общественного статуса как важного звена социальной системы. Их роль в новой системе в первые годы перемен в значительной мере снизилась, формальные полномочия изменились и сократились, а предыдущие служебные навыки и компетенция оказались не востребованными. От них объективно стал требоваться совсем иной характер работы и деловых качеств — не прямое административно-командное воздействие на управляемых, а более тонкое, косвенное регулирование. К чему большинство из них были ни профессионально, ни морально не готовы. Не по своей вине, а в силу исторических обстоятельств. Отсюда, помимо прочего, у них неизбежно понизилось связанное с этим самоуважение. И конечно, официальная зарплата чиновников в тот период была униженно низкой, явно не соответствующей уровню предполагаемой должностной ответственности. Зато в тогдашней ситуации «мутной воды» с её правовой размытостью и практической безнаказанностью для многих возникли возможности и соблазн моментального, баснословного, немыслимого ранее по своим масштабам обогащения.

Возник психологический эффект ресентимента, или, следуя терминологии Э. Дюркгейма, моральной аномии. Формы адаптации к нему варьировались в амплитуде от отчуждения, эскапизма, депрессии и, как вариант, открытого или чаще скрытого сопротивления переменам до циничной установки на личное обогащение любыми доступными средствами. На этой основе расцвели коррупционная психология и соответствующий ей тип поведения, добавившие в общую ситуацию транзита немало дополнительных проблем, сложностей и несправедливости.

К тому же, помимо прочего, честных педантов, обладавших хотя и устаревшими компетенционными навыками, но всё же сохранивших достаточно высокий уровень профессионального самосознания и морали, сплошь рядом вытесняли всепогодные ловкие приспособленцы, не имевшие психологических запретов, не особо отягощённые принципами служебной этики, да и вообще какими-либо моральными ограничителями. Новые, крайне размытые, и уже точно не на морали основанные «правила аппаратных игр» этому способствовали. А с конца 1990-х гг. началось заполнение должностей гражданской службы силовиками, т.е. людьми с отличными от обычных для гражданской службы психологией и компетенцией. Возможно, этому поспособствовало и брезгливо пренебрежительное, а порой и высокомерное отношение значительной части научной и околонучной либеральной интеллигенции к «черновой» аппаратной работе, сулящей неизмеримо больше хлопот и обещающей гораздо меньше дивидендов по сравнению с гордой элитарной позицией свободного аналитика «над схваткой».

Словом, в силу совокупности причин качество нашей бюрократической машины стало хуже, чем в любые предшествующие времена, по крайней мере, за последнюю пару сотен лет. Это признают и серьёзные эксперты, и рядовые граждане, которые на всех уровнях неблагоприятные ситуации просто физически ощущают в повседневной жизни. Попытки реформ 2000-х гг., включая принятие двух важных законов — ФЗ-58 «О государственной службе Российской Федерации» и особенно ФЗ-79 «О государственной гражданской службе», несколько упорядочили ситуацию, но кардинально её изменить не смогли. В сознании же самих бюрократов также произошли радикальные перемены: из растерянных временщиков и «потерявшихся людей» конца 1980-х и ранних 1990-х гг. они постепенно стали преобразовываться едва ли не в «хозяев в государстве». Многие даже говорят, что *произошел захват государства бюрократией* или, как неоднократно в разных текстах отмечал Е.Т. Гайдар, — его «выкуп» номенклатурной корпорацией, его номенклатурная приватизация [Гайдар, 2009. С. 259].

А глядя на реалии сегодняшнего дня, я бы дополнил, что главным выгодоприобретателем стала силовая и даже спецслужбистская часть бюрократии. И дело тут не столько в персонах, сколько в ментальной — моральной и психологической — составляющей. Не столько в личных качествах тех или иных людей (хотя совсем их сбрасывать со счетов тоже не стоит), а в их обусловленных предыдущей биографией профессиональных навыках и психологии. Она, скорее, предполагает «чёрно-белое», упрощённое видение вопросов и склонность к их, по возможности, быстрому оперативному решению, тогда как сложные проблемы в сфере экономики и других управленческих областях часто предполагают регулирование более тонкое, многомерное, рассчитанное на достаточно долгую перспективу.

Этическое регулирование человеческого фактора

В последние годы этические аспекты выходят на первый план в ряде областей человеческой жизнедеятельности. Возник даже термин — «этический поворот». Хотя многим в силу инерционности мышления и некоторых других факторов это трудно принять. Более того, произошло расширение таких явлений, как аномия, аморализм, цинизм. Что, к сожалению, в немалой степени относится и к государственному аппарату. В то же время в обществе резко возрос запрос на социальную справедливость, что находит выражение в самых разных формах, порождая различные коллизии.

Представляется, что одним из действенных путей улучшения ситуации является повышение внимания к этическим проблемам регулирования поведения государственных служащих, к их служебной морали. Но чтобы это имело реальный эффект, мало ограничиваться правильными словами. Тем более, что многие из них давно получили даже нормативное закрепление — и в Указе Президента «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» от 12 августа 2002 г., и в принятом в 2004 г. ФЗ-79, и в других документах. Необходимо расширение масштаба научных исследований морали «государственных людей» разных уровней и разработок в такой прикладной области, как этика государственных служащих, изучение её деонтологических и аксиологических оснований, а также адекватное внедрение полученных результатов в практику.

Думаю, есть немало оснований полагать этический компонент одним из центральных в создании новой модели госслужбы. Регулирование практик служебного поведения чиновников на морально-ценностном уровне, жесткий внешний контроль за соблюдением ими высоких этических стандартов и в то же время их собственный внутренний нравственный самоконтроль — необходимые условия реального повышения и качества государственного управления. И, как следствие, социальной эффективности государства в целом, повышения уровня общественного доверия к нему. А со всем этим у нас, как известно, большие проблемы.

В некоторых странах такой этический поворот начался довольно давно. Например, в США первый Кодекс этики правительственной службы появился еще в 1958 г., правда, сначала в форме резолюции Конгресса. И только примерно через 20 лет этические начала государственной жизни оказались объектом достаточно жёсткого социального контроля и регламентации, в том числе — и на законодательном уровне. Было признано, что *жизнеспособность и легитимность политической системы страны во многом зависят от того, насколько государственные институты и высшие должностные лица отвечают господствующим в обществе ценностям и идеалам, а их поведение соответствует нормам общественной морали*. Отсюда — и внимание к этическим кодексам (эти своды норм, определяющие стандарты поведения, могут иметь разные названия) во всех публично-властных институтах западных стран (об актах, регулирующих этику поведения должностных лиц и служащих госаппарата США, Великобритании, Канады подробно см.: [Оболонский, 2016]).

В России же подобный процесс, по меньшей мере, запаздывает. Это связано как с историческими, так и с более близкими причинами. В первые постсоветские годы, сосредоточившись на освоении новой для нескольких поколений «алгебры» жёстких рыночных отношений, мы как-то подзабыли о внеэкономических, моральных мотивах человеческого поведения, о том, что «не хлебом единым жив человек». Неприглядные реалии жизни со всей наглядностью продемонстрировали последствия такой однобокости. Это коснулось и выработки специального инструментария, создающего возможности ограничения бюрократического произвола и противодействия коррупции. А его неформальное функционирование предполагает повышение внимания к моральным качествам чиновничества, к вопросам административной морали. К счастью, осознание этого в административных сферах, по крайней мере, отчасти в последнее время происходит.

Есть ещё и собственно политическая (не путать с политиканской) необходимость повысить внимание к моральному аспекту госслужбы. Она обусловлена серьёзным и даже опасным падением уровня доверия населения к чиновничеству. Хотя тотальное недоверие к чиновникам справедливо лишь отчасти и во многом связано с более широкими причинами — общим кризисом доверия к большинству государственных институтов, а также с возросшим уровнем требований и политических ожиданий граждан, — игнорировать данное обстоятельство было бы непростительной политической слепотой (см.: [Оболонский, 2016]).

Во-первых, доверие граждан — одна из фундаментальных основ демократии. И не только демократии. Ведь советский строй далеко не в последнюю очередь рухнул из-за того, что полностью исчерпал ресурс доверия граждан. Другое дело — последующее драматическое развитие событий, когда под прикрытием сладкозвучной демократической риторики во многом произошла «реприватизация государства», отчасти новыми, так называемыми эффективными менеджерами, отчасти — прежней номенклатурой. В итоге люди, поверившие в демократию, оказались снова обманутыми. И этот кризис доверия, распространившийся на демократические институты, может быть ключевой, базовой причиной многих сегодняшних проблем и удручающих политических «гримас» наших дней. Во-вторых, люди, граждане, как известно, во многом живут в мире своих субъективных представлений о жизни и справедливости, в том числе о власти, которая в демократическом обществе обязана стремиться подтягивать к этим представлениям в том числе и административную реальность. Поэтому моральный аспект поведения государственных служащих очень важен и с точки зрения публичной политики.

К тому же этический фактор сильно нагружен и эмоционально. Существует даже научное направление «социология моральных эмоций», в которой категории стыда и вины — центральные понятия. В то же время некоторые рассматривают общество позднего модерна как мир без моральных эмоций, или «мир без стыда и вины». Разумеется, данная проблематика не является предметом настоящего исследования. Но иметь в виду данный аспект представляется необходимым.

Кроме того, апелляция к моральным ценностям может хоть отчасти компенсировать имманентно присущий чиновничьей среде дефицит гражданского сознания, а также склонность к раздуванию размеров штатов. Это понимали многие наши соотечественники еще в XIX в. А А.П.Чехов выразился предельно лапидарно: «Чиновники размножаются как поганки — делением». Люди же аналитического, научного склада выражали ту же мысль более развёрнуто. Так, А.В. Никитенко – человек, парадоксальным образом совмещавший во времена Александра II должности цензора и профессора университета, видел большую угрозу в количественном разрастании чиновного сословия, уповая, что наступит время, когда «Россия перестанет наводняться чиновниками, сими привилегированными тунеядцами, и будет их лишь столько, сколько нужно для отправления общественных должностей» [Никитенко, 2005. С. 62]. Увы, время это так и не наступило. А спустя десятилетия после Никитенко наш великий либеральный государственный Б.Н. Чичерин, признавая компетентность российской бюрократии в частных профессиональных вопросах, отмечал её принципиальную неспособность к деятельному участию в общественном обновлении из-за её кастовой отчуждённости от общества: «Бюрократия может дать сведущих людей и хорошие орудия власти; но в этой узкой среде, где неизбежно господствуют формализм и рутина, редко развивается истинно государственный смысл... Новые силы и новые орудия, необходимые для обновления государственного строя, правительство может найти лишь в глубине общества» [Чичерин, 1883. С. 39]. Думаю, и для нашего времени эта мысль Чичерина, как минимум, не потеряла актуальности. Следуя её логике, думается, что нынешние довольно робкие попытки повысить эффективность управления хотя бы до приемлемого уровня, полагаясь всё на тот же слой аппаратных людей, вряд ли принесут особый успех.

В наше время реальными практическими шагами в решении проблем, о которых идёт речь, могли бы стать, как представляется, широкое обсуждение и внедрение в повседневную административную жизнь Этического кодекса (Кодекса поведения) служащего. Это, кстати, было предусмотрено еще Федеральной программой реформирования государственной службы, утвержденной Президентом в конце 2002 г. С тех пор в данном направлении были предприняты определённые шаги, причем не только позитивные, но и имитационные, которые затормозили реальный прогресс.

Профессиональная этика госслужащего, как, впрочем, и любая корпоративная этика, обладают существенной спецификой. Между тем многие чиновники имеют о ней весьма смутное или искажённое представление. Либо относятся к ней просто как к риторике. Те же, кто всерьёз стремятся руководствоваться нормами служебной морали (а такие люди в аппарате есть, и их немало) порой вынуждены методом проб и ошибок выработать как бы индивидуальную версию этического кодекса. Вряд ли подобные, благие по своей мотивации, намерения могут послужить альтернативой общим документам, задающим базовую систему нравственных, этических ориентиров, давая рекомендации по поведению в «щекотливых» ситуациях и ясно обозначая область «табу» для служащего. Ведь очевидно, что легче поступать правильно, когда твёрдо знаешь, что под этим подразумевается. А наиболее ясной формой описания «правильного» поведения многие, и не без оснований, считают его нормативное закрепление, и даже отсутствие писаных норм в какой-либо области трактуется как свидетельство неблагополучия.

Проблема кодификации норм служебного поведения прежде всего касается сферы *конфликта интересов* как наиболее типичной и острой, но ею не исчерпывается. И разумеется, необходим достаточно тонкий и учитывающий специфику именно морального регулирования поведения механизм контроля за соблюдением этических норм. Как зарубежный, так и отечественный опыт показывают, что даже сам факт возникновения такого документа и его обсуждения в административных коллективах может послужить повышению уровня административной морали, в чем наш аппарат сегодня так нуждается.

Выражаясь высоким стилем, *дух общественного служения должен лечь в основу кодексов административной этики*. А в более общем политическом плане именно *этика есть сердце демократии*. Некоторые авторы даже говорят о наступлении «этической эры» в управлении. Не оценивая степень справедливости столь максималистского утверждения, в то же время отмечу, что разработка и принятие этических (под разными названиями) кодексов стали знаменем времени в ряде стран в диапазоне от Америки до Казахстана. Россия тоже не находится в стороне от этих процессов, хотя, на мой взгляд, им уделяется явно недостаточное реальное внимание, и поэтому, как было отмечено выше, они во многом носят формальный и даже имитационный характер.

В данной связи интересны так называемые парадоксы Д. Томпсона. Этот ведущий современный теоретик и эксперт в области политической и административной этики сформулировал, рассуждая о существовании различий между этикой правительственной и частной, три парадокса. *Первый*: хотя этика порой кажется менее важной, чем все остальные вопросы, но, поскольку она косвенно влияет на все принимаемые решения, в конечном счёте, именно она оказывается самой важной. *Второй*: моральные добродетели частной жизни (например, такие, как застенчивость, нежелание привлекать внимание к собственной персоне) не всегда оказываются добродетелями в жизни публичной. *Третий*: негативное с точки зрения общественной морали впечатление от тех или иных поступков государственного служащего (даже если такое впечатление на самом деле ошибочно) играет отрицательную роль, ибо подрывает доверие к правительству и, в более широком смысле, к демократии в целом [Thompson, 1992. Pp. 52–60].

Поэтому чиновник обязан учитывать и фактор публичности своей деятельности и быть особенно щепетилен в своем поведении, причем не только на службе, но и вне её. Иначе говоря, *соответствие поведения облечённых полномочиями должностных лиц достаточно высоким стандартам — цена веры общества в демократию*. Пренебрежение этим правилом во многих случаях стало одной из главных причин произошедшей за последние десятилетия дискредитации демократических институтов в общественном сознании. Последствия этого мы, увы, наблюдаем повседневно.

Важный аспект административной этики — моральные *самоограничения*, т.е. более высокие, по сравнению с другими гражданами, требования к себе. Ведь даже среднего ранга чиновник имеет больше возможностей, нежели рядовой гражданин, и именно поэтому *не всё практически возможное и достижимое должно быть для него морально приемлемым*. Не будем здесь рассуждать о материальных привилегиях, о коррупционных возможностях и тем более о рутинной житейской аморальности и т.п. Это отдельная и очень большая для нашего общества тема. Здесь же хотелось бы обратить внимание на те самоограничения, которые должностное лицо должно, подчёркиваю, само накладывать на выбор тех или иных своих действий, той или иной линии поведения в рамках своих полномочий. Иными словами, *не всегда то, что позволяет ему закон, допустимо с моральной точки зрения*, тем более что закон зачастую предоставляет должностным лицам, действующим как бы от лица государства, возможность довольно широкого выбора вариантов поведения в рамках их служебных полномочий. И во многих случаях это неизбежно и нормально. Ещё Екатерина II говорила, что нельзя на всё написать регламенты. На языке юридической науки это называется «пробелами права», а в теории государственного управления — «серой зоной». И в этой «пробельной» зоне роль этического регулирования, включая саморегулирование, резко возрастает.

Другая сторона проблемы — *необходимость многообразных форм контроля над должностными лицами*, в первую очередь — контроля общественного, делающего их поступки и даже мотивы поступков известными для граждан, а саму *власть — прозрачной*. Ведь, как известно, государственная власть по своей природе склонна к секретности, к набрасыванию на себя флёра таинственности. О том, что столь любимая бюрократами завеса тайны над их материалами и действиями — благоприятнейшая среда и для ошибоч-

ных решений, и для прямых злоупотреблений, ярко писал ещё ранний К. Маркс. Именно поэтому в демократическом обществе власть в той или иной мере находится под прицелом общественных «прожекторов». Неслучайно, например, в США после Уотергейтского скандала был принят целый ряд законов о прозрачности правительства, получивших общее наименование Sun Shine Laws (Законодательство солнечного света). На сегодняшний день законы об открытости информации, о доступе к ней граждан приняты под разными названиями более чем в пятидесяти государствах мира. Россия, увы, пока не входит в их число.

Один из важных компонентов «этического режима» — понятие *служебной репутации*. Оно предполагает наличие у служащего морального авторитета в глазах окружающих (или его отсутствие). Под репутацией понимается сложившееся у окружающих мнение о нравственном облике того или иного человека (или даже коллектива), основанное на его предшествующем поведении, моральная оценка его поступков и производное отсюда ожидание характера его действий в будущем. Таким образом, репутация обращена и «назад», и «вперёд». С одной стороны, в ней отражено положительное либо отрицательное отношение к прошлой деятельности человека, с другой — репутация оказывает влияние на его роль и место в будущем, в частности, в последующей совместной работе в этом или другом административном коллективе. Возможно даже, что служебную репутацию следует рассматривать как один из интегрирующих компонентов «этического режима». Применительно к современной России приходится констатировать, что понятие репутации у нас, к несчастью, размылось, а её значимость на шкале общественных ценностей девальвировалась. И это весьма тревожный и опасный симптом. Применительно же к обсуждаемой теме это опасно вдвойне, ибо служебная репутация чиновника критически важна не только для него самого как личности и даже не только для органа, который он представляет. Она становится фактором, влияющим на авторитет государства, на меру уважения к государственным институтам в целом. А с этим у нас, как известно, дела, как минимум, оставляют желать лучшего.

Отнюдь не будучи склонен к прекраснотушным идеализациям и стараясь смотреть на вещи прагматично, тем не менее в завершение ещё раз подчеркну принципиальную важность этического фактора в обеспечении должного служебного поведения работников государственного и муниципального аппарата. Это включает в себя как его внешнее регулирование посредством этических кодексов служащих и мониторинга их реального соблюдения, так и внутреннее саморегулирование на групповом и личностном уровнях, основанное на инкорпорировании и актуализации в их повседневной практике гуманитарных человеческих ценностей. С точки зрения философии этики подобное саморегулирование на уровне отдельной личности метафорически можно назвать «внутренним голосом совести». Что отнюдь не предполагает ни какого-то особого альтруизма, ни чего-то выходящего за пределы мотиваций и установок члена светского гражданского общества. Напротив, полноценной этической ответственности государственного служащего можно ожидать лишь при гармоничном сочетании в его работе и частной жизни личных интересов и деловой ориентации на повышение общественного блага. Но подробное рассмотрение всего комплекса связанных с этим проблем — предмет других исследований. Да ими одними дела и не решить.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Дж., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: АСТ.
- Аристотель (1984а). Большая этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. — М. Мысль. С. 275–374.
- Аристотель. (1984b). Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. Мысль. С. 375–644.
- Вернадский В.И. (1991). Страницы автобиографии. — М.: Наука.
- Гайдар Е.Т. (2009). Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. — СПб.: Норма.
- Гоббс Т. (2001). Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. — М.: Мысль.

- Заостровцев А. (2014). О развитии и отсталости. Как экономисты объясняют историю? — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. М-Центр.
- Кон И. (1967). Социология личности. — М.: Политиздат.
- Крыштановская О.В. (1995). Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 51–65.
- Кукатас Ч. (2011). Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы. — М.: Мысль.
- Михник А. (2013). Большая история Вацлава Гавела // *Государство. Общество. Управление*. — М.: Альпина паблишер. С. 15–44.
- Никитенко А.В. (2005). *Дневник*: В 3 т. Т.1. — М.: Захаров.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Оболонский А.В. (2020). Люстрация как институт периода транзита: плюсы и минусы // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 87–101.
- Оболонский А. (2018). Химера особого пути — дорога в цивилизационный тупик // «Особый путь» страны. Мифы и реальность. Под общ. ред. А.В. Оболонского. — М.: Мысль. С. 11–54.
- Оболонский А.В. (2016). Этика публичной сферы и реалии политической жизни. — М.: Мысль.
- Первин Л., Джон О. (2000). Психология личности. — М.: АспектПресс.
- Смоляр А. (2012). Табу и невинность. — М.: Мысль.
- Солженицын А.И. (1987). Архипелаг ГУЛАГ. — Париж: YMCA-Press.
- Фукуяма Ф. (2019). Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер.
- Чичерин Б.Н. (1883). Собственность и государство: В 2 т. Т. 2. — М. Б/и.
- Юм Д. (1996). О партиях вообще // Юм Д. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. — М.: Мысль. С. 511–517.
- McCloskey D. (2010). *Bourgeois Dignity: Why Economists Can't Explain the Modern World*. — Chicago and London: Chicago University Press.
- Thompson D. (1992). Paradoxes of Governments Ethics // *Public Administration Review*. Vol. 52. No. 3. Pp. 252–259.

Оболонский Александр Валентинович

aobolonsky@hse.ru

Alexander V. Obolonsky

Doctor of Sciences (Law), Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

aobolonsky@hse.ru

**HUMAN FACTOR IN GOVERNANCE DURING TRANSIT TIMES
IN A VIEW OF NEW INSTITUTIONALISM CONCEPTS**

Abstract. The subject of article – the important meaning of human factor in public sector during transitional period. It has interdisciplinary character and integrating several research approaches. Starting from classical texts of Aristotle, A. Smith, T. Gobbes, von Mises, author analyses the works of leading contemporary economists and political scientists – North, Acemoglu, Kukatas, Lal, Furuyama and others – in terms of significance of role of values and other non-institutional subjective aspects of government and demonstrates that each of them finds it very important. The special attention paid to McCloskey's concept of humanomics who grounds is based on valuable and other ethical factors. She calls them “bourgeois virtues and supposes them necessary condition for economic and social progress. This analytical review confirms narrow-mindedness of “economical man” model in terms of contemporary liberal paradigm and also recognition of significance, sometimes decided, role of non-institutional factors by institutionalists themselves. Further in the article the organizational, ethical and psychological problems of post-Soviet public service are considered. In psychological aspect such expenses of transit time as resentment, losses of status, and other, including illegal forms of their compensation are considered. The concluding part of article devoted to detailed discussion of questions connected with the ethics of public servants because the author believes that ethical factor is one of key points for formation of new pattern of public service, adequate to realities and challengers of time.

Keywords: *new institutionalism, human factor, public officials, public governance, ethics, psychology.*

JEL: B10, B15, B 25, B50, K 42.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2015). *Pochemu odni strany bogatyye, a drugiye bednyye. Proiskhozhdeniye, vlasti, prrotsvetaniya i nishchety* [Why Some Countries are Rich but Others Poor: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. — M.: AST. (In Russ.).
- Aristotle (1984a). Bol'shaya etika [Eudemean Ethics] // *Aristotle. Sochineniya*: V 4-kh t. [Works in 4 volumes]. Vol. 4. — M.: Mysl'. Pp. 275–374. (In Russ.).
- Aristotle (1984b). Politika [Politia] // *Aristotle. Sochineniya*: V 4-kh t. [Works in 4 volumes. Vol. 4.]. — M. Mysl'. Pp. 375–644. (In Russ.).
- Chicherin B.N. (1883). *Sobstvennost' i gosudarstvo*: V 2 t. T. 2. [The Property and the State. In two volumes. Vol. 23.] — M.: W/P. (In Russ.).
- Fukuyama F. (2019). *Identichnost'. Stremeniye k priznaniyu i politika nepriyatya* [Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment]. — M.: Albina publisher. (In Russ.).
- Gaidar E.T. (2009). *Vlast' i sobstvennost': Smuty i instituty. Gosudarstvo i evolyutsiya*. [Power and Property: Turbulences and Institutions. State and Evolution]. — SPb.: Norma.
- Hobbs T. (2001). *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil]. — M.: Mysl'. (In Russ.).
- Hume D. (1996). O partiyakh voobshche [On parties in general]. Hume D. *Sochineniya v 2-kh t. T. 2.* [Works in two volumes]. Vol. 2. — M.: Mysl'. Pp. 511–517. (In Russ.).
- Kohn I. (1967). *Sotsiologiya lichnosti* [Sociology of Personality]. — M.: Politizdat. (In Russ.).
- Krychshstanovskaya O.V. (1995). Transformatsiya staroy nomenklatury v novuyu rossiyskuyu elitu [Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite] // *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 1. Pp. 51–65. (In Russ.).
- Kukatas Ch. (2011). *Liberal'nyy arhipelag. Teoriya raznoobraziya i svobody* [The Liberal Archipelago. A Theory of Diversity and Freedom]. — M.: Mysl'. (In Russ.).
- McCloskey D. (2010). *Bourgeois Dignity: Why Economists Can't Explain the Modern World*. — Chicago and London: Chicago University Press.
- Mishnik A. (2013). Bol'shaya istoriya Vatslava Gavela [Big Story of Vatslav Gavel] // *Gosudarstvo. Obshchestvo. Upravleniye* [State. Society. Governance]. — M.: Albina publisher. Pp. 15–48. (In Russ.).
- Nikitenko A.V. (2005). *Dnevnik v 3 t. T.1* [Diary. In 3 vol. Vol. 1]. — M.: Zarharov. Vol. 1. (In Russ.).
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Klntseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. — M.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Obolonskiy A.V. (2016). *Etika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni* [Ethics of the public sphere and the realities of political life]. — M.: Mysl'. (In Russ.).
- Obolonsky A. (2020). Lyustratsiya kak institut perioda tranzita: plyusy i minusy [Lustration as the Institute for Transit Period: pro and contra] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 87–101. (In Russ.).
- Obolonsky A. (2018). Khimera osobogo puti — doroga v tsivilizatsionnyy tupik [Chimera of a special path — way to civilization dead end] // «Osoby put'» strany. *Mify i real'nost'* / Pod obshchey redaktsiyey A.V. Obolonskogo [“Special path” of Country. Myths and Reality. Ed. By A. Obolonsky]. — M.: Mysl'. Pp. 11–54. (In Russ.).
- Perwin L., John O. (2000). *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of Personality]. — M.: Aspect Press. (In Russ.).
- Smolar A. (2012). *Tabu i Niewinnost'* [Taboo and Innocence]. — M: Mysl'. (In Russ.).
- Solzhenitsyn A.I. (1987). *Arhipelag GULAG* [GULAG Archipelago]. — Paris: YMCA-Press.
- Thompson D. (1992). Paradoxes of Governments Ethics // *Public Administration Review*. Vol. 52. No. 3. Pp. 252–259.
- Vernadsky V.I. (1991). *Stranitsy avtobiografii*. [Pages of Authobiography]. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Zaostrovtssev A. (2014). *O razvitii i otstalosti. Kak ekonomisty ob'yasnyayut istoriyu?* [On Development and Backwardness. How the Economists Explain History?]. — SPb.: The publishing house of the European Institute in Sankt-Petersbourgh. M-Tsentr. (In Russ.).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.А. Баженова

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

РАБОТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА DEA

Аннотация. В постсоветских странах тема реформирования полиции, судов и тюрем (система уголовного правосудия — СУП) ныне широко обсуждается. Чтобы улучшить ситуацию, важно предварить процесс реформирования межстрановым сравнением результативности работы этой системы. Такой анализ помогает убедиться в реальной необходимости реформ, определить их возможные направления и значения целевых показателей. Можно ли оценивать результативность СУП всесторонне, не игнорируя социально-экономический контекст, динамически на национальном уровне, используя открытые данные? Принимая во внимание методологические и содержательные ограничения (отсутствие данных, недостающие значения, изменение методологии анализируемых показателей, различные представления о надлежащей работе СУП), видимо, имеет смысл опираться на расчет интегрального показателя результативности СУП. Он позволяет в контексте социально-экономической ситуации рассмотреть изменения результативности во времени и проанализировать максимально возможное количество стран, не исключая возможности дальнейшего усложнения статистического анализа.

Модель на основе метода DEA (Data Envelopment Analysis — или «анализ среды функционирования») позволяет решить поставленную задачу. Она включает 8 переменных, описывающих функционирование СУП, его субъективное восприятие, загруженность и ресурсообеспеченность для 31 страны в 2004, 2008 и 2014 гг. В статье выявлены четыре основные тенденции изменения показателя результативности работы СУП с течением времени. Рассмотрены основные возможные причины полученной динамики для девяти стран — наиболее ярких представителей выявленных тенденций. Полученный индекс сам по себе более информативен, чем существующие оценки СУП, а также может быть легко использован в дальнейшем статистическом моделировании, в частности кластеризации, SEM-моделировании и т.д.

Ключевые слова: *межстрановые сравнения, результативность системы уголовного правосудия, ресурсная обеспеченность.*

JEL: BA14, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_146_162.

Введение

Цель данного исследования — оценка возможности создания комплексного показателя, описывающего деятельность органов уголовного правосудия на национальном уровне. Предлагаемая гипотеза состоит в том, что существует набор наиболее точно описывающих результативность полиции, судов и тюрем показателей, использование которых поможет количественно оценить их результативность с помощью единого индекса, пригодного для использования в дальнейшем статистическом моделировании. Например, такой показатель результативности может применяться в SEM-моделировании, описывая взаимосвязь между работой органов уголовного правосудия и национальным уровнем преступности, аномией, особенностями правовой системы в государствах и т.д.

Вопрос о правомерности и целесообразности изучения результативности органов уголовного правосудия стал активно рассматриваться уже во второй половине XX в. Активные исследования влияния правовой сферы на экономическую начались после Второй мировой войны, когда страны третьего мира освободились от колониальной зависимости, а развитые страны разработали программы помощи им, включая попытки перенести практику своих правовых систем в жизнь развивающихся стран для содействия их социально-экономическому развитию.

Затем стало набирать силу движение «Право и развитие». Активно начавшиеся тогда исследования известны как первая волна этого движения [*The New Law...*, 2006. P. 77]. В рамках теории модернизации, которая во многом составляла теоретическую основу данного направления, предполагалось, что адаптация «современного права» создаст нормативные предпосылки для быстрого развития бывших колоний. Сегодня известно, что результаты были весьма далеки от ожидаемых, поскольку в развивающихся странах не было необходимых культурных, политических и социально-экономических условий для трансплантации правовых институтов развитых государств.

В конце 1980-х и 1990-х гг. после краха социалистической системы возникла вторая волна движения «Право и развитие» [*Trubek, Santos*, 2006. P. 1]. Она сопровождалась либеральными экономическими реформами в бывших социалистических и развивающихся странах Азии и Латинской Америке, а также правовыми новациями. Эта волна существенно изменила правовые системы многих стран мира, что определило характер многих социально-экономических и политических проблем.

По мнению ряда исследователей, третья волна движения «Закон и развитие» началась в конце 1990-х гг. [*Trubek, Santos*, 2006. P. 2] и продолжается по сей день. Она связана с осмыслением опыта трансформации 1990-х гг. (как и в предыдущий период), прежде всего за счет более широкого включения в анализ социальных, культурных и исторических факторов. Это повлияло как на успех, так и на провал преобразований в бывших социалистических и развивающихся странах, в частности в странах Восточной Азии (Корея, Тайвань, Сингапур и Китай). Неудачи предыдущего периода модификаций привели к переосмыслению роли принципа верховенства закона, реализация которого рассматривается все большим числом исследователей не как средство достижения социально-экономического развития, а как важная самостоятельная цель. Некоторые исследователи также ставят более обширные задачи по разработке общей теории под эгидой «закона и развития», которая объединяла бы широкий спектр правовых, экономических, политических и социальных факторов и описывала механизм воздействия закона на развитие общества как в развитых, так и развивающихся странах [*Yong-Shik*, 2017. P. 415].

Однако в настоящее время все еще не ясно, как связаны сферы права и социально-экономического развития на эмпирическом уровне, поскольку нет достаточно масштабных работ, основанных на конкретных межстрановых данных. Дело в том, что правовые системы различаются на уровне страны и соответствующие исследования также должны

проводиться на межстрановом уровне для определения имеющегося воздействия. Потому данное исследование направлено на изучение важнейших факторов деятельности полиции, судов и тюрем. В частности, аналитический взгляд фиксируется на том, есть ли возможность создать сложный индикатор на основе открытых источников статистических данных. В дальнейшем полученные результаты могут быть использованы в SEM-моделировании или другом эконометрическом исследовании, позволяющем оценить взаимосвязь между функционированием системы уголовного правосудия и, например, уровнем преступности, уровнем аномии, особенностями правовой системы и т.д.

Для достижения вышеупомянутой цели в исследовании проводится динамическая межнациональная оценка результативности системы уголовного правосудия. Сильной стороной такого подхода является способность преобразовывать сложную динамику, объединяющую производительность, наличие ресурсов и ограничения, в количественную форму. В рамках данной статьи предполагается, что результативность системы уголовного правосудия по сравнению с другими отраслями государственной правоохранительной системы, во-первых, лучше всего описывается количественными открытыми данными. Во-вторых, она с наименьшим количеством исключений подвергается межнациональному сравнению и типологии в отличие, например, от характеристик системы противодействия административным правонарушениям. В-третьих, в контексте субъективной оценки работы системы населением и экспертной оценки уровня коррупции органов государственной власти данный подход способен отразить основные возможности и ограничения законодательной системы страны в целом.

Работа структурирована следующим образом. В первом разделе представлены обзор основной литературы, в которой исследуется взаимосвязь между результативностью системы уголовного правосудия и социально-экономическим развитием, а также вопросы и гипотезы исследования наряду с обзором работ, использующих похожие элементы эмпирической стратегии. Следующий раздел посвящён обоснованию методологии, принятой в данном исследовании, наряду с кратким описанием подхода, используемого для оценки результативности работы системы уголовного правосудия. В третьем разделе представлены результаты анализа совокупности данных, указывающих на важнейшие типы результативности системы уголовного правосудия в соответствии с факторами, включенными в анализ. В следующем разделе обсуждаются результаты и основные ограничения исследования. В последнем разделе говорится о политических и исследовательских перспективах исследования.

Роль системы уголовного правосудия в социально-экономическом развитии государства

Анализ имеющейся литературы свидетельствует об отсутствии обобщающих исследований системы уголовного правосудия, основанных на конкретных эмпирических данных. В некоторой степени такие исследования проводились в рамках Европейского института по предупреждению преступности и борьбе с ней, аффилированного с ООН (HEUNI), о целесообразности, возможностях и ограничениях межстранового анализа систем уголовного правосудия (см., в частности, работы [*Crime and Criminal Justice...*, 2008. Pp. 9, 94; *International Statistics on Crime...*, 2010. Pp. 87]). В них обосновывались основные методы работы с динамическими рядами в статистике уголовного правосудия, рассматривались подходы к кластеризации с использованием категориального метода главных компонент и анализа данных с пропущенными значениями. Также важно учитывать не только методологические, но и политические аспекты изучения криминологией количественного аспекта сложных явлений, таких как виктимизация (см.: [Lauritsen, 2010. P. 501]).

Наряду с этим, в некоторых работах затрагивается вопрос обоснованности межнационального подхода при исследовании системы уголовного правосудия; разъясняется необходимость сравнения национальных количественных данных по уголовной статистике нескольких государств для повышения результативности реформ в правовой системе страны [Tonry, 2015. P. 505]. Подчеркивается, что межнациональный анализ помогает защитить законодательные органы от ошибок, допущенных в других странах, найти новые решения проблем, связанных с коррумпированностью органов уголовного правосудия [Nelken, 2010. P. 11]. Кроме того, оценивалась результативность работы полиции и уровень законности действий органов уголовного правосудия путем построения интегрированных показателей «Индекс результативности полиции» и «Индекс законности» [Van Dijk, 2008. P. 145].

Стоит отметить наличие исследований, затрагивающих территориальный аспект криминологических явлений не на национальном, а на региональном уровне. Такое приближение позволяет, например, использовать байесовские модели пространства-времени для анализа динамических данных о преступности в отдельных муниципалитетах [Law, Quick, Chan, 2014. P. 57], а также распределений Бенфорда в штате и даже с точностью до улицы [Hickman, Rice, 2010. P. 333]. При этом отмечается важность анализа различий между национальными и региональными тенденциями уровня преступности с использованием панельных данных [McDowall, Loftin, 2009. P. 307].

Несомненный интерес представляют эмпирические исследования той или иной части системы уголовного правосудия. К ним относится, например, исследование [Alford, 2000. P. 125], родившееся как ответ на фундаментальный труд М. Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». В нем критикуется точка зрения Фуко за представление власти как центра общественной жизни, а тюрьмы — как децентрализованной сети, позволяющей государству осуществлять иерархический надзор и дисциплинарный контроль [Фуко, 2015. С. 279]. На примере американских тюрем с повышенным уровнем безопасности это исследование констатирует отсутствие суровых дисциплинарных мер в тюрьмах, о которых писал Фуко, и определяет количество заключенных как единственный неизменно важный показатель для контроля над тюремной системой.

Как правило, исследования, в которых анализируются количественные данные о деятельности полиции, судов и тюрем в разных странах, не принимают во внимание их взаимосвязь с показателями, характеризующими другие сферы общества. Так, в исследовании Института проблем правоохранительной деятельности анализируется результативность полиции с точки зрения финансирования как доля расходов полиции в ВВП России [Волков, Григорьев, Дмитриева, Моисеева, Четверикова, 2012. С. 6]. В нем также приводится межстрановой анализ, который включает, помимо некоторых стран СНГ, европейские страны, Бразилию, Нигерию и Южную Африку. Рассчитанные в данной работе индексы борьбы с преступностью и применения насилия для разрешения конфликтных ситуаций позволили оценить результативность работы российской полиции как низкую, в связи с чем было предложено сократить ее численность.

Социальный контекст в целом отмечается отдельными криминологами как неотъемлемый компонент анализа криминальных явлений. Например, [Chamlin, Myer, 2009. P. 371] описывают связь между уровнем преступности и количеством арестованных. Кроме того, при анализе деятельности органов уголовного правосудия стоит упомянуть условие, при котором повышение качества работы полиции и снижение уровня преступности не меняет отношения общества, описываемого с помощью концепции процессуального правосудия, — то, как правоохранительная система обращается с гражданами.

Несколько исследований подтвердили тесную связь между этими условиями и реакцией людей на полицию [Lind, Tyler, 1988. P. 221; Tyler, 2003. P. 283; Handbook of Justice, 2001. P. 65; Sunshine, Tyler, 2003. P. 555]. Если действия полиции считаются справедливыми, то они

рассматриваются населением как законные [Murphy, Hinds, Fleming, 2008. P. 136; Reising, Bratton, Gertz, 2007. P. 1005]. Также отмечается, что легитимность полиции чрезвычайно важна для населения страны и напрямую зависит от процессуальной справедливости в ее деятельности, поскольку сотрудники могут действовать в рамках закона, но не быть узаконенными обществом, о чем говорится в специальной публикации Кембриджского комитета от 2010 г.¹.

Также отмечается необходимость анализа данных о взаимодействии системы уголовного правосудия с беднейшими слоями населения, отсутствие информации о которых снижает результативность государственной уголовной политики по отношению к наиболее уязвимым гражданам [Hashimoto, 2011. P. 31; Meloni, 2014. P. 28]. Аналогичные выводы сделаны для сообществ мигрантов [Miles, Cox, 2014. P. 937]. Некоторые аспекты финансирования системы уголовного правосудия, в частности дифференциация воздействия бюджетной реформы полиции на определенные виды преступлений, исследователи описывают с точки зрения социальных издержек [Palmer, Phillips, Sullivan, 2019. P. 34].

В то же время в литературе отсутствуют исследования, которые основывались бы на анализе интегральных показателей, позволяющих оценить деятельность полиции, судов и тюрем с точки зрения ресурсной обеспеченности и отношения населения к правоохранительным органам на основе пространственно-временных данных. Это препятствует проведению обобщенного анализа результативности системы уголовного правосудия.

Эмпирическая стратегия

Результативность системы уголовного правосудия (далее СУП), то есть способность полиции, судов и тюрем достичь своих целей, обычно оценивается с помощью ряда количественных показателей, которые характеризуют определенные аспекты ее функционирования. В частности, УНП ООН предоставляет большой набор данных о количественных результатах и возможностях систем уголовного правосудия. Например, учитывается количество граждан страны, которые официально контактировали с полицией, количество осужденных, количество заключенных, количество персонала в судах, тюрьмах и т.д.

Такие данные удобно использовать, например, для ежегодной оценки динамики развития отдельного подразделения СУП, чтобы дать системным менеджерам представление о размере и «масштабах» полиции, судов и тюрем. Тот факт, что такие наборы данных продолжают собираться и обрабатываться, указывает на потребность в них, что, вероятно, связано с необходимостью краткого описания текущего состояния системы на национальном уровне и обоснования решений о необходимости ее реформирования и характере возможных реформ.

Однако целесообразность использования таких «вакуумных» данных в отрыве от социально-экономического контекста вызывает сомнения. У этой практики есть ряд недостатков. Во-первых, выделяются методологические недостатки: ряды данных часто неполны и представлены не по всем странам, что затрудняет международные сравнения, иногда необходимые для анализа результативности реформ за рубежом. Кроме того, многие ключевые показатели, например численность судебного персонала, для многих стран начали собираться намного позже, чем «базовые», такие как количество официальных контактов населения с полицией в год. Также стоит отметить, что за десятилетия наблюдений методология сбора данных неизбежно меняется и это может повлиять на динамику некоторых показателей (что, вероятно, отражается в данных о численности персонала

¹ The Cambridge Review Committee. (2010). Missed opportunities shared responsibilities: Final report of the Cambridge Review Committee. Police Executive Research Forum. Retrieved from https://www2.cambridgema.gov/CityOfCambridge_Content/documents/Cambridge%20Review_FINAL.pdf (дата обращения: 16.03.2019).

в системе уголовного правосудия США, поэтому страну пришлось исключить из анализа). В результате без восстановления пропущенных значений такие данные нельзя использовать для анализа временных рядов на межстрановом уровне.

Во-вторых, если на основе таких данных анализируются работы исследователей или государственных служащих из разных стран, то мы сталкиваемся с различиями в их понимании функционирования системы уголовного правосудия, а значит, возникают трудности при сопоставительном анализе. Кроме того, при введении в действие концепции производительности использование только количественных данных, например, о людях, прошедших через систему или обслуживающих ее, делает анализ односторонним и, по сути, бесполезным, поскольку одно и то же число полицейских и заключенных в каждой стране говорит о совершенно разных состояниях системы уголовного правосудия.

В то же время необходимость межстранового сравнения результативности системы уголовного правосудия давно доказана другими исследованиями. Такие исследования полезны для оценки необходимости и возможных направлений реформирования системы уголовного правосудия на государственном уровне, основанной на международном опыте (см., например: [Tonry, 2007. P. 9]).

Возможно ли всесторонне оценить результативность системы уголовного правосудия, принимая во внимание социально-экономический контекст, на национальном уровне, исходя из ее сопоставления с международными данными? Ответом, учитывая перечисленные методологические и содержательные проблемы, видится создание интегрального показателя результативности органов уголовного правосудия, который позволил бы комплексно в контексте социально-экономической ситуации в стране оценивать результативность системы органов уголовного правосудия, посмотреть на ее изменение во времени и соотнести с максимально возможными показателями, полученными в других странах. В то же время использование многих статистических методов здесь невозможно из-за «сырости» данных, поэтому метод DEA был выбран как лучший вариант в данной работе.

Его выбор обусловлен возможностью оценки любого числа единиц принятия решений (в данном случае стран), включения практически любого количества зависимых и независимых переменных в модель результативности без предварительной стандартизации (кроме случаев перекодирования индексов, которые обсуждаются ниже). Возможен также учёт контекста рассматриваемого явления с использованием переменных окружающей среды, отдачи от масштаба, исправления систематических ошибок в анализе и оценки динамики результативности в отдельные моменты времени (при сохранении состава единиц, принимающих решения).

Недостатком метода является жёсткое требование к полноте набора данных, поэтому мы предварительно провели многократные вменения недостающих значений показателей. Данные для этой работы были вменены, чтобы использовать упомянутое намерение рассмотреть показатели в динамике (в данном исследовании рассматриваются три временных момента — 2004, 2008 и 2014 гг.). Нельзя не отметить и невозможность использования отрицательных значений данных — индексы с отрицательными значениями необходимо перекодировать (в частности, в данной работе оценки индикаторов Всемирного банка были перекодированы) и выбирать показатели, увеличение которых приводит к увеличению значения результативности (следовательно, исходные индексы политических и гражданских свобод Freedom House, где самые свободные страны имеют значение 1, а наименее свободные страны — 7, также были перекодированы). Выбор временных точек обусловлен привязкой к экономическому кризису 2008 г. как поворотному моменту в экономике большинства стран, предположительно оказавшему существенное влияние на показатели, используемые в данной работе.

Метод множественных вменений (полностью условная спецификация) представляется оптимальным, поскольку позволяет восстанавливать значения с учетом данных не

только «потенциально излечимого» временного ряда, но и дополнительных предикторов (восстановление основано на принципе линейной регрессии). В данном случае предикторами выступили показатели ВВП по ППС и показатель борьбы с коррупцией Всемирного банка как наиболее полные и помогающие сделать более точное предположение о характере корректировки восстановленных значений. Расчёт производился для стран, в которых наблюдалось не более 35% пропущенных значений временного ряда любого из рассматриваемых показателей. В результате условное исчисление сделало возможным анализ во времени — без него данных в исходном временном ряду за 2004 г. было бы достаточно только для 11 стран, в то время как его использование позволило сравнить 32 страны за три года наблюдения. Дальнейшее увеличение количества рассматриваемых стран возможно только при сокращении количества включенных в анализ показателей, что лишит его комплексного характера².

В результате, учитывая возможности и ограничения метода DEA, была выбрана модель с указанными ниже переменными.

Зависимые переменные

Такие вопросы Gallup World Poll, как «Доверие местного полицейского населения, измеряемое ответом на вопрос “В городе или районе, где вы живете, доверяете ли вы местной полиции?”» и «Чувствуете ли вы себя в безопасности, гуляя ночью в одиночестве по городу или району, где вы живете?» были выбраны в качестве источника данных о субъективной оценке населением уровня виктимизации. Учитывалась доля положительных ответов на эти вопросы. Стоит отметить, что эти данные использовались и в других исследованиях в качестве меры социального и институционального доверия (см. например: [Audretsch, Seitz, Rouch, 2018. P. 71]). Этот показатель уверенности также применялся для межстранового исследования взаимосвязи между доверием и коррупцией [Clausen, Kraay, Nyiri, 2011. P. 212], а также между доверием и будущей удовлетворенностью жизнью [Macchia, Plagnol, 2019. P. 721], социальными поведенческими нормами и успешностью работы правоохранительных органов [Pechansky, Chandran, Sousa, 2016. P. 161].

В моделировании DEA в этом случае в качестве зависимой переменной указываются детерминанты результативности работы полиции, судов и тюрем. Используемая модель нацелена на максимизацию значений переменных вывода: она основана на концепции, согласно которой ресурсы, затрачиваемые на систему уголовного правосудия, должны эффективно использоваться системой, чтобы в конечном итоге население чувствовало себя в безопасности и оценивало уровень преступности как низкий.

² Стоит отметить, что метод не предполагает расчета показателя результативности для одной страны: всегда сопоставляются несколько единиц принятия решений для оценки их результативности и определения возможных вариантов развития или оптимизации их функционирования. В рамках данной работы значения интегрального показателя результативности для рассматриваемых стран последовательно (в трёх временных точках) рассчитываются по модели, указанной в Приложении Б, с использованием перечисленных далее переменных. Затем анализируется динамика полученного показателя и возможные причины ее изменения. Замечу, что метод DEA в сочетании с методами сетевого анализа позволяет оценить потенциальную результативность стран при изменении ее ресурсной обеспеченности и, как следствие, роль экономических факторов в работе органов уголовного правосудия. Кроме того, сетевой анализ в сочетании с DEA дает возможность оценить межстрановой аспект результативности уголовного правосудия, например, через расчет кросс-эффективности — роли взаимного влияния стран на результативность работы их систем уголовного правосудия. Применение методов сетевого анализа остается за рамками данной работы. Однако это является одним из возможных дальнейших направлений работы с полученным интегральным показателем.

Независимые переменные

Показатели загруженности полиции и судов призваны отражать доступность ресурсов и результативность анализируемой системы на национальном уровне. Объем работы полиции рассчитан на основе данных УНП ООН. Показатель представляет собой отношение количества людей, имевших официальный контакт с органами уголовного правосудия, к количеству сотрудников полиции. Загруженность судов также рассчитывается на основе данных УНП ООН как отношение количества осужденных к количеству сотрудников судов и мировых судей.

Эти данные редко используются в количественных криминологических исследованиях. Среди наиболее ярких примеров — исследование кумовства в полиции Албании и Грузии [Hensell, 2012. P. 811], палочная система в России [Paneyakh, 2014. P. 115], ряд работ по торговле людьми [Bello, 2018. P. 140; Broussard, 2017. P. 118] и сексуальному насилию [Keenan, Zinsstag, O’Nolan, 2016. P. 86]. Особо стоит выделить исследование, авторы которого стремятся статистически объяснить уровень убийств в 145 странах, в том числе на основе этих данных [Ouimet, Langlade, Chabot, 2018. P. 241].

Переменные среды

Одно из преимуществ использования метода DEA — возможность использовать переменные среды, которые могут косвенно влиять на показатели результативности. Следующие несколько переменных были выбраны, чтобы учесть контекст, в котором существуют другие переменные.

Во-первых, Всемирный банк оценивает ВВП по ППС как «меньшее из зол» в международных сопоставлениях экономических условий в разных странах и их способности финансировать систему уголовного правосудия. Эти данные чрезвычайно широко используются в различных исследованиях, будь то изучение взаимосвязи между неравенством и субъективным восприятием справедливости [Stewart, 2016. P. 60], нерациональное использование капитала правоохранительной системы [Schneider, 2019. P. 1], бедность, неравенство, преступность и социальные расходы [Anser, Yousaf, Nassani, Alotaibi, Kabbani, Zaman, 2020. P. 1], уровень преступности, индекс нищеты и демократия [Saboor, Sadiq, Khan, Hameed, 2017. P. 31], макроэкономическая неопределенность [Goulas, Zervoyianni, 2013. P. 420], уязвимость от преступности и международный туризм [Nassani, Aldakhil, Abro, Zaman, 2018. P. 1201] или перераспределение предпочтений между богатыми и бедными [Rueda, Stegmueller, 2016. C. 472].

Во-вторых, во внимание принимаются оценки Всемирного банка по борьбе с коррупцией как способ решения системных проблем, связанных со взяточничеством и недобросовестностью сотрудников СУП в целом. Вопросы коррупции с использованием этих данных также неоднократно поднимались многими исследователями, например, при рассмотрении взаимосвязи между экономическими, политическими и правовыми институтами и показателем числа тюремных заключений [D’Amico, Williamson, 2019. P. 217], вертикальным равенством и преступностью [Stewart, 2016. P. 60], детерминантами коррупции [Goel, Mazhar, Nelson, 2016. P. 1220; Abu, Staniewski, 2019. P. 3058; Kubbe, 2018. P. 217] и способами борьбы с ней [Capasso, Goel, Saunoris, 2019. P. 329].

В-третьих, используются индикаторы политической и гражданской свободы Freedom House как способ учета возможностей и ограничений граждан при взаимодействии с государственной системой уголовного правосудия. Этот показатель также не является широко используемым, но есть несколько примеров их применения при изучении политической функции телесных наказаний и смертной казни [Druzin, Wan, 2015. P. 357].

Для расчетов модель, направленная на максимизацию значений выходных переменных, была выбрана как наиболее приемлемая (т.е. предполагается, что система уголовного правосудия направлена на формирование чувства доверия к органам уголовного правосудия и защите ее представителей на бытовом уровне в максимально возможной доле населения страны). В этом случае отдача от масштаба считается постоянной, а также выполняется коррекция смещения³. Общая логика расчетов в рамках эмпирического анализа приведены в Приложении В, результаты спецификации модели — в Приложении Б.

Результаты исследования

При анализе динамики рассчитываемого показателя результативности, значения которого представлены в Приложении А, можно выделить четыре ситуации его изменения (перечислены по возрастанию распространенности):

- ▶ рост в 2008 г. по сравнению с 2004 г., снижение в 2014 г. по сравнению с 2008 г.: наиболее значительные скачки показателя в этой группе стран наблюдались в Польше;
- ▶ рост в 2008 году по сравнению с 2004 г., рост в 2014 г. по сравнению с 2008 г.: наиболее значительные скачки показателя в этой группе стран наблюдались в Панаме;
- ▶ снижение в 2008 г. по сравнению с 2004 г., снижение в 2014 г. по сравнению с 2008 г.: наиболее значительные скачки показателя в этой группе стран наблюдались на Кипре, в Эстонии, Словакии;
- ▶ снижение в 2008 г. по сравнению с 2004 г., рост в 2014 г. по сравнению с 2008 г.: наиболее значительные скачки показателя в этой группе стран наблюдались в Финляндии, Австралии, Южной Корее, Албании.

Рассмотрим, чем вызвано изменение показателя в ранее упомянутых странах по каждой группе.

- ▶ *Польша*. Крайне низкий уровень результативности в 2004 г. не согласуется с динамикой составных показателей индекса результативности: они менялись не так значительно, как рассчитанный показатель. Следовательно, низкое значение в 2004 г. определилось соотношением ситуации в Польше с ситуацией в других странах из списка рассматриваемых: в 2004 г. Польша была одной из стран с самой высокой загруженностью судов.
- ▶ *Панама*. Скачок значения с 2008 — 2014 гг. соизмерим с ростом ВВП на 60%, а также с ростом показателя загруженности полиции на 55%, в то время как остальные рассматриваемые показатели не изменились столь же существенно. Похоже, что финансирование и нагрузка на местные полицейские силы были увеличены в этот период из-за массовых протестов по всей стране⁴.
- ▶ *Кипр*. Несмотря на то, что все показатели, включенные в модель, показали рост в период с 2004 по 2008 гг., за этот же период произошло почти шестикратное снижение показателя результативности. Это случилось, возможно, благодаря более высоким темпам роста остальных стран, включенных в анализ.
- ▶ *Эстония*. Снижение нагрузки на суды и полицию привело к сопоставимому снижению результативности системы с 2004–2008 гг. Менее серьезное, но все же снижение результативности с 2008–2014 гг. связано с 14-кратным уменьшением нагрузки на судебную систему. Вероятно, это связано с внесением поправок в Уголовно-

³ R Documentation — DEA. Robust <https://www.rdocumentation.org/packages/rDEA/versions/1.2-6/topics/dea.env.robust> (дата обращения: 17.09.2020).

⁴ Department of State: 2014 Investment Climate Statement. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/228197.pdf> (дата обращения: 17.09.2020).

процессуальный кодекс, вступивших в силу 1 сентября 2011 г., которые ускоряют судебное разбирательство и усиливают защиту несовершеннолетних. В частности, появилась возможность не вызывать в суд несовершеннолетних, а вместо этого использовать в качестве доказательств их показания, данные в ходе следствия, и видеозаписи и видеоконференцсвязи в судах. Для решения вопроса о неоправданно длительных судебных разбирательствах в ходе данной реформы предоставлена возможность подать ходатайство об ускорении судебного разбирательства. Поправки также установили, что в случае, если уголовное дело не может быть рассмотрено в разумные сроки и нарушение права обвиняемого на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки не может быть устранено каким-либо другим способом, суд может с согласия обвиняемого также прекратить уголовное дело⁵.

- ▶ *Словакия.* Четырехкратное снижение производительности с 2004–2008 гг. связано с почти десятикратным сокращением нагрузки на судей (с 201,54 осужденных на судью в 2004 г. до 20,66 в 2008 г.). Вероятно, это также связано с реформами тех лет, ориентированными на результативность системы уголовного правосудия⁶. Они начали приносить результаты, и к настоящему времени словацкая система правосудия, по мнению экспертов международных аналитических организаций, в значительной степени справляется со своей нагрузкой.
- ▶ *Финляндия.* Страна с наивысшими показателями CJS за отчетный период. С 2008–2014 гг. наблюдался значительный рост показателей DEA, в то время как количественно переменные модели практически не изменились. Вероятно, как и в случае с Кипром, это связано с тем, что остальные страны, условно говоря, не смогли удержаться на плаву и не допустить сильного снижения показателей, входящих в модель в посткризисный период.
- ▶ *Австралия.* Снижение результативности с 2004 — 2008 гг. связано с почти девятикратным снижением значения показателя загруженности судов (с 323,54 в 2004 г. до 37,68 в 2008 г.). Последующий рост, вероятно, связан с увеличением обязанностей, возлагаемых на судей: в частности, в отдельных источниках отмечается их необходимость сверхурочно работать, чтобы успевать рассматривать дела как можно быстрее, а в отдельных случаях судья берет на себя обязанность коронера, что также замедляет процесс рассмотрения дела⁷. Также судьи отмечают такие повышающие нагрузку факторы, как большое число самостоятельно представленных сторон. Это усложняет роль исполнителей в суде, увеличение объемов дел, их усложнение. Стоит учитывать и неосведомленность средств массовой информации, и растущие темпы законодательных изменений⁸.
- ▶ *Южная Корея.* Менее значительное, чем в других странах, но все же довольно существенное снижение показателей DEA с 2004–2008 гг., сопоставимое с уменьшением нагрузки на полицию, суды и повышение доверия к полиции со стороны населения. Снижение нагрузки на судебную систему отмечается в документах, которые описывают предпринятую в Южной Корее дифференциацию судов, например, отдельное

⁵ Consideration of the Fifth Periodic Report of the Republic of Estonia submitted under Article 19 of Convention at the 50th session of the Committee against Torture. https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CAT/Shared%20Documents/EST/INT_CAT_STA_EST_12821_E.doc (дата обращения: 16.09.2020).

⁶ 2020 Rule of Law Report Country Chapter on the rule of law situation in Slovakia. https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/sk_rol_country_chapter.pdf (дата обращения: 16.05.2020).

⁷ 'No relief': chief magistrate warns that Local Court at breaking point. <https://amp.smh.com.au/national/nsw/no-relief-chief-magistrate-warns-that-local-court-at-breaking-point-20190825-p52khn.html> (дата обращения: 16.05.2020).

⁸ NSW Local Court In Crisis. <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=6a83fc4c-1c8b-434b-b938-d5a2f27ed99b> (дата обращения: 16.05.2020).

создание судов по семейным делам⁹, а повышение доверия населения к полиции отмечается в документах, описывающих успехи органов прокуратуры в борьбе с коррупцией¹⁰.

- ▶ *Албания.* Четырехкратное повышение результативности с 2008–2014 гг. было наиболее соизмеримо с увеличением рабочей нагрузки полиции (с 1,36 человек с официальным контактом на одного сотрудника полиции в 2008 г. до 3,07 в 2014 г.). Это согласуется с данными о том, что в 2013 г. в Албании началась разработка поправок к Гражданскому и Уголовно-процессуальному кодексам. Один набор поправок дает судьям право налагать штрафы на адвокатов, которые постоянно отсутствуют на судебных слушаниях по гражданским и уголовным делам, тогда как второй ограничивает типы апелляций, которые могут быть поданы в Верховный суд. Также в рассматриваемый период были приняты меры по повышению ответственности судей и прокуроров путем законодательного закрепления порядка лишения их неприкосновенности и применения дисциплинарных взысканий¹¹.

Видно, что значение показателя результативности в ранее упомянутых странах, как правило, было соизмеримо с показателями загруженности судов, полиции и ВВП, т.е. согласовывалось с ресурсной обеспеченностью, но не всегда соответствовало субъективным оценкам населением системы уголовного правосудия.

Заключение

Таким образом, можно выделить следующие основные преимущества расчета интегрального показателя результативности органов уголовного правосудия. Во-первых, если по исходным данным (загруженность и переменные среды) страна проявила себя лучше остальных, то даже при отсутствии количественного соотношения этого с динамикой ее результативности за рассматриваемый период фиксировалось влияние данного фактора на значение показателя результативности. Во-вторых, индикатор действительно комплексно отражает изменение результативности, поскольку он охватывает многие из возможных факторов изменения, а не только один, выбранный по тем или иным причинам из открытых наборов уже существующих данных. Более того, при наличии входных данных анализа исследователь и любой желающий может установить, какой фактор больше повлиял на результативность полиции, судов и тюрем. Наконец, интегральный показатель представляет собой конкретное числовое значение, которое в дальнейшем можно использовать в статистическом анализе, что позволяет, например, моделировать системы одновременных уравнений или применять другие инструменты статистического моделирования.

При использовании данного интегрального показателя в дальнейшем структурном моделировании представляется целесообразным попытаться учесть особенности правовой системы рассматриваемых стран, а не включать их в расчет единого показателя на этапе DEA. Это могут быть такие признаки, как, например, наличие суда присяжных, отдельные аспекты оружейного законодательства, наличие смертной казни, порядок досудебного урегулирования дела, государственная позиция относительно легализации наркотиков

⁹ Developing Specialized Court Services: International Experiences and Lessons Learned. <http://documents1.worldbank.org/curated/en/688441468335989050/pdf/819460WP0Devel00Box379851B00PUBLIC0.pdf> (дата обращения: 16.05.2020).

¹⁰ The growth of specialised anti-corruption law enforcement units. <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264271029-12-en.pdf?expires=1612532521&id=id&accname=guest&checksum=28CB71FF3BB1FA367E004C419E741E65> (дата обращения: 16.05.2020).

¹¹ Albania's Progress in the Fight Against Corruption and Organised Crime and in the Judicial Reform. https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2014/al_report_june_2014.pdf (дата обращения: 16.05.2020).

и непосредственно тип правовой системы. Думается, целесообразно представить их как фиктивные переменные, которые удобно использовать в будущем при создании перекрестных переменных в моделируемой регрессии или других статистических моделях.

Также при дальнейшем моделировании представляется важным учитывать проблемы анонии в обществе и уровень преступности, регистрируемый официальными органами. Вопросы виктимизации косвенно учитываются опросом Gallup, данные которого используются в этом исследовании в качестве результирующих переменных. Поэтому интересно посмотреть в динамике на расхождение между этими показателями, когда-то рассматривавшимися в [Tonry, 2007. Р. 9].

Приложение А

Таблица 1
Полученные значения DEA

Страна	2004 г.	2008 г.	2014 г.	Среднее значение
Албания	1,50	1,24	4,25	2,33
Австралия	15,28	5,42	6,93	9,21
Австрия	3,28	2,35	6,52	4,05
Босния и Герцеговина	2,85	1,40	2,02	2,09
Болгария	2,14	1,87	2,24	2,08
Чили	5,15	3,14	9,85	6,05
Колумбия	3,51	1,33	2,92	2,59
Хорватия	1,85	1,37	1,21	1,47
Кипр	11,29	1,80	1,50	4,87
Чехия	5,82	2,40	3,56	3,93
Дания	6,98	6,42	6,71	6,70
Эстония	10,87	5,70	2,80	6,45
Финляндия	29,32	29,17	48,56	35,68
Грузия	1,92	2,37	3,65	2,65
Венгрия	6,31	4,94	4,62	5,29
Исландия	4,89	3,35	5,42	4,55
Италия	2,68	3,56	4,34	3,52
Латвия	4,21	3,65	3,33	3,73
Литва	3,07	2,59	4,47	3,38
Черногория	1,39	1,30	1,22	1,30
Панама	2,77	4,36	9,00	5,38
Польша	1,41	5,16	4,99	3,86
Португалия	19,88	4,08	4,09	9,35
Республика Корея (Южная Корея)	22,37	20,52	21,87	21,59
Румыния	3,17	1,76	5,02	3,32
РФ	3,44	3,03	2,26	2,91
Сербия	1,28	1,67	1,46	1,47
Словакия	9,07	2,68	2,32	4,69
Словения	1,55	1,33	2,30	1,73
Испания	4,09	1,76	2,12	2,66
Швеция	6,55	5,64	9,32	7,17

Рассчитано по данным UNODC, Gallup World Poll, World Bank, Freedom House.

Результаты спецификации модели DEA

$$Y = \text{dea}[c(\text{'Confidence\_in\_Local\_Police\_Forces'}, \text{'Safety'})]$$

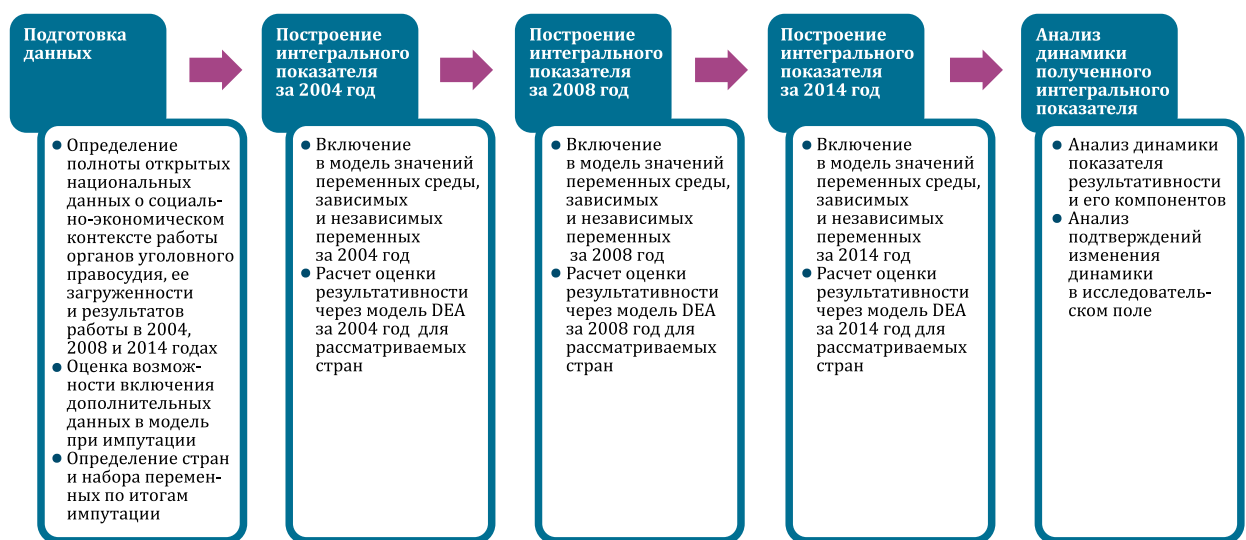
$$X = \text{dea}[c(\text{'Police\_Load'}, \text{'Court\_Load'})]$$

$$Z = \text{dea}[c(\text{'GDP\_per\_capita\_PPP'}, \text{'Control\_of\_Corruption\_Estimate'}, \text{'Political\_Rights\_Recode'}, \text{'Civil\_Rights\_Recode'})]$$

$$\text{di\_env} = \text{dea.env.robust}(X=X[\text{countries},], Y=Y[\text{countries},], Z=Z[\text{countries},], \text{model}=\text{"output"}, \text{RTS}=\text{"constant"})$$

$$\text{di\_env}\$\text{delta\_hat\_hat}$$

Алгоритм расчета и анализа интегрального показателя результативности органов уголовного правосудия с помощью метода DEA.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков В.В., Григорьев И.С., Дмитриева А.В., Моисеева Е.Н., Четверикова И.В. (2012). Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования / Под научной ред. В.В. Волкова. — СПб.: ИПП ЕУ.
- Фуко М. (2015). Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ад Маргинем.
- Abu N., Staniewski M.W. (2019). Determinants of Corruption in Nigeria: Evidence from Various Estimation Techniques // *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*. Vol. 32. No. 1. Pp. 3058–3082.
- Alford C.F. (2000). What Would it Matter if Everything Foucault Said about Prison Were Wrong? Discipline and Punish after Twenty Years // *Theory and Society*. Vol. 29. No 1. Pp. 125–146.
- Anser M.K., Yousaf Z., Nassani A.A., Alotaibi S.M., Kabbani A., Zaman K. (2020). Dynamic Linkages between Poverty, Inequality, Crime, and Social Expenditures in a Panel of 16 Countries: Two-Step GMM Estimates // *Journal of Economic Structures*. Vol. 9. No 1. Pp. 1–25.
- Audretsch D.B., Seitz N., Rouch K.M. (2018). Tolerance and Innovation: The Role of Institutional and Social Trust // *Eurasian Business Review*. Vol. 8. No. 1. Pp. 71–92.
- Bello P.O. (2018). Criminal Justice Response to Human Trafficking in Nigeria and South Africa: Suggestions for Better Performance // *Contemporary Justice Review*. Vol. 21. No. 2. Pp. 140–158.
- Broussard G. (2017). Building an Effective Criminal Justice Response to Wildlife Trafficking: Experiences from the ASEAN Region // *Review of European Comparative & International Environmental Law*. Vol. 26. No. 2. Pp. 118–127.
- Capasso S., Goel R.K., Saunoris J.W. (2019). Is it the Gums, Teeth or the Bite? Effectiveness of Dimensions of Enforcement in Curbing Corruption // *Economics of Governance*. Vol. 20. No. 4. Pp. 329–369.
- Chamlin M., Myer A. (2009). Disentangling the Crime-arrest Relationship: The Influence of Social Context // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 25. No. 4. Pp. 371–389.

- Clausen B., Kraay A., Nyiri Z.* (2011). Corruption and Confidence in Public Institutions: Evidence from a Global Survey // *World Bank Economic Review*. Vol. 25. No. 2. Pp. 212–249.
- Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004. (2008). *K. Aromaa, M. Heiskanen* (eds.). — Helsinki: Hakapaino Oy.
- D'Amico D.J., Williamson C.R.* (2019). An Empirical Examination of Institutions and Cross-Country Incarceration Rates // *Public Choice*. Vol. 180. No. 3. Pp. 217–242.
- Druzin B.H., Wan A.S.* (2015). The Theatre of Punishment: Case Studies in the Political Function of Corporal and Capital Punishment // *Washington University Global Studies Law Review*. Vol. 14. No. 3. Pp. 357–398.
- Goel R.K., Mazhar U., Nelson M.A.* (2016). Corruption Across Government Occupations: Cross-National Survey Evidence // *Journal of International Development*. Vol. 28. No. 8. Pp. 1220–1234.
- Goulas E., Zervoyianni A.* (2013). Economic Growth and Crime: Does Uncertainty Matter? // *Applied Economics Letters*. Vol. 20. No. 5. Pp. 420–427.
- Handbook of Justice Research in Law (2001). *J. Sanders, V.L. Hamilton* (eds.). — New York: Plenum.
- Hashimoto E.J.* (2011). Class Matters // *Journal of Criminal Law & Criminology*. Vol. 101. No. 1. Pp. 31–76.
- Hensell S.* (2012). The Patrimonial Logic of the Police in Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. No. 5. Pp. 811–833.
- Hickman M., Rice S.* (2010). Digital Analysis of Crime Statistics: Does Crime Conform to Benford's Law? // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 26. No. 3. Pp. 333–349.
- International Statistics on Crime and Justice (2010). *S. Harrendorf, M. Heiskanen, S. Malby* (eds.). — Helsinki: HEUNI.
- Kądziołka K.* (2016). Analysis of the Crime Rate in Poland in Spatial and Temporal Terms // *Central and Eastern European Journal of Management and Economics*. Vol. 4. No. 1. Pp. 81–96.
- Keenan M., Zinsstag E., O'Nolan C.* (2016). Sexual Violence and Restorative Practices in Belgium, Ireland and Norway: a Thematic Analysis of Country Variations // *Restorative Justice*. Vol. 4. No. 1. Pp. 86–114.
- Kubbe I.* (2018). Europe's «Democratic Culture» in the Fight against Corruption // *Crime, Law & Social Change*. Vol. 70. No. 2. Pp. 217–240.
- Lauritsen J.* (2010). Advances and Challenges in Empirical Studies of Victimization // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 26. No. 4. Pp. 501–508.
- Law J., Quick M., Chan P.* (2014). Bayesian Spatio-Temporal Modeling for Analysing Local Patterns of Crime Over Time at the Small-Area Level // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 30. No. 1. Pp. 57–78.
- Lind E.A., Tyler T.R.* (1988). *The Social Psychology of Procedural Justice*. — New York: Plenum.
- Macchia L., Plagnol A.C.* (2019). Life Satisfaction and Confidence in National Institutions: Evidence from South America // *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 14. No. 3. Pp. 721–736.
- McDowall D., Loftin C.* (2009). Do US City Crime Rates Follow a National Trend? The Influence of Nationwide Conditions on Local Crime Patterns // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 25. No. 3. Pp. 307–324.
- Meloni O.* (2014). Does Poverty Relief Spending Reduce Crime? Evidence from Argentina // *International Review of Law & Economics*. Vol. 39. Pp. 28–38.
- Miles T.J., Cox A.B.* (2014). Does Immigration Enforcement Reduce Crime? Evidence from Secure Communities // *Journal of Law & Economics*. Vol. 57. No. 4. Pp. 937–973.
- Murphy K., Hinds L., Fleming J.* (2008). Encouraging Public Cooperation and Support for Police // *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*. Vol. 18. No. 2. Pp. 136–155.
- Nassani A.A., Aldakhil A.M., Abro M.M.Q., Zaman K.* (2018). Effective International Tourism Management: A Strategic Approach // *Social Indicators Research*. Vol. 137. No. 2. Pp. 1201–1224.
- Nelken D.* (2010). *Comparative Criminal Justice: Making Sense of Difference*. — London: SAGE Publications Ltd.
- Ouimet M., Langlade A., Chabot C.* (2018). The Dynamic Theory of Homicide: Adverse Social Conditions and Formal Social Control as Factors Explaining the Variations of the Homicide Rate in 145 Countries // *Canadian Journal of Criminology & Criminal Justice*. Vol. 60. No. 2. Pp. 241–265.
- Palmer C., Phillips D.C., Sullivan J.X.* (2019). Does Emergency Financial Assistance Reduce Crime? // *Journal of Public Economics*. Vol. 169. No. 3. Pp. 34–51.
- Paneyakh E.* (2014). Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 2–3. Pp. 115–136.
- Pechansky F., Chandran A., Sousa T.* (2016). Bridging a Historical Gap: Can Changes in Perceptions of Law Enforcement and Social Deterrence Accelerate the Prevention of Drunk Driving in Low and Middle-Income Countries? // *Revista Brasileira de Psiquiatria*. Vol. 38. No. 2. Pp. 161–166.
- Reisig M.D., Bratton J., Gertz M.G.* (2007). The Construct Validity and Refinement of Process-Based Policing Measures // *Criminal Justice and Behavior*. Vol. 8. No. 34. Pp. 1005–1028.
- Rueda D., Stegmüller D.* (2016). The Externalities of Inequality: Fear of Crime and Preferences for Redistribution in Western Europe // *American Journal of Political Science*. Vol. 60. No. 2. Pp. 472–489.
- Saboor A., Sadiq S., Khan A., Hameed G.* (2017). Dynamic Reflections of Crimes, Quasi Democracy and Misery Index in Pakistan // *Social Indicators Research*. Vol. 133. No. 1. Pp. 31–45.
- Schneider A.* (2019). Deterrence Theory in Paraguay: Exploring Fraud and Violation of Trust Cases // *Social Sciences*. Vol. 8. No. 1. Pp. 1–17.

- Stewart F. (2016). Changing Perspectives on Inequality and Development // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 51. No. 1. Pp. 60–80.
- Sunshine J., Tyler T.R. (2003). The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing // *Law and Society Review*. Vol. 3. No. 37. Pp. 555–589.
- The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal (2006). Trubek D.M., Santos A. (eds.). — New York: Cambridge University Press.
- Tonry M. (2007). Determinants of Penal Policies. // *Crime and Justice*. Vol. 36. No. 1. Pp. 1–48.
- Tonry M. (2015). Is Cross-National and Comparative Research on the Criminal Justice System Useful? // *European Journal of Criminology*. Vol. 4. No. 12. Pp. 505–516.
- Tyler T.R. (2003). Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // *Crime and Justice*. Vol. 30. Pp. 283–357.
- Van Dijk J. (2008). *The World of Crime: Breaking the Silence on Problems of Security, Justice and Development across the World*. — Newbery Park: SAGE Publications.
- Yong-Shik L. (2017). General Theory of Law and Development // *Cornell International Law Journal*. Vol. 50. No. 3. Pp. 415–472.

Баженова Таисия Алексеевна

tbazhenova@hse.ru

Taisiya Bazhenova

Postgraduate student, Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Analyst, Institute for Social Policy, HSE University (Moscow)

tbazhenova@hse.ru

CROSS-COUNTRY COMPARISONS OF THE PERFORMANCE OF LAW ENFORCEMENT SYSTEMS IN A SOCIO-ECONOMIC CONTEXT: ANALYSIS OF DYNAMICS USING THE DEA METHOD

Abstract. Currently, in the post-Soviet countries, the topic of reforming the police, courts, and prisons (criminal justice system, CJS) is widely discussed at the public talk level. To reform and to improve them at the state level, the cross-country comparison of their performance, based on international experience, is meaningful. It helps to assess reforms' actual necessity, possible directions, and "role-model" numbers. Is it possible to assess the performance comprehensively, not ignoring the socio-economic context, dynamically at the national level, using the open data? The answer, taking into account the methodological and substantive limitations (lack of data, missing values, changing the methodology of analyzed indices, various perceptions of a proper CJS performance), seems to be the calculation of an integral indicator of the CJS performance, which allows, in the context of the socio-economic situation in the country, to look at its change over time and to relate it with the maximum possible number of other countries without cutting the option of further statistical analysis complication.

The calculated DEA (Data Envelopment Analysis) model allows us to analyze the aforementioned problem. It includes 8 variables on CJS functioning, its subjective perception, loading, and resources for 31 countries in 2004, 2008, and 2014. Four main trends of changes in the performance of countries over time were identified. The main possible reasons for the dynamics obtained for 9 countries, the most prominent representatives of the identified trends, are considered. The resulting index is in itself more informative than the existing assessments of the CJS, and can also be easily used in further statistical modeling, in particular, clustering, SEM-modeling, etc.

Keywords: *cross-country comparisons, the effectiveness of the criminal justice system, resource provision.*

JEL: A14, Z13.

REFERENCES

- Abu N., Staniewski M.W. (2019). Determinants of Corruption in Nigeria: Evidence from Various Estimation Techniques // *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*. Vol. 32. No. 1. Pp. 3058–3082.
- Alford C.F. (2000). What Would it Matter if Everything Foucault Said about Prison Were Wrong? Discipline and Punish after Twenty Years // *Theory and Society*. Vol. 29. No. 1. Pp. 125–146.
- Anser M.K., Yousaf Z., Nassani A.A., Alotaibi S.M., Kabbani A., Zaman K. (2020). Dynamic Linkages between Poverty, Inequality, Crime, and Social Expenditures in a Panel of 16 Countries: Two-Step GMM Estimates // *Journal of Economic Structures*. Vol. 9. No 1. Pp. 1–25.
- Aromaa K., Heiskanen M. (eds.) (2008). *Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004*. — Helsinki: Hakapaino Oy.
- Audretsch D.B., Seitz N., Rouch K.M. (2018). Tolerance and Innovation: The Role of Institutional and Social Trust // *Eurasian Business Review*. Vol. 8. No. 1. Pp. 71–92.

- Bello P.O. (2018). Criminal Justice Response to Human Trafficking in Nigeria and South Africa: Suggestions for Better Performance // *Contemporary Justice Review*. Vol. 21. No. 2. Pp. 140–158.
- Broussard G. (2017). Building an Effective Criminal Justice Response to Wildlife Trafficking: Experiences from the ASEAN Region // *Review of European Comparative & International Environmental Law*. Vol. 26. No. 2. Pp. 118–127.
- Capasso S., Goel R.K., Saunoris J.W. (2019). Is it the Gums, Teeth or the Bite? Effectiveness of Dimensions of Enforcement in Curbing Corruption // *Economics of Governance*. Vol. 20. No. 4. Pp. 329–369.
- Chamlin M., Myer A. (2009). Disentangling the Crime-arrest Relationship: The Influence of Social Context // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 25. No. 4. Pp. 371–389.
- Clausen B., Kraay A., Nyiri Z. (2011). Corruption and Confidence in Public Institutions: Evidence from a Global Survey // *World Bank Economic Review*. Vol. 25. No. 2. Pp. 212–249.
- Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004*. (2008). K. Aromaa, M. Heiskanen (eds.). — Helsinki: Hakapaino Oy.
- D'Amico D.J., Williamson C.R. (2019). An Empirical Examination of Institutions and Cross-Country Incarceration Rates // *Public Choice*. Vol. 180. No. 3. Pp. 217–242.
- Druzin B.H., Wan A.S. (2015). The Theatre of Punishment: Case Studies in the Political Function of Corporal and Capital Punishment // *Washington University Global Studies Law Review*. Vol. 14. No. 3. Pp. 357–398.
- Foucault M. (2015). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. — Moscow: Ad Marginem. (In Russ.).
- Goel R.K., Mazhar U., Nelson M.A. (2016). Corruption Across Government Occupations: Cross-National Survey Evidence // *Journal of International Development*. Vol. 28. No. 8. Pp. 1220–1234.
- Goulas E., Zervoyianni A. (2013). Economic Growth and Crime: Does Uncertainty Matter? // *Applied Economics Letters*. Vol. 20. No. 5. Pp. 420–427.
- Handbook of Justice Research in Law* (2001). J. Sanders, V.L. Hamilton (eds.). — New York: Plenum.
- Hashimoto E.J. (2011). Class Matters // *Journal of Criminal Law & Criminology*. Vol. 101. No. 1. Pp. 31–76.
- Hensell S. (2012). The Patrimonial Logic of the Police in Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. No. 5. Pp. 811–833.
- Hickman M., Rice S. (2010). Digital Analysis of Crime Statistics: Does Crime Conform to Benford's Law? // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 26. No. 3. Pp. 333–349.
- International Statistics on Crime and Justice* (2010). S. Harrendorf, M. Heiskanen, S. Malby (eds.). — Helsinki: HEUNI.
- Kądziołka K. (2016). Analysis of the Crime Rate in Poland in Spatial and Temporal Terms // *Central and Eastern European Journal of Management and Economics*. Vol. 4. No. 1. Pp. 81–96.
- Keenan M., Zinsstag E., O'Nolan C. (2016). Sexual Violence and Restorative Practices in Belgium, Ireland and Norway: A Thematic Analysis of Country Variations // *Restorative Justice*. Vol. 4. No. 1. Pp. 86–114.
- Kubbe I. (2018). Europe's «Democratic Culture» in the Fight against Corruption // *Crime, Law & Social Change*. Vol. 70. No. 2. Pp. 217–240.
- Lauritsen J. (2010). Advances and Challenges in Empirical Studies of Victimization // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 26. No. 4. Pp. 501–508.
- Law J., Quick M., Chan P. (2014). Bayesian Spatio-Temporal Modeling for Analysing Local Patterns of Crime Over Time at the Small-Area Level // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 30. No. 1. Pp. 57–78.
- Lind E.A., Tyler T.R. (1988). *The Social Psychology of Procedural Justice*. — New York: Plenum.
- Macchia L., Plagnol A.C. (2019). Life Satisfaction and Confidence in National Institutions: Evidence from South America // *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 14. No. 3. Pp. 721–736.
- McDowall D., Loftin C. (2009). Do US City Crime Rates Follow a National Trend? The Influence of Nationwide Conditions on Local Crime Patterns // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 25. No. 3. Pp. 307–324.
- Meloni O. (2014). Does Poverty Relief Spending Reduce Crime? Evidence from Argentina // *International Review of Law & Economics*. Vol. 39. Pp. 28–38.
- Miles T.J., Cox A.B. (2014). Does Immigration Enforcement Reduce Crime? Evidence from Secure Communities // *Journal of Law & Economics*. Vol. 57. No. 4. Pp. 937–973.
- Murphy K., Hinds L., Fleming J. (2008). Encouraging Public Cooperation and Support for Police // *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*. Vol. 18. No. 2. Pp. 136–155.
- Nassani A.A., Aldakhil A.M., Abro M.M.Q., Zaman K. (2018). Effective International Tourism Management: A Strategic Approach // *Social Indicators Research*. Vol. 137. No. 2. Pp. 1201–1224.
- Nelken D. (2010). *Comparative Criminal Justice: Making Sense of Difference*. — London: SAGE Publications Ltd.
- Ouimet M., Langlade A., Chabot C. (2018). The Dynamic Theory of Homicide: Adverse Social Conditions and Formal Social Control as Factors Explaining the Variations of the Homicide Rate in 145 Countries // *Canadian Journal of Criminology & Criminal Justice*. Vol. 60. No. 2. Pp. 241–265.
- Palmer C., Phillips D.C., Sullivan J.X. (2019). Does Emergency Financial Assistance Reduce Crime? // *Journal of Public Economics*. Vol. 169. No. 3. Pp. 34–51.
- Paneyakh E. (2014). Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 2–3. Pp. 115–136.

- Pechansky F., Chandran A., Sousa T.* (2016). Bridging a Historical Gap: Can Changes in Perceptions of Law Enforcement and Social Deterrence Accelerate the Prevention of Drunk Driving in Low and Middle-Income Countries? // *Revista Brasileira de Psiquiatria*. Vol. 38. No. 2. Pp. 161–166.
- Reisig M.D., Bratton J., Gertz M.G.* (2007). The Construct Validity and Refinement of Process-Based Policing Measures // *Criminal Justice and Behavior*. Vol. 8. No. 34. Pp. 1005–1028.
- Rueda D., Stegmueller D.* (2016). The Externalities of Inequality: Fear of Crime and Preferences for Redistribution in Western Europe // *American Journal of Political Science*. Vol. 60. No. 2. Pp. 472–489.
- Saboor A., Sadiq S., Khan A., Hameed G.* (2017). Dynamic Reflections of Crimes, Quasi Democracy and Misery Index in Pakistan // *Social Indicators Research*. Vol. 133. No. 1. Pp. 31–45.
- Schneider A.* (2019). Deterrence Theory in Paraguay: Exploring Fraud and Violation of Trust Cases // *Social Sciences*, Vol. 8. No. 1. Pp. 1–17.
- Stewart F.* (2016). Changing Perspectives on Inequality and Development // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 51. No. 1. Pp. 60–80.
- Sunshine J., Tyler T.R.* (2003). The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing // *Law and Society Review*. Vol. 3. No. 37. Pp. 555–589.
- The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal* (2006). Trubek D.M., Santos A. (eds.) New York: Cambridge University Press.
- Tonry M.* (2007). Determinants of Penal Policies. // *Crime and Justice*. Vol. 36. No 1. Pp. 1–48.
- Tonry M.* (2015). Is Cross-National and Comparative Research on the Criminal Justice System Useful? // *European Journal of Criminology*. Vol. 4. No. 12. Pp. 505–516.
- Tyler T.R.* (2003). Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // *Crime and Justice*. Vol. 30. Pp. 283–357.
- Van Dijk J.* (2008). *The World of Crime: Breaking the Silence on Problems of Security, Justice and Development across the World*. London: SAGE Publications Ltd.
- Volkov V.V., Grigoriev I.S., Dmitrieva A.V., Moiseeva E.N., Chetverikova I.V.* (2012). *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' v Rossii: struktura, funktsionirovaniye, puti reformirovaniya* [Law Enforcement in Russia: Structure, Functioning, Ways of Reforming / Ed. V.V. Volkov]. St. Petersburg: IPP EU. (In Russ.).
- Yong-Shik L.* (2017). General Theory of Law and Development // *Cornell International Law Journal*. Vol. 50. No. 3. Pp. 415–472.

С.А. Братченко

*к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

КАЧЕСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИВАНЕ III И ЕГО ПРЕЕМНИКАХ (1462–1606 гг.)

Аннотация. Объектом исследования данной статьи является деятельность русских правителей (великих князей и царей) в период 1462–1606 гг. (начиная с Ивана III до Лжедмитрия I), а предметом — реализуемая ими стратегия модернизации России. В работе на историческом материале было показано, что данная стратегия инициирована в Московии в XV в., и начал ее реализовывать Иван III, а продолжили его наследники на русском престоле в XVI–XVII вв. Новый раунд модернизации, предпринятый Петром I, именно поэтому был столь успешным, что был подготовлен в течение двух с половиной предыдущих столетий. На основании исторических документов было показано, что при реализации данной стратегии практически все русские правители того периода интуитивно действовали в полном соответствии с современными представлениями об эффективном менеджменте. В частности, можно чётко выделить разные этапы реализации данной стратегии (что свидетельствует о планировании), а также действия по организации реализации стратегии и по мотивации участников событий. Следует отметить также наличие весьма эффективного контроля за реализацией стратегии, включающего адаптацию самой стратегии в зависимости изменяющихся исторических обстоятельств. Это позволило нам рассматривать указанный исторический прецедент как типичный management case — прекрасно исполненный и чрезвычайно результативный. Инициатор стратегии Иван III проявил себя как выдающийся менеджер и стратег, работающий на поле истории. Не «придумай» Иван III модернизацию, с большой вероятностью можно утверждать, что не было бы сейчас на карте мира государства под названием Россия. Задача государственного управления по спасению и укреплению Руси (при помощи стратегии модернизации) была блестяще решена Иваном III и большей частью его наследников. Это означает, что качество государственного управления при реализации стратегии модернизации в то время может быть охарактеризовано как чрезвычайно высокое.

Ключевые слова: *качество государственного управления, модернизация, менеджмент, Московия, Иван III, Василий III, Иван IV Грозный, Федор I Иоаннович, Борис Годунов, Лжедмитрий I.*

JEL: N43, O29, O38, O52, P41.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_163_185.

Введение

В последние годы понимание возможностей менеджмента и, как следствие, сферы его применения существенно расширились. Инструменты менеджмента начали использоваться не только для оптимизации деятельности организаций. Широкое признание получила концепция Нового государственного менеджмента (New Public Management), благодаря которой в практике государственного управления начали активно применяться не только инструменты менеджмента, но и идеология менеджмента — считается, что это повышает качество государственного управления¹.

¹ С учётом того факта, что под государственным управлением в Новом государственном менеджменте понимается предоставление государственных услуг населению или бизнесу.

Учёные в области менеджмента обращают свои взоры на объекты, ранее в сфере их интересов не попадавшие. Объектами изучения историков менеджмента становятся проекты, выполненные в древности, когда менеджмента как понятия просто не существовало. Например, в статье Проктера и Козак-Холланда [*Procter, Kozak-Holland, 2019*] показано, что строительство пирамид в Гизе вполне возможно рассматривать как мегапроект в терминах менеджмента. С точки зрения менеджмента возможно исследовать исторические или же политические события и — что самое важное — приходить на основании такого анализа к конструктивным и результативным выводам. Примером такого подхода может служить статья Эрнеста [*Earnest, 2019*], посвященная анализу конфликта в Косово с точки зрения проектного менеджмента.

Объектом исследования настоящей статьи (также, как и в примере с Косово) являются исторические события, однако не современные, а отделенные от нашего времени несколькими веками. Аналогично авторам статьи о строительстве пирамид в Гизе, мы попытаемся посмотреть через призму менеджмента на феномен, относящийся к государственному управлению и происшедший в те времена, когда о менеджменте еще никто не слышал. Объектом нашего исследования является деятельность русских правителей (великих князей и царей) в период 1462-1606 гг., предметом — стратегия модернизации, реализуемая русскими правителями в этот период, цель же исследования заключается в том, чтобы оценить качество государственного управления при реализации данной стратегии.

Методология исследования

Мы полагаем, что качество управления — это мера соответствия результатов управления цели управления. Соответственно, качество государственного управления в самом общем виде является мерой соответствия результатов управления интересам, целям и задачам государства. В конкретном случае качество государственного управления — это степень достижения конкретной поставленной (государственной) цели (задачи, проблемы) в конкретной области государственного управления [*Братченко, 2020; Братченко, 2021a*]. Разница между качеством управления и результативностью заключается в том, что для оценки качества управления необходимо понять, решена ли проблема (которая при этом часто носит качественный характер), а результативность — это степень достижения целевых значений индикаторов.

Поясним это на примере. Целью Федерального проекта «Ипотека», реализуемого в рамках ГП «Обеспечение доступным и комфортным жильём...»² является «обеспечение доступным жильем семей со средним достатком, в том числе создание возможностей для приобретения (строительства) ими жилья с использованием ипотечного кредита...» В качестве индикаторов исполнения данного ФП выступают 7 показателей (количество зарегистрированных договоров участия в долевом строительстве за год, объем строительства многоквартирных жилых домов, профинансированный за счет ипотечного кредитования, и др.). В данном примере результативность характеризует степень достижения запланированных значений показателей (количество зарегистрированных договоров и т. п.), а качество управления — степень достижения цели — насколько возрастет доступность и, как следствие, обеспеченность жильем семей со средним достатком в результате реализации программы [*Братченко, 2021b. С. 257–258*].

² Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» от 30.12.2017 № 1710.

Качество государственного управления зависит от целого ряда факторов, в том числе от того, насколько хорошо организован и функционирует процесс управления. Должным образом работающие функции управления (планирование, организация, мотивация и контроль) содействуют и во многом обеспечивают высокое качество государственного управления [Братченко, 2021а. С. 26–32].

Исходя из данных теоретических соображений будет выстраиваться доказательство излагаемой ниже гипотезы.

Гипотеза

Выдвигаемая нами гипотеза заключается в том, что большинство русских великих князей и царей того периода, сами того не ведая, оказались хорошими (а некоторые — талантливейшими) менеджерами.

В архисложных для Руси исторических условиях Государь всея Руси Иван III нашел уникальное управленческое решение: понял, что в исторической перспективе Россию как государство может спасти модернизация, принял стратегическое решение о модернизации и придумал способ осуществления данной стратегии в условиях практического отсутствия ресурсов для ее реализации. Как пишет Б. Боуден [Bowden, 2020. P. 1118], «чтобы избежать серьезных проблем, у Московии был только один реалистичный выход: импортировать технологии, людей и материалы с Запада».

Более того, Иван III, а также последующие русские правители смогли воплотить в жизнь данную стратегию, действуя при этом в соответствии с современным представлением об эффективном менеджменте и последовательно задействуя функции менеджмента — планирование, организацию, мотивацию и контроль, благодаря чему обеспечили высокое качество государственного управления.

Цель работы

В данном пункте следует сделать одно существенное уточнение. Обычно политику модернизации в России связывают с именем Петра I. Это абсолютно справедливо, но при этом весьма часто считается, что именно Петр начал политику модернизации. Это не так. Стратегию модернизации придумал и начал реализовывать Иван III, а продолжили его наследники на русском престоле в XVI–XVII вв., и только затем Петр I предпринял «новый раунд» модернизации. Политика модернизации, проводимая Петром, именно потому была столь успешной, что она была подготовлена в течение двух с половиной предыдущих столетий.

И поэтому наша работа имеет несколько целей.

1. Показать на историческом материале, что именно Иван III инициировал стратегию модернизации России, что эта стратегия действительно имела место.
2. Проанализировать реализацию стратегии модернизации русскими правителями с точки зрения менеджмента и показать, что они действовали в соответствии с современным представлением об эффективном менеджменте и использовали функции менеджмента (планирование, организацию, мотивацию и контроль).
3. Доказать, что имело место высокое качество государственного управления.

Терминология

Мы согласны с Сейфридом [Seifried, 2017. P.51], что «понятие “модернизация” появилось в течение XVII–XIX вв». Тем не менее, как и в случае с категорией «менеджмент»,

мы используем понятие «модернизация» в отношении событий, происшедших за три века до возникновения самой категории. Мы полагаем такое использование абсолютно корректным. Как будет показано ниже, непосредственной целью модернизации в России было стимулировать экономическое и военно-техническое развитие, сделать Россию конкурентоспособной на экономической и военно-политической арене, а это значило сделать ее более современной. Одним из условий и одновременно инструментом такой перестройки были изменения социальных институтов (европеизация), «процесс перехода от традиционных общин к современным обществам, в то время как современность (modernity) является результатом этого перехода» [Seifried, 2017. P. 52].

Аналогично: категория «стратегия» была введена в оборот менеджмента в начале 1960-х гг. в работах Чендлера [Chandler, 1962] и Ансоффа [Ansoff, 1965]. Мы полагаем, что политику русских царей можно и должно интерпретировать как стратегию, которая была разработана и успешно реализована. В пользу этого свидетельствует также аргумент, который используют в своей статье Рэндалл и Дент [Randall, Dent, 2019. P. 420]: каждая стратегия может быть разделена на две части — «что» и «как»: «что» приносит конкурентное преимущество, а «как» фокусируется на реализации стратегии. В нашем случае «что» означает модернизацию, которая должна придать импульс экономическому развитию и сделать Московию конкурентоспособной, а «как» — реализовать модернизацию в России, привлекая для этого иностранных специалистов.

Границы исследования

Границы изучаемого периода (1462–1606) определяются началом правления Государя и Великого князя всея Руси Ивана III (1462) и смертью самозванца Лжедмитрия I (1606), объявившим себя сыном Ивана IV (Ивана Грозного). После убийства Лжедмитрия I в России начался период двоевластия, когда самым насущным был вопрос о существовании страны как таковой. Вопрос о реализации стратегии модернизации в таких условиях даже не ставился. По завершении так называемого Смутного времени в 1613 г. на русский престол взошла династия Романовых, большинство представителей которой разделяло и продолжало воплощать в жизнь идеи модернизации. Особенно большой вклад внес Петр I.

Однако рамки и ограничения объема журнальной статьи не позволяют провести объемное исследование, включающее изучение времени правления Романовых, поэтому было решено ограничиться первым периодом модернизации. Кроме того, с точки зрения целей данной статьи изучение означенного периода (1462–1606) оказалось вполне достаточным для того, чтобы показать, что русские правители действительно были эффективными менеджерами в современном понимании этого слова, интуитивно, весьма результативно использовали функции менеджмента и их качество управления может быть охарактеризовано как высокое.

Предистория: Русь в начале исследуемого периода

Мы неслучайно начинаем наш анализ с времени правления Великого князя всея Руси Ивана III. В начале его правления Русь была феодально-раздробленной, а Московское княжество (вотчина Ивана III) было окружено землями других русских княжеств. Результатом его правления стало объединение значительной части русских земель вокруг Москвы и её превращение в центр единого Русского государства. Умирая, он передал своему сыну Василию III страну, объединившую большую часть этих княжеств. За это он получил прозвище «собиратель земли русской».

Годы правления Ивана III также ознаменовались успехами во внутренней политике. В ходе проведённых реформ был принят свод законов страны — Судебник 1497 г. Это было время расцвета строительства, культурного подъёма.

В правление Ивана III происходит окончательное оформление независимости Русского государства. Бывшая уже в достаточной степени номинальной зависимость от Большой Орды (государства — наследника Золотой Орды) прекращается. Был заключён союз с Крымским ханством. Расширились международные связи с другими государствами, в первую очередь со Священной Римской империей, Данией и Венецианской республикой; были установлены отношения с Османской империей.

Время правления Ивана III было далеко не безоблачным. Далекое не всегда удавалось решать вопросы мирным путем. Новгород вошел в состав Московии по результатам двух войн (1471 и 1477–1478 гг.). Несколько раз пришлось воевать с Казанским царством (в 1462, 1467–1469, 1478, 1487, 1505–1507 гг.), с Великим княжеством Литовским (в 1487–1494, 1500–1503 гг.), с Ливонской конфедерацией (в 1480–1481 гг.) и со Швецией (в 1495–1497 гг.).

Особенности социально-экономического развития России того времени

России того времени был свойственен чрезвычайно медленный, экстенсивно-застойный характер социально-экономического развития, обусловленный рядом объективных факторов.

1. Суровость природно-климатических условий. Примером может служить описание погоды в 1601 г., данное множеством свидетелей: летом дожди лились в течение 10 недель, хлеб не успел вызреть, стоял «зелен, аки трава», когда 15 августа ударил «великий мороз», после чего выпавший снег глубоким слоем покрыл необработанные поля. Авраамий Палицын сообщает о гибели «всяк труд дел человеческих и в полях, и в садах, и в дубровах всяк плод земной» [Палицын, 1612/1909; Карамзин, 1766–1826/2003. Т. 11; Корецкий, 1975]. В 1601–1603 гг. только в Москве умерло от голода порядка 120–127 тыс чел. [Палицын, 1612; Маржерет, 1607/2007. С. 159], а на севере России удавалось выжить только одному из трех [Корецкий, 1975].

2. Реальные аграрно-климатические условия в России были таковы, что в среднем каждые три года в России был неурожай, хотя неурожаи были разной степени и разного масштаба [Милов, 2000]. Но и в обычные годы уровень урожайности был весьма низок: при чрезвычайно коротком теплом времени года, пользуясь лишь примитивными орудиями, крестьянин при существующем тогда уровне агрокультуры даже при максимальном напряжении труда с привлечением всего своего семейства мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню. В результате значительная часть крестьянских хозяйств сводила свой хлебный бюджет с дефицитом, то есть к весне попросту голодала, у многих семей была задача не съесть семенной фонд [Милов, 1992. С. 41].

3. Таким образом, для России того времени был характерен относительно низкий объем совокупного прибавочного продукта в сельском хозяйстве, то есть товарной продукции, поставляемой в город. Нехватка продовольствия приводила к тому, что многие горожане XV–XVII вв. в тёплый сезон занимались огородничеством, рыболовством и т. п., и только зимой становились ремесленниками. Для многих мануфактур и позднее промышленных предприятий был характерен сезонный характер работы, что выступало существенным ограничением для развития промышленности [Милов, 1992. С. 47–52].

4. Огромные территории при малой заселенности (в XV–XVI вв. в европейской части плотность населения России была меньше среднеевропейской в 10 раз) также побуждали к экстенсивному, а совсем не к интенсивному развитию.

Отчасти поэтому Россия достаточно долго (по сравнению с большинством западноевропейских стран), до 1861 г. оставалась феодальной страной.

5. Патриархальность и консервативность — характерные черты русского общества того времени. В этом состояла коренная разница с Западной Европой, переживавшей в этот же период великих географических открытий, бурного развития мировой торговли, колонизации, первых буржуазных и промышленных революций.

В таких условиях ключевым вопросом для России являлся не вопрос об интенсивном развитии, а о развитии вообще, о стимулировании хоть какой-либо положительной экономической динамики. Важно понимать, что никакой внутренней интенции к модернизации и к интенсивному развитию вышеописанные экономические и институциональные условия не порождали.

Самодержавие как условие развития России: аргументы за и против

В этих условиях у России, казалось бы, не было ни малейшего шанса стать одной из мировых держав. Что позволило России стать сильной? Один из основоположников русской истории Н.М. Карамзин и президент Императорской академии наук с 1818 по 1855 гг. граф С.С. Уваров, а вслед за ними и современный американский ученый Маршалл По полагали, что таким фактором явилось самодержавие [Карамзин, 1766–1826/2003. Т. 11. С. 140–142; Уваров, 1833; По, 2003].

Однако гораздо более могущественные, чем Россия, восточные средневековые державы (индийская империя Великих моголов, китайская «Поднебесная» империя) к XVIII–XIX вв. превратились в колонии европейских стран, а с Россией этого не произошло. Значит, дело не только в самодержавии или сильной верховной власти.

Вместо этого несколько веков спустя Россия смогла стать одной из мировых держав, почему? И почему в то же время восточные средневековые империи с подобным государственным устройством пали? В поиске причин, предлагается изучить материал не только с точки зрения историка, а расширить сферу своего исследования и посмотреть на вопрос в ракурсе управления, хотя и, конечно же, через призму исторического контекста.

Полагаем, что ключевым фактором, определившим судьбу стран и империй, явилось отношение к развитию и модернизации в противовес консервативности и косности. Европа интенсивно развивалась и выиграла в «исторической гонке». С другой стороны, «именно отсутствие модернизации постепенно превратило Азию в обширное колониальное владение Европы» [Черникова, 2011а]. И именно в отношении к модернизации «коренилась разница между самодержавием восточных и русских деспотов. В конце XV–XVII вв. ни в странах Востока, ни в России не наблюдалось внутренней модернизации. Отсутствие модернизации явилась главной причиной неэффективности восточной экономики в сравнении с западноевропейской и военно-государственной слабости восточных государственных гигантов. Это и привело их к колониальной зависимости» [Черникова, 2011а]. Россия же смогла найти импульсы к развитию.

Однако, как было показано ранее, социально-экономическое состояние России в то время было таково, что они не содержали внутренней интенции к модернизации. Модернизация была навязана России. Кто же явился основным актором модернизации? Самодержавие в лице русских царей и российских императоров, причем это имело место уже в царствовании Ивана III, то есть практически с самого возникновения Московского царства.

В связи с вышесказанным требуется уточнение: мы согласны, что именно самодержавие явилось условием развития и усиления России в XV–XIX вв., но только необходимым условием. В качестве достаточного условия, выражаясь языком математики, выступила последовательная политика большинства русских царей, инициированная Иваном III: стратегия, нацеленная на модернизацию России.

Почему Россия, в отличие от восточных деспотий, избрала стратегию модернизации?

Что побудило русских царей, в отличие от восточных властителей, избрать стратегию модернизации? Мы полагаем, что одним из решающих объективных факторов были географические условия, географическое положение стран относительно друг друга, точнее, относительно европейских стран.

В то время как в Западной Европе в рассматриваемый период активно шли процессы модернизации, восточные деспотии (индийская Империя Великих моголов, китайская империя династии Цин) и их самодержавные властители наслаждались полнотой власти, не осознавая необходимости развития и не подозревая, что где-то далеко за морем, в Западной Европе «подрастают», то есть активно развиваются экономически и политически, опасные конкуренты. И когда в индийские и китайские порты приплыли западноевропейские торговые, а затем и военные корабли, им нечего было противопоставить европейцам. В Первой опиумной войне 1840–1842 гг. Британскому флоту, оснащённому артиллерией, противостояли деревянные китайские джонки.

Совсем другая ситуация имела место в России: её географическое положение обусловило тесные контакты с Европой — торговые и культурные. Более того: эти контакты далеко не всегда носили мирный характер. Как водится в истории, у России, как и у всех других стран, были территориальные споры и территориальные разногласия с её соседями, в том числе в отношении её западной границы (в частности, с Литвой, Польшей, Швецией и др.).

Существенно, что западные и северо-западные соседи России были более экономически развиты по сравнению с ней и, по логике, именно они должны были одержать победу над гораздо менее экономически развитой Русью. И действительно, они выиграли немало сражений и войн.

Но в исторической перспективе Россия не только сохранила суверенитет, но и значительно расширила свои границы по сравнению с территорией Московского царства, выйдя к Балтийскому и Черному морям, а также к Тихому океану, и впоследствии она смогла стать одной из мировых держав. Почему? Благодаря чему это могло произойти?

Мы полагаем, что здесь переплелись факторы объективного и субъективного порядка. Объективным фактором выступило географическое положение России, благодаря которому она имела регулярные контакты как с восточно- так и западноевропейскими странами, причем последние были более развитыми по сравнению с Московским царством и вследствие этого представляли серьёзную угрозу её суверенитету. Субъективным фактором явилась позиция русских царей: будучи полновластными самодержцами, купающимися в роскоши и ни в чем не нуждающимися, они имели стратегическое мышление и смогли понять, что в условиях наличия более развитых западных соседей они смогут сохранить суверенитет России только при условии, если она будет развиваться и станет не менее развитой, чем граничащие с ней европейские страны. В противном случае Россия просто исчезнет с карты мира.

То есть одним из основных факторов, позволивших России добиться успехов, стала стратегия модернизации страны, избранная Иваном III и последовательно реализуемая большей частью его наследников.

Сложная управленческая задача русских царей в XV–XVI вв. и её решение: стратегия модернизации

Попытаемся проанализировать задачу управления Русским государством в терминах современного менеджмента.

Цели и задачи

В период становления Московского царства перед русскими царями стоял целый ряд архисложных внутренних и внешних политических и экономических задач.

К внутренним задачам, в первую очередь, относились необходимость объединения раздробленных русских земель под одним началом и создание единого русского государства, а также создания механизма функционирования этого государства. Каждая из этих задач имела политический, социальный и экономический аспекты.

Внешние задачи решались во взаимоотношениях с соседями как дипломатическими, так и недипломатическими методами. Специфика внешних задач определялась:

- ▶ большой площадью территории и, как следствие, большой протяженностью границ при низкой плотности населения;
- ▶ с запада и севера Россия граничила с более экономически и технически развитыми, чем она сама, странами.

Внешние и внутренние задачи были в некотором смысле субординированы (но отнюдь не по важности), взаимозависимы:

- ▶ необходимым условием решения внутренних задач было решение задач внешних (в случае провала решения внешних задач исчезал как субъект, так и объект решения внутренних);
- ▶ решение внешних задач непосредственно зависело от успешности решения внутренних, поскольку от последних зависела военная и экономическая мощь страны и, таким образом, успех военных операций.

Ресурсы

Как уже отмечалось выше, ресурсы у русских были крайне скудные. К основным факторам, сдерживающим экономическое развитие, относились:

- ▶ суровые климатические условия;
- ▶ настолько низкая урожайность сельскохозяйственных культур, что простой люд недоедал практически всегда, а голодные годы и моры случались регулярно;
- ▶ отсутствие достаточных разведанных месторождений цветных металлов и собственной металлургической базы так, что даже золото, серебро и медь для монет приходилось привозить из-за границы, иностранные монеты, переплавляясь, чеканились заново, в качестве сырья использовали золотой и серебряный лом [Тьеполо, 1560/1991. С. 63; Маржерет, 1607/2007. С. 143; Милов, 2006].

Всё это сдерживало развитие ремесла, мануфактур и промышленности.

Этих ресурсов едва хватало для простого воспроизводства, не говоря уже о развитии. Поэтому для России того времени характерна стагнация или, в лучшем случае, крайне медленное экономическое и, как следствие, социальное развитие.

Скудость ресурсов определяла также крайне низкую норму прибавочного продукта [Милов, 2006], который мог быть использован для текущих нужд государства, а также отвлечен на ведение военных действий и решение других государственных задач.

Всё это позволяет констатировать недостаток ресурсов для достижения очерченных в предыдущем пункте ресурсоёмких целей.

Институциональные условия

Неформальные институты. Характерными чертами русского народа являлись патриархальность (следование обычаям) и консерватизм (неприятие нового).

Особенно ярко консерватизм проявлялся в отношении к иностранцам и к заимствованию нового у иностранцев. Одна из причин заключалась в том, что все государства, окружавшие Россию, исповедовали веру, отличную от православия — ислам (с юга и востока), католицизм и протестантизм (с запада и севера). Поэтому русские воспринимали себя

как хранители православной веры, а заимствования — как угрозу православию [Милов, 2006]. Эту позицию активно поддерживала церковь, причем она имела мощную поддержку среди широких слоев населения. Недаром общепринятым определением России является святость («святая Русь»), в отличие от, например, «старой доброй Англии», «прекрасной Франции» или «великой Германии».

Формальные институты развития в России развиты не были. В среднем население было достаточно грамотным, однако система образования существовала только на уровне начального и среднего образования (школ), высших заведений не было, как не было и института науки, открытия делались преимущественно талантливыми самородками.

Таким образом, институциональные условия, имеющиеся в России в изучаемый период, благоприятствовали консервативному пути и, можно сказать, тормозили развитие.

Решение управленческой задачи русскими царями

На первый взгляд, задача не имела решения: исходя из вышеизложенного, в исторической перспективе Россия должна была быть поглощена своими более развитыми западными или северо-западными (или же иными) соседями.

Несмотря на это, как показывает исторический опыт, русские правители нашли решение: выражаясь языком менеджмента, они избрали стратегию модернизации России. Ничего не зная о менеджменте (которого в то время не существовало ни как понятия, ни как практики управления, ни как науки), русские цари интуитивно поняли, что в исторической перспективе выживает и выигрывает тот, кто развивается, и чтобы Россия выжила и стала сильной, она должна развиваться. Аналогично в краткосрочной перспективе: чтобы выигрывать в регулярных военных столкновениях со своими соседями (в том числе западными и северо-западными, более развитыми европейскими странами), она должна стать не менее развитой (а желательно более развитой), чем они. А для достижения данной цели существует только один путь — развитие, причём не только количественное, но и качественное, то есть модернизация.

Для решения указанных выше задач была избрана стратегия модернизации России.

Способ реализации стратегии

Оставалось «немногое» — найти способ реализации этой стратегии. А это было весьма непростой задачей: как пишет Т.В. Черникова [Черникова, 2011а. С. 108], суровость природно-климатических условий, бедность русского населения привели к застою сценарию развития экономики, не выдававшей никакого стремления к органической модернизации изнутри. Более того, в России не было квалифицированных специалистов, способных эту модернизацию не только осуществлять, но и просто начать, дать импульс к хоть какому-нибудь качественному, интенсивному развитию. Ещё одна, на первый взгляд, неразрешимая задача.

Таким образом, было необходимо:

- ▶ найти способ (путь) реализации данной задачи;
- ▶ изыскать для ее решения ресурсы — средства достижения;
- ▶ создать условия для ее реализации, то есть изменить институциональные условия: изменить российский менталитет, сделать его менее консервативным и более толерантным к изменениям; в литературе по истории России это обычно называется европеизацией. Это была самая сложная, архитрудная часть задачи, как и всё, что обычно касается институциональных изменений.

Эта задача была блестяще решена русскими самодержцами. ***Поскольку внутренние условия для модернизации отсутствовали, было решено задействовать внешние ресурсы для решения внутренней российской задачи: Иван III «придумал» привлечь иностранцев, прежде всего западноевропейцев, для модернизации России.***

Откуда мы знаем о существовании данной стратегии? Документов с формальным описанием данной стратегии нет и не может быть — тогда была, как сейчас бы сказали, была совсем другая культура управления. Однако мы с полной уверенностью можем утверждать, что эта стратегия существовала в головах русских царей и их ближайших сподвижников, поскольку это доказывают их методичные целенаправленные действия в этом направлении. Далее мы попытаемся убедить в этом читателя, проанализировав на конкретном историческом материале, каким образом эта стратегия была реализована.

Реализация стратегии модернизации России

Предварительные замечания

1. Анализируемый период охватывает XV–XVIII вв., в течение которых в России сменилось несколько правителей. Стили правления русских царей различались, но тем удивительней, что в большей или меньшей степени, более или менее активно практически все правители (за исключением, наверное, только Ивана Грозного) содействовали реализации данной стратегии. Исторические факты, свидетельствующие о целенаправленных системных действиях русских царей, содействующих модернизации России, убеждают нас в наличии стратегии модернизации. Ниже мы будем доказывать данный тезис при помощи исторических фактов.

2. Каким образом возможно доказать, что русские цари при управлении страной и, в частности, при реализации стратегии модернизации России использовали менеджмент-подходы? Ниже мы покажем, что русские цари, ничего не подозревая о существовании функций менеджмента, тем не менее интуитивно действовали в полном соответствии с современными представлениями об эффективном менеджменте. На основании исторических документов мы можем показать:

- ▶ как они организовывали выполнение стратегии модернизации,
- ▶ как выступали как лидеры, в том числе используя разнообразные инструменты мотивации,
- ▶ какую роль играла в то время функция контроля.

Функция планирования

Отдельный комментарий требуется относительно функции планирования: анализируя исторические факты, мы видим, что сценарий модернизации России не только имел место, но и был детально продуман. Во-первых, выбор метода модернизации (привлечение иностранцев) явно относится к функции планирования. Во-вторых, сценарий включал 4 последовательные задачи, или 4 этапа, которые затем последовательно реализовывались во времени:

1-й этап. Привлечение иностранцев для решения конкретных научно-технических задач (архитекторов и инженеров — для строительства зданий, специалистов литейного дела — для организации литейного производства, военных — в качестве наёмной армии, врачей — для лечения высокопоставленных персон, etc.).

2-й этап. Перенимание и тиражирование опыта иностранцев, овладение их знаниями и передача этих знаний россиянам, обычно подмастерьям и ученикам (типичное «know how»), а также обучение русской армии передовым приемам ведения боевых действий. Задачей данного этапа являлось появление собственных, отечественных специалистов.

3-й этап. Создание системы воспроизводства отечественных специалистов, чтобы расширение штата специалистов не требовало приезда всё новых и новых иностранцев. Это подразумевало создание отечественной системы образования.

4-й этап. В рамках первых трёх этапов происходила лишь передача уже имеющихся знаний. Однако цель заключалась в том, чтобы научиться самим генерировать новые

знания. То есть задачей являлось создание отечественной российской науки (как фундаментальной, так и прикладной).

Как отмечалось выше, документов, подтверждающих наличие данного плана, нет и быть не может — тогда была совершенно иная культура управления, никаких документов на эту тему не было. Однако чёткие последовательные действия русских самодержцев подтверждают наличие у них такого плана, такого сценария, что будет показано при анализе функций, отвечающих за реализацию стратегии (организации, мотивации и контроля).

В этой связи примечательно следующее: истинность законов менеджмента подтверждается тем, что успешные и эффективные руководители (в том числе, русские цари), ничего не знающие о существовании этих законов, действуют в соответствии с данными законами.

Таким образом, мы будем изучать реализацию стратегии модернизации России, анализируя ее через призму функций менеджмента.

Инициация модернизации России царем Иваном III

Иван III был не только строителем русского государства, но и основоположником стратегии модернизации России. В период его правления реализовывались только первый и второй этапы стратегии, последующие этапы были разработаны и реализованы его последователями.

1-й этап. Реализации стратегии модернизации был непосредственно связан с двумя важнейшими сферами деятельности Ивана III — строительством Кремля (именно его стараниями Москва приобрела эпитет «белокаменная») и активными военными действиями в течение практически всего периода его правления. На основании исторических документов можно сделать вывод, что он не был удовлетворён состоянием дел в обеих областях — ни качеством местных строительных работ, ни уровнем оснащения и организации русской армии. Одновременно он осознавал, что в Европе дело обстоит намного лучше.

Функция организации. Иван III решает пригласить иностранных специалистов для строительства Кремля. Выбор страны был неслучаен и пал на Италию: именно там до брака с Иваном III жила со своими родителями жена Ивана III Софья Палеолог. С этой целью он предпринимает конкретные действия по организации приезда иностранцев в Россию. В частности, он дает поручения направлявшимся в Италию: в 1474 г. — Семёну Толбузову, в конце 1480-х гг. — Дмитрию и Мануилу Ралевым, в 1494 г. — Мануилу Ангелову Греку и Данилу Мамыреву, в конце 1400-х гг. — венецианскому послу, имя которого неизвестно. В результате исполнения данных поручений в Россию приехали Ридольфо Аристотель Фьораванти (Ridolfo Aristotele Fioravanti), Пьетро Антонио Солари (Pietro Antonio Solari), Алевиз Фрязин (Алевиз Старый), Алевиз Миланец (Aloisio da Milano), Алоизио да Карезано (Каркано) и Марко Руффо (Marco Ruffo). Под руководством Аристотеля Фьораванти был возведен Успенский собор Московского Кремля. Марко Руффо и Пьетро Антонио Солари возвели шесть башен Кремля (Боровицкую, Константино-Еленинскую, Спасскую, Никольскую, Сенатскую и Арсенальную), а также Грановитую палату.

Привлекали и кадры «на месте»: так, итальянский дипломат Антонио Джиларди (Antonio Gislardi), он же Антон Фрязин, известен как строитель Тайницкой и Свибловой башен Московского Кремля.

Вопросы модернизации не ограничивались строительством, привлекались и специалисты в других областях, особенно военного профиля: так, в 1490 г. вместе с Пьетро Антонио Солари в Москву были приглашены и приехали серебряных дел мастер Христофор и литейщик орудий Джакобо [Воронов, 1903], двумя годами ранее другой итальянский мастер отлил для Москвы удивительно большую пушку [Соловьев, 1851–1879/1989. Кн. 3. Т. 5. С. 176]. Упомянутый выше Аристотель Фьораванти также был не только архитектором,

но и талантливым инженером, в том числе в военной области. Есть основания полагать, что именно ему, знаменитому мастеру фортификационных работ, был заказан генеральный план новых стен и башен Кремля; ему же приписывают устройство Пушечного двора. В качестве начальника артиллерии и военного инженера он принимал участие в походах Ивана III на Новгород (1477–78 гг.), Казань (1482 г.) и Тверь (1485 г.), известно, что во время похода на Новгород он навёл очень прочный понтонный мост через реку Волхов.

2-й этап. Перенимание и тиражирование опыта иностранцев, овладение их знаниями и передача этих знаний россиянам, обычно подмастерьям и ученикам (типичное «know how»). Задачей данного этапа являлось освоение западных технологий отечественными специалистами.

Итогом пребывания в России заморских архитекторов было не только сооружение зданий, но и использование новых для Руси технологий возведения зданий. Например, при строительстве Успенского собора под глубокий фундамент (около 4,5 м) были вбиты дубовые сваи, при кладке каменных стен ради прочности использовали металлические внутрстенные и проемные связи, а также включения из кирпича. В конструкции первого яруса колокольни Ивана Великого были заложены металлические балки, поэтому она устояла в 1812 г. при попытке взрыва её французами. Новыми были не только инженерные, но и декоративные решения — сандрики, карнизы, тяги, арки. Все эти приемы впоследствии активно использовались русскими зодчими.

Аристотеля Фьораванти можно назвать одним из основоположников отечественной строительной индустрии — по его инициативе близ Андроникова монастыря был построен высокотехнологичный по тому времени кирпичный завод, производящий качественный и стандартный кирпич согласно Ламборджийскому стандарту (до этого на Руси в строительстве использовали плинфу). Этот стандарт (размер 24×12×6 см) действует в России и поныне.

Мероприятия, характерные для третьего и четвертого этапов, были предприняты русскими царями позднее, не при Иване III.

Функция мотивации. Чтобы реализовать задуманное, да еще за пределами России, требовалась продуманная система мотивации. Каковы были конкретные условия контракта, подписанного с Аристотелем Фьораванти (установлено, что контракт был подписан), неизвестно. Но доподлинно известно, что приехавшие иностранцы получали не только хорошее жалованье, но и дорогие подарки от царя. Так, Алоизий из Карно, стенной мастер и инженер (Aluisio de Carchano magistro de muro et inzignero), строивший, например, Большой кремлевский дворец и Троицкую башню Кремля, получил лично от государя 8 царских одежд (*veste de le sue*) и приличную сумму денег [Хрептович-Бутенев, 1993]. Вопрос не сводился к хорошему жалованью: поступление на службу к русскому царю сулило иностранцам, бывшими у себя на родине грамотными мастерами, хорошими инженерами, изменение социального статуса: за свою службу они получали целые деревни и села (со всеми людьми, как полагается при феодализме), становились полноценными помещиками, а многие даже боярами. В окрестностях Москвы много сел, названных в честь своих иноземных хозяев, например: Саларьево (4 км от МКАД по Киевскому шоссе) напоминает о своих хозяевах Михаиле и Дементии Саларевых, село Ларево (10 км от МКАД по Калужскому шоссе) в свое время получили греки Дмитрий и Фома Рале (их фамилия была видоизменена на русский манер) и многие другие.

Функция контроля. Основное назначение функции контроля далеко не сводится к фиксации достигнутого и сравнению фактического с запланированным результатом. Главное в функции контроля — понять причины отклонений, чтобы разработать, а затем реализовать корректирующую стратегию. С функцией контроля тесно связана также задача постоянного поиска резервов для улучшений, чтобы результаты реализации стратегии стали еще более впечатляющими.

В правлении Ивана III мы не обнаружили много примеров действия функции контроля. Пожалуй, только пример Аристотеля Фьораванти, который прибыл в Россию как архитектор-строитель, но вскоре обнаружили его таланты военного инженера, и как строителя его больше не привлекали.

Однако можно сказать, что вся стратегия модернизации возникла у Ивана III в голове как результат применения им функции контроля, когда он сравнивал ту Русь, которой он фактически правил, с Россией, которую он мысленно видел и какую хотел создать. Ведь именно анализируя этот разрыв, эту пропасть, он нашел гениальное решение модернизации России и привлек для решения этой архитрудной задачи внешние ресурсы, то есть иностранцев.

Реализация стратегии модернизации в XVI веке

В этом пункте нам важно понять не то, что сохранилось прежним при реализации функций управления (это мы знаем из предыдущего пункта), а что изменилось. А эти изменения могли произойти только благодаря эффективному использованию функции контроля. Причём здесь оказывается существенным еще один аспект, который становится всё более востребован в настоящее время: функция контроля включает в себя не только сравнение фактических результатов реализации стратегии с плановыми, но и то, осталась ли стратегия адекватной и оптимальной в условиях новых исторических обстоятельств (изменившейся внешней среды).

Поэтому далее в этом пункте мы будем говорить лишь о том, что изменилось в стратегии модернизации по сравнению с временами Ивана III, и будем понимать, что все эти изменения произошли исключительно потому, что хорошо «работала» функция контроля. В связи с этим менялись и целевые ориентиры (что соответствует функции планирования). А фактические изменения происходили, как следствие, и в сфере организации, и в сфере мотивации.

Функция планирования: адаптация стратегии

С самого начала отметим, что стратегия модернизации России, начатая Иваном III с момента становления единого Московского государства, оставалась актуальной в течение XVI в. и продолжала успешно реализовываться его потомками: его сыном Василием III (правил 1505–1533), его внуком Иваном IV Грозным (1533–1584), его правнуком Федором I Иоанновичем (1584–1598), а позднее — Борисом Годуновым (1598–1605). Самозванец на русском престоле, выдававший себя за сына Ивана Грозного, Лжедмитрий I, также был сторонником европеизации.

Инструменты для её реализации остались прежними: заимствование европейского опыта и обучение этому опыту русских путем привлечения иностранцев. Число резидентов европейских стран, трудившихся в России, продолжало расти. Только военных наемников, по мнению Маржерета [*Маржерет*, 1607/2007. С. 150], к концу XVI в. было порядка 2 500 чел., а согласно информации Флетчера [*Флетчер*, 1591/1991. Гл. 16] даже 4 300 чел.

В Москве, а также в ее ближайших окрестностях возникают целые поселки, где компактно живут иностранцы (например, столичные районы Наливки или Налейка [*Штаден*, 1577–1579/2008. С. 221; *Флетчер*, 1591/1991], Немецкая слобода). К концу XVI в. районы компактного проживания служилых западных европейцев и купцов имелись в Москве, Вологде, Холмогорах, Архангельске, Нижнем Новгороде, Ярославле и Костроме [*Черникова*, 2016]. Многие из них сохранили свои исторические названия до сих пор — например, Фрязино, Фрязево, Фряново названы в память о тех фрязях (так тогда называли итальянцев), которые проживали там начиная с XV–XVI вв.

Однако не всё осталось прежним. Строительство Кремля было в основном завершено в начале XVI в. (Нельзя не упомянуть о строительстве сложнейшего фортификаци-

онного гидротехнического сооружения с дамбами и шлюзами, проходившего в том числе и на месте современной Красной площади — так называемого Алевизова рва. Руководил работами итальянский архитектор и инженер Алевиз Фрязин Новый [Кирилов, 1727/1977. С. 117].) В связи с этим актуальность чисто «строительных» проектов в этот период снизилась. Доминирующими для России стали внешнеполитические проблемы. В этом контексте можно говорить об адаптации стратегии к новым историческим условиям, которые актуализировали иные задачи, в связи с чем были скорректированы цели.

Это отразилось на структуре состава приглашаемых иностранцев. Постепенно все большее предпочтение отдается привлечению военных и инженеров по сравнению со специалистами гуманитарного профиля. Во второй половине XVI в. список специальностей, в которых была заинтересована Россия, существенно расширяется. Так, в группу из 123 чел., рекрутированную Гансом Шлитте, входили аптекари, фельдшеры, учёные, владеющие немецким и латинским языками, горняки, шахтёры и другие специалисты для добычи руды драгоценных и иных металлов и жемчуга, архитекторы-строители, гидростроители, литейщики пушек, оружейники и ружейники, бумажники [Соловьев, 1851–1879/1989. Кн. 3. Т. 6. С. 643].

Изменился и национальный состав привлекаемых: увеличивается доля немцев, голландцев, а также литовцев, и сокращается доля итальянцев и греков. Тем не менее, по свидетельствам венецианских послов Фоскарино [Фоскарино, 1558/1991. С. 57] и Тьеполо [Тьеполо, 1560/1991. С. 63], при Иване IV «немцы» — артиллеристы не вытеснили, а дополнили команду пушкарей-фрязей. Известно также, что из иноземцев состояла личная охрана Василия III.

В это время русские правители осознали, что их достаточно многочисленная, но по сути средневековая армия (порядка 100 тыс. чел., преимущественно кавалерия, вооруженная холодным оружием) качественно уступает западноевропейской пехоте, вооруженной огнестрельным оружием, и достаточно оперативно решили эту проблему. На первом этапе — как обычно, путем привлечения (найма) иностранцев. Значительную часть наёмников в это время составляла пехота, вооруженная пищалями, алебардами и аркебузами (большой частью воины-профессионалы из «немцев и литовцев», а также «литовцев и всякого сброда», как пишет Герберштейн [Герберштейн, 1549/2008. С. 245, 435]), а Тьеполо [Тьеполо, 1560/1991] свидетельствует даже о появлении конных аркебузьеров.

Новый импульс стратегия модернизации получает при Борисе Годунове — фактическом регенте царя Фёдора I в 1584–1598 гг. и первом избранным русским монархе в 1598–1605 гг. Ярчайшей стороной его натуры была тяга к европейской учёности. Скорее всего, это было следствием его понимания эффективности западных новшеств для России, особенно в военной и технической областях. Годунов начал настоящую погоню за иностранцами, причём не только военными и оружейниками, но также врачами, музыкантами, ювелирами, зодчими и каменных дел мастерами. Последние приняли участие в колоссальном строительстве новых оборонительных сооружений Москвы — каменного Белого города и деревянно-земляного Скородома [Черникова, 2016. С. 19].

Функция организации

1-й этап. В документах XVI в. можно найти немало интересных деталей относительно того, как было организовано привлечение иноземцев в Россию. Поручение давалось как россиянам, выезжающим за границу, так и возвращающимся иностранцам. Так, русский посол в Инсбруке дьяк В.С. Племянников снабжает согласившихся поехать в Россию деньгами на покупку лошадей и дорожные расходы, а также охранными грамотами от имени государя [Герберштейн, 1549/2008. С. 649; Черникова, 2011b].

Однако ближайшие к России западные соседи быстро поняли нежелательность европеизации России, и уже в первой половине XVI в. мы находим несколько свидетельств противодействия волонтёрам, направляющимся в Россию. В ответ на это изменились

способы рекрутинга. Например, вышеупомянутый В.С. Племянников был вынужден действовать через других лиц: «Посол давал деньги «своим слугам», чтобы они ходили к публичным женщинам и через них наводили справки об оружейниках» [*Герберштейн*, 1549/2008. С. 649]. Русский историк С.М. Соловьев приводит пример некоего немца Александра, видимо, литейного мастера, который в 1530-х гг. вызвался привезти из Дерпта (ныне Тарту) своего друга («лить пушки и стрелять из них»), его схватили и сослали неведомо куда [*Соловьев*, 1851–1879/1989. Кн. 3. Т. 6. С. 484]. Еще более трагична судьба другой миссии. Саксонец Ганс Шлитте, действуя по поручению Ивана Грозного, смог уговорить 123 человека, и группе, имея разрешение Карла V, удалось доехать до Любека. Однако Мастер Тевтонского ордена в Ливонии Иоганн фон дер Реке смог убедить Карла V отозвать разрешение (объяснив императору, что под предлогом найма ремесленников Шлитте набирал опытных офицеров и других военных, уговаривая их поступить на службу царю, и что Ливония — внешняя крепостная стена Империи — пока могла защищаться только благодаря тому, что московские войска плохо вооружены). Шлитте был задержан и брошен в темницу. Один из мастеров, Ганс, дважды пытался сам пробраться в Москву. Первый раз его посадили в тюрьму, а второй раз Ганса, захваченного в двух верстах от русской границы, казнили [*Соловьев*, 1851–1879/1989. Кн. 3. Т. 6. С. 439–440]. Это вызывало сильное недовольство русских властей. Некоторые историки (например, Карамзин) полагают, что дело Шлитте послужило одной из причин начала Ливонской войны 1558—1583 годов [*Карамзин*, 1766–1826/2003. Т. 8. С. 206].

В ответ на это опять произошла диверсификация приемов привлечения иностранных специалистов, прежде всего военных (здесь мы опять видим, эффективное действие функции контроля, когда в ответ на выявление проблемы тут же предлагаются меры для ее решения). Любой иностранец, «несмотря ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность, желающий поступить на русскую службу, если он только не еврей, может прибыть на русскую границу и встретить там добрый прием». Была четко организована работа по рекрутингу: на границе (а у Московии весьма протяженные границы) кандидата в наемники расспрашивали о намерениях, и он получал средства «на корм» до Москвы. В столице его повторно расспрашивали, речи записывались и сравнивались (здесь следует отметить налаженную «правительственную» коммуникацию со столицей, благодаря которой было возможным оперативно сравнивать протоколы собеседований). В случае принятия положительного решения кандидату выплачивалось разовое «выходное жалованье», состоящее из некоторой суммы денег и одежды, и он ставился на довольствие сроком на один год, которое затем продлевалось. Регулярно получаемое довольствие состояло из двух частей — денежной и натуральной. В последнюю входили, например, корм для лошадей, а также мёд (алкогольный напиток). Маржерет [*Маржерет*, 1607/2007. С. 146] пишет: «все иностранцы, прибывающие на службу Императору, каждый в зависимости от своего достоинства, как в Москве, так и по дороге обеспечиваются всеми припасами, необходимыми как для себя, так и для своих лошадей», это же подтверждает Штаден [*Штаден*, 1577–1579/2008. С. 237–239].

Другим эффективным способом пополнения русской армии стала работа с пленными, которым предлагалось стать наемниками.

2-й этап. Постепенно расширяется перенимание и тиражирование опыта иностранцев. Так, Тьеполо [*Тьеполо*, 1560/1991] пишет, что «В Моске есть длинный ряд мастерских, где делают аркебузы в большой массе». Штаден [*Штаден*, 1577–1579/2008. С. 173] дополняет: «Посередине города (Москвы — С.Б.) недавно построили двор, в котором ... льют пушки».

Тем не менее овладение опытом шло медленно, и иностранцы еще долго оставались весьма ценными кадрами для Московии. Мы можем сделать такой вывод, опираясь на известный исторический прецедент, когда в 1505 г. во время войны с Казанским ханством

трое пушкарей-литейщиков, итальянцев чуть не попали в плен к татарам и бежали с поля боя, при этом один из них даже смог вывезти с поля боя свою пушку. Василий III на это сказал: «Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними» [*Герберштейн*, 1549/2008. С. 413].

В пользу данного тезиса говорит и множество фактов, когда иностранным специалистам прощали серьёзные проступки, недопустимые для русских. В походе на Казань в 1524 г. один пушкарь, уроженец Савойи, был пойман при попытке перейти на сторону врага и сдать свое орудие. На допросе он винился, «во всем признался и был прощён». Русского воина за подобный проступок непременно бы казнили [*Герберштейн*, 1549/2008. С. 435; *Черникова*, 2011b].

3-й этап. В этот период началось и создание системы воспроизводства отечественных специалистов, чтобы в перспективе расширение штата специалистов не требовало приезда всё новых и новых иностранцев, например, воинов-наемников. Тьеполо [*Тьеполо*, 1560/1991] свидетельствует, что «москвиты по праздникам обучаются аркебузу по германским правилам и, став уже весьма опытны, изо дня в день совершенствуются во множестве».

Во второй половине XVI в. в России появляется целый ряд русских самостоятельных мастеров-литейщиков, ранее бывших подмастерьями иноземных специалистов (которые, в свою очередь, имели своих учеников). Задача воспроизводства отечественных специалистов в литейной отрасли в целом была решена. Особенно известен мастер Андрей Чохов, в 1586 г. отливший Царь-пушку (полноценное боевое орудие, однако она фактически ни разу не стреляла). Ее калибр — 890 мм, длина ствола — 5340 мм, масса — более 39 т. Согласно современным расчетам, она могла выдержать стрельбу гигантскими ядрами весом 1000 кг с пороховым зарядом 117,8 кг. Она занесена в Книгу рекордов Гиннеса и до 2016 г. являлась орудием с самым большим калибром в мире [*Bogatyrev*, 2010; *Лобин*, 2016].

К этому времени Пушечная изба (первое упоминание о ней датируется 1475 г.) превратилась в Пушечный двор — государственную мануфактуру с плавильными печами, кузницами, литейными амбарами и пр., которая была одним из передовых в техническом отношении производств своего времени. На предприятии работало до 400–500 человек, включая мастеров, подмастерьев и учеников 32 профессий. В конце XVI в. мастера осваивают начала стандартизации и переходят к производству средне- и мелкокалиберной артиллерии партиями [*Лобин*, 2016. С. 105].

4-й этап. Борис Годунов прекрасно понимал, что для сильной России недостаточно постоянно привлекать все новых и новых иностранцев, нужно иметь «внутренний источник» образованных людей, и в 1600 г. собирался создать в России школу наподобие европейских, а для преподавания в ней «выписать» из Западной Европы ученых. Эта школа могла бы стать первым российским высшим заведением. Немецкий ученый Товий Лонцеус писал в ответ царю: «Вы избраны Небом совершить дело великое, новое для России: просветить ум вашего народа несметного, и тем возвысить его душу вместе с государственным могуществом». Однако соотечественники не поняли царя Бориса. Более всех восстало против его намерения духовенство, воспринимавшее науку как «дьявольское наваждение». Сопrotивление было столь велико, что Годунов не смог реализовать свое намерение [*Буссов*, 1614/1998; *Краевский*, 1836. С. 62]. Российское общество в тот период оказалось не готово развивать высшее образование и науку. Эту задачу удалось решить только Петру I более века спустя, когда в 1724 г. на основании его распоряжения Указом правительствующего Сената была учреждена Российская академия наук. Через 30 лет, в 1755 г. Указом императрицы Елизаветы Петровны и стараниями И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова был учрежден Императорский московский университет (ныне Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Функция мотивации. Как отмечалось выше, иностранцы, будучи на службе у царя, получали довольствие (денежное и натуральное) [Штаден, 1577–1579/2008. С. 241, 353; Ченслор, 1554/1937. С. 56] характеризуют жалование иностранцев в Московии как «небольшое» — очевидно, в сравнении с европейским. Тем не менее иностранцы продолжали прибывать в Россию. Это значит, что предложение было конкурентоспособным. В чём же состояла привлекательность предложения русских?

Во-первых, жалование было таким, что рекрутируемый ни в чем не нуждался, получая не только денежное, но и натуральное довольствие. Более того, в России он становился состоятельным человеком. Денежные оклады даже рядовых служилых европейцев попадали в вилку окладов столичных дворян [Черникова, 2016. С. 20].

Кроме того, иноземцы пребывали в России на особых условиях:

а) у себя на Родине они были рядовыми, пусть и талантливыми инженерами, мастерами, воинами; в России менялся их социальный статус, они автоматически попадали в привилегированную касту уже постольку, поскольку были иностранцами, им позволялось то, что не позволялось резидентам, и прощалось то, что не прощалось русским (Мартин Груневег цитировал обращающегося к нему Бориса Годунова «Или ты не знаешь, что мы всегда поступаем [по отношению] к иностранцам более гостеприимно, чем [по отношению] к своим?» [Хорошкевич, 2004. С.18]). В частности:

- ▶ они получали дорогую одежду: Штаден и Маржерет [Штаден, 1577–1579/2008. С. 241; Маржерет, 1607/2007. С. 142] пишут о сукне, шелковых тканях, отрезах золотой парчи, кафтанах, подбитых мехами — белкой или соболем;
- ▶ мёд (алкогольный напиток) не только был частью жалования наемника. Это была еще и привилегия, поскольку «русским запрещено пить мёд и пиво, исключая немногих дней в году», в то время как иноземцам разрешалось не только пить, когда им хочется (мёд отпускался им ежедневно, полагалось одно ведро мёда в день), но и производить алкогольные напитки и торговать ими. Торговля алкоголем обычно была весьма прибыльна. «По этой причине они удалены от сообщества с остальными, чтобы прочие не соблазнились, живя вместе с ними» [Герберштейн, 1549/2008. С. 293; Штаден, 1577–1579/2008. Сс. 81, 173, 241, 353, 355, 373; Маржерет, 1607/2007. С. 130];
- ▶ был ещё целый ряд привилегий: вместе со своими слугами они не платили пошлин, русские могли подавать на них жалобы только два дня в году, в то время как они могли подавать в суд на русских хоть ежедневно, у каждого из них был «свой личный» пристав (никакой другой пристав не имел права вызывать их в суд) [Штаден, 1577–1579/2008. С. 243, 367]; в случае провинности к ним относились весьма снисходительно («иностранец не может так сильно согрешить, чтобы его легко приговорили к смертной казни» [Штаден, 1577–1579/2008. С. 251]).

б) многие из них становились приближёнными царя, он знал их лично, лично общался, принимал во дворце, делал подарки («царские подарки» — драгоценную утварь, одежду из соболей и т. п.), лично решал проблемы в случае их возникновения [Герберштейн, 1549/2008; Черникова, 2011b. С. 148];

в) как и при Иване III, чужеземцы получали в подарок дома в Москве или поместья, то есть из мастеровых или воинов становились дворянами. О том, что наделение поместьями было обычной процедурой, пишет Штаден [Штаден, 1577–1579/2008. С. 169, 239, 241, 351, 353, 367–369, 387].

Концентрировано вышесказанное выражено в речи Бориса Годунова перед прибывшими в Москву лифляндцами 13 декабря 1601 г. В частности, он сказал: «добро пожаловать в нашу страну... не горюйте, мы дадим вам снова втрое больше того, что вы там имели. Вас, дворяне, мы сделаем князьями, а вас, мещане и дети служилых людей, — боярами. ... Мы дадим вам вдоволь земли и крестьян, и слуг, оденем вас в бархат, шелка и парчу, снова

наполним деньгами ваши пустые кошельки. Мы будем вам не царём и государем, а отцом» [Буссов, 1614/1998. С. 25–26].

Таким образом, русские правители XVI в. продолжали мудрую политику своего предка Ивана III по модернизации Московии, привлекая для этого более грамотных иностранцев и активно обучая русских их приёмам и навыкам.

Выводы

Ниже мы попытаемся подвести некоторые итоги, выводы, к которым мы пришли в результате проведенного нами исследования — как в историческом контексте, так и с точки зрения менеджмента, а также с точки зрения государственного управления.

1. Политика модернизации была в большей или меньшей степени продолжена большинством русских царей XVII–XIX вв. (конечно же, с учётом конкретных исторических обстоятельств). Исключение составляет, пожалуй, только период правления Ивана Грозного (политика которого имела неоднозначные результаты) и период Смутного времени, и то частично (после смерти Лжедмитрия I), когда в условиях чехарды правителей, двоевластия, крестьянского восстания под предводительством Ивана Болотникова (1606–1607 гг.) и польско-литовской интервенции (1609–1618 гг.) говорить о проведении какой-то долгосрочной политики, в том числе стратегии модернизации, просто не приходилось.

Более того, постепенно сфера модернизации расширялась и, например, в царствование Федора III, помимо «традиционных» прикладных научно-технических инженерных и военных аспектов, она затронула, например, сферу государственного управления. При этом реформы Федора III были предварительно тщательно продуманы и спланированы. Это был системный план, который Федор III успел воплотить в жизнь лишь частично, поскольку скончался в возрасте 20 лет [Черникова, 2012. С. 12].

Особенно активно проводил, можно сказать, форсировал политику модернизации Петр I.

Вышесказанное означает, что правители России признали стратегию модернизации, начатую Иваном III, правильной и целесообразной. В долгосрочной исторической перспективе данная установка полностью себя оправдала. Освоение передового западноевропейского опыта, безусловно, способствовало тому, что к XIX в. Россия превратилась в одну из ведущих европейских держав и, среди прочего, смогла дать отпор Наполеону в войне 1812 г., в то время как прежде великие средневековые державы Востока стали колониями и полуколониями развивающейся Европы.

Стратегия модернизации сыграла значительную положительную роль, придала дополнительный импульс развитию России, однако не стоит переоценивать ее результаты. Груз отсталости наряду с объективными условиями (как природно-климатическими, так и институциональными) продолжали и продолжают «тянуть вниз». Как пишет А. Байков [Бауков, 1954. Р. 137]: «основная разница в экономическом развитии России и западноевропейских стран с середины XVIII по последнюю четверть XX столетия заключалась в намного более медленном промышленном развитии России».

2. То, что в XV в. Ивану III, правителю патриархальной страны, пришла в голову идея о целесообразности и даже необходимости модернизации, свидетельствует о его незаурядном уме. Представляется, что этот аспект его деятельности явно недооценён историками. То, что он, не имея внутренних ресурсов для реализации задуманного, сумел привлечь для этого внешние ресурсы (иностранцев), только подтверждает вышесказанное.

Более того, не имея никакого представления о научном управлении, он, также как и последующие русские правители, реализуют задуманное в полном соответствии с современными представлениями о менеджменте и стратегии, последовательно задей-

ствуя функции планирования, организации, мотивации и контроля. При этом функция контроля понимается ими весьма современно как контроллинг: отслеживая результаты, цари и императоры адаптировали инструменты реализации стратегии в связи с изменяющимися обстоятельствами (внешней средой).

Именно это позволяет нам рассматривать вышеописанный исторический прецедент как типичный *management case*.

3. Главная особенность российской модернизации заключалась в том, что она проводилась в отсутствие необходимых внутренних ресурсов. При этом под ресурсами мы понимаем не только традиционные экономические (материально-финансовые) ресурсы, но и крайне низкий уровень развития производительных сил, на первый взгляд, не соответствующий задаче, а также имеющиеся институциональные условия. В то время Россия представляла собой типичное средневековое патриархальное общество с весьма консервативными, даже воинственно-консервативными установками. Эти установки имели не только духовно-религиозные корни, но и подпитывались регулярными военными конфликтами по всему периметру российских границ (подсознательно никому не хочется быть похожим на врага).

Неслучайно инициатором и координатором освоения и даже насаждения западного опыта всегда выступала центральная верховная власть, в то время как население традиционно относилось ко всем «новым веяниям» весьма настороженно. И поэтому первые два века модернизации (XV и XVI вв.) характеризуются историками как период поверхностной модернизации, когда происходило «техническое перевооружение», а социокультурные установки оставались практически неизменными и трансформировались чрезвычайно медленно. Для сдвига в социокультурных установках потребовалось два века, именно поэтому в расхожем сознании модернизация ассоциируется с именем Петра I, правившего на рубеже XVII и XVIII вв. Но Петру I именно потому и удалось его кардинальные преобразования, что они были подготовлены двухвековой практикой европеизации, инициированной Иваном III.

В этом контексте замечание историков о поверхностной модернизации в XV–XVI вв. [Черникова, 2014] можно рассматривать как комплимент. Институциональные условия всегда характеризуются ригидностью по сравнению с другими параметрами социально-экономического организма, и чем традиционнее общество, тем ригидней институциональные установки. В полной мере это относилось к русскому обществу XV–XVI вв., в котором были возможны только чрезвычайно медленные, постепенные перемены. А то, что в этих условиях модернизация состоялась, пусть даже сначала поверхностная, «техническая» — огромная заслуга Ивана III и последующих русских царей.

Поэтому, принимая во внимание конкретные исторические обстоятельства, можно оценивать модернизационную инициативу Ивана III как прекрасно исполненную и чрезвычайно результативную. Он проявил себя как выдающийся менеджер и стратег, работающий на поле истории.

4. Стратегия модернизации была средством спасения Руси — не придумай Иван III модернизацию, с большой вероятностью можно утверждать, что не было бы сейчас на карте мира государства под названием Россия. Задача государственного управления по спасению и укреплению Руси (при помощи стратегии модернизации) была блестяще решена Иваном III и большей частью его наследников. Это означает, что качество государственного управления при реализации стратегии модернизации может быть охарактеризовано как высокое.

ЛИТЕРАТУРА

- Братченко С.А. (2020). Качество государственного управления: содержание понятия // Вестник Института экономики Российской академии наук. №6. С. 80–94.
- Братченко С.А. (2021а). Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты: Доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Братченко С.А. (2021б). Качество управления и результативность в практике государственного управления (на примере управления государственными программами) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 11. № 10А. С. 254–267. DOI: 10.34670/AR.2021.15.53.029.
- Буссов К. (1614/1998). Московская хроника. 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова. С. 11–158.
- Воронов П.Н. (1903). Дипломатические сношения Москвы с Римом в XV и XVI веках. — СПб. Русская старина. Т. 115. С. 626–627.
- Герберштейн С. (1549/2008). Записки о Московии (Rerum Moscoviticarum Commentarii). В 2 т. Т. 1. — М.: Институт славяноведения.
- Карамзин Н.М. (1766-1826/2003). История государства Российского. В 12 т. — М.: Мир книг.
- Кирилов И.К. (1727/1977). Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. — М.: Наука.
- Корецкий В.И. (1975). Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.: Наука. Электронный ресурс. <http://www.bibliotekar.ru/2-9-96-krepostnoe-pravo> (дата обращения: 26.12.2021).
- Краевский А. (1836). Царь Борис Федорович Годунов. — СПб.: Тип. Н. Греча.
- Лобин А.Н. (2016). Производство русской артиллерии на Пушечном дворе в 1584–1645 гг. // История военного дела: исследования и источники. Спец. вып. VI. «Русский бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. 2. С. 97–157.
- Маржерет Ж. (1607/2007). Состояние Российской империи // Ж. Маржерет в документах и исследованиях. — М.: Языки славянских культур.
- Милов Л.В. (1992). Природно-исторический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. №4/5. С. 37–56.
- Милов Л.В. (2000). О некоторых методологических аспектах изучения аграрного рынка второй половины XVIII — первой трети XIX вв. // Проблемы источниковедения и историографии. М.: Российская политическая энциклопедия. С. 30–43.
- Милов Л.В., Флоря Б.Н., Козлова Н.В., Вдовина Л.Н. (2006). История России с древнейших времен до конца XVII века. — М.: Эксмо.
- Палицын А. (1612/1909). Сказание Авраамия Палицына. — М.: Издание Императорской Археологической Комиссии. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003755080 (дата обращения: 26.12.2021).
- Соловьев С.М. (1851–1879/1989). Сочинения. История России с древнейших времен. В 12 т. Кн. 3. Т. 5, 6. — М.: Мысль.
- Тьеполо Ф. (1560/1991). Рассуждение о делах Московии // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. — М.: Столица.
- Уваров С.С. (1833/2008). О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения // Классики теории государственного управления: управленческие идеи в России. — М.: РОССПЭН.
- Флетчер Дж. (1591/1991). О государстве русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н.М. Рогожкин. — М.: Международные отношения. С. 25–138.
- Фоскарино М. (1558/1991). Историческое сказание о Московском государстве, сочиненное венецианским послом Фоскарино // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. — М.: Столица.
- Хорошкевич А.Л. (2004). Тиран и заступник. Два взгляда иностранцев на Россию 1585 года // Родина. №12. С. 17–21.
- Хрептович-Бутенев К.А. (1993). Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора // Старая Москва. Вып. 1–2. — М.: Столица. С. 24–49.
- Ченслор Р. (1554/1937). Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны, написанная Ричардом Ченслором // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. — М.: Соцэкгиз.
- Черникова Т.В. (2011а). Начало европеизации России во времена Ивана III // Вестник МГИМО университета. №5. С. 107–115.
- Черникова Т.В. (2011б). Иноземцы в русской жизни XV–XVI вв. // Вестник МГИМО университета. №6. С. 146–152.
- Черникова Т.В. (2012). О российских истоках Петровских реформ государственного управления // Вестник МГИМО университета. №6. С. 10–17.
- Черникова Т.В. (2014). Процесс европеизации России во второй половине XV–XVII вв. М.: Российский университет дружбы народов.

- Черникова Т.В. (2016). Московское царство и европейские «новшества» в начале Смутного времени // Вестник МГИМО университета. №1. С. 18–28.
- Штаден Г. (1577–1579/2008). О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. В 2 т. Т. 1. — М.: Институт славяноведения.
- Ansoff H.I. (1965). *Corporate Strategy*. — New York: McGraw-Hill.
- Baykov A. (1954). The Economic Development of Russia // *The Economic History Review*. Vol. 7. No. 2. Pp. 137–149.
- Bogatyrev S. (2010). Bronze Tsars: Ivan the Terrible and Fedor Ivanovich in the Decor of Early Modern Guns // *Personality and Place in Russian Culture, Modern Humanities Research Association for UCL School of Slavonic and East European Studies*. S. Dixon (ed.). — London. Pp. 48–72.
- Bowden B. (2020). Work and Society in the Orthodox East: Byzantium and Russia, AD 450–1861 // *The Palgrave Handbook of Management History*. B. Bowden, A. McMurray (eds.). — London. Palgrave.
- Chandler A.D. (1962). *Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprise*. — Cambridge, MA: MIT Press.
- Earnest J. (2019). Managing projects in war-torn societies: A case study from Kosovo principles, practices and challenges of “project management” in conflict zones // *Journal of Management History*. Vol. 25. No. 4. Pp. 585–602.
- Po M. (2003). *The Russian Moment in World History*. — Princeton: Princeton Univ. Press.
- Procter C., Kozak-Holland M. (2019). The Giza pyramid: learning from this megaproject // *Journal of Management History*. Vol. 25. No. 3. Pp. 364–383.
- Randall C., Dent E.B. (2019). Reconciling the historical divide between strategy process and strategy content // *Journal of Management History*. Vol. 25. No. 3. Pp. 401–427.
- Seifried C.S. (2017). The history of the modernisation construct: tracing the contribution of business and economic historians // *Journal of Management History*. Vol. 23. No. 1. Pp. 51–73.

Братченко Светлана Анатольевна

svetlana.bratchenko@gmail.com

Svetlana Bratchenko

Ph.D. (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

QUALITY OF STATE GOVERNANCE UNDER IVAN III AND HIS HEIRS (1462–1606)

Abstract. The object of the research is the activity of Russian rulers (grand dukes and tsars) in the period 1462–1606 (from Ivan III to False Dmitry I), the subject is the strategy of modernisation of Russia. Based on historical documents the article shows that the strategy was initiated in Muscovy in the XV century by Ivan III and was continued by his heirs on the Russian throne in the XVI–XVII centuries. The new round of modernization by Peter the Great was so successful because of two and a half previous centuries of preparatory period. The work proves that almost all Russian rulers of the investigated period intuitively implemented the modernisation in accordance with modern management ideas. In particular, the different stages of the implementation of the strategy can be clearly distinguished (which corresponds to planning), as well as actions to organize the execution of the strategy and to motivate participants. There was a very effective control over the execution of the strategy, including the adaptation of the strategy depending on changing historical circumstances. It is allowed to consider this historical precedent as a typical management case — perfectly executed and extremely effective. The initiator of the strategy Ivan III proved himself as an outstanding manager and strategist working in the field of history. If Ivan III had not “invented” modernization, it is highly likely that there would not be a state called Russia on the world map now. The task of the state governance to save and strengthen Russia (with the help of a modernization strategy) was brilliantly solved by Ivan III and the most of his heirs. It means that the quality of state governance regarding the modernization strategy at that time can be accessed as extremely high.

Keywords: *quality of state governance, modernization, management, Muscovy, Ivan III, Vasily III, Ivan IV the Terrible, Fedor I Ioannovich, Boris Godunov, False Dmitry I.*

JEL: N43, O29, O38, O52, P41.

REFERENCES

- Ansoff H.I. (1965). *Corporate Strategy*. — New York: McGraw-Hill.
- Baykov A. (1954). The Economic Development of Russia // *The Economic History Review*. Vol. 7. No. 2. Pp. 137–149.
- Bogatyrev S. (2010). Bronze Tsars: Ivan the Terrible and Fedor Ivanovich in the Decor of Early Modern Guns // *Personality and Place in Russian Culture, Modern Humanities Research Association for UCL School of Slavonic and East European Studies*. Dixon S. (ed.). — London. Pp. 48–72.
- Bowden B. (2020). Work and Society in the Orthodox East: Byzantium and Russia, AD 450–1861, in: Bowden, B. and McMurray, A. (eds.) *The Palgrave Handbook of Management History*. — London. Palgrave.
- Bratchenko S.A. (2020). Kachestvo gosudarstvennogo upravleniya: sodержanie ponyatiya [The quality of state governance: the content of the concept] // *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. №6. Pp. 80–94. (In Russ.)
- Bratchenko S.A. (2021a). Kachestvo gosudarstvennogo upravleniya: teoreticheskij, metodologicheskij i institucional'nyj aspekty: Doklad [The quality of state governance: theoretical, methodological and institutional aspects: Report]. M.: Institut ekonomiki RAN. 55 p. (In Russ.)
- Bratchenko S.A. (2021b). Kachestvo upravleniya i rezul'tativnost' v praktike gosudarstvennogo upravleniya (na primere upravleniya gosudarstvennymi programmami) [Governance quality and effectiveness in state governance practice (by the example of state program management)] // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. T. 11. № 10A. Pp. 254–267. DOI: 10.34670/AR.2021.15.53.029. (In Russ.)
- Bussov K. (1614/1998). Moskovskaya hronika. 1584–1613 [Moscow Chronicle. 1584–1613] // *Hroniki Smutnogo vremeni* [Chronicles of the Time of Troubles]. — M.: Fond Sergeya Dubova. Pp. 11–158. (In Russ.)
- Chancellor R. (1554/1937). Kniga o velikom i mogushchestvennom care Rossii i knyaze Moskovskom, o prinadlezhashchih emu vladeniyah, o gosudarstvennom stroe i o tovarah ego strany, napisannaya Richardom Chancelorom [A book about the great and powerful tsar of Russia and the Prince of Moscow, about his possessions, about the state system and about the goods of his country, written by Richard Chancellor] / *Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in the Moscow state in the XVI century]. — M.: Socekiz. (In Russ.)
- Chandler A.D. (1962). *Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprise*. — Cambridge, MA: MIT Press.
- Chernikova T.V. (2011a). Nachalo evropeizacii Rossii vo vremena Ivana III [The beginning of the Europeanization of Russia in the time of Ivan III] // *Vestnik MGIMO universiteta*. №5. Pp. 107–115. (In Russ.)
- Chernikova T.V. (2011b). Inozemcy v russkoj zhizni XV–XVI vv. [Foreigners in the Russian life of the XV–XVI centuries] // *Vestnik MGIMO universiteta*. №6. Pp. 146–152. (In Russ.)
- Chernikova T.V. (2012). O rossijskih istokah Petrovskih reform gosudarstvennogo upravleniya [About the Russian origins of Peter the Great's reforms of state governance] // *Vestnik MGIMO universiteta*. №6. Pp. 10–17. (In Russ.)
- Chernikova T.V. (2014). *Process evropeizacii Rossii vo vtoroj polovine XV–XVII vv.* [The process of Europeanization of Russia in the second half of the XV–XVII centuries.] M.: Rossijskij universitet druzhby narodov. (In Russ.)
- Chernikova T.V. (2016). Moskovskoe carstvo i evropejskie «novshestva» v nachale Smutnogo vremeni» [The Moscow Kingdom and European “innovations” at the beginning of the Time of Troubles] // *Vestnik MGIMO universiteta*. №1. Pp. 18–28. (In Russ.)
- Earnest J. (2019). Managing projects in war-torn societies: A case study from Kosovo principles, practices and challenges of “project management” in conflict zones // *Journal of Management History*. Vol. 25. No. 4. Pp. 585–602.
- Fletcher G. (1591/1991). O gosudarstve russkom [Of the Russe Common Wealth] // *Proezhaya po Moskovii (Rossiya XVI–XVII vekov glazami diplomatov)* [Driving through Muscovy (Russia of the XVI–XVII centuries through the eyes of diplomats)] / N.M. Rogozhkin (ed.). — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 25–138. (In Russ.)
- Foskarino M. (1558/1991). Istoricheskoe skazanie o Moskovskom gosudarstve, sochinennoe venecianskim poslom Foskarino [Historical legend about the Muscovite State, composed by the Venetian Ambassador Foscarino] // *Inostrancy o drevnej Moskve. Moskva XV–XVII vekov* [Foreigners about ancient Moscow. Moscow XV–XVII centuries]. — M.: Stolica. (In Russ.)
- Gerbershtejn S. (1549/2008). *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. V 2 t. T. 1. M.: Institut slavyanovedeniya. (In Russ.)
- Horoshkevich A.L. (2004). Tiran i zastupnik. Dva vzglyada inostrancev na Rossiyu 1585 goda [Tyrant and intercessor. Two views of foreigners on Russia in 1585] // *Rodina*. №12. Pp. 17–21. (In Russ.)
- Hreptovich-Butenev K.A. (1993). Aristotel' Fioravanti, stroitel' Uspenskogo sobora [Aristotle Fioravanti, builder of the Assumption Cathedral] // *Staraya Moskva* [Old Moscow]. Vyp.1-2. — M.: Stolica. Pp. 24–49. (In Russ.)
- Karamzin N.M. (1766–1826/2003). *Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [The history of the Russian state]. V 12 t. — M.: Mir knig. (In Russ.)
- Kirilov I.K. (1727/1977). *Cvetushchee sostoyanie Vserossijskogo gosudarstva, v kakovoe nachal, privei i ostavil neizrechennymi trudami Petr Velikij* [The flourishing state of the All-Russian state, into which Peter the Great began, brought and left unspeakable labors]. — M.: Nauka. (In Russ.)

- Koreckij V.I. (1975). *Formirovanie krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya vojna v Rossii* [The formation of serfdom and the First Peasant War in Russia]. — M.: Nauka. Elektronnyj resurs. <http://www.bibliotekar.ru/2-9-96-krepostnoe-pravo> (access date: 26.12.2021). (In Russ.)
- Kraevskij A. (1836). *Tsar' Boris Fedorovich Godunov* [Tsar Boris Fedorovich Godunov]. — SPb.: Tip. N. Grecha. (In Russ.)
- Lobin A.N. (2016). Proizvodstvo russkoj artillerii na Pushechnom dvore v 1584–1645 gg. [Production of Russian artillery at the Cannon Yard in 1584–1645] // *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Special'nyj vypusk VI. «Russkij bog vojny»: issledovaniya i istochniki po istorii otechestvennoj artillerii. V. 2. Pp. 97–157. (In Russ.)
- Margeret J. (1607/2007). Sostoyanie Rossijskoj imperii [The State of the Russian Empire] // *J. Margeret v dokumentah i issledovaniyah* [J. Margeret in documents and research]. — M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)
- Milov L.V. (1992). Prirodno-istoricheskij faktor i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [Natural-historical factor and features of the Russian historical process] // *Voprosy istorii*. №4/5. Pp. 37–56. (In Russ.)
- Milov L.V. (2000). O nekotoryh metodologicheskikh aspektah izucheniya agrarnogo rynka vtoroj poloviny XVIII — pervoj treti XIX vv. [On some methodological aspects of the study of the agricultural market of the second half of the XVIII — first third of the XIX centuries.] // *Problemy istochnikovedeniya i istoriografii* [Problems of source studies and historiography]. — M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. Pp. 30–43. (In Russ.)
- Milov L.V., Florya B.N., Kozlova N.V., Vdovina L.N. (2006). *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVII veka* [The history of Russia from ancient times to the end of the XVII century]. — M.: Eksmo. (In Russ.)
- Palicyn A. (1612/1909). *Skazanie Avraamiya Palicyna* [The Legend of Avraamiy Palitsyn]. — M.: Izdanie Imperatorskoj Arheograficheskoy Komissii. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003755080 (access date: 26.12.2021). (In Russ.)
- Po M. (2003). *The Russian Moment in World History*. — Princeton: Princeton Univ. Press.
- Procter C., Kozak-Holland M. (2019). The Giza pyramid: learning from this megaproject // *Journal of Management History*. Vol. 25. No. 3. Pp. 364–383.
- Randall C., Dent E.B. (2019). Reconciling the historical divide between strategy process and strategy content // *Journal of Management History*. Vol. 25. No. 3. Pp. 401–427.
- Seifried C.S. (2017). The history of the modernisation construct: tracing the contribution of business and economic historians // *Journal of Management History*. Vol. 23. No. 1. Pp. 51–73.
- Soloviev S.M. (1851–1879/1989). *Sochineniya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* [Essays. The history of Russia since ancient times]. V 12 tt. Kn. 3. Tt. 5, 6. — M.: Mysl'. (In Russ.)
- Staden G. (1577–1579/2008). *O Moskve Ivana Groznogo. Zapiski nemca oprichnika* [About Ivan the Terrible's Moscow. Notes of the German oprichnik.]. V 2 t. T. 1. — M.: Institut slavyanovedeniya. (In Russ.)
- Tiepolo F. (1560/1991). Rassuzhdenie o delah Moskovii [Reasoning about the affairs of Muscovy] // *Inostrancy o drevnej Moskve. Moskva XV–XVII vekov* [Foreigners about ancient Moscow. Moscow XV–XVII centuries]. — M.: Stolica. (In Russ.)
- Uvarov S.S. (1833/2008). O nekotoryh obshchih nachalah, mogushchih sluzhit' rukovodstvom pri upravlenii Ministerstvom Narodnogo Prosveshcheniya [About some general principles that can serve as a guide in the management of the Ministry of Public Education] // *Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: upravlencheskie idei v Rossii*. — M.: ROSSPEN. (In Russ.)
- Voronov P.N. (1903). *Diplomaticheskie snosheniya Moskvy s Rimom v XV i XVI vekah* [Moscow's diplomatic relations with Rome in the XV and XVI centuries]. T. 115. — SPb.: Russkaya starina. Pp. 626–627. (In Russ.)

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

В ПОИСКАХ «ОКОВ ДЛЯ ЛЕВИАФАНА» (о книге Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Узкий коридор»)

Аннотация. В статье рассматривается концепция взаимодействия государства и общества, представленная в книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор». Фактически эта книга завершает трилогию, начатую публикацией в 2006 г. работы об экономических истоках диктатуры и демократии. Демократическое общество («Обузданный Левиафан») появляется как результат нахождения баланса сил между государством и обществом. Однако это «узкий коридор». Попасты в него непросто, а еще труднее удержаться в нём. Примеров в мире наберется не так уж много. Чаще путь ведет по скользкому склону к Деспотическому Левиафану. В целом книга оценивается как значительный вклад в институциональную историю. Тем не менее, при всех ее достоинствах, в ней присутствует недооценка идеологии как двигателя перемен и, главное, ориентация на избыточную роль государства, его идеализация в виде Обузданного Левиафана. На эти обстоятельства указывает критика Д. Макклоски. В итоге делается верный вывод о том, что в мире нет движения к единообразию, есть отдельные пути государств.

Ключевые слова: Общество и государство, Обузданный Левиафан, Деспотический Левиафан, Отсутствующий Левиафан, Бумажный Левиафан, узкий коридор, скользкий склон, клетка норм.

JEL: N00, O30, O43, P14.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_186_193.

Российский читатель знакомится уже с третьей по счету фундаментальной работой известных экономистов — Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона (далее — АиР). Первая их книга вышла на английском языке в 2006 г. [Acemoglu, Robinson, 2006] и её русский перевод [Асемоглу, Робинсон, 2015a] не привлёк широкого внимания, несмотря на то что она затрагивала очень актуальную для России тему. Зато вторая их книга [Acemoglu, Robinson, 2012] широко обсуждалась. Она была издана на русском языке в том же году, что и первая [Аджемоглу, Робинсон, 2015b]¹.

Позволим себе предположить, что её известность во многом стала обусловлена тем, что до неё вышли две книги других видных исследователей в области институциональной истории, которые, подобно ей, искали, в частности, ответ на поставленный авторами вопрос. Первой в этом ряду была книга американского экономиста индийского происхождения Дипака Лала [Lal, 1998; Лал, 2007], а второй — книга трёх авторов, Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста [North, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст,

¹ В русском переводе первой книге дана неверная транслитерация фамилии первого из авторов с учетом того, что он — турецкого происхождения. В турецком языке латинская буква «с» произносится как «дж».

2011]. Можно даже утверждать, что АиР просто несколько иначе обозначили социальные порядки: там, где у Норта, Уоллиса и Вайнгаста присутствует порядок ограниченного доступа, АиР говорят об экстрактивных институтах, а там, где у первых речь идет о порядке открытого доступа, вторые обозначают его через понятие инклюзивные институты. Общее у всех этих книг — попытка дать интерпретацию истории человечества на основе институциональной теории. Хотя открыто такая претензия присутствует только у трёх вышеназванных авторов, чья книга имеет амбициозный подзаголовок «Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества».

В последней книге своей трилогии [Acemoglu, Robinson, 2019; Аджемоглу, Робинсон, 2021] АиР фактически вернулись к главной проблематике первой, но с учетом всего того, что было ими наработано во второй. Для начала необходимо кратко изложить суть авторской концепции. Ее сложно описать без обращения к данному её создателями графическому представлению (рис. 1).

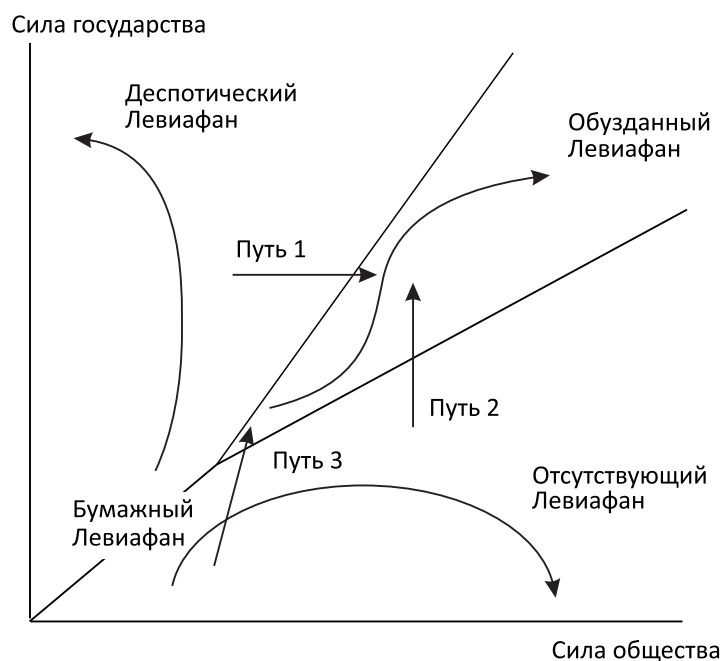

Рис. 1. Четыре Левиафана и три пути в «узкий коридор»

Источник: разработано автором на основе: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021.

Теоретические построения АиР отталкиваются от дихотомии государства и общества. Если сила государства явно превалирует над силой общества, то имеет место Деспотический Левиафан. Слабые Левиафаны оказываются Бумажными². Если безгосударственное общество с его традициями играет доминирующую роль, то тут можно вести речь об Отсутствующем Левиафане. И, наконец, есть сравнительно узкий коридор свободы, в котором наблюдается баланс сил между государством и обществом. В нём заключен Обузданный Левиафан. Причем этот баланс динамичен, чтобы его поддерживать, и государство, и общество должны предпринимать ответные шаги на попытки сместить равновесие в свою пользу.

Этот баланс, достигаемый в соревновании противоборствующих сторон, был обозначен как «эффект Красной Королевы» (персонажа из сказки Льюиса Кэрролла «Алиса

² «Бумажные Левиафаны имеют облик государства и способны применять власть в некоторых ограниченных областях и в некоторых крупных городах. Но эта власть пуста; она непоследовательна и дезорганизована во многих сферах и почти полностью отсутствует в отдаленных районах страны, которой эти государства должны управлять» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 473–474].

в стране чудес»). «Под эффектом Красной королевы подразумевается ситуация, когда приходится рваться вперед изо всех сил лишь для того, чтобы сохранить статус-кво, — именно так государство и общество бегут наперегонки, чтобы сохранить равновесие» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 70].

Классическим случаем Деспотического Левиафана является Китай, Левиафана Обузданного — США и Великобритания, а Отсутствующего Левиафана — народность Тив из Нигерии, где сильные традиции противостоят формированию государственности. Впрочем, авторы не ограничиваются столь экзотическим кейсом, а видят Отсутствующего Левиафана и в истории Черногории, и в современном Ливане. К категории Бумажного Левиафана отнесены Аргентина и Колумбия.

Как же войти в коридор свободы? В работе выделяются три ведущих туда пути (см. рис. 1). Путь 1: от Деспотического Левиафана. Тут необходимо укреплять и мобилизовывать общество. Как характерный пример рассматривается ЮАР после апартеида. Или же Япония после II-ой мировой войны. Путь 2 ведет в коридор из Отсутствующего Левиафана. Тогда требуется одностороннее усиление государства. И, наконец, идущие от Бумажного Левиафана должны одновременно усиливать и общество, и государство. Этот путь обозначен на рисунке как путь 3. В качестве успешного примера государственного строительства по пути 2 выбрана Нигерия (точнее ее столица, Лагос), по пути 3 — Колумбия.

Последний штрих в представленную нам АиР теорию вносит так называемый эффект скользкого склона: идя от Отсутствующего Левиафана очень нелегко удержаться в узком коридоре свободы, не скатившись в объятия Левиафана Деспотического. Сила притяжения последнего такова, что это движение превращается в скольжение по склону. И тут масса примеров. Невозможно даже просто их перечислить.

Что можно сказать о кратко изложенной здесь теории государства, обществ и судеб свободы? Нельзя не заметить тот существенный сдвиг, который произошел в мировоззрении авторов после первой из книг. Как-никак, целых 13 лет прошло, ознаменовавшихся серьезными глобальными изменениями.

Во-первых, с точки зрения методологии анализа текст стал ближе к традиционному (старому) институционализму, хотя разрыв с неоклассическим всё же не наблюдается³. Тем не менее, уже не выпячивается экономический подход, как это было в первой книге⁴. Он теперь не провозглашается «фундаментальным основанием». Несмотря на обращение (вполне оправданное, надо сказать) к такому понятию, как «воля к власти» отдельных индивидов (лидеров), картина исторического процесса в целом складывается, скорее, как результат «коллективного бессознательного», как некий результирующий вектор разнонаправленных действий коллективных акторов.

Во-вторых, в первой книге сторонами конфликта были элита и граждане. Первая была устремлена к недемократическому правлению или, в лучшем случае, ограниченной демократии, вторые — к демократии без ограничений, прежде всего, к всеобщему избирательному праву. Сейчас сторонами конфликта оказываются, как видно из изложенного выше, государство и общество. Первое — естественный носитель деспотического начала, второе — безгосударственного, построенного на прямом взаимодействии, непосредственной кооперации членов социума. Государство, выступая в роли «прогрессора», должно

³ Дейдра Макклоски в своей рецензии на книгу в принципе этого сдвига не видит, критикуя авторов как представителей неинституционализма, который объясняет, согласно её мнению, человеческое поведение материальными стимулами [McCloskey, 2021].

⁴ Напомним, что в ней экономический подход был провозглашен первым фундаментальным основанием концептуальной структуры. «Наш подход является “экономическим”, в том смысле, что мы подчеркиваем значимость индивидуальных экономических стимулов, как детерминант политических установок и исходим из допущения, что люди ведут себя стратегически в известном смысле по теории игр» [Аджемоглу, Робинсон, 2015а. С. 12].

разрушить препятствующие развитию косные традиционные институты, так называемую «клетку норм» (типа кастового общества в Индии), в свою очередь, самоорганизация общества должна служить делу постоянного контроля за государством, не дающему ему превратиться в Деспотического Левиафана.

В-третьих, если присутствующая во второй книге теория экстрактивных и инклюзивных институтов является, как уже отмечалось, по сути, калькой с социальных порядков ограниченного и открытого доступа по Нурту, Уоллису и Вайнгасту, то теперь читатель встречается с достаточно оригинальным видением, воплощённым в представленной выше схеме⁵. С ней можно не соглашаться, отмечать её недостатки, но нельзя не признать её новаторского характера.

В книге стоит выделить следующие важные моменты. Прежде всего, это попытка ответить на вопрос: почему Европа? Почему в ней родилось то, что позже назвали промышленной революцией и современным экономическим ростом? В чем её уникальность? Очевидно, связана она с тем, что Европа вошла в этот самый «узкий коридор» и осталась в нём. Однако надо объяснить теперь, как это ей удалось? И тут авторы утверждают, что обусловлено это уникальным исходным историческим обстоятельством, которое было ими названо «двумя лезвиями европейских ножниц». С одной стороны, это государственные институты Римской империи, с другой — это коллективные нормы и институты германских племен [Там же. С. 283]. Разумеется, в дальнейшем было и многое другое, что позволило ей не выпасть из коридора. Тем не менее, этот первоначальный институциональный дуализм, необходимый для попадания в него, никак нельзя сбрасывать со счетов.

Что дает это российскому читателю? Обратим внимание на то, что есть авторы, которые стремятся доказать, что Россия и Европа мало чем отличались. Особенно усердствуют здесь те, кто придерживается теории модернизации. Например, известный теоретик модернизации петербургский историк Д. Травин проделал очень большую работу, чтобы показать на массе фактов нарушения прав собственности в Западной Европе в Средние века и в начале Нового времени. На этом фоне сопоставление её с Россией (Московией) не выявляет принципиальных институциональных различий и позволяет подвести читателя к мысли, что отставание России от Европы не заложено в исходных фундаментальных институтах. Россия — «нормальная европейская страна» [Травин, 2021. С. 6].

Неоправданность подгонки России под Европу становится очевидной, когда обращаешься к исследованию последней АиР. «Если мы посмотрим на континент в Средневековье и в начале современного периода, то увидим не только “хартии” и парламенты, но и оживленную деятельность местных общин, активно занимающихся своими собственными делами и постоянно пытающихся повлиять на более централизованные государственные институты и оформить их» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 262–263]. Ничто из этого и близко не наблюдалось в России. Впрочем, для того, чтобы увидеть специфику Европы в качестве колыбели свободы, не нужно читать АиР; достаточно обратиться к русскому философу (по образованию, кстати, историку-медиевисту, специалисту по Западной Европе) Георгию Федотову. «Свобода для Европы не есть новейшее завоевание, но лишь пышное прорастание от древних корней» [Федотов, 1991. С. 272].

Рассмотрение истории Китая еще далее сдвинуло предпочтения АиР в пользу концепции зависимости от предшествующего пути (path dependence). «Последующие китай-

⁵ А. Шаститко в рецензии на книгу все-таки проводит параллель между Обузванным (в авторском тексте — скованным) Левиафаном и порядком открытого доступа, а Деспотический Левиафан — это, согласно точке зрения рецензента, по сути, порядок ограниченного доступа [Шаститко, 2020. С. 151–153]. Конечно, такое сопоставление проводить можно. Вместе с тем представляется, что гораздо более прямой и близкой аналогией порядка открытого доступа является система инклюзивных институтов, а порядка ограниченного доступа — система экстрактивных институтов. Об этом уже было сказано выше. Так что вторая книга АиР куда ближе к теоретическим построениям Нурта, Уоллиса и Вайнгаста, чем третья.

ские системы управления и законов, *вплоть до настоящих* (курсив мой — А.З.), можно осмыслить как колебания между этими двумя философиями (Шан Яна и Конфуция — А.З.) и слияния их постулатов...» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 293]. Подчеркивается принципиальная схожесть этих учений в части обоснования необходимости деспотического правления. Китай прочно застрял в деспотической колее. «Начиная с эпохи Цинь характерной чертой китайского государства было его непрерываемое доминирование над обществом. И в этом отношении государство не изменилось» [Там же. С. 322].

Здесь авторы, по сути, обращают внимание на роль культуры в формировании зависимости от предшествующего пути (эффекта колеи). Надо сказать, что еще во второй книге они ее во многом недооценивали. «Теория о решающем влиянии культуры не помогает нам понять положение вещей в современном мире» [Аджемоглу, Робинсон, 2015b. С. 90]. Объяснялось это тем, что «культурные установки, которые обычно меняются очень медленно, вряд ли могут объяснить недавнее экономическое чудо в Восточной Азии и Китае» [Там же. С. 91]. Весь вопрос тут в том, что нужно определить: а) понятие культура; б) на что она должна влиять.

Если принять её понимание как «ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени» [Аузан, Бахтигараева, Брызгалин, Золотов, Никишина, Припузова, Ставинская, 2020. С. 85], то ясно, что переход от стагнации к быстрому экономическому росту в Китае она не определяла. Однако тот факт, что этот рост является тем, который АиР сами назвали деспотическим экономическим ростом («рост под эгидой государства и в зависимости от прихоти государства»), — в решающей мере. Отсюда проистекает хрупкость деспотического экономического роста, поскольку «всегда есть вероятность, что необузданной властью воспользуются для личной выгоды и уничтожения потенциала экономического роста» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 325]. Таким образом, смесь легизма (учения Шан Яна) с конфуцианством определяет институциональную среду экономического роста, а в долгосрочном периоде — и сам рост (характер развития)⁶.

В своей рецензии на последнюю книгу АиР Шаститко критикует оперирование понятием «деспотический рост» применительно к Китаю. Он полагает, что АиР не замечают проявления свободы [Шаститко, 2020. С. 154]. Не вступая в обсуждение особенностей китайского общества заметим, что, конечно, современная экономическая свобода есть нечто большее, чем полное её легальное отсутствие в эпоху маоизма. Однако Китай — это стопроцентная власть-собственность, выход за рамки которой чреват большими неприятностями для бизнеса. История с Джеком Ма и другими пострадавшими от недавнего усиления государственного интервенционизма фирмами и видами деятельности подтверждает правомерность определений АиР. А заодно и их сомнений в устойчивости китайского экономического роста в длительной перспективе.

С чем невозможно согласиться в концепции АиР? В принципе, с двумя ключевыми пунктами, которые выделяет Макклоски. Во-первых, это недооценка роли идеологии, несмотря на то, что она фактически привлечена к объяснению зависимости от предшествующего пути Китая (см. выше). «Неоинституциональные экономисты их типа не могут в действительности принять идею о том, что этические идеи могут иметь значение независимо (иногда) от стимулов» [McCloskey, 2021]. По всей видимости, недооценка идей связана с недооценкой роли культуры, поскольку таковые есть её составляющая. В сущности, речь идет

⁶ Свои взгляды на взаимодействие культуры и институтов Аджемоглу и Робинсон раскрывают в новой публикации. В ней они делят культуру на твердую (hardwired) и текучую (fluid) [Acemoglu, Robinson, 2020]. Однако анализ этой статьи находится за пределами задач, стоящих перед данным рецензированием.

о неформальных институтах⁷. Для АиР нехарактерно деление институтов на формальные и неформальные, что создает трудности в восприятии их институционального анализа.

Во-вторых, «этатизм», или, по-русски, государственничество. Обузданный Левиафан в описании АиР — это Левиафан постоянно растущий, причем этот факт авторы оправдывают ростом «сложности» (complexity) современного общества. Макклоски категорически не приемлет такое оправдание. «В современных масштабах он (Обузданный Левиафан — А.З.) становится инструментом государственной пропаганды и государственного принуждения, заменяющий гражданскую активность; распространения институтов, вмешивающихся во взаимовыгодные частные соглашения; а также дополнения современной клетки норм...» [McCloskey, 2021]. Причем выстраиваемая вроде как обузданным государством клетка норм столь же жестка, как и традиционные нормы.

С «государственничеством» АиР связана и их критика Ф. фон Хайека. По их мнению, он допустил двойную ошибку. Прежде всего он не осознавал силу «эффекта Красной королевы»: не считал возможным обуздать Левиафана и держать его внутри коридора. Затем он не видел того, что государству необходимо играть определенную роль в распределении благ, в создании сети социального обеспечения и регулировании экономики [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 630].

Попытаемся «вступить» за Хайека. Что касается задачи обуздания Левиафана, то сегодня государственный интервенционизм усиливается. Просто он обретает новые формы, которые были неизвестны Хайеку. Взять хотя бы монетарную политику (нулевые, если не отрицательные, ставки центробанков; количественное смягчение), не говоря уже о фактическом разрушении приватности (следовательно, прав собственности) в банковском деле под предлогом борьбы с отмыванием денег, финансированием терроризма и т.п. И это только в одной сфере. Общая же картина все убедительнее свидетельствует о том, что цифровая эпоха превращает Обузданного Левиафана в Разнузданного Левиафана.

Относительно построения государства благосостояния и связанных с этим опасений Хайека: традиционно соотносимая с ним проблема бюджетных дефицитов и госдолга стала меньше обсуждаться, но не стала менее острой. Наоборот. Цифры приводить не будем, они легко доступны и постоянно мелькают не только в специальных изданиях. В то же время, появилось и нечто новое, Хайеком непредвиденное. Возможность получать от государства даром блага определила направление все нарастающих международных миграционных потоков. Последние размывают укоренившиеся в развитых странах неформальные институты, которые и обеспечили их развитость. Происходит утрата коренной культуры, идентичности. Выражение «Запад загнивает» уже не вызывает такой саркастической реакции осведомленных жителей России, как ранее.

В то же время АиР сделали совершенно правильный вывод о путях, по которым движется современный мир. «Нет никакой естественной склонности всех стран двигаться в одном направлении, к единой модели государственных институтов и отношений между государством и обществом» [Там же. С. 626]. Иначе говоря, теория модернизации, которая подобно коммунистическому учению провозглашала слияние всех стран в единой социальной общности, не работает. Независимо от того, что идеалом для нее было нечто противоположное коммунизму, а именно демократия плюс рынок.

⁷ Мы здесь отождествляем понятие «культура» с понятием «неформальные институты».

ЛИТЕРАТУРА

- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2015а). Экономические истоки диктатуры и демократии. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015b). Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: Издательство АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор. — М.: Издательство АСТ.
- Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалов В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская Н.Н. (2020). Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. № 7. С. 75–91.
- Лал Д. (2007). Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. — М.: ИРИСЭН.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд. Института Гайдара.
- Травин Д.Я. (2021). Почему Россия отстала? — СПб.: Издательство Европейского университета.
- Федотов Г.П. (1991). Судьба и грехи России. — С.-Пб.: София.
- Шаститко А.Е. (2020). Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм. (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы») // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 145–156.
- Acemoglu D., Robinson J. (2021). Culture, Institutions and Social Equilibria: A Framework: Working Paper No. 28832. May / NBER.
- McCloskey D.N. (2021). The Statist Neo-Institutionalism of Acemoglu and Robinson. https://www.deirdremccloskey.com/docs/pdf/McCloskey_AcemogluRobinson2021.pdf (дата обращения: 14.12.2021).

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovsev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics

zao-and@yandex.ru

IN SEARCH OF «SHACKLES FOR LEVIATHAN» (ABOUT THE BOOK BY DARON ACEMOGLU AND JAMES ROBINSON «NARROW CORRIDOR»)

Abstract. The article examines the concept of interaction between the state and society, presented in the book by D. Acemoglu and J. Robinson “Narrow corridor”. In fact, this book completes a trilogy begun by the publication in 2006 of work on the economic origins of dictatorship and democracy. Democratic society (“Shackled Leviathan”) appears as a result of finding a balance of power between the state and society. However, this is the same “narrow corridor”. It is not easy to get into it, and it is even more difficult to stay in it. There are not so many examples in the world. More often the path leads down a slippery slope to the Despotic Leviathan. Overall, the book is rated as a significant contribution to institutional history. Nevertheless, for all its merits, it contains an underestimation of ideology as an engine of change and, most importantly, an orientation towards the excessive role of the state, its idealization in the form of the Shackled Leviathan. These circumstances are pointed out by the critical analysis of D. McCloskey. Finally, the correct conclusion is made that there is no movement towards uniformity in the world, there are separate ways of states..

Keywords: *Society and State, Shackled Leviathan, Despotic Leviathan, Absent Leviathan, Paper Leviathan, narrow corridor, slippery slope, cage of norms.*

JEL: N00, O30, O43, P14.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2021). Culture, Institutions and Social Equilibria: A Framework: Working Paper No. 28832. May / NBER.
- Acemoglu D., Robinson J. (2006). *Economic Origin of Dictatorship and Democracy*. — Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2019). *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. — New York: Penguin Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. — New York: Crown Publishers.

- Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya N.N. (2020). Sotsiokulturnye Faktory v Ekonomike: Proidennyye Rubezhi i Aktualnaya Povestka (Sociocultural Factors in the Economy: Milestones Traversed and Current Agenda) // *Voprosy Ekonomiki*. No. 7. Pp. 75–91. (In Russ.).
- Fedotov G.P. (1991). *The Fate and Sins of Russia*. — S.-Pb.: Sofiya (in Russ.).
- Lal D. (1998). *Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long Run Economic Performance*. — Cambridge, MA: MIT Press.
- McCloskey D.N. (2021). *The Statist Neo-Institutionalism of Acemoglu and Robinson*. https://www.deirdremccloskey.com/docs/pdf/McCloskey_AcemogluRobinson2021.pdf (access date: 14.12.2021).
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Shastitko A.E. (2020). Mezhdou Scilloi despotizma i Haribdoi sotsialnykh norm (O knige D. Adjemoglu i Dj. Robinsona «Uzkyi koridor: gosudarstvo, obshchestvo i sud'ba svobody») [Between the Scylla of Despotism and the Charybdis of Social Norms (About the book by D. Acemoglu and J. Robinson «The Narrow Corridor: States, Societies and the Fate of Freedom»)] // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 145–156. (In Russ.).
- Travin D.Ya. (2021). *Pochemy Rossiya onstala? (Why Russia has lagged behind?)*. — SPb.: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).